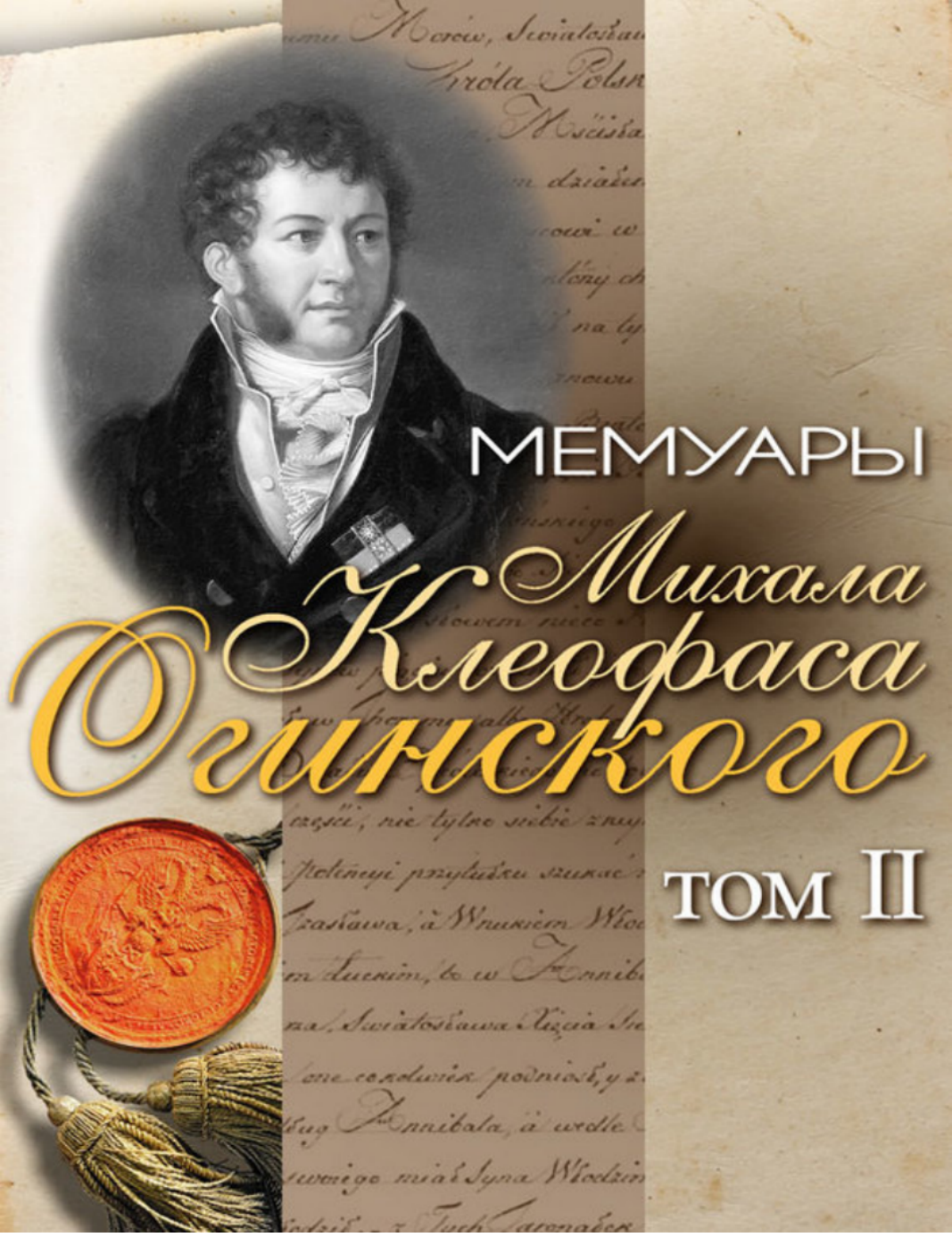

МЕМУАРЫ

Михала Клеофаса Огинского

ТОМ II

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые читатель получил возможность ознакомиться на русском языке с мемуарами Михала Клеофаса Огинского, опубликованными в Париже в 1826–1827 годах.

Издание уникально тем, что оно вписывает новые страницы в историю белорусского, польского, литовского народов. Воспоминания выдающегося политика, дипломата и музыканта М. К. Огинского приоткрывают завесу времени и вносят новые штрихи в картину драматических событий истории Речи Посполитой конца XVIII века и ситуации на белорусских, польских, литовских землях в начале XIX века. Глазами очевидца представлена также бурная жизнь Европы того времени, в частности восстание Тадеуша Костюшко, наполеоновские войны, показаны фигуры известных личностей – короля Станислава Августа Понятовского, князя Потемкина, императора Александра I, полководца Наполеона Бонапарта и многих других.

Со страниц мемуаров предстает яркий образ и самого Михала Клеофаса Огинского.

Второй том нашего издания включает переводы текста третьего и четвертого томов французского оригинала.

- Мемуары
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ книга девятая
    - ■
    - ■ Глава I
    - ■ Глава II
    - ■ Глава III
    - ■ Глава IV
    - ■ Глава V
    - ■ Глава VI
    - ■ Глава VII
    - ■ Глава VIII
  - ○ книга десятая
    - ■
    - ■ Глава I
    - ■ Глава II
    - ■ Глава III
    - ■ Глава IV
    - ■ Глава V
    - ■ Глава VI

- Глава VII
- ПРИЛОЖЕНИЯ К КНИГЕ ДЕСЯТОЙ
  -
  - № I
  - № II
  - № III
- книга одиннадцатая
  -
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
- книга двенадцатая
  -
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - ПРИЛОЖЕНИЯ К ГЛАВЕ IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - ПРИЛОЖЕНИЕ
    -
    - КОНСТИТУЦИОННАЯ ХАРТИЯ
    - РЕЧЬ
    - РЕЧЬ
    - МАНИФЕСТ
    - АДРЕС
    - ОТВЕТ
    -
- КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА

- notes
  - 83
  - 84
  - 85
  - 86
  - 87
  - 88
  - 89
  - 90
  - 91
  - 92
  - 93
  - 94

- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138

- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181

Мемуары
Михала Клеофаса Огинского

О Польше и поляках

С 1788 года до конца 1815 года

Перевод с французского

В двух томах

том II

(1765–1833)

Перевод осуществлен по:

МÉMOIRES DE MICHEL OGINSKI, Sur la Pologne et les Polonais. Depuis 1788 jusq'à la fin de 1815. Tome troisième. PARIS, BARBEZAT ET DELARUE, ÉDITEURS, Rue des Grands-Augustins, № 18. GENÈVE, MÊME MAISON, RUE DU RHÔNE, № 177. 1827.

МÉMOIRES DE MICHEL OGINSKI, Sur la Pologne et les Polonais. Depuis 1788 jusq'à la fin de 1815. Tome quatrième. NOUVELLE EDITION. PARIS, TENRÉ, LIBRAIRE, Rue du PAON № 1. 1833

© Базаров В. И., Казыро Л. А., перевод на русский язык, 2016
© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2016

Предисловие

Читатели уже знакомы с первыми двумя томами моих мемуаров. Приняли их не только снисходительно, но и вполне доброжелательно, на что я и не смел надеяться.

Все рецензии в газетах были благосклонны как к сочинению, так и самому автору, а редакторы, стараясь привлечь внимание читателя к первым томам, не поскупились на лестные отзывы и подчеркивали правдивость, беспристрастность и сдержанность изложения. То была похвала, которую я ждал и, как мне казалось, заслуживал, поскольку в своей работе никогда не изменял этим принципам.

Те немногие газетчики, что упрекнули меня за энтузиазм по отношению к императору Александру, еще не были знакомы с полным текстом моих воспоминаний. Их продолжение вышло с задержкой по причине моей тяжелой и долгой болезни, помешавшей своевременно завершить работу. Нисколько не сомневаюсь, что после прочтения всех томов, меня поймут верно.

Во второй части мемуаров найдутся объяснения причин моей привязанности к Александру и того доверия, которое вызывало его отношение ко мне. Надеюсь, у них не останется никаких сомнений в чистоте моих намерений, твердости убеждений и последовательности поступков. Эти люди увидят, что даже Костюшко – честный и мужественный человек незапятнанной репутации, яркий сторонник и защитник свобод, образец настоящего поляка на протяжении всей своей жизни, отданной служению родине, тоже испытывал к Александру восхищение, глубокое доверие и преданность. И даже находясь на расстоянии около полутора тысяч километров друг от друга, мы высказывали с ним одинаковые суждения об этом монархе.

И еще они узнают, что, уже не надеясь увидеть свою страну свободной и независимой, Костюшко хотел, чтобы польская корона досталась именно Александру, с чьим правлением он связывал объединение поляков.

Письма Костюшко позволят понять, как доверял он доброте, щедрости и *великодушию* императора, называя его *великим монархом, выдающимся военачальником* и, самое главное, – *защитником* человечества.

Если сохранить *status quo* относительно всех планов по Польше и понадеяться, что по воле Божественного провидения эта страна в один прекрасный день сумеет восстать из пепла, то вряд ли кто-то оспорит, что единственную благоприятную возможность для этого поляки имели после кампании 1812 года: чтобы

возродиться как нация, вернуть свою государственность и утраченные территории, в полной мере воспользоваться благами мудрой конституции и иметь на престоле такого монарха как Александр. Это мы обсудим в следующей части наших заметок.

Три последовательных раздела Польши вычеркнули эту многострадальную страну из числа ведущих европейских держав. Она была стерта со всех карт, а имя поляка продолжало жить лишь в горстке храбрецов, что сражалась в дальних странах в надежде вернуть утраченную родину.

Раздел Польши и вправду вызвал негодование во всем мире. Благородные люди были возмущены жертвой, принесенной на глазах всей Европы. Сопротивляясь в одиночку, этот мужественный, но разделенный народ был слишком слаб, чтобы отстоять права и целостность своей страны.

Стоявшие в стороне от дележа правительства европейских стран тоже осудили участников передела, однако по другим причинам: то была зависть к расширению границ, страх перед растущей мощью победивших государств, беспокойство из-за нарушения сложившегося политического равновесия…

И вместе с тем, нашлась ли тогда хоть одна страна, которая приняла бы действенные меры, чтобы предотвратить разрушение Польши?.. Не проще ли и мудрее было поддержать мужественный народ, отважно боровшийся за свое существование, чем строить планы о восстановлении свободы и независимости уже несуществующей страны.

Генерал Бонапарт во время первой итальянской кампании 1796 года давал советы полякам, ободрял их, побуждал к самостоятельным действиям, обещал прийти с армией, чтобы освободить их. Но что в 1812 году ответил Бонапарт, ставший императором, депутатам из Варшавы, когда в его распоряжении находилась громадная армия?

«Если бы мое правление пришлось на годы первого, второго или третьего раздела Польши, я поставил бы под ружье весь свой народ, дабы защитить вас. Однако в моем положении я должен решать множество проблем и выполнять взятые на себя обязательства… я обещал императору Австрии сохранить в целостности его владения и не могу допустить ни происков, ни действий, нарушающих «мирное владение тем, что у него осталось от польских провинций».

Если учесть, что после всех тщетных усилий польским беженцам приходилось лишь надеяться на поход Наполеона в Россию, если принять во внимание, что Наполеон, даже в случае успеха, вероятнее всего, не стал бы возрождать Польшу и уж наверняка не позволил бы ей стать большим, сильным и

независимым государством, и, наконец, если предположить, как это и случилось, что Наполеон потерпит неудачу в походе на Россию и Польше не удастся избавиться от поработителей, мы все же должны согласиться с тем, что в том положении их единственным здравым желанием было, чтобы двенадцать миллионов поляков вновь обрели свою государственность под скипетром доброго, честного и всеми любимого государя.

Уверенности, что это желание исполнится, не было, однако мы не отчаивались и ждали.

Поляки прошли школу несчастья и испытали на себе многолетние тяготы. Лишенные всякой надежды на возвращение свободы и независимости, храня в памяти самые печальные воспоминания о внутренней анархии и раздорах, жертвами которых пала вся страна, поляки нашли бы удовлетворение в воссоединении своей страны при Александре, восстановлении государственности и обретении конституции, адаптированной к их нравам и обычаям. Они хотели видеть правосудие в руках благородных людей, а на государственной службе – поляков. Какие чувства благодарности они должны были бы питать к воссоздателю их отечества, предоставившего им все эти блага! Какие подобающие отношения должны были бы связать их с русским народом, с которым им пришлось бы жить вместе, учитывая не только общие интересы, но и необходимость перемены отношений от разделявшей их ранее ненависти к братским чувствам!

Было бы нелепо полагать, как мы это уже делали, что император Александр, отказываясь от завоеваний своих предшественников, захочет оторвать от Российской империи подвластные ему польские провинции и превратить Польшу в свободное и независимое государство. Думается, что у всех тех, кто выдвинул эту идею, гораздо больше вероломства и злобы, чем глупости.

Мог ли этот монарх, главной заботой которого было общее благополучие подданных, обязанный силой, мощью и славой престола своему сорокамиллионному народу, восстановить Польшу в ущерб России? Если он и желал добавить блеска своему славному царствованию, укрепить власть империи путем создания непреодолимого барьера на пути разных коалиций, его политические взоры простирались гораздо далее. Возвращая полякам их страну и законы, он хотел принести им успокоение после стольких несчастий, еще больше приблизить их к себе и при этом так связать два славянских народа, чтобы забылись старые обиды, а в их безупречном союзе потребность взаимной поддержки превратилась бы в обязанность.

И что мешало полякам поддержать добрые намерения царя, пойти на искреннее объединение с прекратившими вражду россиянами и разделить с ними общую участь?

Польшей не всегда правили короли польских кровей. Разве не занимали польский престол король Венгрии, французский принц крови, принц Трансильвании, король Швеции и курфюрсты Саксонии? И разве были в те разные времена разногласия между народами, подвластными общему королю?

То, что император Александр имел замысел восстановления Польши на принципах, которые я изложил выше, сказать правду, и не такая уж тайна. Но мы еще вернемся к этому вопросу. К тому же, это могут подтвердить пользовавшиеся его доверием приближенные. Наконец, сомнения исчезают, когда читаешь письмо императора от 3 мая 1814 года, адресованное Костюшко. Но к чему искать другие свидетельства в пользу этого утверждения? Достаточно заглянуть в ставшие достоянием гласности приложения к Заключительному акту Венского конгресса, чтобы убедиться в тех препятствиях, которые чинились планам императора по отношению к польской нации и упрямстве, с которым представители почти всех иностранных дворов противились восстановлению Польши под скипетром Александра.

Примечательно, что во всех демаршах по срыву его замысла одна лишь боязнь чрезмерного усиления России вызвала почти всеобщее сопротивление. Но входило ли в намерение какого-нибудь двора принять участие в судьбе поляков и, если можно так выразиться, положить конец той беспечности, которую они до этого проявляли по отношению к ним?.. Или они снова предпочли бы разделить Польшу на части, чтобы предоставить отдельным державам компенсацию за понесенный ущерб, вместо того, чтобы согласиться на воссоединение польского народа под началом главы государства, которого поляки любили и желали видеть своим королем, а тот – стремился сделать их счастливыми? Возможно, такой раздел и соответствовал интересам некоторых европейских стран, но только не Польши[83].

Пути Господни неисповедимы, и посему даже самые могущественные люди не могут похвалиться способностью противостоять давлению обстоятельств. Самый яркий тому пример – падение Наполеона, любимца фортуны, непобедимого завоевателя, который потряс всю Европу и диктовал законы почти всем правителям на континенте!.. Как только книга судеб, приоткрывшись, указала удивленной вселенной предписанный конец стольким годам славы и успеха, хватило лишь нескольких месяцев краха, чтобы заставить его отказаться от всех планов, вывести из-под его управления огромные людские массы,

низложить его с престола и развалить его громадную державу.

Если император Александр не сделал того, что хотел и обещал, то это не значит, что поляки вовсе не были благодарны ему за все благодеяния. В одном из своих писем Костюшко писал: «Я сохраню до самой смерти чувство справедливой благодарности к государю за то, что он воскресил имя Польши, невзирая на все ограничительные препятствия».

Если стечением обстоятельств или политических комбинаций, которые смертным не дано предвидеть и предугадать, Польше когда-нибудь предназначено возродиться в своем прежнем виде, все равно поляки не смогут забыть Александра. Они всегда будут благословлять имя того, кто восстановил на карте название их страны, вычеркнутой двадцать лет назад из числа европейских держав, кто дал возможность вернуться в свои дома тысячам скитающихся по всему свету эмигрантов, кто собрал воедино остатки их храброго войска, которое все это время кормили напрасными надеждами, и работников для государственной службы, кто, наконец, позволил всем полякам вернуться на родину и вновь оказаться в кругу семьи, друзей и соотечественников.

Чтобы почувствовать и оценить все эти благодеяния, надо быть поляком или, по крайней мере, жить в уничтоженной и разорванной на куски стране с разбежавшимся по разным углам населением и с полностью прерванными связями и затем, с чьей-то благодетельной помощью, вновь обрести родину, государственность, убежище после стольких мытарств и защиту со стороны закона при конституционном правлении.

Завершить этот раздел книги мне хотелось бы дорогими моему сердцу похожими высказываниями Костюшко из его письма императору Александру[84]. «Лишь одно беспокоит мою душу и омрачает радость. Ваше Величество, я родился литвином. Жить мне осталось всего несколько лет. Тем не менее завеса покрывает будущее моей родной земли и других провинций моего отечества… Единственное, чего я хочу, так это уйти в могилу с утешительной уверенностью, что все польские подданные возблагодарят Бога за все милости, оказанные нам Вашим Величеством».

Мои соотечественники найдут в этих мемуарах достойное и уважительное отношение к себе – самое малое, что я могу предложить им. Я описал знаменательные польские события последних лет, которые могут служить большим и полезным уроком, напомнил о ценных исторических материалах. Я скрупулезно собрал имена всех истинных поляков, независимо от их политических взглядов, которые своим талантом, мужеством и

самоотверженностью, беззаветной преданностью родине снискали заслуженное уважение соотечественников.

книга девятая

Глава I

Я выехал из Парижа 22 января 1811 года и отправился в Санкт-Петербург, куда весной должна была приехать моя семья. Уже за несколько недель до отъезда ходило много разговоров о подготовке к войне. Мои соотечественники уверяли меня, что Наполеон выжидает лишь благоприятного момента, чтобы объявить войну России и затем восстановить Польшу. Из большого числа русских, что находились в то время в Париже, некоторые разделяли это мнение, однако до самого дня отъезда ничто в поведении Наполеона не выдавало его тайных замыслов. Ни он, ни его двор не изменили своего отношения к послу России, а ко всем российским подданным проявлялась любезность и повышенное внимание.

Ничто, на мой взгляд, не предвещало скорого разрыва отношений между двумя величайшими державами Европы. Я боялся назревающей кровопролитной войны, понимая, что широким польским равнинам суждено было стать театром военных действий. Я видел, что мои сограждане, ставшие жертвой слепого доверия к Наполеону, сомневались в способности России противостоять ему. У меня же было достаточно оснований полагать, что поляков обманут в их ожиданиях и принесут в жертву, а их благородные и бескорыстные усилия на благо отчизны не принесут никаких плодов… Но мог ли я винить их за надежду, когда сам искренне разделял общее желание увидеть возрожденную Польшу.

Оставив позади Париж, я быстро проехал Мец, Майнц, Эрфурт и Дрезден. Это путешествие запомнится мне обилием разбойников на больших дорогах Германии и несчастным случаем, потрясшим Айзенах, куда я прибыл спустя два дня после взрыва нескольких пороховых повозок. Были разрушены самые красивые дома, под руинами которых остались погребенными более шестидесяти человек. Кучи пепла, дымящиеся развалины жилищ, извлеченные из-под завалов тела, слезы женщин и детей, потрясение тех, кто сумел спастись, жалобные стоны над участью несчастных – такова картина, которая надолго врезалась в мою память.

Я прибыл в Дрезден 27 января и тотчас же направился к российскому посланнику Каникову, который принял меня весьма дружелюбно и пригласил на ужин с участием представителей дипломатического корпуса. В свою очередь французский посланник Бургуэн пригласил меня отужинать с ним в семейном кругу на следующий день и, судя по настойчивости, с которой

было сделано приглашение, боялся получить отказ, поскольку хотел обсудить со мной разные вопросы. Он вспомнил о нашем знакомстве по Парижу в 1797 году, когда я находился там в эмиграции. Он, казалось, был удивлен моим возвращением в Россию и назначением в сенат Петербурга. После ужина, когда мы остались одни, он пытался убедить меня, насколько ложными были распространявшиеся в Германии слухи о скором разрыве между Францией и Россией. О поляках он отзывался с воодушевлением, вспоминал об их заслугах перед Наполеоном и отметил заинтересованность его государя в будущем моей страны. При этом посланник прямо заявил, что возрождение Польши не за горами, поскольку Наполеон хотел бы вернуть ей всю политическую значимость.

Присутствовавшая на ужине французского посланника г-жа Б. пригласила меня к себе на вечерний чай. Войдя в ее салон, я увидел там несколько знакомых лиц, которых давно потерял из виду, и те на правах старых приятелей принялись по очереди задавать мне вопросы о Париже, Наполеоне, слухах о войне и особенно о поляках, с которыми я встречался во Франции. На следующий день те же люди окружили меня на балу у графа Сенфта, куда меня привел Каников. Было очевидно, что Париж дал указание установить за мной слежку, вызвать меня на разговор, чтобы выудить нужную информацию. Я еще больше уверился в этом, когда по нескольку раз в день встречал в своей гостинице типов, слывших в Дрездене за шпионов. Несмотря на всю свою осторожность и старание поменьше вступать в разговоры и не говорить ничего такого, что могло бы испортить настроение Наполеону, я позже узнал, что ему доложили о некоторых приписанных мне высказываниях, из-за которых министр иностранных дел направил ноту протеста российскому послу князю Куракину.

Это обвинение было беспочвенным, поскольку я не мог быть настолько неосмотрительным, чтобы публично выражать свое мнение. Единственное, что могло не понравиться Наполеону и его приверженцам, так это то, с каким воодушевлением и привязанностью я отзывался об императоре Александре.

В Дрездене я узнал, что там уже какое-то время находится страдающий от подагры Коллонтай и, несмотря на болезнь, не прекращает работу над своими сочинениями. Когда ему доложили, что я нахожусь в Дрездене проездом в Петербург, он выразил желание увидеть меня, добавив при этом: «Я глубоко сожалею, что Огинский, у которого столько способностей, благородных стремлений и патриотического рвения, оставил мысль о восстановлении Польши при содействии Франции. Если

я увижу его, то постараюсь убедить, что не стоит полагаться на Россию, и что Наполеон всегда будет делать то, что пожелает. Война неизбежна. Россия будет уничтожена, Польша восстановлена, а вся Европа – подчинена Наполеону.

Думаю, что Огинский привязался к Александру, потому что это добрый и справедливый государь, однако он наверняка падет жертвой своей привязанности и т. д.»[85]

В то время как мне передавали слова Коллонтая, я вспомнил, что при отъезде из Парижа, когда уже садился в карету, Феликс Потоцкий, сын бывшего польского посла в Константинополе, передал мне пакет для французского посланника Бургуэна. У меня не было времени заняться пакетом, и когда я вынул его из портфеля, то обнаружил адресованную мне записку следующего содержания:

«Мой дорогой граф, когда Вы будете проездом в Дрездене, прошу вас передать этот пакет барону Бургуэну. Как я заметил, Вы настроены против меня, но не удивлен тому, поскольку имею много врагов, особенно среди наших соотечественников. Меня винят в том, что я всем недоволен, но недоволен я лишь самим собой. Вы знаете меня с детства и должны понимать, что больше всего на свете я люблю свободу и родину. И только смерть заставит меня изменить своим принципам. Сейчас обстоятельства меняются… Прощайте, дорогой граф! Не знаю, встретимся ли мы вновь! Война неизбежна. Нам обещают вернуть Польшу, но чего только нам не обещали! Говорят, что поляков можно кормить одними надеждами. Когда мы нужны, нас лелеют.

С дружеским приветом.

Париж, 15 января 1811 года».

Эта записка, слова Коллонтая и разговор с Бургуэном подкрепляли не оставлявшие меня с самого Парижа мысли о неизбежности ближайшего разрыва с Россией. Я еще больше утвердился в своем мнении, когда на дороге из Дрездена в Бреслау обогнал упряжки с пушками и груженые ружьями повозки, двигавшиеся в направлении герцогства Варшавского. В Бреслау я сделал остановку на несколько часов, во время которой бывший надворный коронный маршалок Рачинский дал мне очень подробные разъяснения относительно состояния Пруссии, ее тяжелого положения и возможностей быстро сформировать в случае необходимости значительную армию.

Я проехал герцогство Варшавское, минуя саму Варшаву. Край представлял собой картину нищеты и убогости. В Остроленке я встретился с генералами Рожнецким и Тржецецким, а также с

некоторыми офицерами, которых знал на протяжении многих лет. Военные были в приподнятом настроении и жаждали войны, чего нельзя было сказать о гражданских служащих и сельских жителях, с которыми мне довелось повстречаться в разных уголках герцогства, и которые, страдая от тяжести налогов и притеснений, тосковали по миру.

В начале февраля я, наконец, прибыл в Вильну. Моей первой мыслью было записать свои наблюдения о текущей обстановке в Европе и соотнести их с возможностью использования сложившихся обстоятельств на пользу своей родине и соотечественникам. Во время путешествия из Парижа у меня было достаточно времени, чтобы не торопясь отдаться своим размышлениям.

Поскольку еще раньше я довольно подробно изложил свои идеи по этому вопросу в двух записках на имя императора Александра, а также в нескольких письмах, которые я взял на себя смелость направить ему, и к которым мы еще вернемся на страницах этой книги, я ограничусь лишь кратким изложением сути идей, послуживших мне руководством для линии поведения, которой я намеревался придерживаться.

1. Я был твердо убежден, что целью Наполеона являлось основание всемирной монархии, и он ждал лишь благоприятного случая, чтобы порвать с Россией.

2. Я нисколько не сомневался, что поляков он будет использовать как мощную пружину и пугало против России, несмотря на то, что восстановлению Польши он придавал большое значение.

3. Я был уверен, что если он даже и восстановит Польшу, то не сделает ее *свободной, мощной и независимой*, поскольку это идет вразрез с его принципами и системой, которой он следовал в течение жизни.

4. Я не исключал, что если Наполеон отберет у России бывшие польские провинции, то посадит на польский престол короля по своему выбору и под своим непосредственным присмотром, но я также при этом полагал, что поляки, вместо того чтобы вновь обрести свои законы, вольности и конституционное правительство, получат воинскую повинность, контрибуции, французский гражданский кодекс, полное разложение национального характера и бесконечные войны с Россией.

5. Я не мог себе представить, что в ту пору Польша самостоятельно могла бы встать на ноги и создать сильное и независимое государство. Само ее географическое положение не позволяло надеяться на это после всех произошедших в Европе

перемен, однако в ее появлении на политической арене под протекторатом Франции или России я видел меньше неудобств и отдавал предпочтение ее восстановлению под покровительством императора Александра.

Не ссылаясь на другие причины, убеждавшие меня в этом, я ограничусь лишь замечанием, что Польша, восстановленная Францией еще до полного уничтожения Российской империи (что относится к разряду невозможных явлений), непременно стала бы театром военных действий на протяжении многих поколений.

Учитывая все это, я подумал, что раз войны между Россией и Францией не миновать, и снова будет стоять вопрос о Польше, то долг каждого настоящего поляка – способствовать восстановлению своей страны или, по крайней мере, улучшению участи ее народа. Было бы непозволительно упустить такую благоприятную возможность, последнюю, быть может, и не предпринять действий, к которым взывали патриотизм и честь, и которым не противилось бы благоразумие.

Я знал, что после вступления императора Александра на престол стоял вопрос о восстановлении Польши. Этот государь, воспитанный с детских лет на принципах справедливости и чести, не мог не воспринимать раздел Польши иначе, как беззаконный, несправедливый и политически недальновидный акт. Я слышал от де Лагарпа – учителя Александра, как его добрый и чувственный ученик с самого начала принимал участие в судьбе Польши, как сочувствовал он жертвам, принесенным ее многострадальным народом, как, наконец, не смея открыто выражать свои чувства, не одобрял в глубине души тех министров, чьи советы помогали уничтожить Польшу.

Пусть Александр не мог предотвратить эту катастрофу, поскольку был слишком молод, чтобы подать свой голос, пусть, став государем, он все еще не мог определиться с восстановлением Польши из-за ряда причин, о которых я узнал позже, тем не менее я не исключал, что в один прекрасный день, как только для этого наступят благоприятные условия, он осуществит свои благие намерения в отношении этой страны. В те дни я видел приближение этих обстоятельств и решил воспользоваться этим.

Решив отправиться в Петербург, чтобы открыть там свое сердце императору и откровенно изложить ему свои взгляды, я отдавал себе отчет, насколько сложна задача, которую я взвалил на себя. Я никогда не был настолько приближен к Александру, чтобы хорошо знать его характер, не представлял, на какое доверие с его стороны мог рассчитывать, и еще меньше догадывался, как он отнесется ко всему тому, что я предложу ему

по Польше. Однако времени оставалось мало, поэтому необходимо было как можно скорее объясниться с ним либо промолчать и, быть может, раз и навсегда. Я был глубоко убежден, что предлагаемый мною проект, кроме всего прочего, послужит славе и чести императора, принесет благополучие империи и счастье полякам. Мой долг, таким образом, заставлял меня отказаться от соображений, которые могли бы вынудить меня отступиться от своей затеи.

По правде говоря, у меня было много и других причин для беспокойства по поводу переезда в Санкт-Петербург, но поскольку я пишу эти заметки, как будущие мемуары, лишь для своих детей, которые должны знать решительно все, что я думал и чувствовал в разную пору жизни, я не могу отказать себе в том, чтобы не рассказать им об этих причинах.

Прошло шестнадцать лет с тех пор, как перестала существовать Польша, и, потеряв свою страну, я принял решение отказаться от самых блестящих карьерных возможностей. Я знал, что должность в сенате Санкт-Петербурга, которую мне предстояло занять по воле императора Александра, не будет приятной сама по себе.

После того, как на родине я прошел через многие государственные должности, работая вместе с родственниками, друзьями и земляками, чьи жизненные принципы, привычки и настроения мало чем отличались от моих, мне предстояло перенестись в другую страну, завести там новые знакомства, изучить новый язык, стать неприметным и бездеятельным для одних либо предметом недоверия и зависти – для других.

Я никогда не был придворным. Признавая в людях лишь заслуги и талант, я презирал даже в годы бедствий умение льстить фаворитам и выслуживаться перед влиятельными министрами, окружать их постоянной заботой и вниманием. Словом, я не был создан для жизни при дворе, однако место, которое я собирался занять, обязывало меня к такой жизни. Мне предстоял выбор: заслужить расположение императора и тогда стать предметом зависти окружающих и городских пересудов или стать незаметным для двора и, в этом случае, оказаться в положении полного ничтожества, с которым высокомерно обходится начальство, оскорбляют подчиненные и подвергают притеснениям при каждом удобном случае.

Муки честолюбия никогда не терзали меня, поэтому никакие награды, звания и прочие возможные милости не смогли бы компенсировать неприятности, которым я подвергал себя. Могли ли эти временные преимущества заменить мне независимость, которой я собирался пожертвовать, и счастливые дни уединения,

проведенные в Залесье, или на берегах Арно и Бренты?

Размышляя таким образом и не предаваясь особым иллюзиям на предмет своего будущего положения в Санкт-Петербурге, я, чтобы заранее не потерять всякий интерес ко всему тому, что меня ожидало, тешил себя надеждой, что смогу послужить своей стране и принести пользу соотечественникам.

Однако это еще не все. Я знал, что многие из моих соотечественников неправильно поймут меня. Одни обвинят меня в амбициозности, другие сочтут, что я перешел на службу России исключительно ради выгоды. Большинство же упрекнет меня, по меньшей мере, в непоследовательности и не поймет, как я, будучи одним из самых заметных польских патриотов, который сражался против России в 1794 году, подвергался на протяжении многих лет опасностям в Константинополе, Италии, Германии, Франции и, находясь под покровительством французского правительства, прилагал столько усилий для восстановления Польши и освобождения страны от трех разделивших ее между собой держав, мог так неожиданно изменить своим взглядам и вместо того, чтобы сбросить ярмо России, оставаясь на стороне Наполеона, предпочел полякам власть Александра.

Я презирал подозрения в амбициозности и личных выгодах, которые не могли задеть человека, ни разу не уличенного во лжи, но я не мог оставаться безразличным к обвинениям в непоследовательности, так как в моем возрасте непозволительно быть противоречивым. И все же я подвергал себя риску в глазах родственников, друзей и земляков, чье уважение для меня было особенно дорого… Это меня удручало, однако в душе я не мог упрекнуть себя ни в чем, и совесть оправдывала и одобряла мои поступки.

Я всегда был истинным поляком и всеми своими заслугами обязан тому, что всякий раз стремился заслужить это имя. Я взялся за оружие в 1794 году и не был осужден за это, поскольку боролся за независимость и сохранение целостности своей страны. Те, кто сегодня позволяет себе порицать меня за привязанность к императору Александру и веру в него, не поверят, что как-то в его кабинете в разговоре с ним я сказал, что, если бы был уверен, что Польша сможет обрести независимость без перехода под власть Франции или России, то непременно вступил бы в ряды войска польского в герцогстве Варшавском… Они еще меньше поверят в то, что император не осудил меня ни за эту откровенность, ни за мои намерения.

Даже после революции меня не оставляла мысль о восстановлении Польши, и я полагал, что французская революция, которая потрясла устои многих европейских держав,

сможет оказать помощь и поддержку польским патриотам, вернуть их страну на место, которое она прежде занимала в Европе. Увлеченность и смелость, горячий патриотизм и либеральные идеи поляков снискали им повсюду поддержку приверженцев свободы. Комитет общественного спасения, а затем Директория, хотя и обманывали, но энергично поощряли их усилия обещаниями. Швеция и Турция тоже кормили их надеждами, а когда веришь в желаемое, то кажется очевидным, что, если две державы – естественные противники России – нападут на нее и французские республиканские легионы займутся армиями Австрии и Пруссии, то поляки, ведомые своими патриотическими чувствами, при поддержке союзников смогут увидеть, как Польша возродится из пепла и освободится от иноземного ига.

В ту пору я как раз работал в Венеции, Константинополе и Париже и разделял идеи, надежды и иллюзии своих соотечественников, а моя переписка и воспоминания, безусловно, свидетельствуют о моей преданности Родине и чистоте намерений. Тогда я находился под протекцией французского правительства, потому что для истинного поляка, который не был русским, австрийским или прусским, не существовало никакого другого. Я мог заблуждаться в своих подходах и взглядах на политику, но я не стану отрекаться от своих поступков, потому что никогда не склонялся в пользу той или иной партии и желал лишь свободы и независимости Польши.

И она могла обрести ее в силу стечения обстоятельств и избежать ужасов французского террора, который, разрушив принципы нравственности, чести и разумной свободы, вынудил правителей Европы принимать меры против распространения революционной заразы. Возможно, и даже вероятно, что совместные интересы трех держав, поделивших между собой Польшу, заставили бы их рано или поздно восстановить эту страну в том виде, как она существовала ранее. И произошло бы это не в результате реституций, а по причине необходимости восстановить барьер, разрушение которого слишком приблизило друг к другу соседние державы, что в один прекрасный день могло стать причиной их ссоры.

Впрочем, если о *свободной* Польше можно было так или иначе мечтать до пришествия Бонапарта во Франции, то после этого злосчастного для всего человечества явления любая возможность воплощения этой мечты в реальность отпадала.

Завоеватель, как известно, все разрушает и не желает ничего восстанавливать. Это убеждение, равно как и многие другие доводы, которые я изложил в записке, представленной

императору Александру 15 мая 1811 года, не поколебали моего решения высказаться более определенно. Не имея возможности увидеть Польшу такой, как я хотел ее видеть, я смел по меньшей мере надеяться на восстановление имени поляка при покровительстве императора Александра. И если мои просьбы будут удовлетворены, то это как-то компенсировало бы мои обиды радостью видеть тех соотечественников, что несправедливо осуждали мое доверие к императору, разубежденными и счастливыми.

Глава II

Я прибыл в Санкт-Петербург 9 апреля 1811 года. Утром следующего дня я отправил записку графу Толстому с просьбой назначить день, когда я мог бы быть представлен Их императорским величествам. Я получил приказ явиться на ужин к императору 13 апреля и принести с собой два пакета, которые мне передали в Париже для царствующей императрицы и императора: в одном – либретто новой оперы Паэра, в другом – две брошюры и письмо от де Лагарпа[86].

Встретили меня очень любезно, и во время ужина император вел самые разные разговоры, не напоминая о Париже, Наполеоне и путешествии, которое я проделал. После ужина он пригласил меня в свой кабинет, где мы оставались довольно долго. Еще раньше я решился быть с императором до конца откровенным при первой же встрече, говорить прямо и начистоту. Я был твердо убежден, что если разговор не понравится Александру, то буду предан забвению и наперед лишен возможности ставить перед ним вопросы, ну а если меня выслушают, то я сохраню надежду принести пользу соотечественникам, заслужить в будущем уважение императора и никогда не опровергать своими поступками суждений, выраженных мною не только откровенно, но и доверительно.

Я начал разговор, сказав, что предупрежден о том, что император недоверчив и подозрителен, однако, дескать, решился проверить это на себе, поскольку должен сообщить ему чрезвычайно важные сведения, которые он мог и не знать, поведать ему о причинах, побудивших меня излить перед ним свою душу. Я заметил, что после первых моих слов лицо императора оживилось, но он тут же принял свой обычный приветливый вид и велел мне говорить откровенно, не стесняясь его присутствия, и заверил, что выслушает меня с большим интересом.

Я очень кратко описал ему то, что видел и на что обратил внимание в Париже за те восемь месяцев, как, покинув Санкт-Петербург, расстался с императором. Я провел параллель между тем, что предпринял и осуществил Наполеон за это время с целью усиления своей власти и расширения границ Франции за счет присоединения Голландии и северной Германии, и беспечностью, которая царила по этому поводу в России, а также идущей вразрез с интересами империи политикой, от которой страна никак не желает отказаться, продолжая неразумную и разорительную войну с турками и продолжая держать на запоре

российские порты для англичан.

Я прошелся по деятельности Наполеона, начиная с прихода к власти, говорил о коалициях, указал на военные просчеты завоевателя, чтобы подчеркнуть, что там было больше постоянно сопутствующего ему везения, слабости и недостатка талантов со стороны противостоявших ему сторон, нежели непогрешимости, которая вознесла его на столь высокую ступень власти. Я утверждал, что не пройдет и года, как Наполеон обрушит всю свою мощь на Россию, что он уже ведет активную подготовку к войне и возлагает при этом особые надежды на помощь поляков. Я рискнул предположить, что после того как он заключит союз с императором Австрии, вряд ли австрийский двор станет противиться его планам. Пруссия слишком слаба, чтобы предотвратить события, которые могут вызвать ее окончательное падение, а все другие государства Германии находятся в подчинении у Наполеона, и тот, имея возможность добавить к своим франко-итальянским армиям по меньшей мере столько же иностранных войск, сможет неожиданно напасть на Россию со значительными силами, в надежде уничтожить империю, которая стала единственным препятствием на его пути к установлению всемирной монархии.

Император перебил меня: «Я согласен с вами во всем, что вы только что сказали мне о Наполеоне, кроме того, что он пожелает уничтожить Россию, ибо у него должно быть достаточно здравого смысла, чтобы понять всю недостижимость этого замысла… Что до остального, то я получаю из Парижа сведения о подготовке к войне без уточнения, против кого она затевается. Думаю, что Наполеону действительно не терпится начать войну с Россией, но я буду, пожалуй, единственным, кто так думает, и вы вряд ли найдете кого-либо еще в Петербурге, кто придерживается такого же мнения. Именно поэтому я прошу вас ни с кем кроме меня не откровенничать и отвечать уклончиво на вопросы о вашем пребывании в Париже».

Продолжая разговор на ту же тему, император заметил, что с некоторых пор поменял свое положительное суждение о Наполеоне и, буквально несколькими штрихами, он показал мне, что ему многое известно, и что он уже хорошо знает характер Наполеона. «Однако, – *добавил император,* – несмотря на совершенные им военные просчеты, нельзя не согласиться, что это великий полководец. Было бы неразумно настраивать его против себя и провоцировать войну, которая для России может иметь пагубные последствия, если не найти своего военачальника, способного противостоять Наполеону… и, к тому же, разве можно отрицать превосходство и военный талант

французских генералов и офицеров, совершенство их артиллерии, мужество и доблесть простых солдат, привыкших побеждать вместе со своим не только искусным, но и удачливым военачальником, и т. д., и т. п.»

Утверждая, что не желает войны и не хочет прослыть агрессором, император, дал мне тем не менее понять, что он готов к любому повороту событий, и что с некоторых пор в России производится много вооружения, а склады пополняются запасами продовольствия.

Когда я перечислял поводы, которыми Наполеон может воспользоваться, чтобы порвать с Россией, то упомянул о Тильзитском договоре, на что император живо возразил: «А разве Наполеон уже не нарушил Тильзитский договор своими недавними действиями с герцогом Ольденбургским?»

Через какое-то время император, приветливо улыбаясь, промолвил:

«Но вы ничего не рассказываете мне о Польше… Уверен, однако, что именно это беспокоит вас больше всего и, не опасаясь за Россию, которая сумеет постоять за себя, вы боитесь, что ваша страна превратится в театр военных действий». «Должен признаться, что это так, Государь, – ответил я. Именно поэтому я дерзаю надеяться, что войска Вашего императорского величества выдвинутся вперед, пересекут территорию герцогства Варшавского и войдут в Пруссию. В этом случае, прусские войска, вместо того, чтобы усилить армию Наполеона, присоединились бы к русским и сражались за общее дело против французского вторжения. Также в этом случае, если Ваше императорское величество объявят себя королем Польши и пообещают жителям Варшавы присоединить к их герцогству Литву, то будут иметь в своем распоряжении население в двенадцать миллионов преданных поляков, способных на любые жертвы ради возродителя своей страны. Однако после того, как Ваше императорское величество со всей определенностью изволили дать мне знать, что не поступятся своими принципами и не превратятся в агрессора, начав войну, мне остается лишь промолчать и отказаться от исполнения прекрасной мечты, в которую я верил».

«Почему мечты? – возразил император? – Разве это не может произойти позднее и без того, чтобы я объявлял войну?»

Затем он довольно подробно говорил о герцогстве Варшавском и с большим интересом отозвался о поляках в целом. Он сказал, что своими обещаниями создать польское королевство Наполеону удалось довести их до состояния восторженного возбуждения, и сейчас не лучшее время, чтобы призывать поляков

к голосу разума. Что касается его самого, то он не обещает ничего такого, что не может выполнить, и что поляки в один прекрасный день поймут, как он их уважает и насколько заинтересован в их судьбе. В настоящее время, *сказал император*, я желаю лишь того, чтобы польские подданные, которые находятся под моим управлением, были счастливы и довольны, и если у вас есть какие-либо планы, которые смогут помочь мне осуществить эти намерения, я с удовольствием займусь ими».

Я тотчас же воспользовался этой возможностью, чтобы предложить в качестве административной меры организацию восьми российских губерний из числа воеводств бывшей Польши.

Я, безусловно, знал, что эта мера не может произвести воздействие, сравнимое с манифестом о восстановлении Польши, но то было единственное, о чем я мог просить. Я смел надеяться, что, получив часть, получу и остальное после того как разразится война. Пока же мне была предоставлена возможность облегчить участь своих соотечественников, уберечь их от произвола нынешних чиновников, обеспечить отправление правосудия и дать всем проблеск надежды на политическое существование под эгидой и протекцией Александра.

Если император решится объединить восемь губерний, которые ранее входили в состав Польши под названием «Великое княжество Литовское», и согласится дать литвинам то, что я просил у него, то у меня отпали бы сомнения в том, что после неизбежной войны он восстановит и Польшу, присоединив к этим губерниям и герцогство Варшавское.

Не стану повторять все то, что я сказал ему по поводу устройства Литвы, поскольку все подробности об этом можно найти в Записке, что я направил императору в мае. Добавлю лишь, что в тот документ не вошло мое предложение поставить во главе администрации восьми литовских губерний великую княжну Екатерину.

Выслушав меня с большим интересом и доброжелательным вниманием, император сказал: «Я очень рад, что у нас схожие мнения. Вот уже полгода, как я работаю над проектом, который во многом совпадает с тем, что вы мне предлагаете… Как только он будет завершен, я передам вам его, и будьте уверены, я стану обращаться к вам каждый раз, когда надо будет обсудить вопрос из тех, что вы здесь поднимали, и без вашего ведома не будет принято ни одного решения».

Император тем не менее сделал несколько возражений и, думается, не ради того, чтобы сгладить обсуждаемый вопрос, а показать свою заинтересованность и желание рассмотреть его с разных сторон. Так, он отметил, что восемь губерний составят

слишком большую территорию для одного правителя. Он полюбопытствовал, захотят ли жители Волыни, Подолии и Киевской губернии добровольно называть себя литвинами. Император поинтересовался, какую пользу может принести реорганизация для финансовой системы империи, увеличения армии, роста торговли и т. д.

Он, как мне показалось, не был против моего предложения доверить общее управление восьмью губерниями великой княжне Екатерине, поскольку еще до того, как назвать ее имя, я предложил императору назначить на это место кого-нибудь из трех его братьев, на что он заметил, что великие князья Николай и Михаил еще слишком молоды, а великого князя Константина интересует лишь военная карьера.

Перед тем, как расстаться, император приказал мне изложить письменно ту часть предложений, что я сделал в устной форме, заметив, что не имеет значения, в каком виде они будут оформлены – записки или обзора всего того, на что я обратил внимание в Париже, а также вероятных, на мой взгляд, событий. Но самое главное, он попросил меня подготовить проект необходимых усовершенствований для находящихся под управлением России польских провинций, заверив, что это никак не сможет меня скомпрометировать, ибо все данные, которые я смогу передать ему, будут храниться в его кабинете.

Я провел у императора три часа и покинул его полный надежд и благодарности. С того дня меня не мене двух раз в неделю приглашали на ужин к Его Величеству и всякий раз, поднимаясь из-за стола, император расспрашивал меня о новостях из Литвы и об оставшейся в Париже моей семье, приезда которой я ждал со дня на день. Я воспользовался одним из этих приглашений, чтобы сообщить императору о том, что предводитель дворянства Гродненской губернии князь Ксаверий Любецкий вот уже несколько месяцев находится в Петербурге с поручением от жителей губернии и безуспешно пытается донести до сведения Его Величества просьбы своих избирателей. Император выразил свое удивление и недовольство столь длительной задержкой. Он указал способ, как князю лучше передать информацию о целях своей депутации, добавив, что без промедления займется запросом и отдаст распоряжение подготовить быстрый и удовлетворительный ответ.

Примерно в ту же пору в Петербург прибыл князь Казимир Любомирский – богатый помещик с Волыни, который, предвидя разрыв между Францией и Россией, а также связанные с этим благоприятные последствия для Польши, хотел воспользоваться обстоятельствами, чтобы принести пользу своим соотчинникам.

Этот образованный, остроумный и энергичный молодой человек был счастлив найти во мне разделяющего его мнения соплеменника, которому он мог довериться. Я посвятил его в свои планы, подробно рассказал о первых аудиенциях с императором и зачитал подготовленную для императора записку, от которой князь пришел в восторг.

Несколько дней спустя после своего приезда князь Любомирский был представлен ко двору. Император вручил ему ключ камергера, поинтересовался настроениями жителей Волыни, был очарован взглядами князя и оказал доверие, возложив на него тайное поручение в Лондоне, куда тот намеревался отправиться в путешествие проездом через Стокгольм.

В то время как император раскусил поведение Наполеона и не скрывал своего к нему отношения в ходе наших бесед, мне казалось, что у его окружения не возникало и мысли, что эти два государя могут внезапно рассориться. Во всех петербургских салонах не скупились на похвалу французскому императору, вели разговоры о великолепии его двора, соблазнительной и привлекательной жизни в Париже, преимуществах мира, который пришел на смену многочисленным кровавым войнам, и, как многие предполагали, навсегда.

Казалось, что само отношение императора к французскому послу Коленкуру лишь подтверждало это общее настроение. Послу оказывали самые высокие почести. Единственного из всех иностранных посланников его часто приглашали на ужин к императору. Он занимал место в кругу императорской семьи во время театральных представлений в Эрмитаже, а почтительное с ним обращение императора служило примером для первых лиц империи, которые с усердием обхаживали посла.

14 мая император передал через обер-гофмаршала графа Толстого, что хотел бы ознакомиться с порученной мне работой, и велел явиться к нему для доклада на следующий день к ужину. Так 15 мая, после того как мы встали из-за стола, император пригласил меня в свой кабинет, чтобы выслушать чтение записки, содержание которой я привожу ниже.

Глава III

Памятная записка, представленная Его Величеству императору всея Руси в мае 1811 года в г. Санкт-Петербурге

«Были ли у императора Наполеона намерения возродить свободную и независимую Польшу и превратить ее в заслон против России?… Всякий, кто без пристрастия и предвзятости наблюдал за характером этого правителя через его политические и военные деяния, может с легкостью ответить на этот вопрос.

Чтобы возродить государственную независимость, Наполеон должен был бы обладать либеральными взглядами и такими качествами, как воздержанность, бескорыстие и великодушие, никак не совместимыми с жадностью завоевателя, потребностью ослабить, разделить и уничтожить государства Европы, пренебрежением к благополучию и внутреннему спокойствию народов.

Для создания постоянного заслона против России нужно было бы, чтобы его беспокойный характер, равно как живое воображение, постоянно рисующее картины новых завоеваний, в конце концов успокоились, и тот, кто не привык ограничивать свои амбиции, прекратил захватнические войны.

Можно ли было предположить, что этот баловень судьбы, считавший себя посланцем Бога, призванным решать мировые проблемы, этот предприимчивый деятель, который разрушил столько монархий и подорвал основы все еще существующих, кто возвышал отдельных людей лишь для того, чтобы укрепить собственное величие, кто не оставил ничего нетронутым и менял свои решения и планы с такой же легкостью, как и создавал их, кто никогда не занимался благополучием людей, разве что тех, кто мог предложить свою поддержку в осуществлении его замыслов, можно ли было предположить – снова спрашивал я себя, что этот невообразимый человек, равнодушный к бедствиям потрясенной им Европы, вдруг сможет проникнуться сочувствием к печальному положению поляков и пожелает возродить их отечество путем создания свободного и независимого государства.

Наполеон не поддался на проявленный по отношению к нему общий восторг среди жителей герцогства Варшавского. Он знал, что, за исключением военных и должностных лиц, его здесь не любят, в особенности, составлявшие основную массу населения и терпевшие всяческие притеснения мелкие землевладельцы и

крестьяне. Он также знал, что дворяне на его стороне лишь потому, что надеются на возрождение своей страны, и, если не питать их надеждами, он потеряет у них любовь и доверие. Также, надо полагать, зная эту истину, Наполеон постоянно обнадеживал поляков, что восстановит Польшу и тешит их этой мыслью вплоть до сегодняшнего дня, тщательно оберегая их от любых других влияний на этот счет.

Во все времена французское правительство всячески стремилось влиять на дела Польши и иметь здесь своих сторонников. Не уходя вглубь истории, достаточно вспомнить роль, которую оно сыграло в выборах Станислава Лещинского, в официальной поддержке и финансировании барских конфедератов, в тайных интригах против России. Последняя держава имела явное преимущество в политических делах Европы, поэтому в интересах Франции было организовать здесь смуту и направить усилия России на устранение беспорядков внутри Польши. Было бы неправильно, однако, полагать, что революционное правительство Франции подтолкнуло Костюшко и его сторонников к восстанию 1794 года. И хотя польские патриоты отстаивали правдивость такого суждения, чтобы увеличить число своих сторонников и внушить им больше доверия и уверенности в успехе, однако на основании всего того, что мне было известно в то время, а затем стало известно в Константинополе и Париже, я могу поручиться, что иностранное влияние не имело никакого отношения к восстанию 1794 года, вызванному лишь патриотическим подъемом и отчаянием масс. Я не говорю здесь о влиянии французских якобинцев на польских, потому что это не имеет ничего общего с восстанием, единственной целью которого было избавление от иностранного засилья и обеспечение независимости Польши, но я хотел бы лишь засвидетельствовать то, что мне было точно известно: французское правительство не могло и не хотело помогать и поддерживать действия Костюшко.

Однако с тех пор многое изменилось. После окончания восстания польских эмигрантов как братьев и друзей приютили как в самой Франции, так и в странах-союзниках. Все посланники Франции, где бы они ни находились, открыто покровительствовали им, позволяли носить национальную кокарду и относились к полякам как к своим гражданам. Товарищество польских патриотов, обосновавшееся в Венеции и поддерживавшее переписку поначалу с Комитетом общественного спасения, а затем с Директорией, было официально аккредитовано при Директории. Это по распоряжению французского правительства в Константинополь был направлен

польский агент, и французский посол получил приказ согласовывать с ним все действия относительно Польши. Это с его участием в Италии были сформированы польские легионы, а когда на политической сцене появился Бонапарт, стоял даже вопрос о восстановлении законодательного сейма Польши в Милане.

Бонапарт не любил поляков, потому что уже в ту пору не выносил тех, в ком жил национальный характер и патриотический дух, но вместе с тем, он отдавал должное мужеству поляков. Он покровительствовал польским легионам и формировал новые из поляков, взятых в плен в сражениях с австрийцами. Во Франции только и говорили, что о восстановлении Польши, и поляки были вне себя от радости… Этого было достаточно, чтобы Бонапарт дал им почувствовать, что они не должны надеяться на большее, чем то, что он пожелает дать им.

Одним своим роковым решением он отправил часть легионов на остров Санто-Доминго, другим – остальных в Италию, чтобы сформировать почетный караул короля Этрурии. Именно тогда более трехсот польских офицеров подали в отставку. Ничто не могло остановить их: ни угрозы, ни преследования, ни награды. Они заявили, что служили ради надежды вернуться на родину, но будучи обманутыми в своих ожиданиях, сознают, что ничто более не может удерживать их на французской службе.

Такое выступление удивило Бонапарта, однако свое решение он не отменил… Не потребовалось много времени, чтобы он понял, что исполнение всех его планов без поляков невозможно: без них он не мог бы напасть ни на Австрию, ни на Пруссию, ни на Россию. И тогда он снова стал питать их надеждами, используя для этого эмиссаров. Он распорядился отделить всех польских военнопленных, оказавшихся в его руках по воле военного времени, чтобы доукомплектовать итальянские и сформировать рейнские легионы. Он проводил тайную работу в разделенных тремя державами провинциях Польши, а его непрерывные победы увеличивали с каждым днем число новообращенных сторонников.

Еще до битвы при Аустерлице в Варшаву был заслан тайный агент, чтобы подготовить жителей к задуманным Наполеоном переменам. Но открыто о восстановлении Польши он заявил только во время военной кампании против Пруссии и России. Не сумев склонить на свою сторону Костюшко и уговорить его подписать прокламации к польскому народу, Наполеон не преминул воспользоваться услугами Домбровского и Выбицкого, чтобы убедить всех в своих намерениях восстановить Польшу. Он самолично и громогласно объявил об этом в Берлине, Познани и

Варшаве, что могут подтвердить тысячи свидетелей. Но когда во время приема депутации от Галиции он выясняет, что Литва не разделяет воодушевления других провинций бывшей Польши, то засылает туда одного за другим эмиссаров для сеяния смуты и неудовольствия среди населения, сбора информации о настроении масс, а также для внушения идеи, что его цель – расширить границы Польши до Волги.

Вместе с тем он сам оказался в положении, которое было немыслимо в пору до подписания Тильзитского мира: Наполеон столкнулся с непривычным для себя сопротивлением русской армии.

Мужество противостоящего противника, суровый климат, длительное отсутствие в Париже, опасения, что в войну может вступить Австрия, тревожные вести о готовящейся революции в Испании – все толкало его к заключению мира. И чтобы ускорить его подписание и внушить доверие российскому императору, он прибегает к самым разным приемам. Однако, устраивая празднества в Тильзите и продолжая переговоры, он уже строит в своей голове далеко идущие планы, выполнение которых должно было расширить, упрочить и обеспечить безопасность его владычества.

Именно в эту пору он замышляет вывезти главу католической церкви из Рима, принуждая того к содействию в исполнении его планов: лишить престола короля Испании, окончательно решить судьбу Германии и, наконец, организовать находившуюся в его распоряжении часть Польши таким образом, чтобы даже под своим скромным названием герцогства Варшавского она могла служить полякам гарантом будущего возрождения их отечества.

Этот последний план, осуществленный почти так же быстро, как он был задуман, имел грандиозный успех. И действительно, кто из жителей герцогства Варшавского мог оставаться равнодушным к столь радужным перспективам, видя, как этот небольшой по своей территории край обзавелся такой же администрацией, как и призванное играть важную роль государство, содержит пятидесятитысячную армию, имеет сенат, законодательный корпус, Государственный совет, министров для управления различными сферами деятельности и французского резидента? Разве могли они не воодушевиться, зная отношение Наполеона к полякам вообще и его особое доверие к некоторым из них, великодушие и уважение к тем военным, кого он зачислил в свою гвардию, а также то, что он делал и обещал сделать, подпитывая их новыми надеждами?

Правда и то, что после последней военной кампании против Австрии, министр внутренних дел Монталиве в своем публичном

выступлении прямо заявил, что Наполеон никогда и не думал восстанавливать Польшу. Но разве тут же в Варшаву (и я могу подтвердить это как очевидец) не был отправлен курьер, чтобы успокоить жителей еще до того, как эта новость дойдет сюда, и уверить их, что единственной целью заявления было стремление успокоить Россию по поводу намерений Наполеона относительно Польши? Известно также, что в публикации «Варшавской газеты» упомянутая мною фраза была удалена, а маршал Дюрок, равно как другие доверенные люди Наполеона, позаботились о том, чтобы находившиеся в Париже поляки поверили в то, что речь шла всего лишь о любезности, оказанной российскому послу.

Впрочем, о реальности намерений должны свидетельствовать факты. Никто не станет отрицать, что в выступлениях в сейме, в газетных статьях, армейских прокламациях – везде и постоянно повторяются слова благодарности Наполеону как возродителю Польши, который делает все для того, чтобы осчастливить польский народ. В распространяемых в Европе печатных изданиях излагаются обширные планы Наполеона относительно Польши. Причем делается это с вольностью и уверенностью, позволительной лишь с разрешения или молчаливого согласия правительства Франции. И, наконец, не возвращаясь к изложенным мною последствиям перемен, которые должны были произойти в результате образования герцогства Варшавского, добавлю только, что недавнее увеличение польской армии до шестидесяти тысяч человек, создание национальной гвардии, новая реквизиция лошадей для нужд артиллерии, поставки двухсот пушек и сорока тысяч ружей, объявленный Наполеоном заем у населения в двенадцать миллионов наличными еще больше подогревает патриотические настроения и надежды поляков.

Как я писал в начале этой записки, верно то, что они избавились бы от своих предубеждений в пользу Наполеона, если бы были уверены, что он видит в них лишь орудие для воздействия на Россию. Казалось бы, что души убитых и принесенных в жертву в Италии, Санто-Доминго и Испании их собратьев должны были бы постоянно напоминать им о печальных последствиях чрезмерного патриотизма и обманутого ложными обещаниями доверия… Но такова сила авторитета и таковы ловкие, хитрые и одновременно решительные средства Наполеона, которыми он умело пользуется для воздействия на разумы поляков, чтобы они глубоко верили в него, не сомневались в восстановлении Польши, были убеждены в том, что она нужна ему для заслона от России. Это убеждение настолько воодушевляет их, что, несмотря на мучительные налоги и

способы их изъятия, рекрутские наборы и разные нововведения, они терпеливо сносят власть, которая хотя и душит их, но обещает вернуть родину.

Заблуждаются те, кто думает, что армия герцогства Варшавского не предана Наполеону, и что при нынешнем положении вещей найдется способ склонить ее на свою сторону. Ошибаются также те, кто считает, что царящее в герцогстве Варшавском недовольство, вызванное общей бедностью и притеснениями со стороны правительства, может ослабить патриотизм населения, вынудит его отказаться от своей мечты. Пока Наполеон, с одной стороны, подогревая патриотические чувства поляков, будет давать им ложные обещания, а с другой стороны будет проявлено бездействие и безразличие, воодушевление и надежды поляков будут зависеть от впечатлений, которые эти две противоборствующие стороны смогут произвести на них. Я полагаю, что шестидесятитысячная армия не в состоянии противостоять двухсоттысячной армии россиян[87]. Однако не уничтожение этой армии и не захват герцогства могут обеспечить Вашему императорскому величеству подчинение, привязанность и верность польского народа. Здесь необходимо применить предварительные меры, и я беру на себя смелость указать на них.

Можно легко присоединить провинции к мощной империи, но потребуются долгие годы, чтобы привязать к себе жителей завоеванной страны, приучить их к переменам, заставить забыть свое прежнее существование и, что не естественно, смешать и, так сказать, сплавить, два разных народа, чтобы получилась единая нация. Напрасно император Наполеон включил своими указами в состав французской империи Тосканию, Голландию, Вале и северную Германию, поскольку итальянцы, голландцы, швейцарцы и немцы никогда не станут французами. Тем не менее он знает, как извлечь из этого максимальную пользу, оставаясь разборчивым в использовании средств для сближения народов, чьи языки, нравы, законы и обычаи диаметрально противоположны. Стоит ему создать или присоединить к французской империи какую-нибудь провинцию, как он тут же справляется об общественном мнении, доходах и потребностях нового края, настроениях среди населения, выявляет преданных ему людей, тех, кого следует поощрить, и тех, кто беспокоен и опасен, а также что необходимо предпринять, чтобы помешать неблагонадежным людям наносить вред.

Каждая новая провинция имеет своих представителей в законодательном органе, сенаторов, членов в суде. Большинство чиновников в местной администрации представлено

национальными кадрами. Здесь обласкивают богачей и магнатов, приглашая их ко двору, заигрывают с честолюбцами, награждая их званиями и орденами, малоимущим и лишенным талантов предоставляют хорошо оплачиваемые должности, покровительствуют ученым и художникам. Так, Наполеон, несмотря на столь нелюбимые повсюду налоги, контрибуции и рекрутские наборы, находит свою линию поведения и сохраняет в новых владениях преданных себе людей, лично заинтересованных в поддержании порядка и внутренней безопасности.

Я отвлекся от темы, поскольку считал необходимым указать на методы, которые повсюду применяет Наполеон, дабы приобретать себе приверженцев, подкупать людей, склонять их на свою сторону и подчинять своим законам. Благодаря этому он преуспевает, и для него не существует ничего невыполнимого.

Давайте посмотрим, возможно ли при настоящем политическом положении опередить Наполеона в его планах по восстановлению Польши, которая служит ему лишь поводом для нападения на Россию, и что в действительности мешает нам заняться этим и решить участь поляков, связать их с Вашим императорским величеством более глубокими чувствами по сравнению с теми, что им внушает французский император.

Если бы прямо сейчас стоял вопрос о наступательной или оборонительной войне с Францией, было бы поздно указывать на меры, необходимые для устройства восьми губерний России, которые раньше были частью Польши, чтобы превратить их в мощный оплот против враждебных и коварных планов Наполеона. Тогда судьба поляков решалась бы победой с оружием в руках.

Если же война неизбежна, то, как мне представляется, Вашему императорскому величеству благоугодно было бы начать с того, чтобы объявить себя королем Польши, учитывая, что это будет самый надежный и естественный способ склонить на свою сторону жителей герцогства Варшавского. Затем Ваше Величество определят, как должно управляться новое королевство и в каких границах оно будет оформлено. И в таком случае, смею предположить, вряд ли возможно сделать для поляков что-то более полезное, не задевая при этом интересов империи. Но сегодня, я думаю, есть еще время, чтобы воспользоваться обстоятельствами, и, полагаю, смогу доказать это, что раз Наполеон обрабатывает польский народ при помощи правдоподобных обещаний без твердого намерения выполнять их, подвергает варшавян самым разным трудностям, о которых я упоминал выше, было бы целесообразно, Государь, найти способы для сближения с жителями этой российской части Польши и дать им почувствовать разницу между доброжелательным и жестким

правлением. Я хотел бы также подчеркнуть, что для достижения этой цели имеются достаточно простые средства, которые не противоречат отеческим намерениям Вашего императорского величества и интересам России.

Часть Польши, включенная в состав Российской империи, представляла собой Литву вплоть до подписания унии между Великим княжеством Литовским и Королевством Польским. Ее жители были хорошими воинами, ревностно оберегали свои права и вольности, отличались верностью своим князьям, предприимчивостью, храбростью и любовью к Родине. Гордясь своим происхождением, литвины, несмотря на присоединение своей страны к Польше, сохранили обычаи, гражданский кодекс и судебную власть. Вплоть до последнего раздела Польши заседания сейма проходили поочередно в Варшаве и Гродно. У Литвы, как и у Польши, была своя армия, высшие суды, система церковного управления, министры и чиновники. Литва так дорожила своими преимущественными правами, что никакие усилия и уговоры государственных деятелей, понимавших весь вред такого положения вещей, не могли заставить литвинов отказаться от них.

Убежден, что если бы при присоединении к России новых польских земель из них была сформирована провинция под старым названием «Великое княжество Литовское» и с прежними правами, которая по форме административного управления представляла бы собой автономное государство в составе Российской империи, то вряд ли бы сюда могло глубоко проникнуть иноземное влияние.

Что до остального, то, несмотря на естественное нежелание менять свою независимость на обязательство подчинения, различные злоупотребления в администрации Литвы и, наконец, общую бедность этой страны, литвины, став подданными российской короны всегда сохраняли ей верность и, будучи преисполненными доверия к чувствам Вашего императорского величества, благотворное влияние которых они испытали на себе при различных обстоятельствах, смеют надеяться на Вашу справедливость и великодушие.

Пришло, Государь, время испытать их привязанность и развеять впечатление от возникшей у них надежды на восстановление Польши с помощью Наполеона. Пришло время показать заинтересованность Вашего Величества в судьбе этого народа, Вашу благодарность за их преданность, используя для этого имеющиеся в Вашем, Государь, распоряжении меры, которые навсегда привязали бы к Вашему Величеству около восьми миллионов жителей, превратив их в заслон для России с

наименее защищенной стороны, и одновременно склонили бы к себе сердца поляков герцогства Варшавского.

Организовав эти восемь губерний с учетом особенностей края и характера жителей и остановив злоупотребления, которые проникли во внутреннее управление этой провинции, Ваше императорское величество приобретет признательность жителей и получит на западной границе империи опору более надежную, чем все крепости и армии, что там находятся.

Если я заслужил счастье, что эта записка будет прочитана и одобрена Вашим императорским величеством, если я заслужил счастье предстать перед Вашим Величеством для изложения подробной информации об устройстве Литвы, я, разумеется, позабочусь о том, чтобы придать этой записке необходимое развитие. Сегодня я ограничусь лишь коротким описанием привилегий, которые можно предоставить литвинам, и как на это могут откликнуться жители Литвы и герцогства Варшавского, и, наконец, какие выгоды извлекло бы из всего этого российское правительство.

1. Нет такого человека, который бы ревностно не относился к названию своей родины. Это естественное чувство не требует никаких объяснений. Поэтому мы легко можем предположить, что литвинам было бы радостно носить имя своего края и пользоваться теми же правами, какие в России даны калмыкам, казакам, финнам и другим народам.

2. Если управление Литвой будет доверено и сосредоточено в руках одного правителя, назначаемого Вашим императорским величеством, и с титулом, который Вы, Государь, изволите нужным ему присвоить, то это непременно упростит и ускорит весь ход дел, сделает их более удобными и менее обременительными для населения.

3. Правитель, как я думаю, должен иметь свой двор и представительство, что придаст значение провинции, принесет заметную пользу городу, в котором разместится правительство, оживит связи между жителями и восстановит, насколько это позволяют обстоятельства, обращение наличных денег.

4. Статут Великого княжества Литовского всегда рассматривался дворянством как самый совершенный кодекс законов, регламентирующих вопросы гражданского и уголовного права. Поэтому предоставляя Литве свободу отправлять правосудие согласно этому кодексу с некоторыми необходимыми изменениями, Ваше императорское величество принесут ее жителям огромное удовлетворение, сделав для литвинов не более того, что было сделано для жителей Финляндии, сохранившей свои законы и процедуры отправления правосудия.

5. Если литвинам будет предоставлено право, о котором я упомянул выше, им можно было бы позволить иметь сенат или безапелляционный суд, что сократило бы число истцов в Санкт-Петербурге, разгрузило работу столичного сената, а также избавило бы участвующих в деле лиц от поездок, неудобств и неизбежных расходов.

6. И, наконец, что касается налогов и сборов, то литвинов необходимо поставить в одинаковые с другими губерниями условия.

На первый взгляд может показаться, что предлагаемые мною привилегии для литвинов столь незначительны, что не могут стоять рядом с соблазнительными выгодами восстановления Польши, на которые польстились жители герцогства Варшавского, однако следующее сравнение поможет ответить и на этот вопрос.

Одним росчерком пера литвины получают возможность вернуть себе имя и государственность, в то время как варшавяне лишь надеются на это, понимая, что за это придется заплатить своей кровью. Литвины, превратившись в часть большего целого, гордятся тем, что стали подданными императора Александра, к которому они питают искреннюю привязанность и благодарность за реальные благодеяния и за русскую армию в четыреста тысяч человек, готовую защитить их от любой агрессии. В то же время варшавяне – подданные короля, подчиняющегося приказам Наполеона, находящиеся под гражданским управлением короля Саксонии и под военным протекторатом императора Франции, неуверенные в своей участи, твердо убеждены, что война неминуемо развернется на их территории и им предстоит стать авангардом многочисленной и многонациональной армии, которая выдвинется сюда не для того чтобы защитить их страну, расширить ее границы и восстановить Польшу, а лишь для того, чтобы следовать туда, куда того требуют интересы Наполеона и его гигантские планы.

Чтобы поддержать это утверждение недавним примером, достаточно отметить, что сегодня граница Литвы укреплена сильной армией, которая в случае войны защитит ее как часть империи, в то время как во время последней кампании 1809 года против Австрии, французы и саксонцы покинули герцогство Варшавское, перепоручив его защиту нескольким тысячам поляков.

Литвины, имея единого правителя, который представлял бы императора, и был достоин его выбора, пользовались бы всеми преимуществами самобытного и однородного государства, отвечающего за благополучие и спокойствие своих граждан. Народ герцогства Варшавского, напротив, знаком до

сегодняшнего дня лишь с военным деспотизмом и анархией гражданского управления.

Литвины, сохраняя свой статут, имели бы возможность сохранить законы своих предков – законы, адаптированные к местным нравам, обычаям и правилам поведения народа. Судебная же система варшавян содержит смесь старых польских, прусских, а также французских законов на основе наполеоновского кодекса и имеет много неудобств для судей и сторон судебного разбирательства.

Наконец, литвины, будучи поставлены в равные условия по налогообложению с другими субъектами Российской империи, не будут подвергаться самоуправным притеснениям, как жители герцогства Варшавского, где, как известно, в ряде департаментов имели место случаи, когда частные землевладельцы вынуждены были отказываться от своих владений взамен на содержание в половину выплачиваемых налогов.

Наконец, чтобы никто не посмел упрекнуть меня в том, что, думая о Польше, я пренебрегаю интересами России, хотел бы изложить здесь те реальные преимущества, которые устройство Литвы принесло бы империи.

1. Как только Наполеон перестанет пользоваться в своих интересах мощной пружиной в виде восстановления Польши, в присоединенной к империи части Польши обязательно исчезнут его сторонники, и, таким образом, в случае войны нам не придется бдительно следить и опасаться происков внутреннего врага, порой более опасного, чем тот, с которым приходится сражаться в открытом бою.

2. Будучи неуверенными до настоящего времени в участи, которую им готовят война или политические комбинации, литвины, с удовольствием и благодарностью воспримут принятое наперед решение их судьбы и, таким образом, население в несколько миллионов человек, связанное новыми узами с империей и рассчитывающее на свои силы и существование лишь ощущая себя ее частью, будет соперничать с другими субъектами Вашего императорского величества, чтобы доказать свою привязанность и благодарность за Ваши благодеяния.

3. До сих пор наиболее способные люди, которые когда-то служили своей стране, либо из-за страха, либо по причине предубеждения или отсутствия возможности быть занятыми, держатся в стороне и предпочитают закончить свою карьеру в безвестности, чем начинать новую. Сегодня, Государь, я могу уверенно сказать, что не найдется никого, кто не поспешит предложить свои услуги Вашему императорскому величеству на гражданской или военной службе.

4. Литвины глубоко чтят своих повелителей, они преданы и привязаны к ним. Ежели они и просят уровнять их с другими субъектами России в части налогов и сборов, то, когда их судьба будет определена и обеспечена, они проявят безграничную готовность к самопожертвованию на благо государства. Они будут мужественно защищать границы империи, отдадут все, что имеют, когда интересы Вашего императорского величества того потребуют; они выставят столько людей, сколько их потребуется… Их честность, патриотизм и привязанность к Вашей августейшей персоне, Государь, будет тому гарантом.

5. Мало того, что литвины проникнутся восхищением и признательностью к Вашему императорскому величеству: это чувство перейдет и на жителей герцогства Варшавского. И только после этого, сравнивая, они почувствуют разницу в управлении и смогут отличить действия Александра от действий Наполеона. Смею предположить, что в это время большое число варшавских офицеров и солдат пожелают перейти на службу Вашему императорскому величеству, а те, кто покинул свою страну, неизбежно захотят вернуться назад. То будут не дезертиры, а разуверенные люди, убедившиеся, что надежда на восстановление Польши с помощью Наполеона всего лишь химера. Именно тогда варшавяне сильно и искренне пожелают иметь то, что имеют литвины… Но мне не хотелось бы опережать события, полагая, что я до конца выполнил свою задачу, высказав со всей откровенностью Вашему императорскому величеству, все, что подсказало мне сердце и мои убеждения».

Глава IV

Император внимательно слушал чтение Записки, изредка прерывая меня замечаниями: «Правильно; очень верно… Это исторические факты». Когда же я перешел к месту, где Наполеон обещает полякам расширить границы их страны до Волги, император улыбнулся и заметил, что ему это напоминает попытку продать шкуру неубитого медведя.

После того, как я закончил чтение, он со всей своей любезностью сказал, что очень доволен тем, что услышал, и что воспользуется моими предложениями, во многом совпадающими с его планами и проектами. Император попросил у меня оригинал зачитанной мною Записки и отпустил со словами: «У нас будет еще не одна возможность обсудить этот вопрос».

Еще какое-то время продолжались наши довольно частые встречи и обеды с ним. Император не вспоминал о Записке, которая, как мне показалось, произвела на него сильное впечатление, а я был достаточно осторожен, чтобы не напоминать ему о ней.

Вскоре после этого стал вопрос об отъезде Коленкура, герцога Виченцского, которого в посольстве Франции должен был сменить генерал Лористон. С этого времени меня перестали приглашать к императору, и так прошло несколько недель. Наконец, однажды я встретил его на набережной, и он со своей обычной любезностью сказал: «Вы, несомненно, удивлены, что мы так долго не встречались и не разговаривали с вами, но после приезда Лористона я понял, что вас *слишком распропагандировали* в Париже, и это заставило меня предпринять некоторые предосторожности. Впрочем, мы скоро будем нередко встречаться и успеем поговорить о нашем проекте».

С того дня я имел возможность видеться с императором так же часто, как и раньше, но мы не затрагивали каких-либо вопросов, вплоть до конца сентября, когда я попросил разрешения на четырехнедельный отпуск. Получив мою просьбу в письменном виде, император вызвал меня в свой кабинет и сказал: «Я узнал, что вы собираетесь в Литву. Скажите вашим соотечественникам, что я постоянно думаю о них, что я занимаюсь их судьбой…; что мне хотелось бы улучшить ее…; что скоро, быть может, представится возможность, когда я смогу доказать им это…; что я рассчитываю на их поддержку и прошу полного доверия». Поскольку император вопреки своей обычной привычке говорить быстро, произносил это короткими фразами и с колебанием в голосе, взвешивая каждое слово, я решился спросить:

«Государь, позвольте мне заверить своих земляков в покровительстве и благосклонности Вашего императорского величества, не пробуждая в них робкой надежды, потому что, если я буду говорить от своего имени, они не поверят мне, а ведя речь от имени Вашего Величества, я должен сказать им нечто определенное и положительное… Словом, я посмею предположить, что в данный момент, Ваше императорское величество находится в нерешительности относительно того, что оно предполагает предпринять». «Как в нерешительности? – живо возразил император. Произойдет одно из двух: либо в случае войны я создаю Королевство Польское, которое будет присоединено к Российской империи, как Венгрия и Богемия к Австрии, либо, если войны не будет, я дам ход *нашему большому проекту* по Литве».

Когда после месячного отсутствия я вернулся в Петербург, император задал мне много вопросов о настроениях, царивших в Литве. Он много говорил о своих благосклонных намерениях по отношению к полякам и приказал мне направлять ему лично через обер-гофмаршала графа Толстого любую информацию, с какой я сочту необходимым ознакомить его.

Воспользоваться этим разрешением и написать ему письмо меня вынудила болезнь, приковавшая меня к постели на две недели.

«Государь, недомогание, которое вот уже несколько дней удерживает меня дома, позволило мне заняться проектом, который Ваше императорское величество не так давно разрешили мне представить ему.

Имея огромное счастье ознакомиться с идеями Вашего императорского величества и представить его взору набросок обширного плана, задуманного самолично Вашим Величеством, я ни на минуту не сомневался, что исполнения этого плана требуют интересы империи, слава престола Вашего императорского величества и счастье многих миллионов людей.

Я понимаю, что изменить судьбу целого края гораздо тяжелее, нежели осчастливить отдельного человека, когда достаточно лишь одного слова Вашего императорского величества. В первом же случае требуется вся осторожность, прозорливость и государева мудрость, чтобы провести не только значительные, но и полезные по своим последствиям изменения, достойные того, кто их производит.

Здраво взвешивать преимущества и недостатки нововведения, не упускать из виду политические соображения, готовить общественное мнение, предвидеть все возможные препятствия и

предрассудки и пути их преодоления, и, наконец, применять мощные и решительные меры для исполнения плана по причине всей его значимости и заключенных в нем трудностей, – таков, Государь, подход в управлении государственными делами, что до настоящего времени был свойственен Вашему императорскому величеству.

Убежденный в этой правоте, я никогда не посмел бы изменить свое мнение по вопросу, который дал мне счастливую возможность открыть свои мысли перед Вашим императорским величеством, если бы я не был глубоко убежден в том, что рано или поздно Вы, не изменяя принципам, которые легли в основу исполнения Ваших широких замыслов, сочтете необходимым осуществить проект, достойный вашего сердца, и который во всех отношениях предполагает лишь реальные преимущества.

Если бы проект принадлежал мне одному, то прежде чем доказывать всю его полезность, мне пришлось бы вникнуть во все мельчайшие подробности. Но поскольку моя заслуга состоит лишь в том, что я всего лишь придумал и осмыслил некоторые идеи, которые соответствовали взглядам Вашего императорского величества, я не смог добавить ничего существенного, что не укрылось бы от Ваших замечаний.

Однако внезапное озарение (которому я также обязан Вашему императорскому величеству), подтолкнуло меня к внесению изменений в мой проект, не меняя его сути. На мысль о более простом плане, который позволяет избавиться от многих трудностей при его исполнении, натолкнуло меня обсуждение законопроекта об организации Правительствующего Сената, а также некоторые данные, которые мне удалось собрать относительно административного устройства Финляндии.

Вопрос стоит не о верховном правителе Литвы и его назначении из числа членов императорской семьи, поскольку любой генерал-губернатор смог бы занять это место и осуществлять там свои полномочия. Ни одно из европейских правительств не смогло бы придраться к такому порядку внутреннего управления и не увидело бы в нем никаких враждебных намерений.

Население всех восьми губерний Литвы будет безмерно радо исполнению своих желаний, а Ваше императорское величество, создавая мощный заслон для России со стороны запада, и сделав для этого не более того, что было сделано для Финляндии, сумеет удвоить воинский набор в этой части империи по сравнению с тем, что было раньше, увеличить примерно на треть сбор налогов и сэкономить миллионы рублей на содержании государственных чиновников.

Государь, имея позволение доверять Вашему императорскому величеству все свои мысли, я обращаюсь к Вам и прошу простить, что вместо обоснованной записки кладу к Вашим стопам проект указа, поскольку это наиболее простой и быстрый способ, позволяющий ознакомить Вас с тем, как я вижу устройство Литвы.

Я не назвал лиц, которые могли бы войти в редакционную комиссию для детальной проработки такого устройства, поскольку их выбор мне безразличен и не имеет ничего общего с сутью дела.

Все, что Ваше императорское величество прикажет и решит, будет нести отпечаток его мудрого и справедливого правления, но посмею при сем добавить, что если его сердце ищет потребность и сладкое удовлетворение в каждодневном увеличении числа осчастливленных им людей, он найдет редкостное ублаготворение, пока еще пользующееся малым спросом со стороны других монархов, в том, что одним росчерком пера сможет обеспечить существование и счастье восьмимиллионного населения, укрепить силу и мощь своей империи не путем новых завоеваний, а посредством мудрого правления на основе благодеяний, а не обид и угнетения.

Примите и т. д. и т. п.

Петербург, октября 22 дня 1811 года».

Копия Проекта Указа, приложенная к вышеприведенному письму.

«Мы, Божией милостью, и прочая, и прочая, и прочая.

Определив основы общей организации министерств в нашем манифесте от 25 июня 1811 года, и принимая во внимание все обстоятельства, связанные с особым устройством губерний империи, и в их числе устройство западных провинций, желая установить для них более простое и сообразное с местными условиями административное управление, Вняв мнению Государственного Совета, повелеваем и приказываем…

Ст. 1

Губернии: Гродненская, Виленская, Минская, Витебская, Могилевская, Киевская, Подольская и Волынская вместе с округами Белостокским и Тарнопольским образуют отныне

отдельную провинцию под названием Великое княжество Литовское.

Ст. 2

Управление Великим княжеством Литовским поручается должностному лицу со званием императорского наместника, управляющего Великим княжеством Литовским.

Ст. 3

Императорский наместник пользуется титулом Высочества. На его содержание определяется отдельная часть государственного имущества. Назначить ему местопребыванием Вильну – главный город Великого княжества.

Ст. 4

Образовать при Нас и под Нашим непосредственным началом литовскую канцелярию во главе с назначаемым нами статс-секретарем. Данная канцелярия станет нашим непосредственным органом для управления делами Великого княжества Литовского.

Ст. 5

Внутреннее управление Великим княжеством поручается Административному совету под председательством императорского наместника. В совете предусмотрена организация ряда департаментов в составе генерального директора и нескольких советников. Все члены Административного совета назначаются Нами.

Ст. 6

Административный регламент государственного управления Великого княжества Литовского охватит организацию всех отраслей внутреннего управления, обязанности должностных лиц, а также предписания для органов власти, в частности, в отношении территориального разделения Великого княжества, порядка взимания налогов, управления государственным

имуществом, набором и содержанием войск, полицией, почтой, путями сообщения, ведомствами юстиции, духовными делами, народным просвещением, поощрением земледелия и промышленности.

Ст. 7

Редакция административного регламента возлагается на назначенную Нами комиссию в следующем составе… Комиссия действует под Нашим непосредственным контролем и должна представить Нам в возможно короткие сроки результаты своих решений.

Ст. 8

Литовский статут навсегда остается гражданским законодательством для Великого княжества Литовского, и все делопроизводство в Великом княжестве будет вестись на польском языке.

Ст. 9

Последней инстанцией для решения всех гражданских и уголовных дел будет верховный суд в Вильне. Право применения смертной казни и помилования остается за Нами.

Ст. 10

Все должности в государственном управлении могут замещаться только уроженцами и собственниками из Великого княжества.

Ст. 11

Все средства, предназначенные в настоящем и будущем на народное просвещение, поступающие по Нашему определению или из частных пожертвований, навсегда отделяются от других статей доходов публичных организаций».

Глава V

Я вел дневник, в который тщательно и со всеми необходимыми подробностями заносил все то, что я сказал императору и что услышал от него относительно Польши и поляков. Легко понять, что я должен был воздержаться от переписывания своих заметок в эти Мемуары, однако, чтобы показать, какое продолжение имела моя работа, и одновременно особо отметить неизменную доброжелательность, с которой император соблаговолил принять мои предложения, его интерес к судьбе моих соотечественников, я позволю себе вставить сюда еще несколько писем, отправленных императору в разное время, а также несколько полученных на них ответов.

24 ноября 1811 года через графа Толстого я послал Его Величеству следующее послание:

«Государь, я беру на себя смелость положить к стопам Вашего императорского величества перевод письма от 7 ноября 1811 года, которое я не так давно получил от дворян Виленской губернии.

Это от их имени, Государь, я имел честь представить просьбы Вашему императорскому величеству в прошлом году. Это также от их имени я выражаю сегодня глубокую Вам признательность и благодарность.

Письмо это подписано предводителем дворянства губернии и всеми предводителями дворянства уездов с разрешения общего и частных дворянских собраний губернии.

Письмо позволит Вашему Величеству почувствовать лучше, чем я мог бы это передать, чувства и настроения, которыми живут мои соотечественники.

Будучи счастлив тем, что могу представлять их интересы, я с удовольствием отмечаю, что они разделяют мою привязанность и преданность Вашему Величеству, и что благодеяния, которые Вы, Государь, изволили оказать им, были прочувствованы и оценены по достоинству.

Я, и прочая, и прочая…»

Собственноручная записка Его императорского величества от 8 декабря 1811 года в ответ на вышеприведенное письмо

«Я отправляю вам, господин граф, ответ на письмо, которое

вы написали мне от имени дворян Вильны. Поскольку рескрипт составлен по-французски, было бы уместнее, перевести его на польский язык. Посему прошу вас взять на себя заботу о переводе и после этого представить на подписание. *Через несколько дней я смогу показать вам документ, который дополнит то, над чем вы сейчас трудитесь*. Всегда к вашим услугам».

Приложение к предыдущей записке

«Господин сенатор граф Огинский. Я всегда уделял много внимания чувствам и настроениям, которыми живут литвины, поэтому с истинным удовольствием получил новое подтверждение их благодарности.

Все то, что я до сих пор делал для них, следует рассматривать как гарантию моих постоянных и последовательных намерений облагодетельствовать их.

Мне приятно воспользоваться вашим посредничеством, чтобы передать им эти заверения.

На этом я молю Бога, господин сенатор граф Огинский, оказывать вам свое святое покровительство.

Александр».

Письмо Его императорскому величеству от 8 декабря 1811 года в сопровождение перевода вышеприведенного рескрипта.

«Государь, я спешу отправить Вашему императорскому величеству перевод на польский язык письма, копию которого вы изволили передать мне.

Я заранее разделяю чувства, которые будут испытывать мои соотечественники, узнав через меня, что Ваше императорское величество великодушно соблаговолили принять свидетельство их признательности и пожелали проявить свое удовлетворение таким лестным для них способом.

Испытывая огромную радость от приказа передать им этот ценную гарантию благорасположения со стороны Вашего императорского величества, я все больше и больше убеждаюсь, что единственной целью Ваших забот, Государь, является благополучие Ваших подданных и деяния, которые могут обеспечить их счастье.

Я, и прочая, и прочая…»

На следующее утро император прислал мне собственноручно подписанный польский рескрипт[88].

Я был не только тронут этим новым доказательством доброты императора по отношению к литвинам, но также удивлен адресованной мне фразой, которой заканчивалась собственноручная записка: *Через несколько дней я смогу показать вам документ, который дополнит то, над чем вы сейчас трудитесь*.

Эта фраза явно указывала, что император не забывает о моем проекте, но я ничего не знал про документ, о котором он упоминал, и кому была поручена его подготовка. Лишь через две недели мне стало известно, что император поручил генералу Армфельдту и барону Розенкамфу разработать конституцию для Литвы.

За несколько дней до того как отправить ему письмо от 24 ноября я также узнал, что император приказал графу Витте и князю Казимиру Любомирскому подготовить план организации армии восьми присоединенных к России польских губерний. При этом он велел им посоветоваться со мной. Пригласив к себе, император попросил меня не отказываться от этой работы. Я взял на себя смелость заметить Его Величеству, что никогда не занимался такими вопросами, и признался в своем неведении в этих делах, однако император продолжал настаивать на своем и попросил хотя бы просмотреть проект, который авторы должны были ему представить. Он заявил, что поручил князю Казимиру Любомирскому передать мне проект еще до того, как он поступит на его рассмотрение.

К концу ноября император прислал ко мне человека, пользовавшегося в то время его полным доверием, и которому он поручил проконсультироваться со мной о возможностях быстрого и эффективного увеличения литовской армии. Он велел ему воспользоваться всеми моими сведениями и советами и в особенности всем, что касается увеличения кавалерийских формирований. Я был очень польщен таким доказательством доверия, но откровенно заявил, что при сложившихся обстоятельствах я не смогу представить свои замечания, и пообещал объяснить тому причины в своей Записке, которую незамедлительно направлю Его Величеству.

Спустя три дня я написал императору следующее письмо, датированное 1 декабря 1811 года:

«Государь, завтра или самое позднее в воскресенье я буду иметь честь представить Вашему императорскому величеству план организации армии восьми польских губерний, включенных

в состав империи. План подготовлен князем Казимиром Любомирским.

Что касается меня, то я покорнейше припадаю к Вашим стопам с просьбой прочесть Записку, которую я взял на себя смелость направить Вам. Разумеется, Ваше императорское величество не найдет в ней ничего такого, что еще не было предметом его глубоких размышлений, но бывает так, что хорошо известные всем исторические факты или вещи, упомянутые в нужном месте, либо представленные под новым углом зрения, могут вызвать определенный интерес.

Я буду безмерно рад, если прилагаемая мною работа сможет принести какую-то пользу.

Независимо от того, какое применение найдет для нее Ваше императорское величество, я смею, по меньшей мере, надеяться на то, что в каждой фразе моей записки он почувствует характерную откровенность и безграничное доверие к благосклонности и великодушию Вашего императорского величества.

Остаюсь в усердии своем преданным Вашему Величеству и проч.»

Несколько часов спустя я получил ответ на это письмо в виде собственноручной записки императора, составленной в лестных для меня выражениях, которая начиналась так: *Я только что получил вашу Записку, господин граф, и сразу приступаю к ее изучению*.

Прежде чем ознакомить читателя с полным содержанием Записки, которую вынужден был составить наспех, я хотел бы объяснить причины, подвигнувшие меня придать ей расширенное толкование и отойти от предложенного мною в мае месяце плана.

В течение октября и ноября общественное мнение в Петербурге заметно изменилось: того воодушевления по отношению к Наполеону и французам уже не чувствовалось. С французским послом Лористоном обходились весьма учтиво, но это никак нельзя было сравнить с отношением к герцогу Виченцскому. Доверие, которое оказывалось предыдущему послу, исчезло. Не знаю, какие новости получал император от своего посольства в Париже, но не было сомнения в том, что он был в курсе всего того, что там происходило, и знал о подготовке к войне, которая развернулась во Франции, Италии, Голландии и в подчиненной Наполеону части Германии. Также ему было известно и то, что одновременно с тем как французский император, пользуясь своим влиянием при дворах Берлина и Вены, заставлял их примкнуть к его политике, он принимал

самые активные действия через своих посланников в Константинополе, чтобы Оттоманская Порта не заключала мира с Россией.

Все частные письма, которые приходили из Парижа и Варшавы, подтверждали эти детали, и если не считать некоторых крупных вельмож двора, которые по-прежнему сомневались во враждебных намерениях Наполеона, все остальное окружение императора и общественность Петербурга в особенности, начинали верить в неизбежность войны с Францией.

Уже ни для кого не было тайной, что император отдал распоряжение генералу Голенищеву-Кутузову завершить мирные переговоры с турками. Этот генерал, ставший главнокомандующим Молдавской армией вместо графа Каменского, не имея в своем распоряжении достаточного количества войск, вынужден был думать об обороне. 22 июня, будучи атакован турецкими войсками, он, несмотря на одержанную победу, счел целесообразным перейти Дунай и разбить укрепления Рущука. Мнимое отступление русских не в меру воодушевило турок, которые отважились переправиться через Дунай неподалеку от этого города и перенести театр военных действий в Валахию[89].

Это решение было исполнено 26 августа, однако генерал Кутузов, блокировав путь турецкой армии, послал 30 сентября корпус генерала Маркова через Дунай с тем, чтобы напасть на оставшихся на правом берегу турок. Операция имела полный успех: наголову разбитый резерв вынужден был искать убежище в Рущуке. Лишенная мостов и сообщений с правым берегом, османская армия попала в окружение и после нескольких недель блокады была вынуждена капитулировать. Османская империя, полностью обескураженная этим крупным поражением, запросила мира, и в декабре в Бухаресте начался мирный конгресс. Понимая, что турок уже не заставить продолжать войну, Наполеон пытался помешать, по меньшей мере, переговорам, чтобы затянуть с подписанием мира.

Любопытная общественность, встревоженная слухами о войне и желающая знать, какое решение примет император Александр, проведала о секретных сношениях с Англией и Швецией.

За несколько дней до того, как я отправил записку, император говорил мне, что у него уже нет сомнений в том, что Наполеон решится разорвать мир и напасть на Россию вплоть до нарушения ее границ, что он не сможет остановить его и предотвратить войну, что он будет готовиться к обороне, но никогда не превратится в агрессора, … что ничто не заставит его нарушить договоры и спровоцировать войну, которая принесет

страшные бедствия всей Европе и станет гибельной для России, если развернется за пределами империи… «Единственное, что мне очень жаль, – *говорил император*, – так это то, что у нас нет времени осуществить проект по Литве. Вопрос стоит уже не об административных мерах и устройстве наших восьми губерний. Следует подумать об увеличении вооруженных сил для организации обороны. Именно поэтому я прошу вас поделиться со мной вашими соображения относительно ресурсов, которые я мог бы получить от ваших соотечественников и моих подданных, как для увеличения армии, так и производства всех необходимых нам реквизиций. Я рассчитываю на ваше усердие и на их преданность».

В эту минуту я чувствовал, как рушатся мои надежды, однако доверие к императору не угасало, и больше, чем когда-либо я испытывал острую необходимость продолжать работу над начатыми проектами. Это меня и подвигло представить Записку, которую вы найдете в следующей главе.

Глава VI

Памятная записка, поданная императору 1 декабря 1811 года

«*Государь!* Считаю, что создание отдельной литовской армии и задействование всех средств присоединенных к России польских провинций до того как будет определена и гарантирована участь проживающих там людей было бы несоразмерно намерениям Вашего Величества и требованиям нынешних обстоятельств.

Я был бы недостоин Вашего милостивого внимания и доверия, если бы стал отделять достаток моих соотечественников от чувств, которые я питаю к Вашему императорскому величеству. И то, и другое для меня неразделимо, и насколько я буду настойчив в своих просьбах по улучшению существования соотечественников, возможного только путем новой организации, – настолько я смогу без всяких оговорок объяснить Вам, Государь, имеющую от этого для Вас пользу и выгоду.

Я оставляю разработку плана организации литовской армии более сведущим в военном деле лицам: могу поделиться с ними лишь своими идеями и наблюдениями. Однако, не хочу обманывать Вас, Государь, и предлагать то, что невыполнимо. Этому плану, если только его выполнить с пользой для государства и достойным Вашего великодушия образом, должна предшествовать организация западных губерний.

Уже и сейчас крестьянский класс этой части империи поставляет одинаковое с другими губерниями количество рекрутов. Остается подключить к участию дворянство и волонтеров из других сословий. Но да будет мне дозволено откровенно спросить: кто в настоящее время захочет добровольно записаться в ополчение и взяться за оружие против поляков?… Ибо так ополченец называет жителей герцогства Варшавского. Его можно заставить служить, но трудно управлять его чувствами, которые полностью будут на стороне тех, чье имя он хотел бы носить. И по той же причине, Государь, можно спросить, кто откажется служить Вашему Величеству от всей души, когда будет знать о благодетельных намерениях Ваших и видеть в Вас возродителя своего отечества?

Несмотря на то, что Ваше императорское величество уже много читали и слышали о характере поляков, а также о необходимости и пользе восстановления Польши и организации Литвы, как предварительной для этого меры, несмотря на то, что

гений Вашего Величества, которым руководит сердце, видит все, проникает во все и стремится повсюду исправить существующее зло, я позволю себе еще раз обратить внимание Вашего Величества на некоторые замечания, которые я осмелился добавить в продолжение своей записки, поданной Вам в мае этого года.

С начала XVIII века Польшу будоражили анархичная власть, подверженная влияниям соседних государств, волнения, заговоры, гражданские войны. После нескольких разделов, которые произошли в разное время, она закончила свое политическое существование в полном кризисе, который угрожал разрушением всей Европы.

Трудно понять, каким образом польский народ после всех ударов, нанесенных ему своим порочным правительством, при всей своей склонности к внешнему блеску и роскоши, при всех заимствованных от иностранцев дурных привычках, сумел сохранить среди этих разнообразных несчастий дух деятельности, любовь к родине и испытанное мужество. В этих качествах не откажешь полякам, и они полностью сглаживают вменяемые им легкомысленность и непоследовательность – недостатки, привитые им анархией управления страной.

Разделенная между тремя государствами, Польша потеряла свое место на карте Европы, однако поляки сумели сохранить свой национальный характер.

Завоеванные силой, связанные долгом обязательств и постоянно мечтающие о воссоздании своей родины, они при этом сохраняют верность своим новым монархам.

Никто из тех, кто был призван Вашим Величеством к гражданской и воинской службе, не дал повода для упреков и никогда не предавал Ваше Величество. Так же станут вести себя и те, кого Ваше Величество изволит назначить на какие-либо должности в будущем. Однако не могу не отметить, что одной из главных причин их верности долгу была личная любовь, которую они питают к Вашему Величеству.

Патриотический подъем – этот постоянный источник безрассудности поляков, которым всегда умело пользовался Наполеон, чтобы внести оживление среди жителей герцогства Варшавского и получить от них всевозможные ресурсы, воодушевляет их всякий раз, как только они видят, хотя бы издалека, возможность воскресить Польшу.

Их сердцам еще дороги понятия «родина» и «гражданская доблесть», которые пытается задушить современная система управления, принятая в большей части Европы. В их памяти все еще живут воспоминания о прошлой жизни, и, не стану скрывать,

те из них, кто силой оружия превратились в русских подданных, никогда не желали отказаться от имени поляка.

Не в имени, бесспорно, истинное счастье людей, принадлежащих к одному народу. Изменения, произошедшие в Европе, перемешали судьбы людей и названия стран до такой степени, что найдутся миллионы тех, кто с трудом назовет свою настоящую родину или сможет отдать ей свое предпочтение.

Тем не менее понятие «родина», которое в былые времена обожествлялось людьми, сохраняющее и сегодня свою привлекательность для всех, кому дороги честь и добродетель, становится объединяющим для народов покоренных стран, и никакая человеческая сила не сможет заглушить его звучания на протяжении нескольких поколений. Что это? Интерес? Несбыточная мечта? Или обаяние? Не мне решать это. Скажу только, что такое явление существует, и монархи, по-видимому, не совсем принимают его в расчет.

Посмотрим внимательнее, имеют ли жители бывшей Польши, кроме насильственного лишения их имени поляка, чему они вынуждены были подчиниться, более основательные причины, чтобы желать восстановления их древней родины.

В удел подвластным Австрии полякам достались чуждый язык, обременительные налоги, непривычное судопроизводство, разорванная цепь древних традиций и бесконечные неудобства в частностях внутреннего управления.

В прусской Польше все местные должностные лица были вытеснены с государственной службы нахлынувшими сюда немецкими чиновниками. Тяжелые формы делопроизводства, исключительность немецкого языка в официальных отношениях, издевательства, неспособность и вымогательства чиновников – все это восстановило польское дворянство против прусского правительства. Правда, сельское хозяйство и промышленность получили развитие, но эта выгода была добыта исключительно за счет притеснений и унижения дворянства – сословия, которое ранее образовало польскую нацию.

В сравнении с этим положение подвластных России поляков было несравненно лучше. Благодаря сходству языков, обычаев, привычек, наклонностей и потребностей, судьба их оказалась не столь тягостна. Налоги не увеличены, дворянство сохранило свои привилегии, судопроизводство почти не изменилась. Им были предоставлены свободные выборы чиновников, за исключением некоторых, назначаемых правительством. Одним словом, состоящие под владычеством России поляки, в особенности дворяне, имеют много оснований предпочитать свои условия существования тем, в которые поставлены их соотечественники в

Австрии и Пруссии.

Но как, с другой стороны, стереть воспоминания из прошлого? Каким образом заставить забыть деспотичное правление русских посланников в Польше, конфедерации и вызванные ими междоусобицы, личные гонения, уничтожение земельной собственности, разорение стольких семей и, в особенности, унижение, которое пришлось испытать польскому народу?

Благоразумные люди, не обвиняя в этих бедствиях русское правительство, возлагали всю вину на чиновников. Но зло из-за этого не становилось меньше и не ощущалось менее остро. И даже после того, как Польша перестала существовать, как мало чиновников оправдали надежды правительства! Многие из них, глядя на поляков как на мятежников и революционеров, отказывали им в покровительстве, которым пользовались все другие подданные империи.

Сея недовольство в народе, они вынудили почти всех заслуженных людей страны, которые могли бы принести пользу государству, отойти от дел. Их места заняли лица, которые руководствовались только соображениями честолюбия и привилегий по службе. Они утверждали, что предшественники были опасны для правительства, и превозносили достоинства тех, кто пришел им на смену. Они выставляли поляков в дурном свете в Петербурге, пробуждали недоверие к ним у монархов и скрывали настоящий источник зла, виновниками которого были сами. И хотя российские императоры пытались сделать что-то хорошее, чтобы залечить раны в сердце поляков, все их усилия приносили лишь временное облегчение.

Вашему императорскому величеству предназначено найти и применить единственное сильнодействующее лекарство от всех зол и страданий, которым подверглись поляки. Оно подсказано вам вашим сердцем, а необходимость применения – вашими убеждениями.

Глубоко тронувшие людей благодеяния, оказанные Вашим императорским величеством Гродненской и Виленской губерниям в прошлом году, можно считать предвестниками общей реформы, план которой Вы сами изволили задумать.

Напрасно пытаются доказать Вашему императорскому величеству, будто бы поляки – беспокойный и непокорный российской власти народ, которым трудно управлять. От примененного способа управления будет зависеть польза, которую можно будет извлечь. Также несправедливо пытаются очернить репутацию талантливых поляков, смелый и открытый характер которых часто выдается недоброжелателями как

бунтарство и непослушание. Эти люди, которые кажутся беспокойными и опасными на расстоянии в тысячу верст от столицы, имеют только одну болезнь – желание быть поляками и, будучи призванными Вашим императорским величеством, станут первыми поборниками его славы и преданнейшими подданными.

Думаете ли Вы, Государь, что жители герцогства Варшавского, или ваши польские подданные, которые мечтают о восстановлении Польши, лично любят Наполеона? Разумеется, нет. У них нет повода выражать ему свои чувства любви и признательности. Однако он тешит поляков надеждами о возрождении их родины. Поверните, Государь, его оружие против него самого, и вы увидите, как усилятся преданность и энтузиазм, которые вызваны вашими личными качествами.

Признавая неоспоримым, что:

1. император Наполеон, ненасытный жаждой войн и завоеваний, не позволит России долго пользоваться всеми преимуществами мира;

2. он использует все возможные средства, чтобы спровоцировать внешних и внутренних врагов;

3. самым сильным оружием, которое он сможет использовать против России, – восстановление Польши,

необходимо, вне всякого сомнения, опередить его намерения, и при этом средства обороны обязательно должны соответствовать средствам нападения.

Не сомневаюсь в том, что русские армии дадут должный отпор французам, однако позволю себе усомниться в возможности поддержания даже самыми суровыми мерами порядка в пограничных губерниях и противодействия отрицательному зарубежному влиянию.

Чем больше будет жертв патриотичного фанатизма, тем больше будет процветать неистовство и необузданность. Но это не все. Сколько невинных жертв будет среди виновных, когда государственные чиновники станут прислушиваться к клевете, распространяемой по причине личной вражды и ненависти! Сердце Вашего императорского величества будет обливаться кровью, государственная безопасность ничего от этого не выиграет, а число несчастных, кто пострадает, только увеличит ожесточение и обиду тех, кто сумеет избежать преследования полиции. Таким образом, недостаточно будет иметь значительную армию, чтобы сражаться с противником. Предстоит противопоставить Наполеону более серьезную силу, то есть восемь миллионов жителей, на поддержку которых он больше всего надеется. И только одно слово Вашего императорского величества сможет склонить их принять навсегда вашу сторону.

Необходимо развеять мечты жителей герцогства Варшавского и перенести возбуждаемый Наполеоном энтузиазм на личность государя, который без всяких амбиций и захватнических планов сможет обеспечить существование и счастье своих польских подданных исключительно из добрых намерений и стремления обеспечить покой и безопасность своих земель.

Смею надеяться, что Ваше императорское величество уверено в необходимости этого шага, и что от исполнения своих планов его сдерживает лишь колебание в выборе наилучшего способа их осуществления. Соглашусь, что из-за ожидания грядущих событий, выбор этот оказался более сложным, чем можно было предположить вначале.

Когда в мае месяце я взял на себя смелость предложить Вашему императорскому величеству организацию Великого княжества Литовского, то основывал свой проект:

1) на возможности, что политические дела дадут для этого время;

2) на предположении выполнения этого проекта как внутренней административной меры, которая не вызовет войны;

3) на уверенности, позволю себе это отметить, что эта организация послужит средством к восстановлению Польши после объединения герцогства Варшавского с Литвой, поскольку считал, что рано или поздно это должно произойти.

Если предположить, что все останется так, как оно есть, то, повторюсь, создание Великого княжества Литовского было бы наилучшим средством, которого хватило бы только на определенный мною промежуток времени. Но когда, Государь, несмотря на мирные намерения Вашего императорского величества, главный враг мира в Европе вынашивает планы, разрушить которые можно только с оружием в руках, когда тайные интриги с разными европейскими дворами, новые злоупотребления в герцогстве Варшавском и разосланные в разные концы вашей империи эмиссары раскрывают его сокровенные намерения и обещают близкий разрыв с Россией, простой организации Великого княжества Литовского будет недостаточно. По крайней мере, она не принесет больших результатов, после которых можно было бы надеяться на восстанавление мира и спокойствия. Она, разумеется, послужит жителям Литвы свидетельством благодетельных замыслов Вашего императорского величества, частично снизит влияние Наполеона на настроение поляков, удивит варшавян и ослабит в определенной степени их надежды на поляков – подданных России, однако не сможет пробудить общего энтузиазма, если будет проведена в период нарастания военной угрозы.

В тот самый день, когда император Наполеон, опережая Ваше императорское величество, выберет и объявит польского короля, все впечатления от организации Литвы будут сведены на нет.

Не скрою, этот момент, Государь, будет решающим, и, несмотря на все заверения Наполеона Вашему императорскому величеству, что он не намерен восстанавливать Польшу, я твердо убежден, что одновременно с первыми военными действиями неприятеля, а может даже и перед их началом, состоится провозглашение польского короля.

В памятной записке, представленной в мае месяце, я позволил себе отметить, что если бы сейчас началась наступательная или оборонительная война с Францией, то было бы уже поздно обсуждать меры по организации восьми российских губерний, которые составляли когда-то часть Польши, и что добывать победу, а вместе с ней решать судьбу Польши пришлось бы с оружием в руках. При угрозе войны, писал я, было бы, на мой взляд, правильно, чтобы Ваше императорское величество объявили себя польским королем и т. д.

Мне кажется, что то, о чем я говорил шесть месяцев назад, можно повторить и сегодня, и не потому, что считаю войну неизбежной. Дело в том, что необходимое для организации Литвы и введения нового порядка время могло приблизить нас к черте, когда эти изменения оказались бы только полумерами.

При уверенности в сохранении мира организация Литвы должна была рассматриваться как мера внутреннего управления, и в таком качестве от этой провинции можно было бы требовать только те выгоды, которые дают правительству другие хорошо организованные и управляемые области империи.

При неизбежности войны организацию Литвы следует рассматривать как политическую меру, направленную на получение ресурсов, которые в состоянии предложить этот край и его положительно настроенное население.

Словом, если Великое княжество Литовское должно было быть образовано и устроено на принципах функционирования политической системы, то нет сомнения в том, что для России было бы полезнее превратить его в Польшу, а Вашему Величеству объявить себя польским королем.

Какими бы привлекательными ни были привилегии, которые Ваше императарское величество предоставило бы литвинам при организации Литвы по предложенному мной плану, они не могут сравниться с благотворным и великодушным актом восстановления Польши. Также, Государь, я не могу поставить на один уровень ту пользу, которую может получить Ваше императорское величество в одном и другом случае.

Если сегодня, Ваше императорское величество оставит свои западные губернии в их нынешнем положении и пожелает объявить здесь новый набор с целью увеличения армии, никто, безусловно, не станет сопротивляться Вашей воле. Однако Вы найдете здесь только принужденных к службе солдат. И наоборот, если Ваше императорское величество сочтет нужным объявить себя польским королем, не нужно будет проводить ни нового набора, ни исчисления рекрутского контингента. Признательность и воодушевление людей будут безмерны. Способные носить оружие пожелают записаться в войско, а естественное для поляков мужество, подчиненное мудрости их августейшего государя, заставит всю Европу отдать должное справедливости, благородству и великодушию воссоздателя Польши.

Не хочу, Государь, показаться многословным, но поднятый вопрос невольно толкает меня к продолжению изложения.

Если же Ваше императорское величество решится начать войну, то считаю, что ввод русских войск в герцогство Варшавское и одновременно в Пруссию, где прусская армия приняла бы их как союзников и друзей, стал бы подходящим моментом, Государь, чтобы Вы объявили себя польским королем. Но не желая войны и одновременно понимая, что она неизбежна и даже очень близка, и к тому же, будучи уверенными в том, что Наполеон постарается опередить Вас, назначив польского короля, не лучше бы было, наконец, сказать решающее слово и принять этот титул, создавая поначалу Королевство Польское из восьми губерний, которые я предложил объединить под названием Великого княжества Литовского?

Этот шаг сильно нарушил бы планы Наполеона, лишил его мощных средств действия и даже если бы не смог предотвратить или помешать войне, то, вероятно, позволил бы оттянуть ее начало и заблаговременно подготовиться к ней.

Наполеону противостояли бы восемь миллионов жителей, на которых раньше он мог рассчитывать. Он увидел бы как исчезает энтузиазм варшавян, которым до этого он мог распоряжаться по своему усмотрению, поскольку у них возникло бы желание присоединиться к новому Польскому королевству, чье существование стало бы реальностью, находящейся под защитой и покровительством Вашего императорского величества. И какой стимул оставался бы тогда французам, итальянцам и немцам, чтобы отправиться пожинать лавры в снегах России?

Образование Королевства Польского представляется мне менее сложным, чем организация Литвы. Придется еще определить, обсудить и прописать новый способ управления

Литвой, тогда как объявляя существование Польши, можно быть уверенным, что поляки согласятся на старую форму управления с внесенными в нее изменениями, обусловленными новыми обстоятельствами и присоединением к России.

Впрочем, эта новая Польша в составе восьми Литовских губерний могла бы существовать и до окончания войны. Избранные для выработки конституции лица занялись бы разработкой плана общего управления, а тем временем воззвание Вашего императорского величества как польского короля к польскому народу с обещанием наделения его конституцией, приближенной по своему содержанию к конституции 3 мая, с которой польский народ всегда связывал много надежд, увеличило бы эмоциональный подъем среди населения.

И для этого не потребуется сразу же менять форму нынешнего управления. Все изменения и улучшения можно было бы внести постепенно. Вашему слову, Государь, поверили бы, воззвание произвело бы впечатление, и все польские сердца принадлежали бы Вам. И я, Государь, в этом убежден и могу с уверенностью сказать, что не найдется после этого ни одного жителя княжества, который бы не проявил страстного желания разделить судьбу своих литовских соотечественников.

В заключение приведу аргумент, который, как мне кажется, трудно оспорить. Судьба войны всегда неопределенна. Войска Вашего императорского величества могут одержать победу, либо понести поражение. В первом случае Ваше императорское величество, заняв герцогство Варшавское, сможет объединить его с остальной частью Польши и по своему усмотрению решить судьбу этого королевства. Во втором случае неприятельские войска, вступив на территорию Польши, присоединенной к России, найдут в ней какое-то количество своих сторонников, в зависимости от причин, побудивших жителей перейти на сторону Наполеона, либо тех, кто остался верными монарху, сделавшему для них все, что можно было ожидать.

Таков простой взгляд на судьбу войны. Оставляя Наполеону время для разжигания энтузиазма варшавян, воздействия на подданных России поляков и провозглашения польского короля, мы отдаем ему инициативу и все преимущества. Если же опередить Наполеона, воспользовавшись указанными мною мерами, то он будет лишен многих преимуществ, связанных, в основном, с поддержкой поляков. Тем самым будут ослаблены и другие находящиеся в его распоряжении возможности.

Таковы последствия, неподвластные никаким коалициям, и к которым следует готовиться даже в том случае, если сильная армия сумеет защитить границы империи и остановить

продвижение неприятеля внутрь страны, а Ваше императорское величество осуществит достойный его имени проект восстановления Польши, кажущийся в силу стечения политических обстоятельств не только легко исполнимым, но и необходимым для мира и спокойствия в Европе».

Глава VII

Эта записка произвела гораздо больший эффект, нежели я рассчитывал. 15 декабря император вызвал меня к себе и с большим интересом говорил об этом документе. Он задал мне несколько вопросов по существу и добавил, *что во всех представленных мною проектах он видит чистоту помыслов и осторожность, поскольку добиваясь благополучия для своих соотечественников, я не компрометирую его тем, что предлагаю способы, которые нельзя было бы обсудить с его советниками, и которые не заслуживали бы одобрения любого сведущего лица.*

«Восстановление Польши в том виде, как вы это предлагаете, – *отметил император*, нисколько не противоречит интересам России. Ведь речь идет не об отчуждении завоеванных провинций, а, наоборот, об их превращении в мощный заслон для империи и склонении на свою сторону миллионов людей, которые все еще не могут забыть своей прошлой жизни… Польша не должна отделяться от Российской империи, и ее население должно быть счастливо и довольно обрести конституцию… Что касается титула, то почему мне не стать королем Польши, если это доставит им удовольствие?… Относительно всего остального, то здесь надо подождать развития событий… Сегодня я получил более-менее удовлетворительные новости, которые позволяют надеяться, что мы не дойдем до открытого разрыва отношений с Наполеоном… В любом случае я хочу, – *сказал император*, – чтобы вы назвали мне имена ваших соотечественников, кому мы могли бы поручить разработку плана организации восьми губерний, которые должны образовать Литву или Польшу… Хотелось бы, чтобы было по одному представителю от каждой губернии… Что касается кандидатур, я полностью полагаюсь на вас, и т. д.»

Я был польщен таким доверием и одновременно приведен в замешательство относительно лиц, которые мне предстояло назвать. Но когда император пригласил меня присесть у его стола и предложил составить список в его присутствии, я назвал имя князя Ксаверия Любецкого от Гродненской губернии, Томаша Вавжецкого от Виленской, Винцента Гецевича от Минской, Шадурского от Витебской, Людвика Плятера от Могилевской, князя Казимира Любомирского от Волынской, Тадеуша Чацкого от Подольской и Адама Ржевуского от Киевской.

Император предложил заменить последнюю кандидатуру на сенатора Козловского и, расспросив меня о тех, кого он не знал, забрал список. Напоследок он пообещал распорядиться, чтобы эти

депутаты как можно быстрее собрались в Петербурге.

9 января император спросил у меня, довольны ли дворяне Вильны рескриптом, который он передал через меня… Я ответил, что ждал удобного случая, чтобы выразить Его Величеству их глубокую признательность, и добавил, что эта благодарность будет вскоре разделена всеми литвинами, когда они ознакомятся с рескриптом, которым Ваше Величество изволили удостоить депутата Гродненской губернии князя Любецкого.

Я также сказал императору, что сужу о впечатлениях моих соотечественников по выражениям их признательности за акты справедливости и благорасположения Его Величества. В конце разговора, будучи в волнении от охвативших меня чувств, я сказал, что не существует более барьеров между российской столицей и самыми отдаленными провинциями империи; что толстый занавес, скрывавший где-то вдалеке добродетели государя, представляя его лишь в величественном облике силы и страха, исчез после того, как, несмотря на все препятствия, все увидели его добрые дела, и появилась уверенность, что Его Величество относится к своему званию «отца народа» как самому замечательному символу его верховной власти.

18 января 1812 года я передал императору следующее письмо:

«Государь, вчера до меня дошли новости от г-на Вавжецкого из Вильны, который обрисовывает ужасную картину царящей в Литве общей нищеты.

Вот уже несколько лет, как в этой провинции нет денег, но, по крайней мере, здесь еще было зерно. Засуха этого года полностью погубила посевы.

Во многих местах помещики вынуждены кормить своих крестьян. Для весеннего сева трудно найти ячмень, а пшеница, учитывая ее нехватку, должна сильно подняться в цене. Печальная перспектива в преддверии начала войны!

Доклады, которые Ваше императорское величество получает из Литвы, должны, разумеется, подтверждать то, что я описал, однако, если не существует способа избавиться от общего несчастья, виной которому стал каприз природы, то было бы достойно сердца Вашего императорского величества сделать его последствия менее зловещими и добавить ко всем своим благодеяниям акт справедливости, введя своим указом разрешение на взимание налогов зерном, прилагаемое к настоящему и т. д., и т. д.

Жители Литвы просят этого, стоя на коленях. Что касается меня, то, не привыкнув получать отказ от Вашего императорского

величества всякий раз, когда имел счастье говорить от их имени, я беру на себя смелость возложить их просьбы к стопам Вашего Величества».

27 января император вызвал меня, чтобы сообщить, что в восполнение нехватки денежной наличности и облегчения способов расчетов жителей Литвы с государством он отдал распоряжение о взимании части налогов в Литве продовольственным и фуражным зерном.

Он также сказал, что представленный ему проект конституции для Польши его не устраивает, и что он желал бы, чтобы я занялся разработкой нового проекта. Я признался императору, что уже на протяжении нескольких месяцев работаю над этим проектом вместе с князем Любецким и графом Казимиром Плятером, и что почти все материалы конституции были нами обсуждены и подготовлены для представления Его Величеству.

Моя предусмотрительность явно понравилась императору, но он тут же добавил: «Главное, не забудьте земледельцев. Это самый полезный класс, а у вас к крестьянам всегда относились как к илотам…»

Я поспешил заверить императора, что этой проблеме мы уделили особое внимание, поскольку считаем ее одной из важнейших, однако она представляется достаточно сложной и трудновыполнимой, поскольку приходится учитывать права помещиков и необходимость вытащить крестьян из их гнусного крепостного состояния, на которое они жалуются до сих пор. Чтобы показать императору, что мы обсудили и глубоко проработали этот вопрос, я передал ему письмо от князя Любецкого, которое незадолго до этого получил из Гродно. Император принялся читать его вслух, выражая своим видом свое полное согласие с его содержанием.

Письмо князя Любецкого, предводителя дворянства Гродненской губернии.

«Из вашего письма, мой дорогой граф, вижу я, что вопрос об общественной собственности, который мы так часто обсуждали в наших мечтах, по-прежнему занимает вас. Это достаточно сложный и одновременно простой вопрос, если исходить из принципов, что он составляет основу благосостояния низших классов государства и, в особенности, благосостояния

воспитанных в духе послушания и трудолюбия крестьян – этого стержня общего производства, которые требуют в качестве вознаграждения за свой труд лишь освобождения от рабства, но часто получают отказ в своем справедливом требовании.

Когда я касаюсь этой интересной стороны общественной жизни, не могу не перенестись в своих мыслях во времена возрождения Польши, в котором, граф, вы принимали участие, времена сейма, где дворяне, являясь полными собственниками своих крестьян, почувствовали, что религия, принципы справедливости, запечатленные в их сердцах, общие интересы государства, и, разумеется, интересы самих людей требуют решения участи крестьян и изменения положении этого многочисленного слоя общества.

Однако не знаю, чем я должен больше восхищаться: принципами человеколюбия, ярко проявленными членами сейма, или сдержанностью и мудростью, с которой они сумели притушить воодушевлявший их энтузиазм по отношению к собственности. Будучи сами собственниками, они со всей силой почувствовали, к чему может привести поспешность в их действиях, прочувствовали угрожавшую государству опасность, как со стороны крестьянского класса, еще недостаточно продвинутого, чтобы связывать его права с интересами родины, так и со стороны многих дворян, чьи личные интересы могли быть задеты этим шагом.

Тогда сейм в своих действиях решил следовать великому политическому принципу, что лучше сделать добро, чем говорить о нем. То есть, объединив прерогативы и сохранив при этом свой авторитет, сейм этим благодеянием связал бы крестьян с интересами помещиков и общества, в то время, как внезапное установление принципа равенства, разрушило бы спасительную иллюзию и породило бы неблагодарных людей, потерянных для общественной собственности, которой они никогда не занимались. Объявляя о свободе крестьян, сейм сделал это достойным образом, и дворяне, уступая в своих правах, сами объявили себя покровителями благодеяния, на которое они пошли по отношению к своим подданным.

Невозможно было предоставить политические права людям, которые не знали цены этим правам, но обеспечивая крестьянам личную свободу и гарантируя им святое право на землю через контракты с хозяевами, обязательными для обеих сторон, тем самым были созданы основы для обретения ими будущей собственности и их последующего раскрепощения.

Как сильно отличалось по духу и характеру объявление свободы крестьян сеймом от того, как это произошло не так давно

у наших соседей![90] Какие разные подходы, чтобы понять настоящее отношение к этому крестьян и значение такой меры для процветания страны. У нас был сейм, состоящий из землевладельцев, собравшихся, чтобы решить самые важные для отечества проблемы, там – следствие влияния преобладающего в Европе принципа, не принимающего во внимание уровень культурного развития страны. Думаю, однако, что постепенное раскрепощение крестьян – это убедительное доказательство мудрости принятых сеймом принципов. Эти принципы, принятые конституцией от 3 мая, продолжали действовать и при прусском режиме. В результате через шестнадцать лет крестьяне достигли такого состояния, которое позволяло без опасения освободить их. Однако у нас в Литве, где крестьяне остались в полной власти своих хозяев, поскольку их раскрепощение могло оказать вредные последствия на внутренние провинции империи, их положение оставалось таким же, как и до сейма 1791 года, и даже хуже на тех землях, где малопросвещенные помещики пользовались своими прежними правами на крестьян.

Как жаль, что наши присоединенные к империи польские провинции потеряли шестнадцать лет в своем культурном развитии, и что царствование Александра не пришло к нам раньше!.. Однако, что мы можем и должны ждать от просвещенного разума и великодушных намерений верховного законодателя?.. Хочу тешить себя надеждой, что он создаст основы для улучшения положения крестьян, работая постепенно над их освобождением, как это сделал сейм 1791 года, и, главное, не заденет поспешными действиями интересы дворян. Они, разумеется, охотно пожертвуют частью своих прав, чтобы обеспечить постепенное благополучие крестьян.

Прежде чем приступать к реализации мер такого характера, необходимо провести подготовку на местах. Было бы полезно поручить это дело комитету из числа литвинов, поскольку в таком случае гуманность и интересы общества не потерпят никаких задержек с претворением проекта в жизнь. Вижу, что размеры моего письма превышают разумные пределы. Хотя я знаю, что когда речь идет об общественных интересах, вас трудно утомить, тем не менее не стану злоупотреблять вашей снисходительностью, в особенности, когда, как мне кажется, речь идет о мечте…

Остаюсь вашим … и т. д.»

Читая последнюю фразу, император сделал ударение на слове мечта и возразил, что это не так, и он желает серьезно заняться этим важным и сильно беспокоящим его вопросом. Когда

же я сказал ему, что помимо плана конституции, хотел бы ему представить докладную записку с комментариями по поводу проекта организации ордена земледельцев Польши, которая дает ответы на многие вопросы, император поблагодарил меня и приказал как можно быстрее передать ему эту работу, которой он обещал заняться незамедлительно.

Три последующих месяца не принесли ничего интересного в моем пребывании в Петербурге[91], что заслуживало бы описания в этих Мемуарах. Император был постоянно занят. Виделись мы довольно часто, и он всегда проявлял ко мне доброжелательность. Однако в наших разговорах он больше не касался проектов, о которых шла речь, а я не показывал ему, насколько был удручен этим.

В конце апреля император намеревался отправиться в Вильну. Накануне отъезда он через графа Толстого велел мне явиться к нему в девять часов вечера. Однако приступ подагры, из-за которой я уже две недели не вставал с постели, помешал мне исполнить это распоряжение. Я сообщил о болезни графу Толстому, который от имени императора приказал мне прибыть к Его Величеству в Вильну, как только мое здоровье позволит мне выехать из Петербурга.

Глава VIII

Необходимо кратко напомнить об основных событиях, которые предшествовали и привели к кампании 1812 года. В самом начале 1810 года Наполеон присоединил Ганноверское курфюршество к королевству Вестфалии. Это было определено договором, заключенным между Наполеоном и Жеромом 14 января 1810 года и видоизмененным 10 мая 1811 года[92]. 16 февраля того же года Наполеон образовал Великое герцогство Франкфуртское. Великим герцогом он назначил князя-примаса Рейнского союза, а его преемником – Евгения Богарне. Своим указом от 9 июля 1810 года Наполеон лишил независимости Голландию[93], а 10 декабря 1810 года присоединил ее к Франции. Указом, подписанным в Фонтенбло 12 ноября 1810 года, он присоединил к империи и кантон Валлис[94]. И, наконец, на протяжении этого же года Наполеон аннексировал страны североморского побережья, включая ганзейские города Бремен и Гамбург, а также герцогство Люненбургское и город Любек на побережье Балтийского моря. Наполеон предложил герцогу Ольденбургскому в качестве компенсации Эрфурт вместе с владением Бланкенхайм, но это предложение было отвергнуто, и император Александр защитил права своей семьи категорическим протестом.

В конце 1810 года французский посланник Алкье потребовал, чтобы Швеция предоставила Франции две тысячи матросов. Затем Наполеон стал настаивать на создании Северной конфедерации наподобие Рейнской. В нее должны были войти Дания, Швеция и герцогство Варшавское, а сам он желал стать протектором конфедерации.

Отклонив это предложение, король Швеции вместо конфедерации предложил личную унию с Францией. Однако Наполеон, убедившись, что он уже не может рассчитывать на дружбу настроенного против него государства, меняет тон, а вместе с ним и свой план. 1811 год проходит в спорах между двумя странами, и 27 января 1812 года французы оккупируют Шведскую Померанию и остров Рюген.

В 1811 году начались переговоры между Францией и Пруссией, и 24 февраля 1812 года генерал Круземарк и герцог Бассано[95] подписали сразу несколько договоров. Первый договор об оборонительном союзе включал в себя пять открытых статей, согласно которым «оба государства заключают оборонительный союз против любой страны Европы, с которой одно или другое государство будет находиться в состоянии войны

или вступит в войну, и гарантируют друг другу неприкосновенность их территорий».

Составленные в расплывчатых формулировках, эти статьи не содержали ничего такого, что могло быть направлено против России. Но за ними следовали четыре другие секретные статьи, которые меняли характер союза, превращая его из оборонительного в наступательный.

Ст. I. Подписываемый сегодня союз между императором Франции и его величеством королем Пруссии будет носить оборонительно-наступательный характер для всех войн, которые договаривающиеся стороны будут вести в Европе.

Ст. II. Стороны договорились, что Пруссия не обязана поставлять военные контингенты для войн, которые Франция может вести по ту сторону Пиренеев, в Италии или Турции, но при этом должна действовать заодно с Францией во всех остальных отношениях.

Ст. III. Настоящие статьи договора носят секретный характер и не могут стать достоянием гласности или быть переданы другому правительству одной из договаривающихся сторон без согласия другой стороны.

Ст. IV. Договор должен быть ратифицирован, и его ратификации будут обменены в Берлине в течение десяти дней или ранее, если представится возможность.

Наконец, союз был недвусмысленно направлен против России секретной конвенцией, подписанной в тот же день теми же министрами, по которой король Пруссии, помимо содержания гарнизонов нескольких крепостей, брал на себя обязательство выставить в помощь Наполеону корпус в 20 тыс. человек и 60 орудий и т. д.[96]

14 марта 1812 года посол Австрии в Париже князь Шварценберг получил приказ заключить с Францией оборонительный союз против России, который он подписал с французским министром Бассано на следующих условиях.

Союзные державы гарантировали друг другу целостность и неприкосновенность их территорий. *Ст. II.* – Стороны обязались в случае нападения на одну из них третьей державы оказать атакованной стороне военную помощь контингентом в 30 000 человек и 60 орудий. *Ст. IV.* – Договаривающиеся стороны гарантировали Османской империи целостность ее территорий в Европе. *Ст. VI.* – Оговорено в *Ст. VIII*, что союзный договор может стать достоянием гласности или быть передан другому правительству только с согласия обеих сторон[97].

К договору прилагались отдельные статьи, которые были опубликованы лишь через полтора года после их подписания.

Этими статьями войны Франции против Великобритании и на Пиренейском полуострове исключались из договорного случая (*casus foederis*), но это не распространялось на ожидаемую войну между Францией и Россией (*ст. I и II*). Наполеон гарантировал Австрии обладание Галицией даже в том случае, если будет восстановлено Королевство Польское. *Ст. V*.

Если в силу обстоятельств, император Австрии пожелает уступить для присоединения к Королевству Польскому, какую-то часть Галиции взамен на Иллирийские провинции, Его Величество император французов обязуется уже сейчас согласиться на этот обмен. Уступаемая часть Галиции будет оценена на согласованных условиях с учетом численности населения, территории и доходов таким образом, чтобы оценка объектов обмена принимала в расчет их реальную стоимость и не ограничивалась лишь размерами территории. *Ст. VI*.

В случае счастливого окончания войны Его Величество император французов обязуется возместить Его Величеству императору Австрии ущерб и передать территории, которые не только компенсируют нанесенный ущерб и понесенные расходы по сотрудничеству с Их Величеством в войне, но станут памятником навеки прочному союзу. *Ст. VII*.

Статьей *IX* оговорено, что Османская империя будет приглашена присоединиться к союзному договору[98].

Командование дополнительным австрийским корпусом было доверено князю Шварценбергу, который 24 мая 1812 года покинул Париж и направился к армии.

В то время как шли усиленные приготовления к великой войне, которая должна была решить участь свободы европейских государств, Наполеон решил ввести всех в заблуждение относительно своих истинных намерений, объясняя столь масштабную подготовку необходимостью ведения войны с Великобританией. В этой связи 10 марта 1812 года герцог де Бассано сделал заявление, что «дабы уничтожить врага свободы на морях, необходимо, чтобы все имеющиеся в наличии Франции силы были направлены повсюду, куда могут пристать английские корабли и другие суда под нейтральным флагом или суда под конвоем английских военных кораблей».

В итоге он предложил создать специальную армию, предназначенную исключительно для охраны берегов, портов и крепостей, чтобы действующие армии могли заниматься осуществлением планов своих начальников, или, как выразился министр, чтобы все храбрецы были использованы по назначению – сражались и побеждали под взором командиров, и чтобы даже склады стали мобильными»[99].

На основании этого отчета военный министр предложил закон, по которому все мужчины, способные держать в руках оружие, должны были в результате трех наборов сформировать национальную гвардию Наполеона. Сенат приветствовал организацию трех наборов и одобрил ее сенатус-консультом от 13 марта 1812 года.

После этого герцог Бассано направил 17 апреля 1812 года письмо лорду Каслри, в котором, напомнив о мирных предложениях, сделанных Наполеоном сначала самостоятельно в 1805 году, затем совместно с Россией в 1808 году и, наконец, через Голландию в 1810 году[100], предложил урегулировать споры по Пиренейскому полуострову и Королевству Обеих Сицилий.

Это письмо не имело продолжения, но из письма, адресованного лорду Каслри, которое 25 апреля 1812 года было передано герцогом Бассано канцлеру Российской империи графу Романцову, видно, что Наполеон предъявляет своему союзнику императору Александру три претензии. Он жаловался:

1. на указ от 30 декабря 1810 года, который аннулировал Тильзитский договор и последующие соглашения между Россией и Францией, поскольку открывал российские порты всем английским судам, загруженным колониальными товарами, являющимися английской собственностью, при условии, что эти суда используют иностранный флаг в целях маскировки;

2. на протест императора Александра по поводу присоединения к Франции герцогства Ольденбургского, заявляя, что Россия не имеет никакого права вмешиваться в дела принца из Рейнской конфедерации;

3. на военные укрепления, которые император Александр осуществляет с начала 1811 года, отозвав пять дивизий Молдавской армии и разместив их на границе герцогства Варшавского.

В этом письме герцог Бассано прямо указывает, что Наполеон предлагал императору Александру подписать соглашение, по которому он отказывался способствовать мерам, прямо или косвенно направленным на восстановление Польши[101].

…Торопясь с подготовкой к войне, Наполеон хотел еще и усыпить бдительность российского кабинета в отношении приближающегося большого кризиса. С этой целью он счел необходимым продемонстрировать свое стремление к переговорам. В Париже в это время находился полковник Чернышев, флигель-адъютант императора Александра, который выполнял различные поручения конфиденциального характера в отношениях между двумя монархами. На следующий день после

подписания договора с Пруссией Наполеон отправил его в Петербург с мирным предложением провести работы по устранению взаимных претензий.

Все претензии можно было свести к четырем следующим пунктам:

1. недоверие со стороны России из-за расширения герцогства Варшавского;

2. аннексия герцогства Ольденбургского;

3. законодательство относительно торговли английскими товарами и нейтральных судов;

4. распоряжения по таможенным тарифам от 1810 года.

Относительно первого пункта Наполеон формально заявил, что он не станет способствовать мерам, прямо или косвенно направленным на восстановление Польши. В отношении герцогства Ольденбургского он просил, чтобы император Александр положил конец делу Ольденбурга, отказавшись от компенсации герцогу или согласившись на вознаграждение, которое не должно включать Данциг или какую бы то ни было часть территории герцогства Варшавского. По третьему пункту Россия должна была строго придерживаться тильзитских договоренностей и соблюдать континентальную блокаду, которая будет смягчена системой разрешений по экспорту в обмен на предметы импорта. То есть, речь шла о принятии по взаимной договоренности системы лицензирования в торговле, выгода от которой принадлежала бы не только англичанам, а была бы равномерно поделена между торгующими сторонами. И, наконец, что касается четвертого пункта, то Наполеон предложил заключить торговый договор, который, сохраняя таможенные тарифы 1810 года, определил бы их не только с учетом интересов России, но и французских торговцев.

Было очевидно, что эти новые мирные предложения были выдвинуты лишь для того, чтобы ввести в заблуждение российское руководство относительно истинных намерений Франции, внушить ему ложное чувство безопасности, которое склонило бы его прервать оборонные приготовления. Император Александр хорошо понимал, что признанные претензии носили второстепенный характер, и что сущность раздора между двумя империями заключалась в самоуправном владычестве, которое Франция распространила на всю Европу. Поэтому ликвидация упомянутых претензий не решала главного, поскольку главный вопрос – диктатура Франции над остальными странами – мог быть решен только силой оружия.

Мирный характер императора Александра, вероятно, склонил бы его начать переговоры на предложенных Францией условиях,

если бы не вторжение войск Даву в Пруссию, которое к уже обозначенным претензиям добавило еще одну. Император Александр направил приказ российскому послу в Париже князю Куракину довести до правительства Франции, «что сохранение Пруссии и ее независимости от всех политических союзов, направленных против России, были столь же необходимы для интересов императора Александра, как и прочные и надежные отношения с Францией, которые не могут быть установлены до тех пор, пока между ней и Россией не будет нейтральной страны, свободной от войск обеих держав. Таким образом, первым условием любых переговоров должно стать официальное обязательство полного вывода французских и союзных войск из Пруссии и всех укрепленных городов, независимо от времени и причин их оккупации. Кроме того, Россия требует сокращения численности гарнизона Данцига до уровня, который он имел до 1 февраля 1811 года, вывода войск из шведской Померании и урегулирования разногласий с королем Швеции, способного удовлетворить взаимные интересы обеих царствующих династий Франции и Швеции.

Лишь после выполнения этих предварительных условий посол должен был принять от имени императора Александра следующие обязательства:

1. Не изменять запретительные меры против прямой торговли с Англией, принятые в России и строго соблюдаемые до настоящего времени;

2. договориться с императором французов о системе лицензирования, по примеру французской, с целью ее применения в России; оговорить ее принятие при условии, что ее последствия не приведут к росту убытков, которые понесла российская торговля;

3. договориться путем специального соглашения о внесении в таможенный тариф 1810 года специальных оговорок, ставящих французскую торговлю в исключительное положение;

4. согласиться на заключение договора об обмене герцогства Ольденбургского на равноценное владение, которое будет предложено императором французов, и отозвать в этом случае опубликованный протест[102].

Более двух недель князь Куракин оставался без ответа, когда 9 мая 1812 года герцог Бассано спросил его, имеет ли он полномочия на подписание договора и соглашений по спорным вопросам, которые возникли между двумя государствами. На это князь заметил, что возложенные на него обязанности посла делают лишними все иные специальные полномочия; что такие полномочия все равно были бы предоставлены при условии

ратификации его августейшим монархом, что полученные им инструкции не вызывают у него сомнения в том, что подписанное им соглашение с Францией будет ратифицировано. Общественности не известен ответ на эту ноту, однако он, безусловно, не был удовлетворительным, поскольку два дня спустя российский посол затребовал свои паспорта, чтобы покинуть Париж.

8 мая Наполеон выехал из Сен-Клу и направился в Дрезден, где оставался с 17 по 29 мая. В конце апреля император Александр отбыл в Вильну. Посол Франции при российском дворе генерал Лористон получил распоряжение из Парижа следовать за монархом и запросил разрешения явиться в Вильну в связи с наличием документа, который он обязан вручить лично императору или канцлеру графу Романцову. В разрешении было отказано.

Однако у всех все еще теплилась слабая надежда на примирение. Перед своим отъездом в Дрезден Наполеон отправил в Вильну своего генерал-адъютанта графа Нарбонна с поручениями, схожими с теми, что выполнял полковник Чернышев. Казалось, что приближение развязки созданной им проблемы, вызвало у него некоторое беспокойство. Размах предприятия со всеми его трудностями, в которое он собирался ввязаться, начинал пугать его. В какой-то момент у него появилась мысль, что российский император при виде направленных против него колоссальных сил, постарается избежать войны и подпишется под всеми его требованиями.

Он охотно принял эту идею, которая льстила его самолюбию и открывала возможность исполнения планов, не испытывая удачу, шансы которой он оценивал рискованными.

Миссия Нарбонна должна была послужить выяснению настроения и намерений Александра. Наполеон был полностью разочарован в своих ожиданиях: граф Нарбонн подтвердил, что нашел императора Александра *в прекрасной форме, без признаков подавленности или чрезмерной болтливости*[103]. В своем докладе, направленном в Дрезден, он отметил, что российский император настаивает на заявлении, сделанном его послом в Париже, и что он может согласиться на переговоры только после принятия предварительных условий[104].

Пребывание Наполеона в Дрездене было отмечено встречами с прибывшими в этот город императором Австрии и королем Пруссии. Императора Австрии сопровождала супруга. Великий князь Вюрцбурга и большое число князей Рейнского союза дополняли это блестящее собрание. Пышные приемы и празднества по этому случаю продолжалось вплоть до

возвращения де Нарбонна из Вильны, то есть до 28 мая.

На следующий день Наполеон неожиданно для всех покинул Дрезден и направился в Торн, куда он прибыл 5 июня, решив больше не откладывать кампанию из страха упустить по причине безрезультатных переговоров наиболее благоприятное время для проведения военных операций.

Через несколько дней после приезда в Торн, он распорядился отправить паспорта, запрашиваемые князем Куракиным, и чтобы генерал Лористон отозвал свои.

Французские войска уже перешли Вислу и подошли к границам России.

Я не могу закончить эту главу без представления о расстановке военных сил, которые Россия, с одной стороны, и Наполеон со всеми своими союзниками, с другой, должны были задействовать в этой памятной кампании.

После присоединения Голландии и германских земель население Французской империи составило сорок три миллиона человек, без учета иллирийских провинций, в которых проживало полтора миллиона, и Королевства Италии, население которого насчитывало шесть миллионов четыреста тысяч жителей. Располагая, таким образом, людскими ресурсами, превышающими пятьдесят миллионов, Наполеону было нетрудно не только укомплектовать, но и увеличить свою грозную армию, которую он держал наготове, за счет обученных кадров.

Французская армия[105], которой предстояло отправиться в поход против России, состояла из солдат всех народов. Число французов, к которым относились жители всех объединенных провинций, оценивалось в двести тысяч человек.

Кроме того, в армии было сорок тысяч итальянцев, тридцать тысяч баварцев, двадцать тысяч саксонцев, четырнадцать тысяч вюртембуржцев, сорок тысяч вестфальцев и солдат из рейнской конфедерации, двадцать тысяч пруссаков, швейцарцев, португальцев, шестьдесят тысяч поляков и, наконец, тридцать тысяч австрийцев, которые представляли вспомогательный корпус. Все это, вместе с административными службами и множеством рабочих всех профессий, следовавшим за армией, составляло более полумиллиона человек. В частности:

299 батальонов и 251 французских эскадронов.

306 батальонов и 275 иностранных эскадронов.

Всего 605 батальонов и 526 эскадронов.

Учитывая, что каждый батальон насчитывает восемьсот человек, а эскадрон сто сорок, получается в итоге четыреста восемьдесят четыре тысячи человек пехоты и семьдесят три тысячи шестьсот сорок кавалерии, а также тридцать тысяч

человек артиллерии. Всего пятьсот восемьдесят семь тысяч шестьсот сорок бойцов. В обозе армии следовало не менее пятидесяти тысяч человек. Артиллерия насчитывала 1344 орудия.

Эти силы, организованные в виде тринадцати армейских корпусов и четырех кавалерийских корпусов резерва, были разделены следующим образом:

Особый гвардейский корпус под командованием маршалов Лефевра, Мортье и Бессьера, в который входило тридцать два батальона и двадцать семь гвардейских эскадронов, а также двадцать два различных батальона и восемь эскадронов, что в итоге составляло объединение из пятидесяти четырех батальонов и тридцати пяти эскадронов.

Первый корпус, которым командовал маршал Даву, князь Экмюльский, включал в себя пять сильных пехотных дивизий под командованием генералов Морана, Фриана, Гюдена, Дессе и Компана, а также дивизию легкой кавалерии. Всего восемьдесят восемь батальонов и шестнадцать эскадронов.

Второй корпус маршала Удино, герцога Реджио, состоял из пехотных дивизий под командованием Леграна и Вердье, четырех швейцарских полков под командованием генерала Мерля и дивизии легкой кавалерии. Всего пятьдесят один батальон и двадцать эскадронов.

Третий корпус под командованием маршала Нея, герцога Эльхингенского, был сформирован из дивизий под командованием Ледрю, Разу и Маршана и вспомогательного вюртембергского корпуса. Всего сорок восемь батальонов и двадцать четыре эскадрона.

Четвертый корпус, сформированный из войсковых соединений, возглавляемых вице-королем Италии, состоял из дивизий Дельзона, Брусье, Лекки и Пино и дивизии легкой кавалерии под командованием генерала Гийона. В общей сложности пятьдесят семь батальонов и двадцать четыре эскадрона.

Пятый корпус под командованием князя Понятовского состоял из трех пехотных дивизий под командованием Зайончека, Домбровского и Князевича, а также дивизии легкой кавалерии генерала Каминского. Всего сорок четыре батальона и двадцать эскадронов.

Шестой корпус, который возглавлял граф Гувьон Сен-Сир, состоял из двух баварских дивизий под командованием Вреде и Дерога. Всего двадцать восемь батальонов и шестнадцать эскадронов.

Седьмой корпус, которым командовал генерал Ренье, был сформирован из саксонских дивизий Лекока и Функа. Всего

семнадцать батальонов и шестнадцать эскадронов.

Восьмой корпус под командованием генерала Жюно, герцога д'Абрантес, состоял из вестфальских дивизий Таро и Окса. В общей сложности шестнадцать батальонов и восемь эскадронов.

Девятый корпус под руководством моего маршала Виктора, герцога Беллуно, включал в себя французскую дивизию Партуно, а также дивизии Дендельса и Жирара, состоящие из немецких и польских подразделений и кавалерийских бригад Делетра и Фурнье. Всего не менее пятидесяти четырех батальонов и шестнадцати эскадронов.

Десятый корпус под командованием маршала Макдональда, герцога Таранто, был составлен из польской дивизии под командованием генерала Гранжана, баваро-вестфальской бригады, а также двух прусских дивизий Йорка и Массенбаха. Всего тридцать шесть батальонов и шестнадцать эскадронов.

Одиннадцатый корпус, которым командовал маршал Ожеро, герцог Кастильоне, имел пять дивизий под командованием генералов Геделе, Луазона, Дюрюта, Депре и Морана, которые насчитывали не менее восьмидесяти трех батальонов и тридцати семи эскадронов. Он был предназначен для удержания линии Эльбы, Одера и Вислы, то есть для военной оккупации Пруссии во время войны.

Австрийский вспомогательный контингент представлял собой отдельный корпус под непосредственным командованием князя Шварценберга. Этот корпус состоял из двух батальонов гренадер, четырех венгерских и шести немецких пехотных полков, двух батальонов пеших егерей, трех батальонов пограничной пехоты, одного драгунского и четырех гусарских полков, а также двух полков шеволежеров. В общей сложности, двадцать семь батальонов и пятьдесят четыре эскадрона.

Первый резервный кавалерийский корпус под командованием графа Нансути состоял из шести полков кирасир, шести полков легкой кавалерии, а также двух полков польских улан и одного полка гусар. Всего шестьдесят эскадронов.

Второй кавалерийский корпус под командованием генерала Монбрена состоял из двух полков карабинеров, четырех полков кирасир, шести полков легкой кавалерии, полка польских гусар, вюртембергского полка конных егерей и полка прусских улан. Всего шестьдесят эскадронов.

Третий резервный кавалерийский корпус под командованием графа Груши состоял из трех полков кирасир, четырех полков драгун, пяти полков легкой кавалерии, а также двух баварских полков шеволежеров и одного полка саксонских драгун. В общей сложности шестьдесят эскадронов.

Четвертый резервный кавалерийский корпус под командованием генерала Латур-Мобура включал в себя четыре саксонских и вестфальских кирасирских полка и семь полков польских улан. Всего сорок четыре эскадрона.

В течение апреля эти огромные массы людей пришли в движение. Первый, второй, третий, шестой, седьмой и восьмой корпуса, а также первый и второй кавалерийские корпуса заполнили Пруссию и после перехода через Одер подошли к Висле. Четвертый и третий кавалерийские корпуса, вышедшие из Вероны, пересекли Тироль и вошли в Силезию. Поляки, составлявшие пятый и четвертый кавалерийский корпуса, собрались на Висле. Десятый корпус прошел формирование между Данцигом и Кенигсбергом. Австрийский контингент был сформирован в Галиции, в районе Лемберга. Гвардия Наполеона вышла из Парижа и направилась к Дрездену. Девятый корпус оставался в резерве между Эльбой и Одером. Одиннадцатый корпус приступил к формированию в районе Майнца.

В начале мая армия достигла берегов Вислы. Первый корпус подошел к Мариенбургу и Эльбингу, второй – к Мариенвердеру, третий – к Торну, четвертый и шестой – к Плоцку, пятый сосредоточился в Варшаве, восьмой – правее Варшавы, седьмой – в Пулавах, и гвардия прибыла в Дрезден.

Что касается сил России, то вот как они были организованы на 1 января 1812 года.

В Финляндии был сосредоточен корпус графа Штейнгеля, состоявший из двух драгунских полков и шестой, двадцать первой и двадцать пятой дивизий. В общей сложности 30 653 человека.

В Петербурге стоял корпус Его императорского высочества великого князя Константина, который состоял из гвардейской кавалерийской дивизии, из гвардейской пехотной дивизии, из двух гвардейских кирасирских и двух гренадерских полков линейной пехоты и одного полка линейной пехоты. Всего двадцать восемь тысяч пятьсот двадцать шесть человек.

В Лифляндии и Курляндии расположился корпус графа Витгенштейна из первой кавалерийской и подразделений пятой и четырнадцатой дивизий. В общей сложности тридцать четыре тысячи двести девяносто человек.

Корпус генерала Баговута, сосредоточенный в Виленской и Витебской губерниях, состоял из первой кирасирской дивизии, второй кавалерийской, а также первой, второй и седьмой дивизий, за исключением двух кирасирских и двух гренадерских полков. Всего сорок семь тысяч пятьсот двадцать человек.

В Гродненской, Минской и Могилевской губерниях стоял корпус генерала Эссена, сформированный из третьей

кавалерийской дивизии, а также двадцать третьей, третьей и одиннадцатой дивизии без одного пехотного полка. В общей сложности сорок одна тысяча сорок пять человек.

На Волыни и Подолии стояла армия князя Багратиона, состоящая из второй кирасирской дивизии, четвертой и пятой кавалерийских, второй, седьмой, двенадцатой, восемнадцатой, двадцать четвертой и двадцать шестой дивизий. Всего сто четыре тысячи триста двадцать два человека.

На Дунае располагалась Молдавская армия генерала Кутузова, в состав которой входили шестая и седьмая кавалерийские дивизии, а также восьмая, девятая, десятая, пятнадцатая, шестнадцатая и двадцать вторая дивизии, за исключением восьми батальонов девятой дивизии. В общей сложности восемьдесят семь тысяч двадцать шесть человек.

В Крыму и вокруг него был сосредоточен корпус герцога де Ришелье, состоящий из восьмой кавалерийской и тринадцатой дивизий, а также восьми батальонов, переведенных из девятой дивизии. Всего девятнадцать тысяч пятьсот один человек.

На Кавказе стоял корпус генерала Ртищева, состоящий из драгунского полка и девятнадцатой дивизии. В общей сложности девять тысяч девятьсот двадцать восемь человек.

В Грузии располагался корпус генерала маркиза де Паулуччи, который включал в себя два драгунских полка и двадцатую дивизию. Всего двадцать три тысячи шестьсот сорок пять человек.

В Москве стояла вновь сформированная двадцать седьмая дивизия численностью в десять тысяч шестьсот сорок один человек.

Если добавить к численности упомянутых контингентов еще две тысячи четыреста семнадцать человек из учебных подразделений, четыре тысячи пятьдесят одного сапера, четыре тысячи восемьсот пятьдесят одного человека из артиллерийского резерва и, наконец, шестьдесят девять тысяч сто шестьдесят шесть человек из казарменных рот и инвалидных команд, то получим общее количество в пятьсот семнадцать тысяч шестьсот восемьдесят два человека, что составляло общую численность регулярных войск Российской империи[106].

Среди всех этих больших приготовлений в Петербурге царил покой; здесь явно недооценивали реальной опасности приближающейся войны. На переброску русских войск в направлении границ смотрели как на меры предосторожности и необходимость демонстрации внушительной силы империи. Общество находилось в неведении относительно того, что происходило по ту сторону Вислы, так как все связи с герцогством Варшавским были прерваны и после отъезда императора в Вильну

никаких зловещих новостей, предшествующих разрыву мирных отношений и нарушению спокойствия, в Петербург не поступало. Поскольку не было и никаких деклараций о начале военных действий ни со стороны Франции, ни со стороны России, то все были почти уверены в том, что император Александр своим посещением Вильны и приграничья хотел лишь укрепить существующий мир и обеспечить спокойствие своего государства путем переговоров по сглаживанию претензий, способных привести к нарушению границ его империи[107]. Эта уверенность укрепилась еще больше после того, как стало известно, что Наполеон послал своего посла графа Нарбонна из Парижа в Вильну, где находился император Александр, с предложениями, которые следовало рассматривать как дружественные и примирительные. Все это никак не вязалось с тем, что Наполеон двинул свои грозные армии к берегам Вислы, что отправив графа Нарбонна, сам он выехал из Сен-Клу в Дрезден, где ждал ответа, который должен был привезти посол, и что на следующий день после возвращения де Нарбонна, то есть 29 мая, он покинул Дрезден и отправился к войскам.

книга десятая

Глава I

Из-за болезни я смог выехать из Петербурга лишь через шесть недель после отъезда императора. В дорогу я отправился 6(18) июня.

Прибыв в местечко Румшишки, что в десяти с половиной милях[108] от Вильно, поздно вечером 9(21) июня, я был очень удивлен, заметив на противоположной стороне Немана, в герцогстве Варшавском, большие костры, а на этой стороне реки усиленные казачьи патрули. От станционного смотрителя я узнал, что костры появились три дня назад и со дня на день ожидается вторжение французской армии в Литву. Я не мог прийти в себя от неожиданности.

По прибытии в Вильну я отправил гофмаршалу графу Толстому записку с просьбой сообщить императору о моем приезде и спросить дальнейших распоряжений Его Величества.

Толстой ответил, что если я не устал с дороги, то император будет рад видеть меня вечером на балу, который в Закрете[109] дают его адъютанты. Если я не смогу приехать на бал, Его Величество приказывает явиться к нему завтра утром в девять часов. После всего, что я видел и слышал в Румшишках, заявление про бал меня очень удивило. Я с нетерпением отправился в Закрет и, увидев там среди многочисленного собрания полное веселье, был поражен точно так же, как сутки назад, когда узнал, что французская армия находится столь близко от места расположения императора.

Его Величество принял меня со всей добротой и выразил удовлетворение моим приездом. Он не раз обращался ко мне с разными вопросами, и я не заметил никаких изменений в его настроении, хотя как я узнал впоследствии, ему стало известно, что французы уже перешли Неман.

На следующий день я получил сообщение, что император не сможет увидеться со мной в девять утра, поскольку ему необходимо подготовить несколько писем, но он приказал мне явиться к обеду.

23 июня на протяжении всего времени пока мы находились за столом император, как мне показалось, сохранял свое привычное спокойствие и поддерживал обычное настроение, но после обеда и его короткой аудиенции с князем Платоном Зубовым, когда он пригласил меня в свой кабинет, я нашел его задумчивым и сильно озабоченным. Он сказал мне, что был очень доволен своим пребыванием в Вильне и отношением к нему жителей Литвы, что я не обманул его, когда говорил об их усердии и

преданности ему, что все они проявили желание поставить все необходимое для армии, и что он ответил им взаимностью, выразив свое доверие и назначив комитет из литвинов для распределения того, что землевладельцы должны были поставить, и это для того, чтобы не подвергать их обидам со стороны тех, кто отвечает за реквизиции для армии.

Император с большой теплотой сказал, что хотел бы видеть меня в Вильне раньше, что он очень огорчен из-за того, что я не смог следовать за ним, что он вынужден отказаться от ряда проектов, так как у него на это уже нет времени… Он считал необходимым поручить кому-нибудь редактирование газеты, которая будет печататься при штаб-квартире, чтобы разрушить впечатление, создаваемое в стране ложными сведениями наполеоновских эмиссаров и успокоить эмоции литвинов. Он добавил, что ему всегда претило применение подобных методов, которые он считал ниже своего достоинства, но он начинает сознавать в них необходимость, учитывая те существенные преимущества, которые извлекает из этого Наполеон. Сначала редактирование газеты император хотел поручить генералу Армфельдту, но потом решил, что было бы уместнее доверить это дело поляку. Он приказал мне призвать графа Людвига Плятера и передать ему, что Его Величество, рассчитывая на его преданность и усердие в интересах страны и будучи уверенным в его просвещенности и талантах, желает видеть его в штаб-квартире и поручить ему редактирование газеты на французском и польском языках.

В ту минуту, когда я собирался уходить, император получил донесение от передовых постов армии, которое, похоже, произвело на него сильное впечатление и, глядя в окно на ураганный ливень с градом, он, обернувшись в мою сторону, со вздохом промолвил: «Мои бедные солдаты, которые сейчас находятся на марше!»

Именно в тот момент я впервые узнал, что французы перешли Неман. Сообщая мне это, император добавил, что лед тронулся, что он не может себя упрекнуть в развязывании войны, что он сделает все, что подсказывает ему долг, и что он полон веры в Провидение, которое благословляет лишь добрые дела.

Я спросил разрешения у императора провести некоторое время в своих владениях в Литве и Белой Руси, прежде чем вернуться в Петербург. «Я очень надеюсь, – *сказал император*, – что перед отъездом в Петербург, вы навестите меня в штаб-квартире в Дриссе».

Проснувшись следующим утром, я узнал, что в три часа после полуночи император покинул Вильну, и это было заметно по

общему оживлению в городе.

Чтобы иметь представление о том, что происходило, надо было видеть это зрелище. Все распоряжения на проведение эвакуации города выполнялись военными очень четко. Однако какая живая картина во всем городе! Здесь экипажи и коляски, обгоняющие друг друга, чтобы поскорее выбраться из Вильны, там – загромождающие проезды повозки, которые, выехав за городские ворота, быстро уносились прочь, опасаясь прихода врага. На всех площадях и перекрестках группы людей, взволнованно обсуждающие положение. Их лица оживлены либо из-за угрозы опасности, вызванной отступлением русской армии, либо от нетерпения встречи с поляками из авангарда Наполеона.

Трудности найти лошадей доставляли дополнительные волнения для тех, кто торопился с отъездом. Нанять лошадей было невозможно, поскольку почти все они были реквизированы для перевозки армейского снаряжения, и военные не стеснялись выпрягать лошадей из частных экипажей, стоявших наготове к отъезду из Вильны. Среди всей этой неразберихи мне припоминается дама, загнавшая лошадей на второй этаж дома, чтобы их не отобрали.

Самое сильное впечатление от начала войны и от причиненных людям неприятностей, когда все разом торопятся покинуть город, оставленный его защитниками, может получить лишь тот, кто сам испытал все это.

Мне пришлось пройти через эти трудности, но, в конце концов, друзья снабдили меня лошадьми, и через двенадцать часов после отъезда императора я покинул Вильну и по минской почтовой дороге направился в свое поместье, до которого было четырнадцать миль.

Выстроившиеся в две, а в некоторых местах и в три колонны коляски и разные экипажи загромождали путь и мешали продвижению вперед. В двух этапах от города стала слышна сильная канонада. Было понятно, что на расстоянии нескольких лье от места, где мы находились, идет бой, и мы предположили, что это в районе Новых Трок.

Все, что происходило вокруг, казалось мне каким-то сном, потому что, когда за десять дней до этого я выезжал из Петербурга, в столице империи никто не думал, что военные действия могут начаться так скоро. А когда было получено известие, что Наполеон отправил к императору Александру в Вильну де Нарбонна, всем хотелось верить, что дело закончится примирением. У меня открылись глаза на все происходящее после приезда в Румшишки, когда я воочию увидел в непосредственной близости французскую армию. Однако

веселость и спокойствие, царившие на балу в Закрете, не давали основания предполагать, что мы находимся накануне вступления Наполеона в Вильну.

На следующий день после бала я узнал от самого императора, что французы действительно перешли Неман и что война неизбежна. Но так как военные действия были окутаны глубокой тайной и никто не знал истинных планов Александра и Наполеона, трудно было предположить, что русские могут оставить Вильну еще до того, как будет дано решающее сражение.

Упоминание императором лагеря в Дриссе и его внезапный отъезд из Вильны навели меня на грустные воспоминания и напомнили о том, что я слышал о плане военных действий, который обсуждался в Петербурге шесть месяцев назад, и реализация которого, к моему опасению, разворачивалась на наших глазах.

Не собираясь противоречить кому-либо и опровергать различные домыслы о причинах оставления Вильны и отступления российских войск без боя, я просто приведу факт, подлинность которого могу гарантировать.

После совета, который прошлой зимой проводил император с участием видных военачальников по обсуждению плана действий на случай вторжения французов в Россию, я встретился с генералом Армфельдтом, который выходил из кабинета Его Величества. Обращаясь ко мне, он сказал: «Мне жаль огорчать вас, мой дорогой граф, но в войне, которая грозит нам, поляков ждет много страданий. В случае агрессии со стороны французов императору было предложено вывести наши войска из Литвы вначале до укрепленного лагеря в Дриссе, а затем, если наполеоновские войска будут превосходить нас, – до старой российской границы. Мы намерены завлечь Наполеона и его армию в глубь страны, где ему не найти необходимых ресурсов. Мы хотим оторвать его от Парижа и сделать его коммуникации с Францией предельно растянутыми и затруднительным. Мы намерены выиграть время до приближения зимы. Нет сомнений в том, что армия Наполеона, завязнув в стране с холодным климатом и при нехватке продовольствия, понесет тяжелые потери в людях и лошадях, неизбежно потерпит неудачу и не сможет противостоять российским войскам, которые тем временем можно будет укрепить и организовать и которые, к тому же, будут сражаться с большой отвагой, защищая старые границы России».

Армфельдт назвал имя автора плана, а также тех, кто выступал против (он в их числе). Но генерал признал, что если хорошо подсчитать, то этот план является наиболее подходящим

по сравнению с другими, потому что позволяет остановить неожиданный и стремительный поток, который невозможно сдержать с помощью дамбы на таком бескрайнем участке границ России от Курляндии до Галиции. Он добавил, что у этих границ будут стоять русские войска, и их отступление будет постепенным, с оказанием возможного сопротивления, но по мере продвижения вражеской армии вглубь территории, сюда будут подтянуты и сосредоточены российские дивизии, дабы дать решающее сражение у старых границ России, где все должно обеспечить им успех.

Армфельдт также сказал мне, что этот, похоже, одобренный императором план был не нов…. Много лет назад его предложил англичанин, который, выступая в роли консультанта относительно средств обороны равнинного государства, не располагающего укрепленными крепостями, как в Польше, решил, что наиболее эффективным станет отвод войск на сорок или пятьдесят лье от границ с одновременным вывозом или уничтожением ресурсов, которые враг мог бы найти в стране. То есть, создать, так сказать, пустыню и кучи золы между вражеской и обороняющейся армиями.

«К счастью, – добавил Армфельдт, император Александр слишком гуманен, чтобы пойти на такие крайности, но, мой дорогой, готовьтесь увидеть ваши владения разоренными, а Литву в плачевном состоянии. Эта война не обойдется без больших жертв, и вы знаете, что следует в чем-то уступить, чтобы добиться большего».

Все, что я раньше услышал от генерала Армфельдта, всплыло в моей памяти, когда я увидел первые шаги по отступлению русской армии. В Вильне к нам дошла копия обращения Наполеона к войскам по случаю перехода через Неман, в котором он объявил, что они вступают на территорию противника. Таким образом, он вступал в Литву не как освободитель и друг, чтобы объединить ее с герцогством Варшавским и создать Польшу! – Это заявление сильно напугало литвинов[110].

Первые злодеяния, совершенные французами сразу после перехода Немана в некоторых поместьях, чьи хозяева были приверженцами Наполеона, поскольку видели в нем деятеля, способного возродить их страну, подтверждали, что обращение было воспринято дословно, и солдаты считали, что находятся во вражеской стране, где им все дозволено.

Разумеется, злоупотребления запрещались армейским руководством, и, вероятно, дисциплинированные и привычные к подчинению войска не были в них замечены, но от этого горе меньше не становилось. Сожженные деревни, разграбленные дома

помещиков и издевательства над населением послужили сигналом к враждебным действиям, нагоняли страх на тех, кто жил рядом с границей, вынуждали людей поспешно покидать свои дома, тщательно прятать свое имущество или увозить с собой то немногое, что они могли уберечь от вражеского мародерства. Это бегство, сильно удивившее французов и вызвавшее гнев Наполеона, можно объяснить просто началом войны.

Я вернусь к этой главе, когда пойдет речь о причинах, объясняющих, почему литвины не встретили Наполеона с энтузиазмом, который он увидел у поляков герцогства Варшавского[111].

Но вернемся к моей поездке. Ее описание необходимо, чтобы понять насколько быстрым было продвижение французских армий и в каком положении находились районы, через которые они проходили.

Приехав 14(26) июня в деревню Залесье, что в четырнадцати милях от Вильны, с надеждой провести здесь хотя бы несколько дней, уже на следующий день я узнал, что отряд французских гусар вошел в Ошмяны, расположенные на полпути от Вильны, а утром 27 июня, когда садился в карету, мне сообщили, что в Сморгони – в десяти верстах от деревни – уже появились уланы.

Добравшись до Молодечно, где находилось другое мое поместье – в восемнадцати милях от Вильны – я полагал, что попал в спокойное и надежное место, и хотел остаться здесь какое-то время, поскольку считал, что русские армии смогут остановить продвижение врага хотя бы на таком расстоянии, но утром 30 июня я был вынужден поспешно покинуть и это место, узнав что в Вилейку на р. Вилия, что в двадцати верстах от Молодечно, направлен отряд французской кавалерии, чтобы захватить там приготовленные для русской армии большие провиантские склады[112].

Я остановился на день в Мясоте – в одном этапе от Молодечно, чтобы узнать новости о передвижении армий.

Здесь ночью я повстречался с флигель-адъютантом императора Бенкендорфом, проезжавшим мимо с депешей. Я попросил его доложить Его Величеству, что в местах, где имелись крупные провиантские склады, которые оставлялись без боя врагу или сжигались, если на то имелось время, было бы лучше вернуть запасы землевладельцам и крестьянам, которые и так находятся в ужасающем положении после неурожая прошлого года и выполнения всех податей, чтобы наполнить сии склады.

В Минск я прибыл лишь 4 июля. В тот же день гражданский губернатор Доброжинский отправил отсюда свою жену вместе с

экипажами. Многие жители в спешке покидали город. Все говорило о том, что ожидается нападение со стороны неприятеля. Однако я никак не хотел верить тому, что значительное соединение французских войск могло продвинуться столь далеко вглубь территории, не встретив на своем пути сопротивления.

Поскольку из Вильны я ехал по почтовой дороге, то знал, что различные французские отряды уже добрались до многих городков и местечек, но о продвижении главных сил мне ничего не было известно. Поэтому я сильно удивился, узнав, что 4 июля маршал Даву вошел в Вишнево, а 6 июля генерал Багратион, который находился в Свири, куда он подошел со стороны Минска, получив сведения о приближении к этому местечку со стороны Ракова французов, изменил направление движения своего войска.

Таковы были те единственные новости, которые мне удалось узнать в Минске, но и этого было достаточно, чтобы понять, что именно эти края станут театром военных действий, несмотря на то, что все наше внимание было направлено на Вильну, судьба которой по-прежнему оставалась неизвестной.

Поскольку мы были в полном неведении относительно хода военных действий после переправы французов через Неман, нашему удивлению не было предела, когда мы узнали, что корпус маршала Даву двигался отдельной колонной от великой армии, а Багратион – от основных сил русских, и оба военачальника были готовы ввязаться в баталию на подступах к Минску.

На этом можно было бы построить много разных предположений, если бы у нас было время, но уже ранним утром 7 июля, когда я выезжал из Минска в направлении Белой Руси, стало известно, что конница Платова успешно атаковала французов в районе Мира. Со стороны Воложина доносилась сильная канонада, которая свидетельствовала о приближении французов к Минску, куда маршал Даву вошел 8 июля.

Хотя у меня уже не оставалось никаких сомнений в быстроте продвижения врага по Литве, я тем не менее полагал, что основные силы направятся в сторону Дриссы, где должны были быть сосредоточены все русские армии, и не думал, что маршал Даву сумеет войти в Белую Русь еще до того, как произойдет решающее сражение в районе Двины.

Находясь на расстоянии более ста восьмидесяти верст от линии военных действий двух армий, я был не в состоянии произвести какие-либо разумные расчеты, поскольку передвигался по малонаселенным районам, где невозможно было добыть свежие новости еще и из-за того, что на дороге на Петербург через Витебск нам не повстречался ни один русский курьер.

8 июля поутру я прибыл в Борисов – маленький городок в восьмидесяти верстах от Минска. Создавалось впечатление, что здесь царит сплошная атмосфера спокойствия. Сотни крестьян, кои были заняты рытьем окопов и траншей под присмотром офицера инженерных войск, безмолвно занимались своим делом, не подозревая, что началась война и что в сей день французы вошли в Минск.

Предводитель дворян Зенович и несколько губернских чиновников, которые повстречались мне на почтовой станции, не разделяли сего спокойствия, поскольку в окрестностях ходили слухи о том, что французы уже в Зембине, в трех милях от Борисова. Как только мне поменяли лошадей, я сразу же тронулся в путь по оршанской дороге, взяв курс на Витебск.

На протяжении всего пути из Вильны меня заботили не только предположения относительно неясных итогов начавшейся войны, но и грустные размышления о состоянии Литвы, превратившейся в арену боевых действий, и бедственном положении ее жителей, которые после того, как отдали все, что от них потребовали для нужд русской армии, должны были теперь обеспечивать приют и кормить армию противника, предоставлять ей лошадей и повозки для перевозки военного имущества и продовольствия. Но что было особенно невыносимо тяжелым для них, так это то, что от полевых работ было оторвано все сельское население провинции. И это во время сбора урожая, которого ждали с таким нетерпением, особенно после засухи предыдущего года и который, несмотря на все свое обилие, становился бесполезным для страны из-за нехватки рук, чтобы собрать его.

Моему удивлению не было предела, когда то тут, то там на моем пути встречались толпы крестьян-рекрутов, предназначенных для пополнения русской армии, сотни повозок с водкой, тысячи быков и все это, как я узнал, не успев дойти до места назначения, перехватывалось врагом.

Я руководствовался лишь чувством гуманности и сострадания к повальной нищете литовского народа, когда из Орши направил к императору Александру курьера, чтобы сообщить обо всем уведенном мною. Я умолял его отдать приказ, чтобы грузы с водкой и скот были срочно распределены между жителями, особенно между крестьянами, которые находились в самом бедственном положении, еще до того как все это попадет в руки врага. Я также предложил отпустить по домам многочисленных рекрутов, большинство которых было набрано в Белой Руси и в российской глубинке, или перенаправить их поближе к старой границе. Я взял на себя смелость обратить внимание Его Величества, что если бы на дороге между Минском

и Витебском находился кто-либо их высших офицеров и занимался управлением перевозками различных грузов, то можно было бы, несмотря на быстрое продвижение врага, предупредить то, что происходит, и избежать значительных потерь для губерний и их жителей.

Отправленный 10 июля с этим письмом курьер застал императора в Дрисском укрепленном лагере. Его Величество собирался садиться на коня, когда ему передали мое письмо. Прочитав его, он поинтересовался у курьера, нахожусь ли я по-прежнему в пути на витебской дороге, и приказал ждать ответа. 15 июля я получил письмо следующего содержания, написанное от имени императора обер-гофмаршалом графом Толстым:

«Господин граф, Его Величество будучи чрезмерно занятым с утра до ночи, не нашел свободного времени, чтобы написать вашему превосходительству. Он поручил мне поблагодарить вас от его имени за предоставленные важные сведения и за ваши полезные замечания. Его Величество незамедлительно направил в Оршу одного из своих адъютантов, чтобы дать указания по перевозке грузов, предназначенных для нашей армии.

Его Величество желает, чтобы вы оставались в Витебске вплоть до получения новых распоряжений. Как только Его Величество несколько освободится от своих дел, он попросит вас явиться к нему в главную квартиру.

При этом честь имею …и т. д.

Дрисский лагерь, 1(13) июля 1812 года»

Две недели, проведенные в Витебске, вызывают во мне грустные воспоминания о тоске, беспокойстве и неудобствах, которые я здесь испытал, особенно, в первую неделю пребывания. Город я нашел почти безлюдным. Весь его гарнизон состоял из пятидесяти солдат. Сюда не поступали прямые новости из армии, и по этой причине среди населения города, большинство которого составляли евреи, распространялись сплетни, тревожные слухи и домыслы в зависимости от того, чего люди хотели или боялись.

Незадолго до наступления срока, который должен был развеять все наши сомнения, в Витебск прибыли генералы Беннигсен, Армфельдт и Корсаков, а также сенаторы Ланской и Новосильцев. Такое собрание из выдающихся военачальников и государственных деятелей, которое в любое другое время составило бы для любого из нас самое приятное общество, позволило нам лишь поделиться своими оценками, опасениями и надеждами.

Мне, наконец, стало известно, что 14 июля русская армия оставила Дрисский лагерь и перешла через Двину, что 6(18) июля

главная квартира переехала в Полоцк, а армия расположилась лагерем поблизости от этого города у витебской дороги, что в тот же день 6(18) июля император Александр из своего лагеря близ Полоцка обратился с двумя воззваниями к жителям Москвы и что после этого он покинул армию и отправился в Москву, куда прибыл 11(23) июля.

Через адъютанта генерала Барклая нам стало известно, что 19 июля первый кавалерийский корпус покинул Полоцк и направился в сторону Витебска, и что на следующий день уже вся армия начала отход в том же направлении.

Наконец, 11(23) июля мы стали свидетелями вступления армии в Витебск, где генерал Барклай собирался разместить свой штаб.

Только после этого жители этого города, которые доселе находились в постоянной тревоге, обрели былую уверенность и стали свидетельствовать огромную радость. Это чувство искренне разделялось всеми теми, кто не знал о положении дел после перехода французов через Неман, и кто видел в сосредоточении русских войск в Витебске последствие сложного плана, который позволит успешно атаковать врага.

Мы видели, как почти весь день армия переправлялась по мосту. Похоже, что в ней было около ста тысяч человек, воодушевленных единым боевым порывом. Огромная толпа зрителей, привлеченных со всех сторон вступлением войск, наблюдала за его прохождением по улицам Витебска не только с восхищением, но и с удовольствием и энтузиазмом. Военные не могли не вызвать у них чувства доверия, так как солдаты пели веселые песни и внушали радостное настроение. Они надеялись, что больше не придется отступать без боя и они дадут решительное сражение врагу, в победе над которым они не сомневались.

Однако неприятель не заставил себя ждать. После того как русские оставили Дрисский лагерь, французы продолжили свое продвижение вперед, не упуская из виду перемещения русских войск.

12(24) июля в Бешенковичи, что в сорока верстах от Витебска, где уже стояли кавалеристы генерала Нансути, вошел корпус вице-короля Евгения. Он тут же приказал навести мост через Двину, но баварская бригада легкой кавалерии, не дожидаясь окончания сооружения моста, перешла реку вброд с целью сбора разведданных, на основании которых чуть позже Наполеон, лично прибывший на правый берег, выдвинул свои аванпосты на восемь верст вперед от Бешенковичей. Убедившись, что он не смог обойти левый фланг русской армии, основные силы которой были

перенаправлены на Витебск, Наполеон принял решение продолжать свое продвижение по левому берегу Двины. Тем же вечером Нансути с двумя дивизиями и полком легкой пехоты был направлен к д. Будилово. Гвардия и корпуса Нея и вице-короля стали перед Бешенковичами, куда Наполеон перенес свою главную квартиру.

Я упомянул о всех этих передвижениях войск только для того, чтобы показать, какое положение занимал Наполеон, когда Барклай со своей армией находился в Витебске. В то время нам об этих передвижениях не было известно, и я был немало удивлен, когда 13(25) июля услышал канонаду, вызвавшую у меня любопытство, поскольку мы полагали, что французская армия находится на значительном удалении. В компании нескольких друзей я отъехал на пару верст от Витебска, и удивление мое возросло еще больше, когда я увидел направлявшуюся в сторону города колонну из сотни пленных голландцев и французов и обратил внимание на то, что канонада, вместо того чтобы ослабевать, становилась все громче, хотя казалось, что она удаляется. Не было сомнения в том, что сражение не очень серьезное, но и было очевидно, что французские аванпосты, приблизившиеся довольно близко к Витебску, отброшены и вынуждены отойти к основным силам.

Встретившийся мне генерал Уваров, а также возвращавшиеся в город офицеры заверили меня, что то была простая стычка аванпостов. Я вернулся в Витебск, теряясь в догадках и размышляя над столь близким расположением врага, которое казалось мне невероятным.

Однако 25 июля на протяжении всего дня вплоть до самого вечера мы наблюдали вереницы повозок с ранеными, как русскими, так и неприятельскими, а также большое количество пленных. Это говорило, что дело оказалось гораздо серьезнее, чем представлялось поначалу, но мы не смогли узнать ничего, кроме того, что сражение было очень упорным как с одной, так и с другой стороны, что были большие потери с обеих сторон, что погиб русский генерал, что было ранено много офицеров, и что сильно отличился находчивостью и отвагой командовавший русскими генерал граф Остерман-Толстой.

На следующее утро я явился к генералу Барклаю, чтобы выяснить, собирается ли он и дальше стоять в Витебске, и показал ему письмо обер-гофмаршала графа Толстого, который от имени императора предписывал мне оставаться в этом городе вплоть до нового распоряжения. Барклай откровенно сказал мне, что еще не знает, что будет делать, так как это зависит от действий, которые предпримет неприятель. Он также добавил, что его

нерешительность и неуверенность относительно дальнейших действий объясняется неведением насчет продвижения князя Багратиона и места нахождения его армии. Он посоветовал мне отправиться в Петербург, где, как он полагал, я найду императора после его возвращения из Москвы.

Глава II

На мое решение уехать как можно скорее из Витебска повлияло то, что жители окрестных деревень, которых прибытие Барклая успокоило и привлекло в город, уже накануне стали поспешно покидать его, а отъезд коренных жителей города стал почти все– общим.

Вначале я отправился в Сураж, где собирался дождаться новостей из главной квартиры. Дорога от Витебска до Суража на расстоянии около двадцати верст была забита повозками, фурами и всевозможными экипажами еще больше, чем дорога от Вильны. Следуя друг за другом, и тесня друг друга, этот торопящийся поток выстроился в три колонны, не считая тех, кто шел пешком, либо ехал верхом.

Остаток дня 14(26) июля прошел в ожидании новостей о продвижении двух армий. 27 июля в два часа пополудни прибывший офицер штаба рассказал нам, что генерал Барклай выступил вперед с решением дать сражение, и с этой целью его войска в ночь с 26 на 27 июля заняли позиции, но после того, как прибыл адъютант князя Багратиона с сообщением о передвижении его армии, Барклай поменял свое решение, и чтобы осуществить соединение двух армий, решил отступать в направлении Поречья.

Несколько часов спустя я выехал из Суража по дороге на Петербург. К вечеру я переправился через Двину на лодке и по причине чрезмерной жары продолжил свой путь ночью, не предполагая, что могу встретиться с опасностью по ту сторону реки. Правда, на некотором удалении от Суража среди ночного мрака я увидел яркий огонь страшного пожара. Как я позже узнал, то горели подожженные склады соли. Но я не предполагал, что на правом берегу Двины могут находиться французы, поскольку все войска должны были располагаться по левую сторону реки.

Когда утром 28 июля я заканчивал свой завтрак в Усвятах, что в нескольких лье от Суража, сюда нагрянул гражданский губернатор Витебска, который, сменив лошадей, тотчас же отправился в дальнейший путь, посоветовав мне сделать то же самое. Без лишних вопросов я последовал его совету и в тот же день узнал, что отряд французов подошел к Усвятам и был на той самой почтовой станции два часа спустя после моего отъезда.

Я прибыл в Петербург в один день с императором, который вернулся из Москвы.

Хотя прошло всего шесть недель после моего отъезда, я

увидел в столице империи много перемен. Самая разительная заключалась в том, что пропали французские приверженцы. Напротив, ненависть к тем, кто представлял эту нацию, и презрение к почитателям Наполеона росла в обществе по мере успехов вражеской армии. Успехи эти безмерно преувеличивались, так как никто не мог предположить, что огромная русская армия может оставить Витебск, а французы перейти через Двину и Днепр без решающего сражения, результат которого, как полагали, был не в пользу русских.

Воззвания императора Александра к жителям Москвы, его поездка в старую столицу и речи об опасности, в которую ввергнуто отечество, а также его неожиданное возвращение в Петербург только увеличивали беспокойство и тревогу.

Все, кто знал о богатейших ресурсах России и преданности ее народа, способного на любые жертвы ради веры, царя и отечества, не сомневались в том, что рано или поздно планы Наполеона потерпят крах, но очень многие испытывали страх и полагали, что ничто не сможет остановить французов в их продвижении на Петербург.

Эти страхи росли по мере того, как одна за другой, стали приходить подробные новости о вступлении французов в Витебск, битве под Красным, отступлении армии генерала Барклая к Смоленску, сражениях под этим городом, отсутствии согласия между командующими армиями и, наконец, о пожаре и захвате Смоленска французами 8(20) августа.

Многие петербургские вельможи стали припрятывать в надежных местах наиболее ценные вещи из своих дворцов. Из столицы выдворили всех французов и прочих подозрительных иностранцев и заставили их покинуть пределы России. Был закрыт французский театр, а народный гнев против всего французского достиг таких размеров, что если бы не предусмотрительность следившей за порядком полиции, на улице могли бы наброситься на любого, кто говорил по-французски или был заподозрен в симпатиях к Наполеону.

Среди этой растерянности и возбуждения умов были и те, кто сохранял хладнокровие и не разделял общей тревоги. Вместо того, чтобы впадать в отчаяние по поводу судьбы России, они находили повод для спокойствия даже в быстроте развивающихся событий и в дерзости Наполеона, отважившегося преступить старые границы российской империи. На его форсированные марши, которые быстро изматывали людей и лошадей, все большее удаление от границ Франции, центра оперативных действий и пополнения средств существования и возмещения потерь армии, смотрели, как на непоследовательность и тяжкую

ошибку.

Лишь после решения генерала Барклая отступать к Москве и известия, что Наполеон оставил Смоленск и двинул свою армию в том же направлении, жители Петербурга перестали опасаться появления французов у ворот столицы.

Все те, кто сохранял в себе спокойствие и ясность разума были убеждены в том, что

1. Наполеон не станет делить свою армию, чтобы выступить одновременно против двух столиц империи;

2. Петербургу не угрожает опасность, так как на берегах Двины его охраняет корпус генерала Витгенштейна, а большое расстояние до Петербурга, трудности в виде плохих дорог, болот и песков, не говоря о военном сопротивлении с этой стороны, делали этот поход для Наполеона не только неблагоразумным, но и пагубным.

3. Чем больше Наполеон со своей армией будет углубляться на территорию старой России, тем меньше у него возможностей найти пополнение, в то время как русская армия сможет рассчитывать на постоянные подкрепления и поддержку населения, которое ненавидит французов гораздо больше, чем страшится.

4. Русские армии не дадут Наполеону подойти к Москве, и даже если они откажутся от решающего сражения, которое заставило бы его отступить, они наверняка скуют его действия вплоть до наступления ненастья, когда вся неопределенность положения, отрыв от политических и военно-административных дел вынудят его покинуть границы империи.

Как показало время, эти убеждения и расчеты полностью оправдались за исключением того, что Наполеону не удастся взять Москву.

Все те, кто окружал императора в это тяжелое для страны время, восхищались его спокойствием, активностью, твердостью, верой в Провидение, преданность своих подданных, а также его решением не соглашаться ни на какие мирные предложения до тех пор, пока враг не покинет границы его государства. И это несмотря на увещевания со всех сторон о необходимости остановить войну и начать переговоры с Наполеоном.

Тем не менее в то время как войска почти всех континентальных держав шли по России, Англия заключила союзный договор со Швецией. Эдуард Торнтон прибыл в Швецию и разместил свою резиденцию рядом с Эребру, где 13 апреля собрался государственный сейм. 12 июля 1812 года договор подписали сэр Эдуард Торнтон от имени Великобритании, и бароны Ларе Энгстрем и Густав де Веттерштедт от имени

Швеции. Он содержал всего четыре статьи, третья из которых гласила: «Если из ненависти к настоящему мирному договору и восстановлению взаимопонимания между двумя странами, какая-либо третья держава объявит войну Швеции, Его Величество король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии берет на себя обязательство в согласии с Его Величеством королем Швеции, принять необходимые меры для обеспечения безопасности и независимости их государства».

В эти же дни, когда состоялось примирение между Швецией и Великобританией, и в том же городе Эребру, был подписан мир между Россией и Великобританией. От России договор подписали генерал Питер Сухтелен и барон Николаи, а от Англии – Эдуард Торнтон. Стороны пришли к соглашению (ст. 2), «что дружественные и торговые отношения между двумя империями будут восстановлены на основе принципов наиболее благоприятствуемых нациям», и (ст. 3) «что если из ненависти к восстановлению взаимопонимания между двумя странами, какая-либо из третьих держав объявит войну какой-либо из договаривающихся сторон, оба монарха обязываются защищать друг друга»[113].

Несколько дней спустя, еще до обмена ратификациями договора, император своим высочайшим указом от 4(16) августа открыл российские порты для британских товаров.

В течение июля шли также переговоры с Испанией, договор с которой был подписан 8(20) июля в Великих Луках – маленьком городе Псковской губернии. Это был союзный договор с верховным советом действующего от имени короля Испании Фердинанда VII правительства, главная квартира которого располагалась в Кадисе. Испанскую сторону на переговорах представлял дон Франциско де Зеа Бермудес, российскую – канцлер Романцов. Обе стороны условились (ст. 2) о бессрочном действии договора и о взаимном содействии во всем, что касается общих интересов, и выразили решимость вести жестокую войну с общим врагом – императором французским. Император всероссийский признал законными генеральные и чрезвычайные кортесы, ныне в Кадисе соединившиеся, равно как и конституцию, ими учиненную и утвержденную»[114].

Как только сейм в Эребру закончил свою работу, наследный принц Швеции отбыл в финский город, куда из Петербурга направился император Александр, чтобы обсудить здесь взаимные интересы обоих государств. Наследный принц прибыл 27 августа 1812 года и был принят с уважением и почестями.

В Петербурге мы оставались в неведении относительно деталей этих переговоров и вытекающих из них договоренностей,

но стало известно, что большая часть стоявшей в Финляндии российской армии была немедленно выведена из Ливонии, чтобы укрепить Рижский корпус генерала Эссена и корпус Витгенштейна. Все это и последующие новости о договорах с Англией и Испанией, а также достижение взаимопонимания между Швецией и Россией, отчасти успокоило общественность в начале кампании 1812 года.

После заключения мира с Турцией генерал Кутузов вернулся в Петербург. В дворцовой церкви в присутствии императора, членов его семьи и первых лиц империи был пропет Te Deum, что стало свидетельством всеобщего ликования по случаю мира. Однако тот, кто заключил этот мир, несмотря на свой преклонный возраст, заслуги перед родиной и раны, не был удостоен почестей со стороны окружения Александра, потому как считался опальным по причине того, что затянул переговоры с турками. А согласно принятым правилам придворные избегают или не спешат искать встреч с теми, кто лишен благосклонности государя.

Я был лично знаком с генералом Кутузовым еще со времен моей первой поездки в Петербург в 1793 году. Мы были с ним в дружеских отношениях в его бытность генерал-губернатором Литвы, потому как он снискал здесь уважение и любовь своим безупречным поведением. К тому же мне нравились в нем остроумие и приветливость, и он всегда проявлял ко мне особое уважение.

Когда я узнал о приезде Кутузова в Петербург, то с удовольствием и благодарностью вспомнил о приятных днях, проведенных с ним Вильне. Я сразу же навестил его, а потом еще несколько раз заезжал к нему, в то время как многие из его старых друзей оставили его без внимания. Он был тронут до слез. Я нашел его не таким веселым и жизнерадостным как в Вильне, но ровное настроение, присутствие духа и спокойствие в столь печальном положении, в котором он оказался, указывали в нем человека, способного достойно противостоять событиям при виде великой опасности, угрожающей его родине.

Однажды, когда я обедал у Кутузова, его без всякого объяснения вызвали к императору. Несколько дней спустя я увидел у его подъезда много карет, а комнаты его дома были заполнены военными и гражданскими чиновниками всех рангов, которые пришли поздравить его с назначением главнокомандующим русскими армиями. Когда я вошел к нему, он улыбнулся моему удивлению и по-дружески расцеловал. Он попрощался со мной, потому что уже через несколько часов должен был выехать из Петербурга и отправиться к месту

назначения.

Я стал свидетелем всеобщей радости в петербургском обществе, вызванной его назначением. Позже говорили о доверии, которое он внушил всей армии и русскому народу. Из бюллетеней и газет я узнавал о его военных операциях и успехах, но после его отъезда из Петербурга и до самой смерти мне уже не представилась возможность свидеться с ним.

28 августа Кутузов прибыл в главный штаб русской армии в Царево Займище[115].

Я не стану останавливаться ни на военных операциях, которые последовали после прибытия Кутузова к армии, ни на Бородинском сражении и передвижениях обеих армий под Москвой, ни на оккупации старой столицы французами и плане отступления, задуманном и исполненном Кутузовым.

Воздержусь также и от подробных описаний всех значимых сражений этой памятной кампании, в которой я не принимал никакого участия, и точные детали которой узнал годы спустя из книг авторов разных стран, описавших эти события[116].

Глава III

Нет сомнения в том, что назначение Кутузова на пост главнокомандующего, имело для России счастливые последствия в войне, начало которой было отмечено большими неудачами. Все радовались тому, что армию возглавил русский. На его прибытие в главную квартиру смотрели как на конец глубоких разногласий между командующими армиями. Полагали, что русские обязательно перейдут в наступление, которое принесет им успех. Однако новость о Бородинском сражении[117], одном из самых кровавых в истории войн, отступлении русской армии, решении князя Кутузова после военного совета 12 сентября оставить Москву и отступить по коломенской дороге, вступление французов в Москву и ее пожар, вновь породили беспокойство и страх в петербургском обществе.

Считали, что России наступает конец. Открыто говорили о предательстве, но не знали, на кого возложить вину. Один только Кутузов не входил в число тех, кого обвиняли в этой связи, но и он не смог избежать упреков и недовольного ропота, поскольку были непонятны причины, вынудившие его принести в жертву самый древний и пышный город империи – узел всех коммуникаций, который, как считали русские, учитывая численность населения и царивший в нем патриотический дух, мог сам организовать надежную оборону от врага.

Мы не знали, что князь Кутузов вынес на решение военного совета важный вопрос: *принять ли новое сражение на позициях, занимаемых армией, или отступить за Москву, оставив город французам?* Видя, что мнения разделились, как и следовало ожидать при принятии столь многозначащего решения, он упростил вопрос, спросив, *что важнее для спасения родины: сохранить армию или оставить старую столицу*. Ответ мог быть только утвердительным, и из этого следовало, что давать сражение и подвергать опасному риску армию в том состоянии, в котором она находилась после Бородинского сражения, было крайне не осторожно[118].

Пожар в Москве, в результате которого сгорело девяносто процентов застроек, вызвал ужас и растерянность в человеческих умах. Противоречивые предположения и догадки охватили всех без исключения жителей Петербурга, и, независимо от того, кому приписывался поджег города – французам или самим русским, люди терялись в оценке вызванных им огромных разорений, искали причины, которые привели к этому бедствию.

Однако, приходило и успокоение относительно опасности

прорыва французов к Петербургу, поскольку Наполеон не мог терять из виду главную русскую армию, хотя и понесшую большие потери во время боев при отступлении, но все еще представлявшую собой большую силу, которая ежедневно получала пополнение из разных провинций империи.

Вскоре стало известно, что император лично занялся генеральным планом продолжения войны и в этой связи передал особые приказы командирам отдельных корпусов армии о действиях в различных местах в соответствии с направленными им указаниями, чтобы остановить последующее продвижение Наполеона, а также отрезать ему путь для отступления[119].

Успехи генерала Витгенштейна на берегах Двины, объединение Молдавской армии с армией генерала Тормасова и действия соединенных армий под командованием адмирала Чичагова против корпуса князя Шварценберга, формирование нескольких добровольческих корпусов, которые, сделав затруднительным сообщение между Смоленском и Москвой, нарушали снабжение армии Наполеона, захватывали провиантский транспорт и перехватывали неприятельских курьеров, постепенно возродили надежды в петербургском обществе.

Мы знали, что русская армия, расположившаяся под Тарутино, ближе к Калуге, получала снабжение из провиантских магазинов этого города, которые в свою очередь пополнялись из самых плодородных областей России. Купцы главных городов империи прибыли в лагерь князя Кутузова и открыли здесь богатые базары, где офицеры и солдаты могли приобрести по низким ценам самое необходимое.

Стало известно, что донские казаки снарядили и отправили в лагерь Тарутино двадцать два полка, сформированных в основном из казаков-ветеранов, которые своей долгой службой уже заслужили покой и отдых, но, ввиду нависшей над Родиной опасности, снова взялись за оружие.

В то же время положение французской армии в Москве стало очень ненадежным, и знания правдивой картины о ее бедствиях было достаточно, чтобы положить конец тревогам самых малодушных жителей Петербурга.

Удаленная почти на двести пятьдесят лье от границ своих союзников, изолированная в поднявшейся на борьбу с агрессором стране, испытывающая трудности со снабжением и коммуникациями, эта армия начинала проявлять первые признаки развала, который впоследствии приведет ее к краху. В то время как в тарутинском лагере хватало всего, в армии Наполеона царили лишения, нужда и голод. Осмелев от своих

успехов, партизаны и крестьяне стали настолько предприимчивы, что французские фуражиры уже не решались удаляться от своего лагеря более чем на пять верст.

На своем пути от Смоленска до Москвы Наполеон нашел лишь безлюдные или уничтоженные пожаром деревни. Всюду при его приближении люди покидали свои жилища. Он вошел в Москву и не увидел приветственной депутации от города, как это было в других попавших под его власть европейских столицах.

Он был разочарован, обнаружив брошенный почти всеми жителями город, вскоре превращенный в пепел. У него оставалась одна надежда на то, что российский кабинет впадет в отчаяние от потери Москвы, но обманувшись в своих ожиданиях и не получив никаких предложений со стороны императора Александра, он был сильно удивлен и встревожен.

Двадцать дней прошло со дня французской оккупации Москвы, когда Наполеон решился сделать шаг к сближению, отправив генерала Лористона в главный штаб маршала Кутузова под предлогом переговоров об обмене пленными. Встреча Лористона с маршалом состоялась в селе Тарутино вечером 23 сентября по старому стилю.

На предлагаемый обмен пленными Кутузов отвечал уклончиво, а когда Лористон наконец заговорил о мире и желании Наполеона восстановить дружеские отношения, которые существовали между двумя императорами, и которые были прерваны по причине неблагоприятных обстоятельств, маршал ответил, что не имеет никаких полномочий для ведения переговоров о мире, но пообещал поставить в известность Его Величество императора Александра о предложении Наполеона отправить в Петербург Лористона для переговоров. Тем не менее этот французский генерал, несмотря на его настойчивые увещевания, не смог получить от Кутузова согласия на заключение перемирия до получения ответа русского императора.

Глава IV

Поскольку связи с Литвой были прерваны, мы в течение довольно долгого времени после оккупации Вильны французами были лишены каких-либо новостей о тамошних событиях. Некоторые бежавшие оттуда российские чиновники, а также жители Литвы, нашедшие способ обойти бдительность установленной там новой власти и пожелавшие пережить военное время в России, рассказывали нам подробности, которые, несмотря на запоздалость, я привожу в этой книге, как имеющие отношение к истории Польши и поляков. Вот информация, которую я смог собрать:

Своим указом от 16 апреля 1812 года король Саксонии как великий герцог Варшавский приказал сформировать национальную гвардию из мужчин в возрасте от двадцати до пятидесяти лет. Вторым указом от 26 мая был создан совет, которому было предоставлено право принимать в отсутствие короля необходимые для защиты государства меры и осуществлять полномочия, предоставленные королю конституцией. 5 июня в ранге посла Наполеона в Варшаву прибыл архиепископ Малин, более известный под именем отца Прадта, и уже через несколько дней совет, в соответствии с предоставленными ему полномочиями, созвал Чрезвычайный сейм, который приступил к работе 26 июня. Маршалком сейма был назначен князь Адам Чарторыйский (отец). 28 июня сейм при полном воодушевлении провозгласил себя Генеральной конфедерацией Речи Посполитой, осуществляющей всю полноту власти, Польское королевство восстановленным, а польский народ снова единым. Конфедерация обратилась с воззванием ко всем офицерам, солдатам, гражданским и военным служащим польского происхождения уйти с русской службы. После чего конфедерация завершила работу, а ее члены разъехались по своим провинциям, чтобы собрать акты о присоединении. Заведовать делами конфедерации было поручено Генеральному совету, в который вошли двенадцать членов. Король Саксонии, приглашенный депутацией Генерального совета присоединиться к конфедерации, подписал 12 июля манифест о своем вступлении в Генеральную конфедерацию. Еще одна депутация[120] была направлена к Наполеону, который находился в те дни в Вильне.

Старший из депутатов, сенатор Выбицкий обратился к Наполеону с пылкой речью, в которой он, в частности, сказал: «Интересы империи Вашего Величества требуют восстановления Польши. Возможно и честь Франции требует того же. Если

расчленение Польши было символом упадка французской монархии, то ее восстановление свидетельствует о процветании, к которому Францию привели Вы, Ваше Величество. Угнетенная Польша уже почти три столетия смотрит в сторону Франции, этой великой и великодушной нации, но решить ее судьбу уготовано только родоначальнику четвертой династии, перед которым политика трех веков – всего лишь мгновение, а пространство с юга на север – всего лишь точка».

Вот ответ Наполеона:

«Я выслушал с большим интересом то, что вы сказали мне. На вашем месте, я думал бы и поступал, как и вы. Я точно так же действовал бы на Варшавском сейме, ибо любовь к отечеству – основная добродетель образованного человека.

В моем положении приходится считаться с множеством интересов и выполнять много обязательств. Если бы мое правление пришлось на годы первого, второго или третьего раздела Польши, я поставил бы под ружье весь свой народ, чтобы защитить вас…

Я люблю вашу нацию и 16 лет наблюдал за вашими воинами, которые сражались со мной на полях Италии и Испании.

Я приветствую ваши поступки и одобряю усилия, которые вы намерены употребить, и сделаю все, от меня зависящее, дабы поддержать ваши намерения.

Если старания ваши будут единодушны, можете питать надежду заставить ваших врагов признать ваши права, но в странах столь обширных и отдаленных, лишь от единодушия усилий всего народа их населяющего зависит успех. Так говорил я при первом приходе моем в Польшу. *Должен добавить, что я подтвердил императору австрийскому неприкосновенность его владений и не могу уполномочить вас ни к каким действиям, клонящимся к нарушению мирного обладания оставшихся в его владении польских областей*. Пусть Литва, Самогития, Витебск, Полоцк, Могилев, Волынь, Украина и Подолия оживятся духом великой Польши, и Провидение благословит ваши начинания успехом. Оно наградит вас за преданность родине, сделавшей вас столь привлекательными, и даст вам право на мое уважение и протекцию, на которую вы можете рассчитывать при любых обстоятельствах»[121].

Этот уклончивый ответ Наполеона разочаровал депутатов, надеявшихся принести своим избранникам уверенность в восстановлении Польши и, тем самым, одобрения того, что провозгласил Варшавский сейм. Было ясно, что Наполеон не хотел возвращения Польше бывших польских провинций, присоединенных к Австрии, и, несмотря на легкость, с которой

французская армия дошла до Вильны, в Литве вовсе не думали, что русские продолжат свое отступление, и после этого публичного выступления в столице их провинции, безразличное отношение литвинов к Наполеону увеличилось, а надежды его сторонников в значительной степени рассеялись. Если к этому добавить проведенную Наполеоном особую организацию Литвы без ее включения в Генеральную конфедерацию Польши, то легко можно было догадаться, что у Наполеона более, чем когда-либо были задние мысли, и что в его планы вовсе не входило присоединение Литвы к Великому герцогству Варшавскому.

Ко всем этим подробностям, которые я узнал в Петербурге лишь в сентябре, добавились сведения относительно того, что произошло после оккупации Вильны. Также мне стало известно, что Даву и Багратион оказались в районе Минска как раз в то время, когда я проезжал через этот город. Все это, без сомнения, знали в Петербурге, но наводить справки у тех, кто мог удовлетворить мое любопытство, было бы неосторожно. Открыто говорить о военных событиях стали лишь после сражения у Островно и отступления Барклая от Витебска к Смоленску.

Вот в нескольких словах то, что мне рассказали вновь прибывшие, и чему я позже нашел подтверждение в описаниях кампании 1812 года.

Первым планом Наполеона в начале военных действий было не допустить объединения 1-й и 2-й Западных русских армий Барклая де Толли и князя Багратиона. Быстрота, с которой он осуществил первые передвижения своих войск, способствовала осуществлению этого плана и задержала объединение войск, которое произошло гораздо позже под Смоленском. Тем не менее 1-й Западной армии удалось отступить в укрепленный Дрисский лагерь, заранее подготовленный к длительной обороне. За ней последовали корпуса Нея и Удино. Маршал Удино пытался переправиться через Двину в Динабурге, и все ждали, что как раз там произойдет решающее сражение, поражение в котором могло бы открыть путь на Петербург. Но в соответствии с согласованным планом генерал Барклай-де-Толли покинул свои позиции, оставив там лишь корпус Витгенштейна, и отступил к Витебску и Смоленску, чтобы сблизиться со 2-й Западной армией князя Багратиона.

Со своей стороны, князь Багратион, стремясь подойти к 1-й армии и испытывая трудности в исполнении своего плана из-за постоянного натиска со стороны маршала Даву, который следовал за ним по пятам, прошел под Минском, где Даву сумел обойти его, и после неотступных преследований и беспокоящих действий со стороны неприятеля решился дать сражение 23 июля,

около Могилева. Независимо от исхода боя, результаты которого даже французские бюллетени описали в двусмысленных выражениях, Багратиону удалось осуществить свой план по отходу на Смоленск и соединиться с 1-й Западной армией под командованием генерала Барклая-де-Толли. Что было дальше, мы видели в предыдущей главе.

Декреты, опубликованные в главной квартире Наполеона в Вильне, а также другие распоряжения, последовавшие за ними, должны найти место в этих записках, чтобы показать, как быстро менялось положение в Литве после французской оккупации Вильны.

Декрет

Дано в Императорской Главной Квартире в Вильне 1 июля 1812 года

1. Назначается Временное Правительство Литвы, состоящее из пяти членов и одного Генерального Секретаря.

2. Комиссии Временного Правительства Литвы вверяется заведывание финансами края, доставка провианта, организация местного ополчения, народной гвардии и жандармерии.

3. При Комиссии Временного Правительства Литвы будет состоять Императорский Комиссар.

4. Департаменты: Виленский, Гродненский, Минский и Белостокский, будут в свою очередь управляться отдельными Комиссиями, состоящими из трех членов, под председательством интенданта.

5. Означенные административные Комиссии будут подчинены Комиссии Временного Литовского Правительства.

6. Администрация каждого отдельного округа (уезда) подчиняется подпрефекту.

7. Город Вильна находится под управлением мэра, четырех советников и муниципального совета, состоящего из 12 членов. Означенной администрации вменяется в обязанность заведовать городским имуществом, осуществлять надзор над благотворительными учреждениями и над муниципальной полицией.

8. В г. Вильне будет сформирована народная гвардия из двух батальонов. Каждый батальон будет состоять из 6-ти рот. Народная гвардия организуется следующим образом: и т. д.

9. В каждом из департаментов, как-то: в Виленском,

Гродненском, Минском и Белостокском вводится жандармерия, подчиненная полковнику, имеющему под своим началом в департаментах: Виленском и Минском по два эскадронных командира, в Гродненском и Белостокском – по одному. В каждом округе будет расположена рота жандармерии.

10. Полковник жандармерии будет иметь жительство в главном губернском городе. Местожительство офицеров и расквартирование бригад определяется Комиссией Временного Правительства Литвы.

11. Офицеры, унтер-офицеры и волонтеры жандармерии будут избираться из среды дворян, уездных землевладельцев. Отказываться от назначения никто не имеет права. Назначение будет производиться в следующем порядке: офицеры назначаются Комиссией Временного Правительства Литвы; унтер-офицеры и волонтеры жандармерии – Административными Комиссиями департаментов: Виленского, Гродненского, Минского и Белостокского.

12. Форма жандармерии будет польская.

13. Жандармерия будет нести полицейскую службу, оказывать вооруженную помощь всякой административной и общественной власти, задерживать бродяг, мародеров и дезертиров всех войск.

14. Этот Наш приказ, совпадающий с последними днями месяца июня, будет опубликован в каждой департаменте и согласно такового будет назначена Военная Комиссия.

15. Начальник Главного Штаба назначит генерала или старшего офицера линейных войск – француза или поляка – комендантами в департаментах. Ему будут подчинены народная гвардия, жандармерия и местные войска.

Дано в Императорской Главной Квартире в Вильне 1 июля 1812 года.

(Подписано) Наполеон.

Приказ от того же дня

1. Назначаются членами комиссии Временного Правительства Литвы Г-да Станислав Солтан – бывший маршалок Литвы, Карл Прозор, Иосиф Сераковский, князь Александр Сапега, граф Франтишек Ельский.

2. Генеральным секретарем Комиссии назначается почетный член Виленского университета Иосиф Коссаковский.

Приказ от того же дня

1. Барон Биньон – назначается императорским комиссаром при Временном Правительстве Литвы.

2. Передаются в его распоряжение четыре аудитора для исполнения обязанностей интендантов в Виленском, Гродненском, Минском и Белостокском департаментах.

Приказ от того же дня

Назначаются членами административной комиссии Виленского департамента:

Г-да граф Игнаций Тизенгауз – рыцарь ордена Белого Орла, граф Адам Хрептович – член комиссии по образованию, граф Фердинанд Плятер.

Приказ от того же дня

Назначаются членами административной комиссии Гродненского департамента:

Г-да Лахницкий – бывший полковник, Немцевич – предводитель дворянства Брестского округа, Панцержинский – бывший гродненский маршалок.

Приказ от того же дня

Назначаются членами административной комиссии Минского департамента:

Г-да Иосиф Володкович – бывший минский маршалок, Ксаверий Обухович – бывший председатель главного суда, Гюнтер – бывший председатель главного суда.

Приказ от того же дня

Назначаются окружными подпрефектами по Виленскому департаменту:

Виленского уезда – маршалок князь Ян Гедройц; Трокского – маршалок Иосиф Петриковский; Вилькомирского – бывший Гродненский староста Морикони; Завилейского – маршалок Пшездецкий; Брацлавского – подкоморий Вавжецкий; Ковенского – подкоморий Забелло; Упитского – маршалок Бруннов; Россиенского – маршалок Мицевич; Шавельского – маршалок Виткевич; Тельшевскаго – маршалок Пилсудский.

Приказ от того же дня

1. Г-н Михаил Ромер, председатель временного суда, назначается мэром г. Вильны.

2. Помощниками мэра назначаются: Г-да Симон Малевский – член Виленского университета, Калликст Данилович – адвокат, Игнатий Войнич – хирург, Следзинский – купец.

3. Членами муниципального совета назначаются: Г-да Антон Храповицкий – домовладелец, Франц Чиж – заседатель Главного

суда, Мальчевский – нотариус, Фроланд – кондитер, Шимкевич – врач, Войницкий – адвокат, Нейман – врач, Рейзер – купец, Манзер – торговец шелком, Макс – седельный мастер, Статковский – музыкант, Борковский – бывший бургомистр.

Приказ от того же дня

1. г-н Козельский – бывший полковник артиллерии, назначается командиром Виленской народной гвардии.

2. г-да Францезон – бывший капитан артиллерии, и Закржевский – бывший капитан пехоты, назначаются командирами батальонов народной гвардии.

Приказ от 6 июля.

1. Назначаются членами административной комиссии Белостокского департамента:

Г-да Виктор Грондский – белостокский маршалок, Михаил Дашкевич – председатель суда, и Михаил Дзеконский.

Приказ от того же дня

Ст. 1. Назначаются интендантами департаментов Литвы: Виленского – г-н Николаи, аудитор Государственного Совета; Гродненского – г-н Шаснон, аудитор Государственного Совета; Минского – г-н Солнье, аудитор Государственного Совета; Белостокского – г-н Кошле, аудитор Государственного Совета.

2. Ответственность за исполнение настоящего приказа возложить на начальника генерального штаба и главного интенданта армии.

Приказ от 7 июля.

Ст. 1. Ввести двух временных членов во Временную комиссию правительства Литвы.

Ст. 2. Назначить членами комиссии г-д Александра Потоцкого и Яна Снядецкого.

Список лиц, включенных в депутацию для доклада Его Величеству королю Саксонии, герцогу Варшавскому об учреждении Генеральной конфедерации и прошения возглавить ее путем присоединения.

Г-да князь Яблоновский – сенатор воевода; Эдуард Рачинский – нунций познанский; Антоний Чарнецкий – нунций шремский; аббат Иосиф Козьмян – аббат-епископ замосцьский, депутат от

коммун Люблина и Любартова.

Список членов депутации, направленной к Его Величеству императору французов от имени конфедеративной нации с просьбой о протекции и поддержке возрождающейся Польши.

Иосиф Выбицкий – сенатор воевода; Валентин Соболевский – сенатор воевода; Станислав Солтык – нунций шидловецкий, граф Владислав Тарновский – нунций любартовский; Игнаций Стадницкий – нунций конинский; Станислав Александрович – нунций томчицкий; Александр Бнинский – нунций оборникский; Матеус Водзинский – брестский нунций.

Воззвание Временной комиссии Литвы к администрациям департаментов и округов и т. д.

Комиссия, во исполнение возложенных на нее обязанностей по охранению порядка, безопасности и по управлению краем, доводит до сведения всех административных властей, а также властей уездных, сельских и деревенских нижеследующее:

1. Все крестьяне, жители городов, местечек и деревень, оставившие при проходе войск свои дома, обязаны вернуться в оные и приступить к исполнению своих работ и обязанностей.

2. До объявления во всеобщее сведение других распоряжений, все крестьяне, и вообще сельские жители, обязаны повиноваться помещикам, владельцам и арендаторам имений или лицам их заступающим; обязаны ничем не нарушать собственности, исполнять все предписанные им работы и повинности, исполнявшиеся ими до сего времени.

3. Не исполнившие этого или исполнившие свои обязанности дурно, по докладу сельских властей подлежат увещеванию, наказанию и принуждению к выполнению этих обязанностей при посредстве уездных властей и даже воинской силы, если того потребуют обстоятельства.

4. Уездные административные власти должны стоять на страже общественного порядка и быть покровителями народа. Они обязаны: разбирать все обиды, причиненные сельским жителям, в вымогании ли податей сверх росписи или в отказе в помощи и защите, которые им подлежат; быть справедливыми к сельским жителям, наказывать за обиды, оказывать помощь и

покровительство обиженным.

5. Ввиду того, что строжайшим приказам Всемилостивейшего Императора и Короля, Наполеона Великого, воспрещается солдатам нападать на деревни, грабить их, чинить обиды, нарушать собственность и причинять вред хозяйству помещиков и крестьян; затем ввиду того, что военные команды и жандармерия, назначенные для охраны порядка и собственности общественной и частной, имеют приказ ловить бродяг, хватать и отправлять в полки отставших от армии, – всем помещикам и крестьянам вменяется в обязанность выдавать бродяг, доносить о них и оказывать помощь к прекращению грабежей.

Уездная администрация должна неотлучно находиться в главном городе уезда. Усадьбы собирают сельские сходы, каковые, разделенные на десятки и сотни, должны подчиняться порядку и быть готовыми, для нужд самих же сходов, оказывать помощь в поимке и задержании бродяг всякий раз, когда будут вызваны к этому воинскими командами, жандармами и чинами администрации, способствуя, таким образом, очищению края от людей вредных для войска и сельского хозяйства.

Настоящее объявление имеет быть оглашено с амвона, прочитано на сельских сходах, а в уездных городах прибито на дверях Ратуши.

Подписано членами комиссии[122].

Наконец приказом Наполеона от сентября месяца председателем Временной комиссии по управлению Литвой был назначен граф Хогендорп – дивизионный генерал, адъютант императора и военный губернатор этой провинции.

Вот еще одна интересная заметка, которую годы спустя передал мне один французский чиновник, и которая раскрывает некоторые подробности о внутреннем управлении Литвой после оккупации провинции французской армией.

«Прибыв в Вильну, Наполеон занялся организацией управления Великим княжеством Литовским, хотя войска его занимали пока еще незначительную часть территории края. Он учредил временное правительство, в которое вошли представители литовской знати. Его посланник в Варшаве г-н Биньон, который позднее получит большую известность в Палате депутатов Франции, был назначен императорским комиссаром при этом правительстве. После этого Наполеон назначил четырех аудиторов в Государственный Совет и интендантов в четыре департамента княжества. Николаи стал интендантом в Вильне, Солнье-сын – в Минске, Шасснон – в Гродно и Кошле – в Болостоке. За исключением Николаи, все они были очень молоды,

а Солнье напоминал молодого человека, едва вышедшего из юношеского возраста. Однако стоявшая перед ними задача была далеко не легкой. При своем отступлении русские уничтожили все провиантские магазины. Французские солдаты кормились за счет населения, и недополучая многое из того, в чем они нуждались, движимые диким инстинктом, который приобретается в ходе длительных войн, они часто занимались истреблением без всякой на то военной пользы. Справедливости ради, следует отметить, что первый армейский корпус под командованием маршала Экмюля был в стороне от этих грабежей. Страшный маршал Даву, который из своего гамбургского пашалыка наводил страх на всю северную Германию, проявлял в Польше гуманность и даже мягкость. В своих войсках он держал образцовую дисциплину. Во времена, когда всячески подпитывались надежды неожиданно разбогатеть и занять более высокое положение в обществе, ходили слухи, что он тешил себя мыслью взойти на польский престол. Многие поляки из числа тех, кого он приблизил к себе и ввел в свой штаб, подтверждали эти догадки.

Одним словом, новым интендантам достались в управление отданные на разграбление провинции. Когда они предстали для исполнения своих обязанностей, многих удивил их молодой возраст и голый подбородок, что было странным для страны, где частично сохранился национальный костюм, а усы и длинные старческие кафтаны добавляли возрастной степенности. Однако вскоре все признали, что интенданты вполне справляются с возложенными на них обязанностями. Свою неопытность они компенсировали пылом молодости и активностью, присущей их народу. Кроме того, Солнье произвел значительные заготовки провианта в Минске и других местах провинции. К несчастью для французской армии часть этого провианта была захвачена русскими. Интенданты сумели также внушить к себе уважение своей неподкупной честностью. Когда одному из них провинция предложила деньги на представительские расходы, то он передал их госпиталям. В стране, где предыдущая администрация далеко не всегда проявляла подобное бескорыстие, этот поступок вызвал удивление.

Кроме того, Наполеон назначил в каждое интендантство военного губернатора. Одним из них был генерал Жомини, перешедший впоследствии на русскую службу. Все они находились в подчинении генерал-губернатора графа Хогендорпа. Это был голландец, чья крайняя раздражительность не имела ничего общего с флегматичным характером, присущим его соотечественникам. Ему привелось проходить службу в Индии, и, казалось, что солнце той страны вскипятило его кровь. Говорили,

что в глубине души он был неплохим человеком, но постоянные вспышки гнева отталкивали от него многих людей.

Все нити гражданской власти, да и, в какой-то степени, военной тоже были сосредоточены в руках герцога Бассано – министра иностранных дел, которого Наполеон оставил в Вильне. Он находился в переписке с интендантами по делам высшего порядка и передавал, а иногда и сам издавал приказы армейским корпусам, которые действовали на территории Литвы. Это ему Наполеон поручил присматривать за Польшей в то время как сам он продолжал свой безрассудный поход в сердце России. Всем нравилась вежливость герцога Бассано. Среди придворных, родившихся в хижинах и сохранивших резкие и грубые манеры, он отличался мягким нравом и приветливым обхождением».

Глава V

10 октября 1812 года император вызвал меня в свой кабинет в девять часов вечера. Он показался мне более возбужденным, чем обычно.

«Ну вот, – *сказал он*, – вы видите, с нами хотят вести переговоры… Лористона посылали в лагерь Кутузова, и я раздосадован, что у него состоялась беседа с маршалом… Кутузов слишком хитер, чтобы поверить заверениям Наполеона о дружеских ко мне чувствах, но я не хочу, чтобы даже возникали какие-то предположения о примирении… В нашем положении невозможно думать о каком-либо сближении до тех пор, пока враг не покинет наши земли… Надеюсь, что с Божьей помощью нам удастся заставить его убраться. Если мои планы будут исполнены, у Наполеона будут трудности с возвращением во Францию. Во всяком случае, если ему это и удастся, то лишь ценой огромных потерь… Мой план принят… Кутузов будет действовать в зависимости от обстановки и маневров противника под Москвой. Я отдал приказ Витгенштейну и Штейнгелю перейти в наступление. В данный момент Чичагов со своей армией, которая воевала против турок, находится уже на Волыни. Он принял общее командование над войсками, которым предстоит противостоять Шварценбергу. Заставив его отступить, что обязательно произойдет, он оставит здесь наблюдательный корпус для сдерживания противника, а сам двинется на Минск, куда он прибудет с восьмьюдесятью тысячами человек, по меньшей мере, через три недели…

Надеюсь, Бог даст, мы заставим врага освободить не только русские провинции, но также Белую Русь и Литву… Как раз поэтому я вас и вызвал, чтобы предупредить о своем намерении опубликовать воззвание к полякам – подданным империи… Не хочу, чтобы возвращение моих войск в Литву они восприняли со страхом и растерянностью… Мне известно, что не везде они вели себя подобающим образом, но подавляющее большинство ваших соотечественников не потеряло право на мою протекцию и доверие, и я желал бы, чтобы через это обращение они удостоверились в этом… Я не допущу преследований и не забыл о проектах, которые мы вместе обсуждали до войны».

Я был исполнен чувств от того, что сказал мне император, тем более что после своего возвращения в Петербург он не заводил разговор об этих проектах. Было очевидно, что он решительно настроен продолжать войну и не вступать ни в какие переговоры о перемирии. Но, несмотря на все мое к нему

доверие, я не мог поверить тому, что освобождение Москвы и отступление французов могут произойти так скоро. Я с трудом представлял себе, каким образом можно было в соответствии с приказом командующим армиями отрезать путь Наполеону во время его отступления, чтобы он не смог добраться до Франции. Я не был посвящен в планы военных операций и не знал, какие силы должны были противодействовать врагу. Я даже толком не знал, какую силу представляла собой главная армия Кутузова… И кто тогда мог предвидеть те сверхъестественные события, которые Провидение приготовило России для освобождения от врага?… Я слушал императора, не пытаясь вникнуть в его замыслы, отбрасывая все казавшиеся мне неясными соображения, и думал лишь о том, чтобы как можно скорее исполнить приказ Его Величества.

Не слишком представляя себе, каким император видел это послание к полякам, я позволил себе задать ему несколько вопросов и попросил разъяснений. Император очень определенно ответил, *что его проект в данный момент нужен всего лишь для того, чтобы успокоить поляков, заверить их, что не будет никаких актов возмездия в провинциях, куда вступят русские армии*. Он добавил, *что это воззвание должно стать не только доказательством его милости, но и предписанием для генералов, определяющим для них линию поведения*.

После этого ответа я отважился заметить императору, что если бы речь шла только о том, чтобы показать прощение императора нарушившим свой долг польским подданным, было бы достаточно направить войсковым командирам специальные предписания, определяющие их образ действий по отношению к населению, но если император хочет поднять дух поляков в оккупированных врагом провинциях, желает, чтобы заверения в его благосклонности дошли до жителей герцогства Варшавского, было бы целесообразно при обнародовании этого воззвания пробудить надежду о восстановлении Польши, как только военные успехи позволят сделать это.

Конечно же, *ответил император*, – это само собой разумеется… Вам известны мои чувства, которые я всегда питал к вашим соотечественникам… Не все они ответили мне благодарностью. Достаточно отметить, с какой ожесточенностью они сражались с моими войсками во время этой кампании, но ограничусь тем, что просто пожалею тех, кто был введен в заблуждение ложными обещаниями, которые Наполеон никогда не собирался выполнять… Что до меня, то я не меняю своих решений и сдержу слово, как только придет время… Вы понимаете, что я не могу думать о планах организации

провинций, когда речь идет об обороне страны и уничтожении врага, который, несмотря на свои ошибки и понесенные потери, остается все еще достаточно грозным… Но я прошу вас заранее подготовить воззвание к полякам, о котором я вам уже говорил, и поскольку оно появится только тогда, когда это позволит обстановка, я разрешаю вам объявить *что я желаю восстановить Польшу* и надеюсь на доверие ко мне со стороны поляков.

Несколько дней спустя я направил императору письмо следующего содержания:

Санкт-Петербург, 7(19) октября 1812 года.

«Всемилостивейший государь, я никогда не сомневался в том, что твердость и огромные ресурсы России сведут на нет все усилия Наполеона. Но я никогда не мог предположить, что он рискнет зайти так далеко и растеряет все свои преимущества. Однако не следует заранее торжествовать победу. Любой другой на его месте, неотступно преследуемый партизанами, теснимый Чичаговым и Витгенштейном, окруженный частями Винцингероде, Толстого и Кутузова, должен был бы погибнуть, но он способен еще вырваться с победой, и не думаю, что, оставив Москву, он откажется от своих планов и перестанет быть менее страшным.

Он воспользуется всеми своими ресурсами и опытом, чтобы пробить себе путь, несмотря на препятствия, расставленные на его пути. И даже если он не разобьет русские армии, то натворит еще много зла, продолжая войну и разоряя провинции, лежащие на его пути.

Если Наполеону удастся пробить брешь в главной армии или удачно обойти ее, он направится ускоренным маршем в сторону южных провинций и найдет на Украине, Подолье и Волыни подходящие во всех отношениях зимние квартиры. Если этот план не осуществится, то он дождется прибытия корпуса маршала Виктора и направится в Литву, чтобы объединиться или, по меньшей мере, максимально сблизиться с корпусами Гувиона Сен-Сира, Макдональда и князя Шварценберга. И несмотря на полное окружение русскими частями, неотступное преследование во время переходов, нехватку продовольствия и фуража, препятствия в виде распутицы и снега, он все еще сможет собрать двести тысяч человек и удержаться в западных провинциях России, где вооруженные им партизаны начнут военные действия во многих местах и причинят много неприятностей, как это сегодня делают русские партизаны, нанося ощутимые удары по французским войскам. Известно из опыта, что поляки с большим успехом пользовались этим видом малой войны во времена

Барской конфедерации и последнего восстания 1794 года.

Словом, направится ли Наполеон в сторону южных провинций или вернется туда, откуда пришел, почему бы не причинить ему дополнительные трудности при его отступлении, повернув против него все тех же поляков, которых он обманул и превратил в заложников. Или, хотя бы, парализовать требуемую им от них помощь и содействие вплоть до его ухода из страны?… Почему бы не принести хотя бы некоторое утешение этому мужественному народу, который связывает все свои надежды с Вашим императорским величеством? Почему бы, Государь, не показать полякам ваши благосклонные намерения, и подкрепить их надежды?

Сейчас не время проявления предосторожностей, исчезли и опасения скомпрометировать себя. Эта кровавая и неповторимая в своем роде война, могла закончиться волнениями в России, если бы Наполеону было оказано меньшее сопротивление и ему удалось найти здесь больше своих сторонников, либо разрушением власти и влияния Наполеона. Шансы на успех уже не вызывают сомнения. Пришло время Вашему императорскому величеству воспользоваться этим и определить политическую систему Европы, наметить границы России, которая в будущем станет неуязвимой, благодаря тому, что Польша будет служить ей барьером и бастионом.

Заявление, в котором Ваше императорское величество объявят себя королем Польши, будет, несомненно, более действенным, чем обещания, но если оно желает отсрочить это объявление, то письмо, адресованное маршалу князю Кутузову, и обнародованное через средства печати может стать той волшебной палочкой, чары которой проникли бы по ту сторону Вислы.

С каким энтузиазмом поляки, которые служат в армии Вашего императорского величества, стали бы сражаться за царя, который возвращает им родину! Под Ваши знамена поспешили бы встать тысячи других поляков. С каким восторгом была бы воспринята эта новость в бывших польских провинциях, куда не дошел враг! С каким нетерпением ждали бы они возвращения Ваших войск в Литву, и разве не пожелали бы того же жители герцогства Варшавского! Везде отвернулись бы от того, кто внушил им тщетные надежды, и бросились к ногам настоящего благодетеля и возродителя Польши. И если бы даже польские солдаты не стали бежать из армии Наполеона (поскольку не способны обесчестить себя и опозорить национальный характер), то сопротивление их ослабело бы, а энтузиазм к Наполеону поиссяк. Они стали бы ждать только благоприятного случая,

чтобы уйти со службы и вернуться домой.

Возможно, Ваше императорское величество посчитает предлагаемую мною меру несколько преждевременной, особенно после прочтения начала письма к князю Кутузову, где я веду речь о разбитом и отступающем враге. Однако, Государь, я писал эти строки после последних новостей, полученных Вами из главного штаба, и предупредил события, которые, вне всякого сомнения, должны произойти.

Впрочем, если письмо князю Кутузову отправлять еще слишком рано, это не помешает Вашему императорскому величеству ознакомиться с его черновым вариантом и внести необходимые изменения. К тому же, еще до того как оно будет исправлено, переведено на польский язык и отпечатано, пройдет немало времени, в течение которого, я уверен, Наполеон покинет Москву и будет отступать, преследуемый войсками Вашего императорского величества.

Одна из причин, которая вынудила меня написать без промедления это письмо Вашему императорскому величеству, это то, что генерал Витгенштейн уже перешел Двину, а генерал Чичагов вошел в Минск. Таким образом, необходимо срочно дать знать этим генералам, что тесня врага, они еще несут и пальмовую ветвь мира полякам, без которой те, не получив предупреждения и внушающего доверия успокоения в виде опубликованного от имени Вашего императорского величества воззвания, могут дойти до отчаяния и затеять в своей стране национальную войну, либо покинуть родительские дома.

Государь, петербургское общество ведет себя точно так же, как и общества других крупных столичных городов: оно впадает в отчаяние при малейшей неудаче и проявляет гордость даже при незначительных успехах. Оно видит конец империи во взятии одного города и полное уничтожение врага в его отдельных поражениях. Но обращаюсь я не к нему и не ему можно было бы предложить проект, всю важность которого оно не в состоянии понять. Однако, обстоятельно и беспристрастно взвесив все выгоды и недостатки восстановления Польши, я не боюсь вынести этот вопрос на обсуждение любому сведущему министру или здравомыслящему человеку… Вряд ли кто-то будет против, когда речь зайдет о восстановлении Польши в предлагаемом мною варианте.

Вот еще несколько замечаний по этому вопросу, которые вытекают из нынешнего положения вещей и подкрепляют все то, что я имел смелость изложить в своих предыдущих записках:

1. Союзники России с радостью восприняли бы решимость Вашего императорского величества провозгласить себя королем

Польши, поскольку оценили бы масштабы запускаемых в ход мощных средств в войне против общего врага и удвоили бы усердие и старания, чтобы оказать содействие исполнению желаний Вашего Величества и победе своих армий.

2. Независимо от своих соображений, Англия, возможно, увидит в этом акте свои особые интересы, основанные на торговле, которая может только выиграть от восстановления Польши, что ощутит на себе и Россия, поскольку конкуренция порождает новые промышленные отрасли.

3. Вся Европа в целом, которая стонет под скипетром завоевателя и опасается смены французского ига на победоносное русское, будет удовлетворена возведением барьера между Россией и остальным континентом, который, как они понимают, принесет не только значительные преимущества России, но и исключит опасения по поводу последующих вторжений.

4. Одна лишь Австрия может озаботиться чрезмерным увеличением российского влияния за счет присоединения всей Польши, но разве не можем и не должны мы сблизиться с этой страной, которая рано или поздно поймет критичность своего положения. И разве тогда у нас не появится возможность заставить ее согласиться на возврат Галиции, гарантируя компенсации путем послевоенных переговоров, которые обеспечат восстановление всеобщего мира в Европе.

5. Всякий русский патриот, который понимает истинные интересы своей страны, способный судить беспристрастно и без всяких предубеждений, должен рассматривать восстановление Польши как мощное средство для достойного завершения войны и предупреждения войн, которые могут возникнуть в будущем. В ее восстановлении должны быть лично заинтересованы русские помещики, потерявшие значительные состояния в бывших польских провинциях. И, наконец, даже те, кто не рассуждает, но беспокоится, и чьи волнения подогреваются небылицами о том, что Ваше императорское величество, желая мира, способно во имя его уступить часть бывших польских провинций, будут разуверены, когда узнают, что вместо того чтобы приносить жертвы, Вы, Государь, занимаетесь исполнением проекта, который еще больше покроет славой Ваше Величество, позволит расширить границы империи и навсегда обеспечит безопасность и покой ваших подданных.

6. Нет надобности повторяться и подчеркивать всю важность воздействия на поляков уверенности в восстановлении Польши. Но, согласитесь ли Вы, Государь, что эта смелая мера может произвести впечатление подобное решающему сражению в войне, что она положит конец доверию к Наполеону со стороны поляков

и союзников, развенчает сложившиеся в Европе мифы о безупречности его планов и непобедимости как полководца?

Безусловно, важность затронутого мною вопроса оправдывает длину данного письма. Что касается суждения, которым я руководствовался при его написании, то оно, будучи известно Вашему императорскому величеству, остается неизменным.

Остаюсь и т. д. …»

Проект письма Его императорского величества князю Кутузову, подготовленного согласно его приказу и приложенного к вышеизложенному письму от 7 октября 1812 года

«Господин маршал князь Кутузов,

Божественное провидение соизволило благословить нашу армию и смирить дерзкого врага. Теснимый со всех сторон, он вынужден отступать, и отважный русский солдат доказал всему человечеству, что армия, сражающаяся за Бога, царя и отечество, непобедима.

Но недостаточно того, чтобы враг покинул наши границы. Необходимо обуздать его ненасытные амбиции и свести на нет способность потревожить наш покой в будущем. Необходимо протянуть руку помощи монархам, которые вынуждены были подчиниться его силе. Необходимо освободить угнетенные им народы. Необходимо разрушить иллюзии слабых и соблазненных его удачей, развенчать миф о его непобедимости. И, наконец, необходимо вернуть жизнедеятельность торговле, независимость и мир – европейскому континенту, свободу – всему миру. И в награду за все это – обеспечить для Российской империи надежный заслон, который навсегда защитит ее от всякого рода посягательств.

Таковыми должны быть итоги этой памятной войны, которой мне так хотелось избежать, дабы не проливать кровь моих подданных, и которая может быть закончена только миром, достойным этого мужественного народа, пожертвовавшим всем ради чести и целостности своей страны.

Доверяя вам, я поставил вас во главе моих армий, которым предстоит решить судьбу России и всей Европы. Сегодня я с радостью даю вам возможность преумножить добытую вами воинскую славу делами на гражданском поприще.

Наши победоносные войска скоро войдут в присоединенные к империи бывшие польские провинции, которые были

оккупированы врагом в самом начале войны. Входя туда, обратите внимание на огромные бедствия, которые обрушились на население этого края.

Так пусть же рука наших воинов покарает пришедшие с огнем и мечом когорты агрессоров, которые оставили после себя разорение и скорбь, а ваша мудрая и предусмотрительная забота, предлагающая безопасность, поддержку, надежду и утешение, будет направлена на то, чтобы стереть воспоминания о пережитой трагедии.

Так пусть же солдаты видят в жителях этих провинций всего лишь несчастных братьев, а их командиры поспешат, следуя вашему примеру, утереть им слезы и защитить от новых невзгод. Так пусть же ваша защита распространится на все слои населения и не допустит террора и преследований! Пусть всякий, кто, подчиняясь силе и обстоятельствам, был вынужден пойти на военную или гражданскую службу, будет свободен от преследований, а тот, кто был обманут ложными обещаниями Наполеона, не узнает никакого другого наказания, кроме угрызений совести, тронутой великодушием и милосердием вашего к нему отношения!

Но этого будет недостаточно. Вам, господин Маршал, равно как и другим, кому я оказываю доверие, известно, что я долгое время вынашивал план по восстановлению королевства Польского с целью извлечения реальных дополнительных ресурсов для империи, создания мощного заслона от внешних посягательств, а также исполнения желания двенадцати миллионов жителей о восстановлении их отечества в составе России.

Мои планы сдерживались торжественными договорами, которые я строго соблюдал и ни разу ни в чем не нарушил. Последние войны, закончившиеся тем, что часть Польши попала под непосредственное влияние Наполеона, тоже добавили новых препятствий. Я не мог с тех пор смириться с тем, что существует еще одна Польша, интересы которой противоречат интересам России. Однако, откладывая исполнение плана, я продолжал по-прежнему работать во благо поляков и империи. Наполеон никогда не вернул бы Польше ее прошлое устройство и законы. Да и мог ли бы сделать это тот, кто был слишком далек от того, чтобы вернуть Европе старый порядок, а Италии, Германии, Швейцарии и Голландии права, свободу и независимость, отнятые им самим? И даже, если я тогда и хотел, преодолевая все препятствия, восстановить Польшу, чтобы целиком присоединить ее к России, мог ли я сделать это, не начав войны и не вызвав разных бедствий, которые последовали бы за этим?.. Разве я не отдавал предпочтение миру и благополучию империи перед

выгодами завоеваний и славой, приобретенной кровью моих подданных?

Положение изменилось. Наполеон, нарушив святость договоров, без объявления войны с мечом и огнем вторгся в сердце России. Все предосторожности позади. Принужденный к вызывающей у меня отвращение войне, я буду вести ее до конца, и одним из ее результатов станет исполнение полезного для империи и дорогого моему сердцу плана. Польша будет существовать. Наши победоносные войска определят ее судьбу, неотделимую от судьбы России.

Вступая в эту страну, вы принесете на берега Вислы гарантию моего уважения и благосклонности к польскому народу. Скажите полякам, что я принял решение восстановить Польшу и объявлю себя ее королем, как только мои армии прогонят оттуда врага. Скажите им, что, объединившись с Россией в моем лице и лице моих наследников, они сохранят веру своих отцов, автономное управление и национальные законы, основанные на столь дорогой для них *Конституции от 3 мая 1791 года*. Скажите им также, что мужественный энтузиазм, воодушевлявший их и поддерживавший надежду на возрождение родины, вызывает у меня уважение, и что, будучи далек от того, чтобы осуждать их и преследовать за прошлое, я предпочту оказать доверие тем, кто, руководствуясь сознанием гражданского долга, сумел доказать свою преданность и привязанность к отечеству.

Собрать под национальным стягом двенадцать миллионов человек, желающих вернуть себе родину, восстановить их политическое существование, которого они лишились шестнадцать лет назад, объединить королевство Польское с Российской империей, связать прочными связями братства и взаимопомощи два великих народа, которые гордятся общими корнями, – таковыми должны стать благородные результаты ваших побед в стране, чье существование необходимо для нашей славы и пользы империи.

Отдельной инструкцией будут определены принципы, на основании которых вы создадите в этих провинциях временное правительство, и т. д.»

Проект Воззвания к польскому народу, представленный императору Александру согласно его приказу

Поляки, чрезвычайные события, которые быстро сменяли друг друга в Европе на протяжении двадцати лет, потрясли

старую политическую систему и нанесли ей последний удар, прекративший существование вашей родины. Две трети Польши попали под власть России.

После вступления на престол, когда моим единственным желанием было сохранение мира с другими странами и обеспечение счастья народов, которые Провидение доверило моим заботам, я не упускал из виду бывшие польские провинции. Более того, они привлекали мое особое внимание по той причине, что я считал себя обязанным сделать все, чтобы жители этих провинций забыли о понесенных ими потерях и несчастьях. – Поляки! Успех не всегда сопутствовал моим ожиданиям, тем не менее все, что я сделал в части Польши, присоединенной к моей империи, чтобы сохранить ваши законы, язык и привилегии, а также, чтобы укрепить и улучшить работу учреждений народного образования, дает мне основания полагать, что я приобрел право на вашу признательность и преданность.

Умея ценить гражданские добродетели, национальный характер, благородные и высокие чувства, я вскоре осознал, что единственной целью, способной воспламенить и сплотить ваш народ, является надежда на восстановление Польши. Вначале восстановление страны входило в мои планы. Но договоры после первого раздела, политические интересы и, наконец, государственные соображения мешали этому. Когда же в результате последних войн часть Польши попала под непосредственное влияние Наполеона, я уже не мог думать о восстановлении и смириться с тем, что существует еще одна Польша, интересы которой противоречат интересам России.

Однако, откладывая исполнение плана, я продолжал трудиться во благо поляков и империи. Наполеон никогда не вернул бы Польше ее прошлое устройство и законы. Да и мог ли бы сделать это тот, кто был слишком далек от того, чтобы вернуть Европе старый порядок, а Италии, Германии, Швейцарии и Голландии – права, свободу и независимость, отнятые им самим?

И даже, если я хотел бы, преодолевая препятствия и идя навстречу вашим желаниям, восстановить из разрозненных частей Польшу, чтобы создать из нее отдельное королевство, мог бы ли я сделать это, не начав войны и не взяв на свою совесть все бедствия, которые последовали бы за этим?… Разве я не отдавал предпочтение миру и благополучию империи перед выгодами завоеваний и славой, приобретенной кровью моих подданных?

Сегодня положение изменилось. Наполеон во главе грозной армии, в которую вошли представители находящихся под его властью народов, с мечом и огнем вторгся в сердце Российской империи. Он пришел нарушить ее покой и внутреннее

благополучие, лишить богатства, разрушить производство и торговлю и даже отнять независимость!

Жадный до побед, этот ненасытный завоеватель осмелился без предупреждения начать войну! Эта война стала священной для русских, так как они отбиваются от агрессора и защищают родную землю. Она имеет огромное значение для всей Европы, потому что является решающей, и от ее результатов зависит освобождение или потеря национальной независимости всех народов континента!

Поляки! Как больно было видеть ваши знамена среди преданных Наполеону когорт! Вы с нежеланием воевали в Испании против независимости народа, подвергшегося несправедливому нападению. Вы сражались на стороне человека, который устанавливал свою силу и власть через уничтожение всего того, что является святым и почитаемым в мире! Но мне известны причины, которые заставили вас делать это. Я знаю их, и вместо того, чтобы осудить ваш энтузиазм, ценю его и отдаю ему справедливость.

Куда бы ни забрасывала вас судьба, надежда увидеть возрождение своей родины вдохновляла вас и направляла ваши шаги.

Ради достижения этой цели вы не жалели ни своего состояния, ни крови, ни самой жизни. Это постоянство и твердость в убеждениях при сохранении национального духа снискали вам всеобщее уважение и навсегда привязали меня к вам.

Все кончено. Бог благословил наше оружие. Русский народ подтвердил свое мужество и свой героизм. Попытки врага не увенчались успехом. Восстановление Польши должно стать одним из главных итогов войны. Того требуют интересы империи, от того зависит счастье двенадцати миллионов поляков.

Поляки!

Как вождь народа, ведущего, как и вы, свои корни от доблестных славян, – народа, который пошел на смертный бой за территориальную целостность, независимость и национальную честь, находясь во главе армии, известной своей храбростью, доблестью, самоотверженностью, соединенный договорами на основе интересов и дружбы с Великобританией, Швецией, Испанией, Португалией и Турцией, проникнутый искренним желанием обеспечить вашу судьбу и навсегда оградить Россию от вражеских вторжений, подобных тому, что она недавно испытала, от жертв ими вызываемыми, а также желая превратить Польшу в самый мощный заслон империи, я заявляю перед небом и землею, что воссоздаю и восстанавливаю Царство Польское, объединяя

под этим названием все польские воеводства и уезды, присоединенные к России в результате трех последовательных разделов 1773, 1793 и 1796 годов, включая Белостокский и Тарнопольский округа и герцогство Варшавское. С Божьей помощью я возлагаю на свою голову корону Польши, суверенной по праву, но объединенной в моем лице с Российской империей. Принимаю ее и соглашаюсь на нее для себя и своих потомков. Рассматриваю Конституцию от 3 мая 1791 года как форму государственного устройства и правления, как основной закон польского государства, на принципах которого я желаю царствовать, править вами, трудиться ради увеличения вашего счастья. Пусть до заключения мира или, по меньшей мере, до полного освобождения от врага территории Царства Польского здесь будет временное правительство с польской администрацией. Пусть здесь будет проведена всеобщая амнистия для всех тех, кто во время французской оккупации Польши был вынужден выступить или действовать против России. Пусть все те, кто, руководствуясь чистыми и бескорыстными принципами патриотизма, показал себя истинным поляком, преданным своей родине, и не продался Наполеону ради собственных амбиций и личных интересов, воспользуются не только правом всеобщей амнистии, но и рассчитывают с уверенностью на мою милость и защиту. Пусть убытки и имущественный вред, нанесенный во время войны жителям Польши прохождением или пребыванием моих войск, рассматривается как национальный и священный государственный долг, который будет тщательно компенсирован после получения необходимых доказательств.

Наконец, я заявляю, что, будучи вынужденным взяться за оружие, чтобы защитить свои земли, я не сложу его до тех пор, пока враг, изгнанный из пределов нашего отечества, не заключит славный для меня и моей армии мир, гарантируя России независимость нашего правления, свободу торговли, а мне, как и вам, поляки, существование Царства Польского с национальным и конституционным правительством.

Глава VI

Утром 30 октября, когда я размышлял над письмом, отправленным императору еще 19 октября, пытаясь предугадать последствия, а также какое впечатление произведет на моих соотечественников воззвание Александра к польскому народу и письмо императора к маршалу Кутузову, мне принесли первый номер русского журнала «Сын Отечества». Я был в высшей степени удивлен, обнаружив внизу журнальной полосы скверную солдатскую песню, изобиловавшую грубыми словами и оскорблениями в адрес поляков и угрозами пойти на Варшаву, чтобы наказать обидчиков и отомстить им.

Не дожидаясь встречи с императором, чтобы рассказать об этом, я тут же взялся за перо и спешно составил письмо следующего содержания:

Санкт-Петербург, 30 октября 1812 года.

«Ваше Величество, полагаю, что ненависть русских к французам может распространиться на всех иностранцев в войсках Наполеона, и поляки, которые дошли с ним до Москвы, не являются здесь исключением. Но, Государь, более ста тысяч поляков сражаются по сей день за Россию в рядах вашей армии, а несколько их миллионов по-прежнему остаются подданными Вашего императорского величества… С какой целью надо было всех их оскорблять в журнале, который выходит под покровительством правительства, и угрожать местью польскому народу?

Размещенные в журнале стихи, кои я взял на себя смелость приложить к данному письму, явно неуместны. Полагаю, что сейчас, когда речь идет о том, чтобы погасить былую ненависть и злобу между двумя народами, а не подливать масла в огонь, оскорблять поляков как никогда политически недальновидно.

Будучи преданным, и т. д., и т. д.»

Хорошо зная императора, я был уверен, что он не одобрит действий редакторов журнала и небрежности тех, кто несет ответственность за содержание статей. Я также был уверен в том, что он не осудит меня за откровенность и смелость, поскольку никогда не обижался на правду и не сомневался в искренности моих намерений и поступков.

Словом, я отправил письмо, не опасаясь, что оно произведет неблагоприятное впечатление, и два дня спустя получил приглашение явиться на обед к Его Величеству.

Никогда не забуду тот день 1 ноября. Я приглашен к императору и твердо уверен, что у нас состоится разговор. Нетерпение ожидания встречи было под стать моему беспокойству и волнению, когда я начинал думать о впечатлении, которое мог произвести мой проект на Александра.

За столом нас было не более десяти человек. Среди приглашенных я не увидел ни одного министра, которые приходили обычно с портфелем, дабы работать с императором, и это позволяло мне надеяться, что у Его Величества останется больше свободного времени, чтобы поделиться со мной своими намерениями. И на самом деле, после довольно короткой аудиенции с герцогом Ольденбургским император пригласил меня в свой кабинет, где я пробыл более двух часов.

Поскольку все то, что я собирался сказать императору, было чрезвычайно важным во всех отношениях и имело первостепенное значение для меня самого, ибо в эту пору я меньше всего сомневался в его намерениях восстановить Польшу, то, вернувшись к себе, я поспешил записать краткое содержание нашего разговора, тщательно сохраняя собственные выражения императора.

«Я получил два ваших письма, – *сказал мне император*. – В одном из них вы жалуетесь на статью в русском журнале, который издается под названием «Сын Отечества», и вы правы. Я полностью поддерживаю вас в том, что нельзя очернять и подвергать нападкам весь народ и что следует всячески избегать разжигания национальной розни… Я считаю дурным тоном то, что в журнале напечатали крайне неуместную статью против поляков, но этого больше не повторится, поскольку мною отданы соответствующие распоряжения. Что касается второго вашего послания с проектом письма к князю Кутузову и обращения к польскому народу, которое я просил вас подготовить, то я прочел их с большим вниманием и интересом. Ваши соображения очень верны… Я, как и вы, думаю, что впереди нас ждут успехи, которые заставят врага покинуть наши границы. Наполеон наделал много ошибок, и мы воспользуемся этим. Провидение, прежде всего, а также суровый климат, доблесть моих войск, патриотизм и энергичные усилия нации принесут нам блестящую победу… Я также согласен с вами в том, что не следует судить о наших успехах и неудачах противника, лишь основываясь на мнении петербургского общества. Я не разделяю заблуждений тех, кто считает, что нам больше нечего опасаться, поскольку Наполеон отступил от Москвы. Нельзя отрицать того, что он по-прежнему располагает огромными ресурсами. Следует учитывать

редкостный талант его генералов и мужество солдат, закаленных в ходе многих блистательных кампаний. Само Провидение пришло нам на помощь… Результаты этой войны станут такими, как мы того пожелаем. Но с нашей стороны тоже было допущено немало ошибок…»

Здесь император перечислил наиболее важные, по его мнению, военные просчеты, о которых я ничего не знал, ибо в Петербурге мы были в неведении относительно деталей военных действий и судили о них лишь по распространявшимся в обществе смутным слухам, порожденными отступлением русской армии и оставлением на поругание врагу провинций.

Все, что я услышал из уст Александра, было не только новым, но и интересным для меня. Он объяснил мне суть предложенных им военных планов и, поскольку сопровождал это не только очень верными замечаниями и суждениями, но и необычной для монарха скромностью, я не смог скрыть своего огромного удивления и восхищения, чего не позволял себе во время всех предыдущих с ним бесед.

Следует отметить, что его образованность не удивляли тех, кто близко знал его и слышал выступления императора по самым важным вопросам. Сколько раз после этого мне приходилось рассказывать разным иностранцам, ученым, государственным деятелям и выдающимся военным о воистину замечательных качествах Александра, объединившего в себе столь много достоинств, его чарующем и обворожительном личном обаянии и силе убеждения, таланте внушать доверие, глубоких и разносторонних знаниях.

После длительных рассуждений о ходе компании император продолжал:

«Вам, как никому другому, известно мое доброе расположение к полякам. Они сильно пострадали в этой войне. Мне хотелось бы, чтобы поляки смогли забыть о перенесенных за все эти годы несчастьях, которые всегда меня огорчали. Я помню о проекте по восстановлению Польши… Я поручил вам подготовить обращение к полякам… Но не находите ли вы, что публикация этого воззвания именно сейчас будет несвоевременной, равно как и обращение с письмом к князю Кутузову в предложенном вами виде. Оно по сути повторяет воззвание и будучи напечатанным и опубликованным по моему указанию в газетах с переводом на польский язык, не вызовет сомнений в его подлинности и моих твердых намерениях на этот счет. Не кажется ли вам, что время такого демарша еще не

пришло и, опережая таким образом события, мы можем не достичь поставленной перед собой цели?.. Если я объявлю себя польским королем в дни, когда Наполеон со своими армиями находится под Калугой, это будет выглядеть как некое бахвальство, что не в моем вкусе. Поляки могут подумать, что я вынужден сделать это в силу сложившихся обстоятельств, потому как опасаюсь их и хочу подготовить их таким образом к исполнению своих политических и корыстных целей, что также не соответствует моему образу мыслей. С другой стороны, если верные мне поляки, предпочитающие меня в качестве короля любому другому, проявят сейчас свои чувства, они могут скомпрометировать себя, что неизбежно вызовет ненужные жертвы и преследования со стороны Наполеона во время его отступления через Польшу… Я вовсе не хочу сказать, что у меня поменялись намерения и что я отказываюсь от проекта по восстановлению Польши. Но хотел бы спросить вас, разве я не прав в своих возражениях? После того, что произошло, не может быть и речи о примирении между мной и Наполеоном… Эта война не может закончиться так рано… Кому-то из нас придется проиграть… Как только он будет прижат к стене и не сможет нанести ущерба полякам, я восстановлю Польшу… Я сделаю это, потому что это отвечает моим убеждениям, зову моего сердца и интересам империи… Знаю, что меня ждет много препятствий и затруднений на пути к достижению этой цели, но я добьюсь ее, если не умру раньше».

Можно представить себе, какое сильное волнение овладело мной, когда я услышал последние слова императора. Теперь, говорил я себе, меня нельзя упрекнуть в том, что, поддавшись на тщетные иллюзии, я с легкостью поверил в желаемое. Разве мог я после таких слов сомневаться в намерениях Александра? Разве не должен был я слепо довериться столь конкретному заявлению государя, чья честность и порядочность не вызывали ни малейших сомнений? Что могло заставить его сказать мне то, чему бы он сам не верил? Какая была в том нужда доверять свои мысли подданному и церемониться с ним?[123] После этой последней беседы почти ежедневно в Петербург стали приходить новости об отступлении французов из Москвы и крахе армии Наполеона. Петербургское общество, казалось, успело забыть об огромных потерях, недавно понесенных Россией, и поддалось общему настроению в предвкушении скорого триумфа.

21 ноября 1812 года, узнав, что после освобождения от французов Витебска, там по приказу генерала Витгенштейна были арестованы и отправлены в Петербург для последующего

препровождения и заключения в Петрозаводскую крепость граф Борх, г-н Щитт и другие чиновники Витебска, я взял на себя смелость написать императору письмо следующего содержания.

«Государь,

Ваше императорское величество было, несомненно, информировано обо всем, что произошло в Витебске после вступления французских войск в этот город. Тем не менее считаю себя обязанным сообщить Вашему Величеству все, что мне удалось узнать по этому делу.

Для выполнения различных обязанностей в местной администрации французами без присяги были привлечены жители из числа оставшихся в городе. Все, кто не покинул город, потому как не успели или не имели возможности выехать, надеялись, по меньшей мере, на то, что своим присутствием смогут предупредить бедствия, коим город был бы подвергнут, окажись он безлюдным. Они намеревались отправить депутацию к Наполеону, но от его имени им было заявлено, что император готов принять в качестве депутатов лишь тех, кто присоединился к акту Варшавской конфедерации.

Возвращение русской армии в Витебск положило конец страданиям, которые испытали жители этого города и его окрестностей.

Ваше милосердие, Государь, поможет забыть ужасы войны и те четыре несчастных месяца, которые пришлось пережить чиновникам этой губернии. Они пошли на эту службу не из желания противопоставить себя Вашему Величеству, а потому что, не имея возможности выехать из города из-за внезапного отступления российских войск, почти все оказались в руках неприятеля.

Если личные доносы, коих всегда хватает в такого рода обстоятельствах, могли усугубить вину некоторых из сих чиновников, то покровительство Вашего императорского величества послужит им, безусловно, защитой.

Милостивый Государь, я припадаю к Вашим стопам не для того, чтобы защитить кого-то конкретно, а дабы просить пощады и амнистии для всех своих соотечественников, которые могли оказаться скомпрометированными.

Во всех обращенных к Вам прошениях несравненное сердце Вашего императорского величества всегда было на стороне несчастных. Не зная того, разве посмел бы я, Государь, обратиться к Вам с сим ходатайством?

Остаюсь с глубоким уважением и т. д. …».

10 ноября мне стало известно, что витебские чиновники, о которых я упоминал выше, заключены в Петрозаводскую крепость и что граф Маннуччи, которого также привезли под эскортом в Петербург, избежал этой участи лишь по причине плохого состояния здоровья. Он получил разрешение находиться в столице под присмотром полиции. Местом заключения для него был избран иезуитский монастырь.

Я был убежден, что ко всем заключенным будет проявлено уважительное отношение и что в скором времени они смогут вернуться в свои губернии, но сколько разговоров и домыслов вызвала их ссылка в Петрозаводск!.. Какое только печальное будущее не предсказывалось полякам!.. Каких только упреков не заслужил я из-за своей веры в милосердие Александра! Возможно, нашлись даже те, кто обвинил меня в недостатке усердия и доброй воли при защите своих соотечественников!.. Я доверился времени и событиям, которые должны были расставить все по местам и показать великодушие Александра. Что касается меня, то зная о намерениях и чувствах императора, я по-настоящему страдал, видя, как близкие мне люди попадают под преследования, от коих я пытался их уберечь. Но я совершенно не беспокоился насчет будущего, так как был уверен в обещаниях, данных мне императором относительно общей амнистии для поляков – подданных империи. И как мы это вскоре увидим, я не был обманут в своих ожиданиях.

Глава VII

Вечером 29 ноября (10 декабря) гофмаршал граф Толстой передал мне поручение императора явиться через день утром вместе с г-ном Вавжецким и князем Любецким к его превосходительству государственному секретарю Шишкову для ознакомления с манифестом, которым император предавал забвению прошлое и объявлял общее прощение всем жителям Польши – подданным России, которые могли скомпрометировать себя во время пребывания французской армии в их крае. 1 (13) декабря мы собрались у Шишкова. Он сообщил нам, что император поручил ему подготовить акт об амнистии, а также выяснить наше мнение по этому вопросу.

Я попросил г-на Шишкова передать Его Величеству выражение нашей глубокой благодарности за доверие, коим он нас удостоил, и добавил, что, не зная намерений императора относительно формы предоставления сей амнистии, мы не сможем предложить что-либо, разве что просить его милосердия и общего прощения для всех наших соотечественников.

Шишков ответил, что Его Величество имел намерение проявить великодушие во всей его полноте, но что касается его лично, то он полагает, что нельзя ставить в один ряд всех, кому предъявлены обвинения и что, возможно, следует внести какие-то изменения в подход об общем прощении и исключить из амнистии тех, кто распространял прокламации и выступал с оскорбительными для императора и российского правительства речами, поскольку, по его убеждению, на последних лежит большая вина, нежели на многих других. Он привел нам в качестве примера имена тех, на кого не следовало бы распространять действие амнистии, и среди них Яна Снядецкого – ректора Виленского университета, против которого государственный секретарь был решительно настроен.

Я поблагодарил Шишкова за то, что он предупредил нас о том, что предложение об исключениях исходит лично от него, а не от Его Величества, поскольку мы были бы очень огорчены, узнав, что император придерживается иного подхода по сравнению с нашим, то есть допускающего различные ограничения и вместе с ними лишь половинчатое прощение. Мы никогда не сомневались в чрезвычайной доброте его сердца, великодушии и благородстве.

Далее я обрисовал поведение литвинов до начала войны. Я напомнил об их преданности, несмотря на тяжелые притеснения и обиды со стороны русских чиновников с одной стороны, и

радужные обещания и соблазны французских эмиссаров с другой. Я напомнил о привязанности литвинов к императору Александру, их верности ему. Я остановился на материальных пожертвованиях, коих от них потребовали перед началом войны, а также на их добровольных поставках для армии, когда люди оставили себе лишь минимум, необходимый на прокорм семьи. Затем я описал их страдания во время неожиданного отступления русской армии, когда военные, чтобы лишить врага средств существования, уничтожали провиантские магазины, угоняли лошадей и скот, увозили все, что могли вывезти из продовольственных запасов. Я заметил, что литвины, выполнив обязательные и добровольные поставки, коих от них требовал долг и привязанность к своему государю, с большим удивлением и потрясением встретили отступление русской армии, которая должна была защищать их, и никак не могли внять тому, что все это – лишь часть сложного военного плана, цели которого им не дано было понять. Когда же они увидели как огромные вражеские силы быстро и, так сказать, без сопротивления достигли старых границ империи, то предположили, что император Александр покинул их, оставив на произвол судьбы, и стали питать слабую надежду на то, что Наполеон сможет восстановить их отечество. Я подчеркнул, что ни один поляк – подданный России – не обвинил императора Александра, и что напротив, его любят и мечтают лишь о том, чтобы он объявил себя польским королем. Никто из них не взялся за оружие и не посмел выступить против императора, и все, что происходило во время оккупации Литвы французами, не дает повода, чтобы обвинять народ, который, несмотря на неприятие новой организации управления, введенной на его территории, и, видя крушение своих надежд, не мог противостоять силе, поскольку был лишен поддержки своего государя, с которым у него связаны все надежды. Я также добавил, что, учитывая все это, трудно доказать, что на оккупированных Наполеоном территориях были настоящие виновники. И хотя можно допустить, что какой-то человек мог обрушиться с речью или что-то написать против российского правительства, все равно его не следует обвинять больше, чем того, кто, уступая силе или поддавшись иллюзорным надеждам, взялся за оружие.

Я объяснил г-ну Шишкову, что не собираюсь никого оправдывать персонально, но мои убеждения, равно как правдивые свидетельства дают мне основания утверждать, что г-н Снядецкий оказался, безусловно, оклеветанным, поскольку это не только очень уважаемый ученый, но и мудрый и осторожный в поведении человек, который никак не мог позволить себе

неуместных высказываний против императора, потому что как никто другой мог оценить благодеяния Александра в пользу Виленского университета и его отеческую заботу о национальном образовании.

В конце беседы я попросил государственного секретаря передать Его Величеству мои доводы и заверить императора в нашем большом к нему доверии, а также отметить неприемлемость, на наш взгляд, применения полумер в обстоятельствах, когда необходимо показать всей Европе во всем блеске милосердие и справедливость императора.

Разделявшие мои чувства князь Любецкий и г-н Вавжецкий, поддержали все, что я сказал, и на этом наша встреча закончилась. У меня не было сомнений в том, что г-н Шишков даст точный и благоприятный для нас отчет императору. Я был уверен в этом, поскольку видел, с каким большим интересом он слушал меня и, как мне казалось, соглашался с принципами, на которых я строил свои объяснения. К тому же этот уважаемый министр, слывший просвещенным человеком, имел чувствительное сердце и всегда стремился делать добро, насколько это было в его власти.

Перед уходом я предупредил его, что возьму на себя смелость отправить письмо императору, в котором мне хотелось бы в письменной форме развить те идеи, которые я перед этим изложил устно.

Это письмо, отправленное мною на следующий день, приводится ниже. Вскоре я получил приказ императора явиться к государственному секретарю 4(16) декабря к одиннадцати утра. Здесь я с огромным волнением и чувством удовольствия выслушал текст акта об амнистии, в котором отсутствовали какие-либо исключения.

Вот письмо, которое я послал Его императорскому величеству, из Санкт-Петербурга 2(14) декабря 1812 года относительно акта об амнистии.

«Государь, в соответствии с приказом Вашего императорского величества, который был доведен до нас гофмаршалом графом Толстым, мы вместе с князем Любецким и г-ном Вавжецким были приглашены вчера утром к его превосходительству государственному секретарю.

Мы были проникнуты чувством глубокой благодарности, узнав от него, что Ваше императорское величество выразило желание объявить амнистию для жителей Литвы и Белой Руси и милостиво позволило нам представить свои мнения относительно формы акта об амнистии, которая интересует нас всех особенно.

Я не сомневаюсь в том, что его превосходительство г-н Шишков передал Вам нашу нижайшую благодарность и наше неограниченное доверие в благородные и великодушные чувства Вашего императорского величества. Я также уверен, что он донес до сведения Вашего императорского величества замечания, которые мы посмели сделать относительно амнистии без исключений – единственной достойной такого сердца, как ваше, Государь. Тем не менее я считаю своим долгом кратко повторить наши замечания по этому вопросу.

Право на амнистию является, безусловно, самым замечательным атрибутом верховной власти, и никому оно лучше не подходит как Вашему императорскому величеству – образцу доброты и справедливости.

Проявив всю силу и мощь, чтобы сразить врага, вы решили воспользоваться своей победой, Государь, для того, чтобы протянуть благодетельную руку несчастным, и ваше доброе сердце не будет удовлетворено, если наказание некоторых жертв омрачит радость предоставления общего прощения.

Вот почему мы считаем, что отдельные исключения в акте об амнистии не отвечают благородным целям Вашего императорского величества и могут испортить впечатление, которое амнистия должна произвести во всей Европе.

В середине этой беспримерной войны, когда результаты ее были еще далеки и неопределенны, литвины, покинутые своим государем и его армией, оказавшись во власти могущественного врага, который помимо обольщения, прибег к угрозам и террору, пошли на уступки, одни – ведомые надеждой, другие – из чувства страха.

Независимо от чувств, которыми руководствовались те или иные люди в каждом отдельном случае, думаю, нельзя классифицировать ошибки, в которых их обвиняют, прощая одних и наказывая других, без риска проявить несправедливость.

Если объявлять амнистию на основе одобренных Вашим императорским величеством благородных и справедливых принципов тем, кто пошел на военную и гражданскую службу во время французской оккупации, то как отказать в ней тем, кого обвиняют в выступлениях и распространении прокламаций против российского правительства или священной особы Вашего императорского величества?

В любой стране найдутся экзальтированные головы и фанатики, и именно к сему классу людей следует относить тех, кто посмел осквернить свой язык или перо агрессивными высказываниями в адрес лучшего из правителей. Но захочет ли Ваше императорское величество наказывать тех, кто проявил

неуважение лично к нему, простив при этом тех, кто взялся за оружие и направил его против России?.. Убежден, что сие не входит в Ваши намерения. Ничто не заставит меня усомниться в том, что, несмотря на все представления в адрес Вашего императорского величества против литвинов, Вами будет подписан акт об амнистии без клеймения их национального характера, без преувеличения их вины и без каких-либо исключений. Сия амнистия будет представлена в виде, вызывающем уважение, восхищение и признание, и на ней будет лежать отпечаток характера ее августейшего автора, умеющего не только побеждать, но и прощать.

Амнистия будет живо прочувствована и по достоинству оценена чувствительными душами, впавшими на короткое время в заблуждение. Она покроет позором тех немногих, кто мог неправильно судить о своем Государе! Она пробудит в них угрызения совести и подтолкнет к искреннему раскаянию.

Сей акт пробьет Вам дорогу в герцогстве Варшавском, где все жители с нетерпением будут ждать великодушного победителя, и в то время, как победоносные войска будут громить армию Наполеона и освобождать большие территории, акт об амнистии все еще будет оказывать свое воздействие: он покорит сердца жителей многих стран и искренне привяжет их к Вашему императорскому величеству.

Я буду считать лучшим днем в своей жизни тот, в который увижу подпись Вашего императорского величества под сим торжественным манифестом. Сей акт об амнистии можно по праву считать исключительно Вашим творением, Государь! Я разделю энтузиазм своих соотечественников и стану свидетелем искренней радости благодетельного государя, чьи чувства мне известны как никому другому.

Объявление акта об амнистии я рассматриваю как предвестник выполнения крупных планов Вашего императорского величества, кои должны определить судьбы поляков. Поливая благодарными слезами руку, раздающую и распределяющую милости и блага, я с уверенностью могу сказать, что двенадцать миллионов поляков, обязанных возрождением их отечества Вашему императорскому величеству, смогут своей преданностью заставить забыть ошибки и вину некоторых из своих соотечественников.

Я и т. д. и т. д.»

Это последнее письмо я написал императору перед его отъездом к армии. Он выехал из Петербурга 7(19) декабря 1812 года и прибыл в Вильну 10(22) декабря. Здесь 12(24) декабря был

опубликован акт об амнистии, а его чтение на заседании общего собрания Сената в Петербурге состоялось 17(29) декабря.

Накануне своего отъезда из Петербурга император пригласил меня в свой кабинет и сказал: «Я надеюсь, что вы довольны актом об амнистии … Я уезжаю из Петербурга, но мы скоро увидимся … Бог благословил наше оружие … Я еду к армии. Вы можете представить себе, что сейчас я не могу думать ни о чем другом, кроме того как правильно воспользоваться нашими успехами. Как только наши войска займут герцогство Варшавское, и мы не будем опасаться возвращения Наполеона, я сдержу свое обещание и буду думать о том, как восстановить Польшу. Вам известны мои намерения по этому вопросу. … В ближайшее время я намерен призвать вас к себе … А пока прошу вас довериться мне и потерпеть».

Эти слова были сказаны для моего утешения, и последовали они почти сразу после подписания акта об амнистии, который стал свидетельством благодетельных намерений императора по отношению к моим соотечественникам.

Однако Александр уехал из Петербурга, не оставив никаких распоряжений относительно г-д Томаша Вавжецкого, князя Ксаверия Любецкого, графа Людовика Плятера, виленского маршалка Казимира Сулистровского и минского маршалка Рокицкого – членов назначенного императором комитета по распределению поставок для армии. Все они получили приказ следовать за императором из Вильны в Петербург.

Каждый из них хотел как можно скорее вернуться к семье, в свои поместья, которые были почти полностью разрушены за время войны. Однако на их просьбы о роспуске комитета по причине оккупации Литвы и освобождения от обязательства оставаться в Петербурге, правительство никак не отвечало, ожидая распоряжения Его Величества. В конце концов, министр полиции Балашов передал им от имени императора разрешение покинуть Петербург и вернуться в Литву.

ПРИЛОЖЕНИЯ К КНИГЕ ДЕСЯТОЙ

№ I

ЗАМЕТКИ

О ЛИТВЕ И ЛИТВИНАХ

С ответом на вопрос: почему Наполеон считал, что жители этой провинции по сравнению с жителями герцогства Варшавского менее доверчивы, более холодны и проявляют меньше желания сплотиться вокруг него?[124]

Прежде, чем ответить на вопрос, вынесенный в заголовок этой главы, который я много раз и в разное время слышал от французов, хотелось бы, приведя некоторые сведения об этой стране и ее народе, рассеять заблуждения тех, кто знает Литву лишь как антипод Польши и говорит о литвинах как об отличной от поляков нации.

Не существует, безусловно, видимой разницы между поляками и литвинами, и в первую очередь это относится к классу дворянства, которое, так сказать, является костяком нации. Однако не следует думать, что только в период объединения двух стран литвины смогли добиться самых больших своих достижений в истории северных стран и заслужили репутацию храброго, предприимчивого и любящего свою страну народа, которая никогда и никем не ставилась под сомнение.

Чтобы дать некоторое представление о Литве и ее населении, месте этой страны в прошлые столетия, приведу несколько отрывков из Мальтебруна – автора, вызывающего большое доверие у иностранцев своими обширными познаниями в области истории и географии, а также глубокими исследованиями, которым он предавался с большим усердием и здравым суждением[125].

«Ранняя история литвинов остается крайне неясной. Похоже, что литовские и русские традиции противоречат друг другу, а их сближение происходит значительно позже периода становления этого народа.

Специалист по истории Литвы Коялович утверждает, что

около 900 года на балтийском побережье поселились итальянские колонисты. Они принесли сюда некоторую цивилизацию, а вместе с ней обилие латинских слов, которыми так богат литовский язык. Этих знаменитых колонистов звали Палемон Либо, Юлиан Дорспрунг, Проспер и Цезарь Колонна, Гектор и Урсин Роза. Эти итальянские семьи дали начало нескольким суверенным династиям, которые правили собственно Литвой и Самогитией[126]. Представитель одной из них, Звибунд, в 1089 году опустошил Русь. Спустя столетие другой князь с таким же именем разбил поляков. В 1240 году, когда умер князь Рингольд, под его властью находились Литва, Мазовия, Подляшье, Черниговщина и другие русские провинции, а также Жемайтия и Курляндия.

Согласно русским летописям литвины поначалу располагали землями в Курляндии и Жемайтии, а также полосой земли к востоку от Жемайтии. Все остальное, что впоследствии войдет в Великое княжество Литовское, принадлежало Руси. Старейший русский летописец Нестор включает Литву в число провинций Руси, а Полоцк в число русских городов, который в 907 году великий князь Олег освободил от дани, выплачиваемой до этого греческим императорам. В конце десятого века Полоцк был резиденцией князя Рогволода, чью дочь Рогнеду захотел взять в жены киевский великий князь Владимир. Поскольку полоцкая княжна отказала Владимиру, тот пошел войной на ее отца, захватил столицу, убил князя и двух его сыновей и силой овладел Рогнедой. От Рогнеды у него появился сын по имени Изяслав. Позже Владимир расстался с ней, но перед этим он восстановил Полоцк, куда и отправил Рогнеду вместе со старшим сыном Изяславом. Он уступил ей город вместе с зависимыми от него землями – отдельное княжество со столицей в Полоцке, которое включало в себя всю Литву до реки Неман, или Мемель, и большую часть Ливонии. Изяслав и его потомки владели этим княжеством вплоть до исчезновения рода в тринадцатом веке и образования Великого княжества Литовского, первым князем которого в 1235 году стал Рингольд. Согласно русским родословным книгам Рингольд ведет свой род от полоцких князей… Великие князья Великого княжества Литовского стали впоследствии хозяевами Полоцка и всех русских городов этого края.

Мы полагаем, что как в одной, так и другой традициях существует определенный исторический фундамент, но тем не менее основная масса литвинов не происходит ни от одной иностранной нации. Вместе с латышами, куронами (курляндцами) и пруссами они составляют особую расу,

отличную от славян и готов, которая постепенно была подчинена этим двум народам. Представляется, что сюда дошли греки и римляне времен Империи. Во всяком случае, обе традиции пришли к согласию в те времена, когда великий князь Рингольд распространил мощь и славу литвинов далеко за пределы княжества.

К концу тринадцатого века уроженец Жемайтии Витень после ряда восстаний получил титул великого князя и оставил правление своему сыну и преемнику Гедимину, который построил Вильну и сделал ее своей резиденцией.

Победив под Киевом русского князя Станислава, он занял Киев и был, по словам Нестора, объявлен Великим киевским князем. Его внук Ягелло, известный также как Ягайло, предложил руку Ядвиге (Хедвиге), единственной дочери Людовика, короля Польши и Венгрии, которая к тому времени уже была коронована. Он стал на путь христианства, обещал крестить свой народ, присоединить Литву к Польше и отвоевать потерянные польской короной провинции… В 1386 году Ягайло прибыл в Краков, был крещен под именем Владислава и после брака с Ядвигой был также коронован. Год спустя этот князь вернулся в Литву, запретил старые языческие обряды, обратил несколько тысяч своих подданных в христианство, основал Виленское епископство и определил правила церковной дисциплины. В 1392 году он назначил великим князем литовским своего двоюродного брата Александра, или Витовта, стараясь при этом не причинить ущерба унии с Польшей и сохранить суверенитет княжества. В 1401 году уния была подтверждена формальным актом, принятом на провинциальном сейме в Вильне. В 1408 году великий князь захватывает у Тевтонского ордена Жемайтию. На другом провинциальном сейме, который состоялся в 1413 году в маленьком городке Городло, литовское дворянство было уравнено в правах с дворянством польским. После этого немало литовских и польских семей объединились брачными союзами. Были объединены и вооруженные силы Польши и Великого княжества Литовского. Решили, что великого князя литовского будет назначать польский король, а после смерти короля, не оставившего детей или законных потомков, поляки будут избирать нового короля совместно с литвинами. Подписанная в 1413 году уния была обновлена в 1499 году, и в нее были добавлены разъяснения о том, что литвины выбирают своего великого князя с согласия поляков, а поляки короля – при участии литвинов.

В 1561 году рыцари ордена меченосцев вместе с остававшейся в их распоряжении частью Ливонии перешли под

власть короля Польши как великого князя литовского. Также его вассалом стал новый курляндский герцог. В 1569 году поляки и литвины провели в Люблине сейм, на котором было объявлено о вечной унии Польши и Великого княжества Литовского, образовании одного неделимого государства – Речи Посполитой, подчиненной одному государю, избираемому сообща и носящему двойной титул: короля польского и великого князя литовского. Было решено, что сейм будет заседать только в Варшаве. Вводились общий сенат, общая палата нунциев, или депутатов, единая валюта. Становились общими для обоих государств подписанные ранее союзы, вспомогательные войска и прочие объединения. В законах 1673, 1677 и 1685 годов было оговорено, что заседания каждого третьего сейма будут проводиться в Литве, в Гродно. Однако этот порядок не распространялся на внеочередные созывы сейма, заседания по поводу выборов и коронации. В 1697 году польские и литовские законы вступили в силу и имели одинаковый статус.

К этому краткому изложению истории Литвы до подписания унии с Польшей хочу добавить некоторые интересные детали, которые относятся ко времени, когда приведенные исторические факты перестали вызывать сомнения. Взяты они из лучших источников[127].

Около 1300 года, когда надменные своим могуществом татары начали беспокоить границы Литвы, князь Гедимин выступил против них. Он захватил Волынь, Подолье и Киевское княжество, прогнал татар из этих краев и расширил границы Литвы до Путивля, на Десне.

Боявшиеся Гедимина татары отказались от набегов, но после смерти князя они захотели вернуть себе потерянные провинции и начали опустошать Подолье. Ольгерд – преемник Гедимина, пришел на помощь своим племянникам Кориатовичам, которые правили на Подолье, нанес татарским ханам жестокое поражение в сражении в сомкнутом строю и прогнал их за Дон.

Витовт, племянник и преемник Ольгерда, который в своих новых владениях также подвергся нападению татар, пришедших на него с очень большой силой, разбил их, прогнал за Дон, а попавших в плен отвел в разные концы Литвы, где вместо превращения их в рабов дал им землю и разрешение свободно исповедовать свою религию.

Хотя вторжения татар стали менее частыми, Витовт решил обезопасить свои владения от последующих набегов и договорился с кипчакским ханом Тохтамышем, который уступил Витовту все свои права на Московское княжество. Эта уступка прав была подтверждена крымским ханом Менгли-Гиреем,

внуком Тохтамыша, который подробно перечислил все районы, города и укрепленные крепости, переданные Витовту. Наконец, уступку прав Витовту подтвердил и Хаджи-Гирей. Мы находим подлинные тому доказательства в оригинальных документах, подтверждающих передачу прав первым, подтверждение этого факта вторым, а также обновленный договор между третьим и Казимиром Ягеллоном, подписанный в Крыму в 1430 году и скрепленный золотой ханской печатью. Эти официальные документы хранились в архивах Короны Польской и были вывезены в Петербург с остальной частью архивов и варшавской национальной библиотекой. Так, Витовт стал хозяином не только русских владений, освобожденных от татарского ига его дедом и дядей, но также тех, что находился под властью мелких ханов Заднепровья.

Он осуществлял в этих провинциях свои суверенные права во всей их полноте: назначал и утверждал татарских ханов, обязывал их поставлять войско при каждом требовании. Он подчинил Хаджи-Гирею небольшие орды татар, проживавшие между Днепром и Доном, а также кочевые племена черноморского побережья, которые совершали частые набеги на польскую территорию. Он также передал ему власть над племенами, пасшими свои стада между устьем Днепра и Днестром, при условии, что тот обеспечит их подчинение Литве и признание ими Витовта и его преемников своим хозяином и властелином. Хаджи-Гирей проявил себя верным подданным Польши даже после смерти Витовта. Без согласия короля он не объявлял войн, называл его своим хозяином и повелителем, а его войска всегда были готовы выполнить приказы короля…

Таким образом, все страны между Днепром и Днестром до их устья принадлежали Литве либо по праву наследования от русских князей, либо в результате завоеваний, или, наконец, по договору, включая территорию, называемую сегодня округом Очаков, до города Хаджибея, руины которого существуют и по сей день напротив Белгорода, называемого турками Аккерман.

От своих истоков под Смоленском до впадения в Черное море Днепр течет по территории Литвы. Литовские князья, а после них польские короли возводили укрепленные города на обоих берегах этой реки и содержали здесь сильные гарнизоны, чтобы сдерживать набеги татар. Михалон Литвин, отправленный Сигизмундом Августом для инспекции крепостей, упоминает Кременчуг, Упск, Гербедеев Рог, Мишурин, Кичкас, Тавань, Бургун, Тягиня и т. д.

В Тавани литовские князья построили из камня таможенный дом, где они взимали пошлины и штрафы (osmiectwo) с татар,

допустивших бесчинство или беспорядок. Эту таможню прозвали башней Витовта.

Предпринятые меры предосторожности по обеспечению безопасности от татарских набегов привлекли в эти края немало поселенцев, которые построили здесь деревни и стали обрабатывать чрезвычайно плодородные земли. Много населенных пунктов появилось в непосредственной близости от озера Тилигул[128]. Были застроены красивые равнины между реками Ингул и Ингулец. Несколько знатных дворянских семей обладали в районе Очакова значительными земельными угодьями. Другие, менее богатые, владели здесь деревнями, различными строениями, стадами скота и табунами лошадей, а также полями, приносившими богатые урожаи. Два моста, построенные Витовтом недалеко от устья Буга и гавани Хаджибей в устье Днепра, способствовали развитию торговли.

Со времен Витовта до правления Казимира Ягайло, баржи с пшеницей и рожью постоянно спускались по Днестру до Хаджибея и Белгорода[129].

После унии Литвы с Польшей литвины ревностно относились к сохранению своих старых прав и привилегий, которые были им гарантированы самим актом унии. Однако они всегда были готовы пойти на жертвы, если того требовало общее благополучие страны.

Убедительные тому доказательства они дали нам в последние годы существования Польши. Когда литвины убедились в том, что общие интересы и эффективность новой формы правления, которую предлагал ввести сейм в 1788 году, требуют более тесных отношений между Литвой и Короной[130], а также создания из трех провинций одного мощного государства и избавления от различий, существовавших ранее между поляками и литвинами, они согласились отказаться от привилегий, которыми так сильно дорожили и упрямо отстаивали, от отдельной армии и казны в пользу объединения под единым управлением с двумя другими провинциями.

Во время этого конституционного сейма депутаты от Литвы показали себя с наилучшей стороны, проявили образцовый патриотизм и безоговорочную преданность государству. Они не уступали представителям Короны ни в числе, ни в талантах, а имена Немцевича, Вейссенгофа, Матушевича, Солтана, Казимира Сапеги, Вавжецкого и многих других патриотов своего отечества, отличавшихся талантом в сфере управления и красноречием, были вписаны в страницы национальной истории и оставили в ней неизгладимый след.

Чувства, которые выражали эти представители на заседаниях

сейма, проявлялись с одинаковой энергией в среде их избирателей в Литве, где всякая жертва для родины считалась не только добрым делом, но и священным долгом.

Первые революционные выступления в 1794 году оживили огонь патриотизма литвинов. Виленское восстание уступало варшавскому лишь соотношением имевшихся ресурсов, поскольку располагало только тремя сотнями солдат, которые в Вильне напали на трехтысячный русский корпус.

Поскольку после последнего раздела большая часть Литвы была присоединена к России, и лишь в небольшой ее части не стояли русские войска, все действия литвинов, находившихся в отдалении от Костюшко и польской армии, были немыслимы в 1794 году. Мы стали свидетелями как в Курляндии проникший сюда Вавжецкий захватил Либаву, Гедройц и Неселовский разбили русских в Салантае, Михал Огинский продвинулся до Динабурга на Двине, Стефан Грабовский пробился до бывшего Минского воеводства.

Все эти операции осуществлялись при отсутствии необходимых средств и в окружении корпусов русской армии, только один из которых, использованный при осаде Вильны, состоял из четырнадцати тысяч человек. Но на что только не способно мужество, энтузиазм и любовь к своей родине!

Имена Сераковского, Копца, Станислава, Ежи и Стефана Грабовских, Прозора, Горайна, Гедройца, Белопетровича, воеводы Неселовского, которые, руководствуясь порывом души и горячей любовью к своей стране, с образцовым постоянством и беспредельным усердием служили в это время на военном или гражданском поприще, дороги любому настоящему поляку и литвину, а их родина по праву гордится ими[131].

Однако литвины, которые на протяжении всего периода революции 1794 года так и не смогли получить военной поддержки, боеприпасов, артиллерии и подкрепления, потому что Костюшко, находясь в постоянных сражениях с русскими и пруссаками, не мог отправить им помощи, в конце концов были вынуждены уступить числу и объединить остатки своей армии и различных отрядов, самостоятельно воевавших на границах Польши.

Эти литовские войска, став частью основной армии, гордые, что поступили под непосредственное подчинение Костюшко, который также был литвином[132], героически сражались в разных местах против пруссаков и русских и делили боевые успехи с храброй польской армией до самого конца этой неудачной революции. Наконец, когда большое число старших офицеров попали в руки врага и были отправлены в тюремные камеры

Петербурга, а несколько тысяч литовских солдат оказались в Сибири, все, кто мог покинуть Польшу, искали убежища за границей, и многие из них были приняты на французскую службу или зачислены в польские легионы в Италии.

По примеру этого вступления, показывающего, что в числе выдающихся людей, оставивших свой неповторимый след в последние годы существования Польши, было много литвинов, для которых была характерна ярко выраженная любовь к свободе и независимости, а также ненависть к угнетателям страны, рассмотрим причины, помешавшие им слепо довериться тому, кто во главе пятисоттысячной армии перешел границы провинции в 1812 году.

Когда в 1806 году Наполеон объявил войну России и Пруссии, литвины не остались равнодушными к этой новости. Они жадно читали обращения Наполеона к полякам, приходящие из Варшавы прокламации Домбровского и Выбицкого, письма, которые несли надежду на будущее восстановление Польши.

Многие, по правде говоря, были удивлены, узнав, что Костюшко не поддался на настоятельные уговоры Наполеона, отказавшись следовать за ним и подписывать адресованные полякам прокламации. Не было и веры в то, что Наполеон захочет восстановить прежнюю Польшу – сильную и независимую, поскольку это не соответствовало его принципам. Многие полагали, что как только император Александр будет готов к урегулированию споров и сделает или согласится на мирные предложения, Наполеон пожертвует поляками в пользу наивысших интересов. Тем не менее многие литвины пересекли границу, чтобы присоединиться к польским легионам, и если бы Наполеон перешел Неман и провозгласил восстановление Польши, вполне вероятно, что в ту пору все, кто мог носить оружие, охотно присоединились бы к нему.

Нескольких недель прошли в ожидании и неопределенности, когда, наконец, стало известно, что после битвы при Фридланде произошло сближение императоров России и Франции, что состоялась их встреча, которая прошла в сердечной и радушной обстановке с обеих сторон, что Наполеон, удовлетворенный тем, что был признан императором государем, чьей дружбой он дорожил особо, что удалось исключить все, что мешало доброму согласию между двумя дворами, предложил Александру присоединить к России Варшаву с провинциями бывшей Польши, которые он отвоевал у прусского короля.

Вскоре выяснилось, что поскольку это предложение не было принято, Наполеон создал герцогство Варшавское и присоединил его к Саксонии. Кроме того, он отделил часть от завоеванных

провинций, образующих Белостокский округ, с населением в несколько сотен тысяч жителей, чтобы передать ее Александру для включения в состав России. Этим он хотел показать, что не посягает на Литву и охотно уступает Александру то, что тот просит. Более того, он сделал бы его хозяином герцогства Варшавского, если сумел бы склонить к своим интересам и принятию принципов континентальной системы.

Все эти новости вызвали растерянность в Литве и в первую очередь в Вильне. Те, кто слишком поспешно покинул свою страну, чтобы присоединиться к польской армии, оказались скомпрометированными, подвергнув свои семьи расследованиям и судебным преследованиям. Все те, кто ждал лишь перехода Немана, чтобы присоединиться со своими собратьями, были разочарованы. В глазах литвинов и поляков – подданных Александра из других губерний Российской империи – Тильзитский мир похоронил все их надежды, и с этой поры исчезает былая вера в намерение Наполеона восстановить Польшу.

Некоторые произошедшие позже события еще больше ослабили восторг литвинов перед Наполеоном и усилили их недоверие к нему.

В начале кампании 1809 года они видели, как герцогство Варшавское оказалось под защитой только собственных сил. Немногочисленный корпус поляков под командованием князя Юзефа Понятовского должен был защищать его от врага, в то время как основные силы польской армии сражались в Испании. Наполеон оставил на произвол судьбы страну, которая предложила ему так много ресурсов, народ, который проявил ему свою верность и оказал столько доверия! Варшава была открыта для австрийцев, которые вошли в нее с сорокатысячной армией. Однако без доблести храбрых поляков во главе с князем Юзефом, пробившихся с боями в Галицию, без помощи благосклонной к Наполеону звезды, которая помогла ему выбраться из тяжелого положения и одержать победу над австрийцами, едва организованное герцогство Варшавское было бы принесено в жертву.

Примерно год спустя, после заключения Шенбруннского мира, министр внутренних дел Монталиве заявил в публичном выступлении в Париже, что Наполеон не собирался восстанавливать Польшу. Такие же заверения Наполеон давал в своих письмах Александру, а еще раньше они прослеживаются в официальной переписке министра иностранных дел Шампани с российским канцлером графом Романцовым.

Легко себе представить, что все эти факты, которые

становились достоянием гласности, завершили разрушение иллюзий самых восторженных сторонников Наполеона среди литвинов.

С другой стороны, император Александр делал для них все, что мог и притягивал к себе как человек. В 1810 году он получил просьбы от жителей Виленской и Гродненской губерний и предоставил им почти все, что они желали. Дворянство страны с благодарностью почувствовало цену его заботы о воспитании молодежи, его щедрость по отношению к Виленскому университету и национальным школам.

В Литве точно знали, что император готовит проект организации восьми присоединенных к России бывших польских губерний с населением около семи миллионов человек. Речь шла об их объединении под единой системой административного управления и предоставлении им отдельной конституции. Здесь знали о внушительных силах России и ожидали, что рано или поздно герцогство Варшавское будет присоединено к этим губерниям с образованием единого государства под названием Царства Польского, что было единственным предметом всех желаний.

Таково было состояние вещей и состояние умов в Литве при подходе армий Наполеона в 1812 году. Из-за опасения, что Литва превратится в театр военных действий, мало кто хотел, чтобы французы перешли границу. Жители наблюдали за продвижением к Неману огромной русской армии, но были уверены, что она не начнет первой военных действий. Прибытие Александра в Вильну, его доброжелательность, любезность и приветливость пленили сердца литвинов.

Из уважения к нему и беззаветной преданности некоторые губернии, и в частности Гродненская, Виленская и Минская, предложили поставить необходимые для армии продовольствие и фураж без всяких ограничений, поскольку земледельцы согласились оставить себе лишь необходимый для пропитания семьи минимум и отдать все остальное. У императора попросили только назначить комитет из числа литвинов, который отвечал бы за распределение продовольствия. Эта добровольная жертва позволила в течение короткого времени заполнить огромные провиантские склады, несмотря на то, что плохой урожай предыдущего года, общая нищета и нехватка наличных денег создавали повсюду препятствия и трудности. Литвины, которых как подданных империи могли бы вынудить поставлять все необходимое для содержания армии, особенно в период, когда почти все российские военные силы наводнили их провинцию, добровольно пошли на жертвы, потому что были убеждены, что

Александр проявляет к ним неподдельный интерес и что в его планы входит организация Литвы и восстановление Польши после окончания кампании. В ту пору у них были достоверные данные о его намерениях, и они верили его великодушию. Наполеон же со своей стороны не обещал ничего, а его предыдущие действия успели разрушить те или иные их иллюзии.

Удивление и растерянность литвинов достигли своего пика, когда император Александр внезапно покинул Вильну, а русская армия отступила к Дриссе. Одни последовали за императором, дабы избежать беспорядков, кои сопровождают вступление иностранной армии на чужую территорию, другие были обязаны следовать за ним по долгу службы, в том числе и вновь назначенные члены комитета по распределению продовольствия. В итоге здесь с трудом нашлось несколько депутатов для встречи с Наполеоном.

Все это, равно как и отступление русской армии без боя, испортило настроение французскому императору, что можно было судить по его грубым вопросам депутатам перед вступлением в Вильну[133].

Однако у литвинов не было никаких оснований предаваться радости и надеждам даже после вступления Наполеона в Вильну. Стало известно содержание приказа по французской армии перед переходом Немана, в котором говорилось, что войска вступают на вражескую территорию, и это не обещало церемоний по отношению к жителям Литвы. Стало также известно, что сразу после перехода Немана было сожжено несколько деревень, начались повальные грабежи дворянских усадеб, надругательства над женщинами, издевательства над крестьянами, захват продовольствия и фуража, незрелая пшеница скашивалась на корм лошадям, опустошались поля и луга.

Польские солдаты, а среди них и немало литвинов, были настроены на победу, которая в их понимании неминуемо должна была привести к восстановлению Польши. Они смотрели на все эти злодеяния, как на неизбежные последствия войны, однако мирные землевладельцы и крестьяне, мало озабоченные будущими преобразованиями, видели только разорение и опустошение и не представляли себе, как все это может привести к общему благополучию. Правда, вину за эти беды они не взваливали ни на непогрешимого в их глазах Наполеона, ни на его полководцев, которых в Литве, как и везде, почитали за их подвиги и военные таланты, но от этого потери и убытки не становились меньше, а тревога и разочарование росли по мере того как иностранные армии продвигались с труднопредставимой быстротой все дальше.

Наконец, уклончивый и малоутешительный ответ, данный Наполеоном варшавским депутатам по поводу восстановления Польши, опрокинул все расчеты поляков и лишил надежды тех литвинов, которые какое-то время верили в возможность разгрома русской армии, возвращения старых польских провинций и восстановления Польского королевства.

Все эти подробности объясняют причины, которые помешали литвинам оправдать надежды Наполеона.

В том, что Наполеон не встретил с их стороны должного энтузиазма, виноват не он один. Если бы до перехода через Неман, он провозгласил восстановление Польского королевства и объявил себя королем, если бы, вступив в Литву, заверил литвинов и жителей бывших польских провинций, присоединенных к России, что присоединит их к герцогству Варшавскому, чтобы создать единое государство в виде Польского королевства, то, надо полагать, при виде пятисоттысячной армии, их чувства к Александру поостыли бы, и никакое уважение не помешало бы им предаться безумию возвышенного патриотизма и массово вступать в армию того, кто вернул им родину и не ограничил себя одними обещаниями.

Впрочем, чего Наполеон ждал от литвинов? Они и так уже пожертвовали всем, что у них имелось. В некоторых местах, как например, в Минске, где командиры дивизий по собственной инициативе объявляли о восстановлении Польши, люди встречали французов с большим подъемом. Во всех помещичьих домах, даже не очень богатых, офицеров принимали с гостеприимством и услужливостью. Безропотно поставлялось продовольствие для солдат и выделялись лошади для гужевых повозок. Со всех сторон прибывали добровольцы для комплектования польской армии. Более трехсот студентов Виленского университета добровольно поступили на польскую службу. Декретом было объявлено о формировании десяти полков, в том числе пяти полков линейной пехоты и пяти полков кавалерии. Пехотные полки возглавили Адам Бишпинг, Александр Ходкевич, Константин Тизенгауз, Кароль Пшездецкий и Станислав Чапский. Командирами кавалерийских полков стали бригадир Иосиф Вавжецкий, Михал Тышкевич, Константин Раецкий, Ксаверий Обухович и Гедройц.

Некоторые из командиров, кто был побогаче, предоставили собственные средства, чтобы ускорить формирование своих полков.

Мы видели также других представителей знатных и старейших семей Литвы, которые сочли за честь послужить делу своей родины. Так Доминик Радзивилл, Александр Сапега,

Константин Чарторыйский, Габриэль Огинский, Людвик Пац и многие другие пошли за Наполеоном не из-за личных интересов или честолюбия, а из предположения, что результатом этой кампании станет восстановление Польши, и осуществлено это будет скорее Наполеоном, чем Александром.

Всего этого достаточно, чтобы доказать, что литвины никогда и ни в чем не уступали жителям других польских провинций, и нет никаких сомнений в том, что тот, кто, не предаваясь пустым обещаниям, объявил бы себя королем Польши и возродителем их отечества, приобрел бы здесь неоспоримые права на признание и мог бы быть уверенным, что нашел у этого народа доверие и даже восторженный энтузиазм.

№ II

(КНИГА X, Глава IV)

Отрывок из Истории Наполеона и Великой армии, написанной генералом графом де Сегюром, том I, с. 150–157, шестое издание

…Поляки полагали, что они обращаются к верховному мировому судье, чье каждое слово указ и которого не остановить никакими политическими предосторожностями. Они не знали, какое значение скрыто за его осмотрительным ответом.

Они усомнились в намерениях Наполеона. Из-за этого пыл одних поостыл, сдержанность других нашла оправдание, но все были удивлены. Даже в его кругу не знали о причинах этой осторожности, которая казалась не только несвоевременной, но и непривычной: «Какова же цель этой войны? Боится ли он Австрии? Ввело ли его в замешательство отступление русских? Разуверился ли он в своей удаче, или просто не желает на глазах у всей Европы брать на себя обязательства, в выполнении которых есть сомнения?

Наконец, подействовала ли на него холодность Литвы? Или же он не доверяет взрыву патриотизма, который трудно потом обуздать? А может он все еще не принял окончательного решения об их судьбе?»

Каковы бы ни были эти причины, Наполеон решил, что литвины сами должны преодолеть себя, и поскольку в это время он создавал их правительство и диктовал им все вплоть до порывов патриотизма, это поставило его и их в ложное положение, где все было ошибочным, противоречивым и

половинчатым. Ввиду отсутствия взаимного понимания, возникло взаимное недоверие. За все, чем поляки должны были пожертвовать, они хотели получить от него позитивные обязательства. Но поскольку не был решен вопрос об их объединении в одном королевстве, выросла тревога, характерная для принятия важных решений, и, потеряв доверие к нему, они перестали верить и самим себе.

Именно тогда Наполеон назначил правительство из семи литвинов. Этот выбор оказался неудачным во многих отношениях и сильно задел плохо скрываемую ревнивую гордость знати.

Четыре литовские провинции: Виленская, Минская, Гродненская и Белостокская получили по правительственной комиссии и национальных подпрефектов. Каждый уезд должен был обзавестись своим муниципалитетом, но на деле Литвой правил императорский комиссар и четыре французских аудитора – интенданты.

Наконец, от неизбежных ошибок, и в особенности из-за беспорядков в армии, поставленной перед альтернативой: либо грабить своих союзников, либо умереть с голоду, наступило общее охлаждение. У императора не оставалось сомнений: он рассчитывал на четыре миллиона, а получил лишь несколько тысяч сподвижников. *Посполитые*, которых по некоторым оценкам было около ста тысяч человек, выделили ему почетную гвардию всего лишь из трех конников. Густонаселенная Волынь осталась безучастной, и Наполеон все еще призывал их к победе. Счастливый, ибо холодность его не сильно утруждала, несчастный, потому что не жаловался на это либо из гордости, либо из справедливости.

Поначалу нас, по-прежнему уверенных в нем и в себе, настроения литвинов занимали мало, но когда наши войска стали таять, мы стали оглядываться вокруг. Вместе с нашим вниманием проснулись и наши требования. Три литовских генерала, известных своим знатным происхождением, богатством и патриотическими чувствами, входили в свиту императора. В конце концов, французские генералы стали упрекать их в холодности литвинов. В качестве примера вспомнили про пыл варшавян в 1806 году. Последовавшая за этим оживленная дискуссия, как и многие похожие на нее, происходила в главной квартире Наполеона, недалеко от его кабинета, и так как обе стороны были по-своему правы, ибо в таких спорах противоположные утверждения остаются без опровержения и, наконец, так как первые и последние причины холодности литвинов находят здесь свое объяснение, мы не можем не привести ее.

Вот что ответили эти генералы: «Они верили в то, что мы принесли им свободу. Что до остального, то каждый любит по-своему. Литвины более сдержанны по сравнению с поляками и, следовательно, менее общительны. В конце концов, настроения могут быть одинаковыми, а их выражение разным. Кроме того, не следует сравнивать нынешнюю обстановку с положением в 1806 году. Тогда после победы над пруссаками французы освободили Польшу, в то время как сегодня, хотя они и освободили Литву от российского ига, то сделали это, не успев подчинить себе Россию. Таким образом, когда одним легко досталась победоносная и надежная свобода, другие получили ее неопределенной и рискованной в более тяжелых условиях, а дареное – не купленное. В то время как шесть лет назад в Варшаве все были озабочены лишь подготовкой празднеств, сегодня в Вильне, где видели всю мощь русских, и знают, что их армия, несмотря на отступление, цела, понимают, что следует готовиться к будущим баталиям.

И каким образом? Почему нельзя было принести им свободу в 1807 году? В то время Литва была еще богатой и населенной страной! Однако континентальная блокада, закрыв для ее продукции единственный рынок сбыта, разорила ее. Одновременно с этим предусмотрительность русских привела к тому, что страна обезлюдела из-за рекрутских наборов, а в последнее время и из-за мобилизации большого числа мелких землевладельцев и крестьян по причине реквизиции скота и повозок.

К этим причинам они добавили неурожай 1811 года и порчу, которой подвержены в этих краях мягкие сорта пшеницы. Но почему не привлечь южные провинции? Там хватает людей, лошадей, любого провианта. Для этого достаточно было выбить оттуда Тормасова с его армией. Возможно, Шварценберг и воюет там, но разве освобождение Волыни следовало доверять австрийцам – вечным узурпаторам Галиции? Захотят ли они устанавливать свободу по соседству с крепостничеством? Разве нельзя было отправить туда французов и поляков? Но тогда надо было бы остановиться, сделать войну более планомерной и методичной, найти время, чтобы организоваться. Однако Наполеон, который вынужден торопиться из-за отдаленности от своей империи, расходов по ежедневному содержанию армии, очень дорожит этим временем и торопится одержать победу, жертвуя всем, чтобы закончить войну одним ударом».

Здесь их прервали: приведенные доводы, хотя и верные, казались недостаточно убедительными для оправданий. «Они умалчивают о самой важной причине холодности своих соотечественников: она кроется в заинтересованности магнатов в

ловкой политике россиян, играющих на их самолюбии, уважении их обычаев и гарантирующих их права на крестьян, которых французы собираются освободить от крепостного права».

Этот упрек был обоснованным и, хотя он не носил личностного характера, вызвал у литовских генералов раздражение. Один из них воскликнул: «Вы говорите о нашей независимости, но она, должно быть, слишком опасна, так как вы, имея четырехсоттысячную армию, боитесь скомпрометировать себя признанием этой независимости, ибо вы так и не признали ее ни в ваших заявлениях, ни в ваших действиях. Это ваши аудиторы – совершенно посторонние люди – возглавив новые администрации, управляют нашими провинциями. Они выдвигают перед нами властные требования и не говорят, куда идут наши пожертвования, которые обычно приносят ради своей родины. Они везде показывают нам имперское управление, забывая о республиканском. Вы не говорите, куда мы направляемся, и при этом удивляетесь, что мы идем неуверенным шагом. Тех, кого мы не уважаем как соотечественников, вы даете нам в качестве лидеров. Вильна, несмотря на наши просьбы, отделена от Варшавы. От разобщенных вы требуете уверенности в собственных силах, которые им может дать лишь единство. Вы ждали от нас солдат, и мы предложили тридцать тысяч человек, но вы отказываете им в оружии, одежде и деньгах, которых нам так не хватает».

На все эти обвинения, вероятно, последовал бы ответ, но генерал продолжил: «Конечно, мы не торгуемся по поводу свободы, но считаем, что она, действительно, дается нам не бесплатно. Слухи о ваших бесчинствах опережают вас. Они не носят частный характер, поскольку ваша армия занимает фронт в пятьдесят лье. В самой Вильне, несмотря на многочисленные приказы вашего императора, пригороды разграблены, и здесь не доверяют свободе, на которую требуется разрешение.

Что вы понимаете под нашим пылом? Счастливое лицо, крики радости, знаки признательности? И это, когда каждый день мы узнаем, что грабят наши деревни, опустошают амбары, а ваши голодные солдаты поедают то, что не успели увезти русские. Во время ваших быстрых переходов от флангов отделяются толпы мародеров всех национальностей, от которых приходится отбиваться.

Чего же вы еще хотите? Чтобы наши соотечественники бросились вам навстречу, отдали свой хлеб и скот, явились добровольно и при полном вооружении, чтобы следовать за вами? Э! Что у них осталось, чтобы отдать вам? Ваши грабители забирают у них все, и они просто не успевают предложить вам

что-либо. Обратите внимание на того человека, что стоит у входа в императорскую квартиру. Он почти голый! Он стонет от горя и умоляюще протягивает к вам руки! Так вот, этот несчастный, что вызывает у вас жалость, один из тех шляхтичей, от которых вы ждете помощи. Еще вчера, полный рвения, он ехал к вам с дочерью, слугами и имуществом, чтобы предложить его вашему императору, но по дороге столкнулся с вюртембергскими грабителями. Он ограблен, лишился дочери, да и человеческого облика тоже! и т. д., и т. п.»

№ III

Вот план операций для резервных русских армий, копии которых были в обращении несколько месяцев спустя после отступления Наполеона и которые приводятся в книге полковника Бутурлина (Boutourlin, vol. II, pag. 241 et suiv.)

Распоряжения для южных армий

Для Молдавской армии. Из Острога адмирал совершит марш на Пинск, куда он обязан прибыть не позднее 20 сентября.

Прикрывая свое движение, как собственными силами, так и силами 3-й Западной армии, ему надлежит выиграть несколько переходов у генералов Ренье и Шварценберга в общем направлении из Пинска к Несвижу и Минску, чтобы предупредить их в обоих местах и отрезать их от Минской губернии, Березины и главной армии неприятеля. От успеха этого движения во многом зависит успех всей операции.

Адмирал обязан прибыть в Несвиж не позднее 26 сентября, а по возможности, ранее. Оттуда ему к 30 сентября следует войти в связь с 3-й Западной армией и при необходимости укрепить ее своими частями, чтобы обеспечить для нее возможность отбросить войска Шварценберга и Ренье и преследовать их вплоть до герцогства Варшавского или Галиции.

Не позднее 4 октября, а по возможности ранее, адмирал сосредоточит свои основные силы в Минске, где к тому дню к нему должны присоединиться войсковые части из Мозыря.

Действуя из Минска, адмирал обязан быстро выйти к городу Борисову, занять линию р. Березины, устроить здесь укрепленный лагерь, взять под контроль окружающие леса и укрытые от наблюдения проходы с другой стороны Борисова на дороге в Бобр, а также укрепить все находящиеся на этой дороге позиции,

чтобы оказать мощное сопротивление основным силам неприятеля, преследуемого в своем отступлении армией князя Кутузова.

Кроме того, к 10 октября ему надлежит соединиться с корпусом графа Витгенштейна у Докшиц, что позволит открыть и обеспечить прямые коммуникации как с Петербургом, так и с Киевом.

Сформировав таким образом центр из трех соединенных армий и имея четвертую армию (графа Штейнгеля) в резерве в Вильне, адмиралу надлежит ждать событий от действий главной армии Кутузова, результаты которых остаются неопределенными. По мере прояснения обстановки, обе армии соединятся в центре или на одном из двух флангов, в зависимости от направления движения противника: слева – через Уллу, в центре – через Бобр, Борисов и Березину, или справа – по направлению к Бобруйску. Словом, мы должны энергично и оперативно предупредить действия противника там, где он предпримет попытку прорыва, противопоставляя ему не меньшую по сравнению с ним по численности силу.

Российские войска будут дислоцированы таким образом, чтобы никакие воинские части из-за рубежа не могли присоединиться к Великой армии противника, далеко продвинувшейся вглубь России, ослабленной понесенными потерями, поражениями и изматывающими маршами, которые ей предстоит еще выполнить прежде, чем она сможет выйти за пределы границ России после своего поражения и уничтожения.

Наконец, если отогнанный от Москвы враг попытается повернуть на Киев или Петербург, центральное положение, занимаемое нашими армиями, позволит им упредить неприятеля как с одной, так и с другой стороны – на Днепре или Волхове – и остановить его авангард, в то время как арьергард противника будет подвергнут активному преследованию со стороны главной армии князя Кутузова.

До этого адмиралу надлежит стоять у Борисова и оставаться в непосредственной связи с другими армейскими корпусами, ожидая результатов от действий главной армии.

Для 3-й Западной армии. С 20 по 25 сентября армии следует находиться в Пружанах и стремиться оттеснить противника как можно дальше от Несвижа и Пинска.

26 сентября, сосредоточив все наличные силы, армия должна перейти в наступление. Она будет стремиться разбить врага. Если противнику удастся занять прочные позиции, армии надлежит предпринять обходной маневр справа, и, дождавшись подкреплений, которые подойдут из Несвижа, нанести 30

сентября объединенными силами удар по неприятелю.

Армия должна стараться скрыть от противника движение группы войск адмирала таким образом, чтобы он смог выйти из Пинска и прибыть в Несвиж до того, как об этом станет известно неприятелю.

После этого армии надлежит решительно атаковать корпуса Шварценберга и Ренье, опрокинуть и отогнать неприятеля, чтобы дать возможность войскам графа Витгенштейна и армии адмирала осуществить соединение между Минском и Докшицами. Она оставит предупредительные посты на р. Щаре от ее устья у Немана до Слонима и Пинска, после чего займет позиции у Несвижа, откуда она сможет контролировать местность до Щары, с одной стороны, и до Бобруйска и Березины в районе Борисова с другой. Кроме того, она будет находиться в непосредственной и оперативной связи с корпусами, направленными в Вильну и Минск. В этой позиции она будет ждать результатов от действий главной армии князя Кутузова.

Распоряжения для Северных армий

Для армии графа Витгенштейна. Данный корпус будет усилен одиннадцатью тысячами ополченцев из Петербурга, которые прибудут в Себеж к 25 сентября. Кроме того, 20–24 сентября прибудут из Петербурга в Великие Луки девять тысяч старых солдат пехоты и артиллерии и восемь тысяч ополченцев из Новгорода.

Граф Витгенштейн должен заблаговременно обеспечить эти войска передвижными магазинами и резервными артиллерийскими парками. С этой целью использовать провиантские магазины в Великих Луках, организованные для предполагаемой стоянки главной армии в Витебске.

25 сентября, графу Витгенштейну после сосредоточения вновь прибывших войск, а также присоединения воинских подразделений, оказавшихся незадействованными в наступательных операциях армии графа Штейнгеля, надлежит организовать марш таким образом, чтобы Великолуцкий корпус был направлен по дороге из Полоцка на Невель, а петербургское ополчение из Себежа к месту расположения главной квартиры. При подходе ополченцев графу Витгенштейну следует выделить из главного корпуса пятую пехотную дивизию, лучшие учебные батальоны и основную часть кавалерии с достаточным количеством артиллерии, и затем выступить с этим войском в

сопровождении своего штаба по дороге на Полоцк на соединение с Великолуцким корпусом в наиболее удобном пункте, признанном в зависимости от обстоятельств.

Для этой части войск планируемое наступление имеет первостепенное значение. Остальные войска будут оставаться под командованием генерал-лейтенанта Яшвиля.

К 1 октября Великолуцкий корпус, усиленный до 35 000 человек, должен быть сосредоточен на левом берегу Двины. Предполагая невозможность взятия Полоцка фронтальной атакой и во избежание ненужных жертв при атаке оборонительных укреплений противника, считаем необходимым переход через Двину, дабы не только взять Полоцк с тыла, но и отрезать отступление корпусу Удино, входящему в состав Великой армии противника. Тем временем, князю Яшвилю надлежит также подойти к Полоцку по правому берегу Двины.

Переправа через Двину может быть осуществлена между устьем р. Оболь и Полоцком. Правый берег Двины, р. Оболь и слева от нее р. Улла откроют выход на Витебск и на основные силы противника. Необходимо путем ложных действий на правом берегу ввести противника в заблуждение, чтобы заставить его поверить в штурм Полоцка.

После взятия Полоцка с тыла и уничтожения врага, части графа Витгенштейна должны соединиться с корпусом князя Яшвиля и предпринять максимально быстрые действия для разгрома корпуса Удино, отрезанного от главной армии противника. Им надлежит отбросить его в район дислокации группировки графа Штейнгеля, который после успешных действий против Макдональда, должен будет к тому времени подойти к Видзам и Свенцянам. После этого граф Штейнгель, заменивший армию графа Витгенштейна, должен преследовать остатки неприятеля, и если ему не удастся его полностью уничтожить, то отбросить за Вилию и Неман и занять Вильну. Здесь ему надлежит контролировать Неман и обеспечивать безопасность Риги от нападения пруссаков, а также оставаться резервом для трех армий, стоящих на Березине в Минской губернии.

Отрезав таким образом отход для Удино и будучи прикрытой с этой стороны действиями графа Штейнгеля, армия графа Витгенштейна должна с максимальной скоростью совершить марш на Докшицы и прибыть сюда к 10 октября. Отсюда, после того, как будут открыты коммуникации с Минском и оказана помощь адмиралу Чичагову, граф Витгенштейн продвинется вдоль Березины и займет Лепель, течение р. Улла от Березины до ее впадения в Двину.

На этих позициях ему надлежит тщательнейшим образом укрепить все проходы, поскольку трудно предсказать, в каком пункте после перехода Днепра противник в ходе отступления сосредоточит свои основные силы. Граф Витгенштейн должен оставаться в тесной связи и постоянном контакте со всеми другими армиями. После того как он существенно укрепит свои позиции и получит точные сведения о положении противника в Витебске, ему надлежит сделать попытку захвата города с целью лишить врага точки опоры во время отступления. В этой позиции граф Витгенштейн должен ждать результатов операций главной армии.

Для армии графа Штейнгеля. При подходе Финляндского корпуса к Риге генерал-лейтенанту Левису вместе с двадцатитысячным рижским гарнизоном необходимо начать движение на левой стороне Двины и двинуться вначале к Экау. Далее, следуя по левому берегу Двины, он должен подойти к Фридрихштадту, уничтожая все, что попытается подойти к этому месту еще до прибытия Финляндского корпуса, дабы отвлечь внимание маршала Макдональда от корпуса графа Витгенштейна. Даже если враг сумеет выставить против Левиса превосходящие силы (что вовсе не обязательно), прибытие Финляндского корпуса в Ригу даст возможность для его соответствующего усиления.

Высадившийся в Ревеле Финляндский корпус должен ускоренным маршем направиться через Пернов в Ригу, откуда ему надлежит осуществлять свои действия в соответствии с указаниями из-за Двины.

Если неприятель сосредоточит свои войска таким образом, что это помешает генералу Левису самостоятельно пробиться в Виленскую губернию, Финляндскому корпусу следует по выходу из Риги направиться к Экау, не забывая при этом об уничтожении осадной артиллерии неприятеля, и соединиться с корпусом Левиса, если неприятель будет превосходить того в численности, либо двигаться дальше через Бауск на Биржи. В последнем случае, генерал-лейтенанту Левису равняться с Финляндским корпусом и идти из Фридрихштадта в Нерфт. После чего обоим корпусам, находясь в самой тесной связи, и при полном обеспечении, включая резервный парк и передвижной магазин, следует перейти 20 сентября к самым сильным наступательным операциям и отвлекать внимание и силы Макдональда от графа Витгенштейна.

Если на правой стороне останется какое-то количество неприятельских войск, что вполне вероятно по той причине, что первые движения генерала Левиса к Фридрихштадту должны заставить противника отвести свои войска из Митавы, чтобы

соединить их с частями у Крейцбурга и Якобштадта, необходимо воспользоваться этими движениями, чтобы помешать неприятелю осуществить соединение и разбить его по отдельности. Однако, если собранный в Тильзите корпус маршала Виктора не предпримет других мер, необходимо продолжать движение влево, в сторону Виленской губернии к Видзам и Свенцянам, куда следует прибыть к 4 октября, чтобы встретить там Удино, долженствовавшего уже быть разбитым и преследуемым войсками графа Витгенштейна. Графу Штейнгелю следует сменить последнего и, отбросив остатки неприятеля за Неман, стать в Вильне, откуда наблюдать вдоль линии Немана за пруссаками, обеспечивая безопасность Риги. В этой позиции эта армия будет служить резервом для армий, собранных на Березине, в Минской губернии.

книга одиннадцатая

Глава I

Целую главу решил я посвятить подробному описанию польской армии и ее боевых операций, которые она вела самостоятельно либо совместно с союзниками. Я делаю это намеренно, чтобы не прерывать затем свой рассказ о событиях, произошедших после отступления Наполеона из Москвы.

На самом деле, я не разделял мнения своих соотечественников, которые все свои надежды связывали с Бонапартом. Но как тут не отдать дань уважения этим отважным людям, движимым самыми благородными чувствами? Они поверили в обещания Наполеона о восстановлении Польши и в патриотическом порыве вдохновенно пошли за императором, не знавшим доныне поражений. Разве можно предать забвению имена поляков, павших на поле брани в эту последнюю кампанию, и тех, кто израненный вернулся с войны в полной уверенности, что отдал все без остатка для возрождения родины!

Мне бы очень хотелось получить непосредственно от польских военнослужащих сведения о состоянии армии Варшавского герцогства и ее самых крупных сражениях. Было бы очень интересно узнать количество убитых, раненых, взятых в плен, а также тех, кто отступал вместе с Наполеоном и остатками его великой армии. Однако большинство польских офицеров, у которых я пытался уточнить эти подробности, либо не вели дневников, либо потеряли свои записи, либо сожгли их.

Как мне сообщили, генерал Домбровский распорядился, чтобы после его смерти все его записки и воспоминания передали в Варшаву в Общество друзей наук. Несомненно, издание этих материалов стало бы бесценным источником для военной истории Польши и предоставило бы очень важные и любопытные факты о формировании и организации первых польских легионов в Италии и их участии в различных военных кампаниях. Воспоминания Домбровского имеют особую ценность потому, что именно он еще в 1796 году стал первым создателем и командиром легионов и затем продолжал свою службу вместе с легионерами вплоть до того момента, когда остатки польской армии покидали Францию и возвращались в Польшу.

Хотелось бы надеяться, что и другие польские военные пожелают сохранить в памяти людей славные дела своих товарищей по оружию, хотя бы кратко рассказав о битвах, в которых они отличились[134].

Работы в жанре мемуаристики, будучи далекими от политики высоких европейских кабинетов, а значит, не несущие никакой

угрозы ни их авторам, ни полякам, могли бы вызвать к себе живейший интерес. Какой бы не была эта война, в которой они участвовали, какими бы не были их командиры, поляки доказали свою доблесть, которую не оспаривают другие народы. И руководствовались они при этом не амбициями, не личными интересами, а исключительно стремлением уберечь честь поляка и надеждой вернуть своей родине, если на то будет воля Господа, статус великой европейской державы.

Я с огромным удовольствием опубликовал бы на страницах этих Мемуаров дневниковые записи и воспоминания польских участников военных событий. Таковых, к сожалению, в моем распоряжении не оказалось, и я вынужден пользоваться другими источниками. Воздержусь от подробного описания военных операций кампании 1812 года, что, собственно, и не входило в мои планы. Однако обойти молчанием участие поляков в этой кампании было бы непростительно.

Армию Варшавского герцогства составляли:

Семнадцать пехотных полков по 2400 человек в каждом …… 42 800 человек

Шестнадцать кавалерийских полков по 1200 человек в каждом …… 19 200

Пополнение для Висленских полков …… 800

Новобранцы для формирования трех батальонов транспорта тыловых служб …… 1200

Солдаты легкой конницы гвардии и восьмого уланского полка …… 1200

Четвертые батальоны пятого, десятого и одиннадцатого пехотных полков …… 2000

Военно-транспортные средства …… 2300

Два полка конной артиллерии …… 1200

Инженерные войска, понтонеры, саперы, ветераны …… 2000

Рекруты, мобилизованные летом …… 5000

Дивизия Косинского на Волыни …… 8000

Всего …… 85 700 человек

Такое количество людей Варшавское герцогство действительно направило для участия в кампании 1812 года. К этому следует добавить более двадцати пяти тысяч лошадей[135].

Сомневаться в точности данных этой таблицы не приходится:

кто мог лучше знать о состоянии вооруженных сил Варшавского герцогства, чем посол Франции, который руководил советом министров и выполнял все предписания Наполеона?! И тем не менее дабы меня не упрекнули в однобокости суждений, я приведу здесь сведения из других источников, которые мне удалось разыскать.

В начале 1812 года по указанию правительства во многих французских газетах была напечатана следующая статья: «В вооруженных силах Варшавского герцогства имеется четыре дивизии, которые состоят из четырнадцати пехотных полков по три батальона в каждом, шестнадцати кавалерийских полков (десять уланских, два гусарских, четыре полка легкой кавалерии), и объединенного корпуса артиллерии и инженерных войск. В пехоте служат сорок четыре тысячи восемьдесят четыре человека, в артиллерии – девять тысяч шестьсот. Таким образом, без учета артиллерии и инженерных войск в составе польской армии насчитывается пятьдесят три тысячи шестьсот восемьдесят четыре человека. В арсенале артиллерии имеется сто шестьдесят пять орудий».

В отчете кабинета министров от 17 ноября 1812 года королю Саксонии сообщалось: «Все пехотные полки армии получили пополнение за счет новых учебных подразделений и артиллерийских рот. Созданы новые батальоны артиллерии, саперов и транспорта тыловых служб. Конная артиллерия и военно-рабочая рота также получили дополнительное подкрепление. В результате численность армии увеличилась на четыре тысячи шестьсот двадцать три человека, а количество лошадей выросло на четыре тысячи пятьсот восемьдесят голов.

Набор тридцати трех тысяч семисот восьмидесяти четырех рекрутов позволил полностью укомплектовать армию. В начале войны в армии насчитывалось семьдесят четыре тысячи семьсот двадцать два человека и двенадцать тысяч двести восемьдесят пять лошадей, из которых десять тысяч восемьсот семьдесят шесть страна поставила в порядке контрибуции. В число семьдесят четыре тысячи семьсот двадцать два человека не входят новобранцы для пополнения Висленских легионов, а также польские призывники, мобилизованные в транспортные батальоны тыловых служб, сформированные французской администрацией в Варшаве и Данциге».

И, наконец, из пятого корпуса я получил краткую сводку об армии Варшавского герцогства по состоянию на 15 января 1812 года:

На военном положении …… 1598 офицеров, 43 837 нижних

чинов

В учебных подразделениях …… 168 офицеров, 3566 нижних чинов

Всего …… 49 169 человек

В кавалерии насчитывалось …… 1447 офицерских лошадей, 13 287 верховых

В учебных подразделениях …… 279 офицерских, 1341 верховых

Всего …… 16 354 лошадей

Увеличение армии Варшавского герцогства в ходе кампании 1812 года, о чем говорится и в отчете кабинета министров, постепенно довело ее численность до цифры, указанной господином Прадтом.

Желая подробнее рассказать о пятом корпусе Великой армии и сохранить в памяти потомков фамилии польских генералов и офицеров, привожу здесь таблицу из вышеназванного источника.

ПЯТЫЙ КОРПУС ВЕЛИКОЙ АРМИИ ПО СОСТОЯНИЮ НА 9 АВГУСТА 1812 ГОДА

Главная квартира – Могилев

Дивизии	Полки	Командиры	На военном положении				
			люди	лошади			
			офицеры	нижние чины	офицерские	верховые	тягловые
16-я дивизия	3-й пехотный полк	Закжевский, полковник	60	2180	13	6	90
Дивизионный генерал Зайончек	15-й пехотный полк	Мясковский, полковник	57	2010	13	6	81

Штаб–квартира – Добжица	16-й пехотный полк	Князь Константин Чарторыйский, полковник	57	1706	18	6	81
4-й конно-егерский полк		Дульфус, полковник	31	674	68	659	17
Артиллерия и инженерные войска			11	438	25	26	376
Всего в 16-й дивизии			**216**	**7068**	**137**	**703**	**645**
17-я дивизия	1-й пехотный полк	Малаховский, полковник	57	1652	12	6	87
Дивизионный генерал Домбровский	6-й пехотный полк	Серавский, полковник	57	1814	12	6	83
Штаб–квартира – Старый Поболов	14-й пехотный полк	Семяновский, полковник	33	1018	10	6	80
17-й пехотный полк		Горновский, полковник	35	941	6	6	76
12-й полк улан		Жищевский, полковник	31	590	69	572	18
1-й конно-егерский полк		Пшебендовский, полковник	16	335	42	330	12
Артиллерия и инженерные войска			12	452	28	26	378
Всего в 17-й дивизии			**235**	**6802**	**179**	**952**	**734**
18-я	2-й	Круковецкий,	57	1757	14	6	83

дивизия							
	пехотный полк	полковн.					
Дивизионный генерал	8-й пехотный полк	Стюарт, полковник	51	1606	14	6	89
Штаб–квартира – Пеликовичи	12-й пехотный полк	Вержбинский, полковн.	52	1421	11	5	80
5-й конно-егерский полк	Курнатовский,	полковник	31	690	82	673	18
13-й полк гусар	Толинский,	полковник	30	617	75	624	32
Артиллерия и инженерные войска			12	428	24	26	370
Всего в 18-й дивизии			**233**	**6519**	**220**	**1340**	**672**
Артиллерийский резерв	Гурский,	полковник	11	436	26	98	466
Большой артиллерийский парк	Кобылянский,	шеф батальона	30	1068	60	60	1348
Понтонный парк	Буяльский,	капитан	4	125	8	3	114
Инженерный парк	Поцоцкий,	шеф батальона	8	111	21	…	68
Батальон военно-транспортных средств	Крыневич,	шеф батальона	14	560	16	…	1066
Всего в пятом корпусе			**751**	**22629**	**667**	**3156**	**5113**

Один иностранный офицер – приятель моих добрых друзей, который прошел от начала до конца всю кампанию 1812 года и не раз сам видел, как бесстрашно сражаются поляки, рассказал мне,

что в ту пору польская армия не только обладала мощнейшим потенциалом, но и умела разумно распределять свои силы, как это будет показано ниже.

Этот офицер письменно изложил свои воспоминания, отрывок из которых я позволю себе здесь привести:

«В начале кампании основные сражения, в которых принимали участие поляки в составе войск под командованием Жерома Бонапарта, короля Вестфалии, проходили в южной части театра военных действий. Польские кавалеристы яростно дрались в боях при Мостах, Мире и Несвиже. Желаемых результатов это, однако, не дало, так как пехота короля Вестфалии осталась далеко сзади и не смогла поддержать бесстрашных поляков.

После неудачной операции против корпуса Багратиона польские подразделения направились в Минск, а затем – в Могилев, где они и дислоцировались некоторое время в ожидании приказаний Наполеона.

Вначале император французов планировал оставить пятый корпус на юге для освобождения от неприятеля Подолии и Волыни и поддержания там патриотических настроений. Австрийцы, которые должны были прийти на смену пятому корпусу, по каким-то причинам задерживались. Не желая терять времени, Наполеон приказал всем корпусам оставаться на своих позициях. Выдвигаться вперед могли лишь подразделения с максимальной степенью боеготовности.

Пятый корпус через Мстиславль пошел на Смоленск. В Могилеве осталась только дивизия Домбровского.

Многие поляки сложили голову при штурме Смоленска. Погибло немало офицеров, среди них и бравый генерал Михал Грабовский. Под постоянным артиллерийским огнем бились поляки не на жизнь, а на смерть. Дважды им удавалось прорываться в город… Но и настрадались они больше других…

В походе на Москву солдаты и офицеры пятого корпуса сформировали правое крыло армии Наполеона и вместе с другими корпусами по-настоящему вступили в борьбу только на берегах Москвы-реки. Правда, без особого успеха. Для преследования огромной русской армии Наполеон задействовал и силы пятого корпуса. Поляки славно сражались в боях на Пахре и преследовали Кутузова до самого лагеря в Тарутино.

Когда мы стояли в Москве, поляки пятого корпуса больше других подвергались опасностям, лишениям и всевозможным тяготам. В отличие от других поляки не зарились на чужое добро в этом большом городе. Они все время несли службу на форпостах, в ночных дозорах, отчаянно сражаясь за кусок хлеба.

Большинство из них было вынуждено питаться кониной.

17 октября 1812 года – незабываемый день в истории польской армии. Доблесть и дисциплинированность бесстрашных воинов Варшавского герцогства, талант и опыт их командиров спасли в этот день четыре кавалерийских корпуса Мюрата от позорного поражения. Благодаря полякам удалось сохранить обозы этих корпусов и артиллерию, которые неминуемо стали бы добычей русских войск под командованием Беннигсена.

Не зная отдыха и покоя, без всяких запасов продовольствия, без нормальной одежды и обуви, в лохмотьях, поляки разделили славу и опасности этого знаменитого и трагического отступления. Они прошли Верею, вблизи Медыни вышли на Калужскую дорогу и добрались до Егорьевска. В этой опаснейшей ситуации о них почти забыли. От плана о возвращении в Калугу, чтобы затем выйти на Смоленскую дорогу, пришлось отказаться. Сохраняя спокойствие и осторожность, поляки благополучно отступили и приняли достойное участие в битве под Вязьмой.

Пятый корпус должен был следовать из Смоленска в Могилев. Однако генерал Зайончек, временно командовавший польскими войсками, замещая князя Понятовского после его падения с лошади, получил контрприказ и направился в сторону Красного.

Вернувшиеся из Испании Висленские легионы присоединились к пятому корпусу в Орше и вскоре на Березине, как и ранее на юге Европы, геройски сражались с неприятелем. Генерал Зайончек, этот Нестор отважных, в бою на Березине был ранен и остался без ноги. 3 декабря остатки польских войск добрались до Молодечно и через Алитус пошли на Варшаву. Поляки были единственными, кому удалось переправиться через Неман, сохранив артиллерию.

От начала и до конца кампании 1812 года все восхищались польской кавалерией. Общеизвестно, с каким благородством и преданностью польские уланы обеспечивали переправу Наполеона через Вилию. А разве можно забыть великолепные кавалерийские атаки польских улан шестого и восьмого полков в Островно и Смоленске, а также второго, третьего, седьмого, одиннадцатого, четырнадцатого, пятнадцатого и семнадцатого полков в Бородино, Винково, Вязьме!..

Я корю себя за то, что не смог разыскать и назвать здесь фамилии этих храбрецов. Польские имена и фамилии сохранить в памяти нелегко, но я и сегодня, по прошествии тринадцати лет, прекрасно помню бесстрашного Радзивилла и мужественного Сулковского.

В то время как пятый корпус совместно с остальными войсками Великой армии доблестно сражался с врагами, дивизия

Домбровского находилась в окрестностях Бобруйска и не имела в своем активе сколько-нибудь существенных боевых успехов. Получив подкрепление за счет литовских войск, дивизия так и не смогла найти себе достойное применение, а ее славному командующему не удалось проявить свое военное мастерство и отвагу.

Губернатор Минской провинции генерал Броникowский не оправдал оказанного ему доверия, не проявив должной смелости и военных познаний. А Домбровский сумел вновь показать свои выдающиеся качества бесстрашного военачальника в сражении за мост в Борисове, где ему противостояли войска Чичагова. Под давлением превосходящих сил противника Домбровский был вынужден отступить на левый берег Березины, но смог отвести свои войска организованно и без потерь.

Вот, пожалуй, и все самые интересные подробности о ратных делах поляков, которые запечатлелись в моей памяти в ходе кампании 1812 года. Здесь я все изложил достаточно сжато. Развернутую картину событий я дал на страницах своей книги. Признаюсь, для меня было подлинным удовольствием и, осмелюсь сказать, даже обязанностью воздать должное не знающему страха уважаемому польскому народу.

Граф Л…».

ПОЛЬСКИЕ ПОЛКИ, УЧАСТВОВАВШИЕ В СОСТАВЕ ВЕЛИКОЙ АРМИИ В РУССКОМ ПОХОДЕ 1812 г.

Дивизионные генералы	Бригадные генералы	Корпуса	Полки	Батальоны	Эскадроны
Клапаред	Хлопицкий	Императорская гвардия	1-й, 2-й, 3-й, 4-й Висленские полки	12	“
Граф Вальтер	Гюйо	“	Польские уланы	“	3
Жирарден	Пажоль	1-й корпус	9-й полк улан	“	4
Зайончек	Аксамитовский	5-й	1-й и 13-й	8	“

		корпус, командующий князь Юзеф Понятовский	полки		
“	Немоевский	15-й и 16-й полки	8	“	
Домбровский	Дзевановский	1-й и 17-й полки	8	“	
“	Толинский	6-й и 14-й полки	8	“	
Княжевич	Золтовский	2-й, 8-й и 12-й полки	12	“	
“	“	4-й конно-егерский полк	“	4	
Каменецкий	Вейссенгоф	1-й кирасирский полк, 12-й полк улан	“	8	
“	Князь Сулковский	“	5-й конно-егерский полк, 13-й полк гусар	“	8
Дандельс	Граф Хохберг	9-й корпус, Виктор	4-й, 7-й и 9-й полки	12	“
Гранжан	Башелю	10-й корпус, Макдональд	5-й полк	4	“
“	Князь Радзивилл	10-й и 11-й полки	8	“	
Брюйер	Руссель д’Юрбаль	1-й кавалерийский корпус, Нансути	6-й и 8-й конные гусар	“	8
Пажоль	Бюрт	2-й кавалерийский корпус, Монбрен	10-й полк гусар	“	4
Рознецкий	“	4-й кавалерийский корпус, Латур-	2-й, 3-й, 7-й, 11-й, 15-й и 16-й полки	“	24

		Мобур			
Лорж	Тильман		14-й полк польских улан	“	4
“	Косинский	7-й корпус	Учебные батальоны	6	“
“	Косецкий	В Минске	Литовские батальоны	4	“
“	Конопка	В Слониме	Литовские уланы	“	2
				90	**69**

Далее я приведу официальные отчеты командующего пятым корпусом князя Юзефа Понятовского королю Саксонии и военному руководству, а также другие документальные материалы, имеющиеся в моем распоряжении.

Рапорт от 20 июня 1812 года

Лагерь в Новогруде

Имею честь довести до сведения Вашего Величества, что пятый корпус 16 июня убыл из Пултуска и проследовал в Ружан, Остроленку и Новогруд, где и находится сейчас в ожидании приказа о дальнейшем продвижении.

Из-за скудности природных ресурсов в здешних местах день ото дня становится сложнее пополнять продовольственные запасы. В настоящее время с большими трудностями удается обеспечивать норму потребления продуктов питания, которую в данный момент я склонен сократить вдвое до увеличения поставок продовольственных товаров. Службы снабжения оказывают бесценную помощь, но этого недостаточно. Фуража практически нет, и уже длительное время лошади находятся на подножном корме. Пока что благодаря заботливому уходу все конское поголовье пребывает в достаточно хорошей форме.

Несмотря на такое положение дел, все тяготы и лишения, в армии царит высокий боевой дух, и она с нетерпением ждет случая, чтобы заслужить благорасположение Вашего Величества, на которое смею уповать и я.

Соблаговолите, Ваше Величество, принять уверения в моем высоком уважении!

Подпись: князь Понятовский.

Рапорт от 14 июля 1812 года

господину дивизионному генералу Латур-Мобуру о кавалерийских битвах 9 и 10 июля

Вечером 7 июля вверенная мне дивизия под Белицей перешла вброд Неман и 8 июля прибыла в Новогрудок. Там я получил приказ ускоренным маршем продвигаться в сторону Несвижа. По ходу движения я отправил в разведку двадцать девятую бригаду. Возглавила колонну кавалерия. За ней на надлежащем расстоянии следовала двадцать восьмая бригада. Днем 9 июля первый эскадрон третьего полка перед деревней Пясечно обнаружил и атаковал отряд казаков. Часть из них была разбита, а остальные отступили в город Мир. Увлекшись атакой, эскадрон прошел Мир и в окрестностях города вновь столкнулся с тем же отрядом, который к тому времени получил серьезное подкрепление. Полковник Радзиминский с оставшейся частью третьего полка поспешил на помощь первому эскадрону, но в предместье Мира был окружен пятью казачьими полками. В бою число казаков все время возрастало. Имея огромное численное превосходство, русские обложили третий полк, который был вынужден пробиваться к двум эскадронам двадцать шестого и пятнадцатого полков. Остальная часть бригады занимала позиции на подходе к лощине у какой-то грязной речки возле деревни Пясечно, в одном лье от Мира. Яростный бой не прекращался ни на минуту. Неприятель понес значительно большие потери, нежели двадцать девятая бригада, потому что не смог внести замешательства в наших рядах. Вскоре, однако, в Пясечно выяснилось, что многие эскадроны сбились с дороги, а те несчастные кавалеристы, которые вместе с лошадьми завязли в топи, были убиты или взяты в плен. Двадцать восьмая бригада вступила в Турчу, где тоже было полным-полно казаков.

Десятого числа утром вместе с дивизией я прибыл в Мир, где в течение нескольких часов люди и лошади смогли передохнуть. В полдень из Мира мы пошли на Несвиж. В одном лье от города у деревни Сенниково авангард провел небольшой бой с неприятелем, который легко был отброшен в лес между деревнями Сенниково и Городище. Я приостановил движение войска, чтобы разведать обстановку в лесу и по ту сторону опушки, которая виднелась впереди. Хотя и с трудом сделать это удалось. Седьмой уланский полк двадцать восьмой бригады

отправился за опушку леса. Остальная часть дивизии оставалась по эту сторону опушки. Разведка доложила, что неприятель располагает слишком мощными силами, чтобы идти на риск и ввязываться в бой. Тем более, что по инструкции ничего нельзя было оставлять на волю случая.

Нам противостояла объединенная группировка казаков Платова и Иловайского, а также отряд драгун и гусар. От военнопленных, захваченных накануне, противник получил всю необходимую информацию о состоянии наших сил и рассчитывал уничтожить мою дивизию.

Я дал команду готовиться к отражению атаки и рассредоточиться на участке разведанной местности между деревней Сенниково, лесом и болотом. И в это время со всех сторон на нас напали казаки. Артиллерия стала обстреливать подразделения, находившиеся на самых передовых позициях. В мгновение ока вся местность заполнилась легкой кавалерией. Седьмому полку, который уже находился по ту сторону опушки, ничего не оставалось, как с боем пробиваться к основным силам дивизии. Тем временем появились вражеские драгуны и гусары. Бой стал еще ожесточеннее. Третий и шестнадцатый полки совершили по меньшей мере по сорок атак каждый и покрыли себя славой. Доблестно сражались в этом бою пятнадцатый и седьмой полки, особенно пятнадцатый.

Второй и одиннадцатый полки были в резерве и прикрывали левый фланг, где было наше самое уязвимое место. Поздно, но это понял и неприятель, уверенный в своем превосходстве. Около девяти часов вечера основные вражеские резервы были брошены на левый фланг, и мои подразделения отступили к деревне Сенниково. Часть из них я все же успел передвинуть направо.

Несколько отрядов из разных полков, а также второй и одиннадцатый отошли к Миру. К тому времени туда уже прибыла девятнадцатая кавалерийская бригада под командованием генерала Тышкевича. Залпы артиллерии, следовавшей за бригадой Тышкевича, остудили пыл врага. В рядах подразделений, отступающих в Мир, восстановились порядок и спокойствие. Противник вернулся на свои изначальные позиции. До рассвета я оставался на месте. Неприятель нас больше не тревожил. В тот день жесточайший шестичасовой бой показал врагу, имеющему колоссальное численное преимущество, что он имеет дело с воинами под командованием Наполеона. Киевский драгунский и Ахтырский гусарский полки понесли ощутимые потери. Дивизионный генерал Пален и полковники Адрианов и Иловайский были убиты. Поле битвы было усеяно трупами казаков, калмыков, башкир и татар.

У нас не было потерь среди старших офицеров. Весь личный состав проявил себя очень достойно. Некоторые стрелки даже атаковали пехоту Платова.

Среди трофеев в наших полках появилось много российских офицерских наград, а также причудливых одеяний и необычного оружия, отнятых у азиатов – самых скверных солдат в армии неприятеля.

Одним словом, три тысячи штыков выстояли в шестичасовом бою против восьми тысяч казаков, трех тысяч кавалеристов, двух полков пеших егерей и тридцати орудий.

Хотел бы просить о благорасположении Его Величества императора по отношению к офицерам, особо отличившимся в этом бою: генералу Турно, полковникам Радзиминскому и Тарновскому, командирам эскадронов Дверницкому и Декуру, капитанам Шиманскому, Бардскому и Глицельскому, адъютантам генерала Турно, капитану Турно и лейтенанту Линку.

Подпись: Рознецкий.

Рапорт от 15 июля 1812 года

Согласно устному приказу Его Превосходительства генерала-от-кавалерии я должен был вместе с вверенным мне полком немедленно отправиться в Романово. Там мне предстояло захватить вражеский обоз, следовавший под прикрытием двух казачьих полков в Слуцк, и предотвратить поджог моста. По дороге на Романово к нам присоединился второй эскадрон моего полка. Я приказал командиру этого эскадрона возглавить колонну и ликвидировать вражеские сторожевые посты. Первый казачий пост численностью в семьдесят человек встретил нас в деревне Чарногуба. Наш эскадрон сразу же пошел в атаку, и казаки галопом ускакали прочь. Полк дошел до первого шинка, не обнаружив неприятеля. У следующего придорожного шинка стрелки начали пальбу, и противник, увидев наши колонны, отступил без боя. Далее враг не мешал нашему продвижению, но на подходе к Романово мы попали под обстрел противника. Я вынужден был открыть ответный огонь и приказал, чтобы четыре взвода второго эскадрона образовали плотную цепь стрелков и отбросили неприятеля. Им это удалось. Я решил провести разведку и увидел, как ко мне приближается наша колонна. В ней было не более одного полка. Вслед за бойцами клубился столб пыли, и я догадался, что они конвоируют вражеский обоз.

Командира эскадрона Дембовского я отправил с докладом

Его Превосходительству генералу-от-кавалерии и дал команду стрелкам продолжать движение. Прошло более часа. Моим стрелкам никак не удавалось отбросить пехотинцев противника, ряды которых все время пополнялись новыми бойцами. Я тоже решил усилить наши подразделения. Стрелками были все воины третьего эскадрона. Три остальные эскадрона расположились на дороге справа. К ним незаметно подключались свежие силы. Чтобы прикрыть отход, я перестроил в колонну третий и четвертый эскадроны вслед за первым, приказал стрелкам активнее продвигаться вперед и написал рапорт о превосходстве сил противника. Командир эскадрона Дембовский вернулся с приказом начинать бой. Не успел я увеличить количество стрелков и перегруппировать эскадроны, как справа и слева появились отряды казаков. Наверняка, они вырвались из лагеря, который находится за рекой. Увидеть их раньше было невозможно из-за кустарника. Казаки шли прямо на мой третий эскадрон. Я дал команду атаковать противника, и нам удалось отбросить неприятеля на какое-то расстояние. Но казаков становилось все больше и больше, и теперь уже они пошли в атаку на третий эскадрон, который к тому времени оказался во вражеском кольце. Я пытался поднять четвертый эскадрон, но и он подвергся атаке и был окружен. Первый эскадрон, который находился на дороге, сумел сдержать натиск казаков и вынудил их отступить. Первый устремился на выручку своих товарищей из третьего и четвертого эскадронов, но казаки при поддержке драгун напали на наших, и им с боем пришлось пробиваться сквозь цепи окружения. Неравный бой продолжался до прихода дивизии.

Больше всех пострадали третий и четвертый эскадроны, в которых осталось сто двенадцать человек. Общие потери: командир батальона ранен и взят в плен, заместитель командира батальона убит, восемь офицеров ранены и взяты в плен, сорок человек убито, пятьдесят ранено. В целом полк потерял двести сорок человек.

Невозможно переоценить мужество и стойкость воинов полка. Испытывая сильнейшее давление значительно превосходящих сил неприятеля, оказавшись в плотном кольце окружения, каждый офицер, каждый солдат, рискуя жизнью, прорывался на свободу.

Подпись: полковник Пшебендовский.

Рапорт из штаб-квартиры в Дудичах

от 22 июля 1812 года

Государь! После рапорта, который я имел честь послать Вашему Величеству 18 июля, пятый корпус начал движение по направлению к городу Игумен и прошел через Стружево и Долгиново. Вчера днем корпус прибыл в Дудичи и сегодня отбывает в Тужец. Согласно последнему указанию Его Превосходительства маршала Экмюля кавалерия пятого корпуса временно была откомандирована в четвертый резервный кавалерийский корпус. В настоящее время кавалерия уже вернулась в место своего основного назначения. Четвертый кавалерийский корпус, которым командует генерал Латур-Мобур, в данный момент находится под моим началом.

Маршал Экмюль следует в сторону Могилева. Двадцатого числа сего месяца он был в…. Мы по-прежнему не располагаем точными данными о местонахождении князя Багратиона. По некоторым сведениям он отступил к Мозырю. Согласно самым последним сообщениям Багратион якобы поменял свои планы и намерен либо выступить против первого корпуса, либо отходить в глубь России. В зависимости от обстоятельств я пойду на соединение с войсками князя Экмюля либо буду оказывать ему поддержку, маневрируя на флангах или в арьергарде противника.

Считаю своим долгом довести до сведения Вашего Величества, что численность личного состава войск из-за болезней и дезертирства постоянно сокращается. На данный момент количество военнослужащих уменьшилось на треть по сравнению с укомплектованным составом армии перед походом в Россию.

Такое значительное сокращение обусловлено беспрерывными форсированными маршами, нехваткой продовольствия, особенно хлеба, которого солдаты почти не видят в течение многих недель, а также небрежным отношением гражданских властей герцогства при подборе рекрутов. Заменить не совсем годных к строевой службе новобранцев из-за срочности обстоятельств не представилось возможным. Поскольку данное положение полностью исправить уже не удастся, то можно предположить, что и впредь, даже до наступления боевых действий с их неизбежными людскими потерями, ряды полков будут редеть. Обстановка может усугубиться и суровостью здешнего климата, которую все уже начинают ощущать: дневная жара и очень холодные ночи. В этих условиях необходимо принять срочные меры по замене нездоровых и негодных к строевой службе солдат. И я вынужден умолять Ваше Величество соблаговолить безотлагательно объявить набор новобранцев из расчета по

тысяче человек в каждый пехотный полк и по четыреста человек в каждый кавалерийский полк пятого корпуса. Кроме несомненной пользы такая мера позволит еще и сэкономить государственные средства, так как на содержании Франции находятся только подразделения со сверхкомплектными военнослужащими.

В случае, если Ваше Величество сочтет целесообразным согласиться с пропозицией, которую я имел честь изложить, осмелюсь просить распорядиться, чтобы гражданские власти герцогства отбирали лишь здоровых и сильных рекрутов, способных переносить высокие физические нагрузки.

P. S. Вынужден также напомнить Вашему Величеству, что армия не имеет денежного содержания, равно как и надежды на его получение. У большинства офицеров и солдат обмундирование износилось и пришло в негодность.

Подпись: князь Понятовский[136].

Рапорт из штаб-квартиры в Могилеве

от 10 августа 1812 года

Государь! Имею честь довести до сведения Вашего Величества, что в соответствии с последним указанием Его Величества императора правое крыло войск расформировано. Составлявшие его пятый и восьмой корпуса во главе с генералом д'Арбантесом, перешли под командование Его превосходительства маршала Экмюля, а четвертый резервный кавалерийский корпус генерала Латур-Мобура поступил под мое руководство. Седьмой корпус совместно с корпусом князя Шварценберга выступит против русских войск под командованием генерала Тормасова в приграничных районах герцогства.

До настоящего времени пятый корпус дислоцировался неподалеку от Могилева. Семнадцатая дивизия недавно была откомандирована и совместно с четвертым резервным кавалерийским полком будет содействовать укреплению Бобруйска и прикрытию Минска.

Шестнадцатая дивизия сегодня прибыла в район Шклова, а восемнадцатая следует из Шклова в Могилев.

Почти вся кавалерия сконцентрировалась на левом берегу Днепра и регулярно отправляется в разъезды на много лье вперед в сторону неприятеля.

Пятый корпус находится в постоянном движении и редко

бывает в полном составе. При всем желании я не могу предоставить Вашему Величеству исчерпывающую информацию о положении дел в корпусе. Время для отдыха, которое было предоставлено офицерам и солдатам в Могилеве, позволило хотя бы частично кое-что увидеть и понять, о чем я спешу здесь сообщить. Сокращение личного состава корпуса – это естественное следствие чрезмерных нагрузок от почти бесконечных форсированных маршей, во время которых бойцы получали всего лишь половину, а то и четверть нормы хлеба. А ведь бывали дни, когда пайки вообще не выдавались.

Мне мучительно больно от того, что я все время говорю Вашему Величеству о вещах, которые ранят его отеческое сердце. Однако мне не позволено скрывать от Вашего Величества, что солдат, ежедневно подвергающийся суровым испытаниям и лишениям, не получает никакого денежного содержания. Генерал Вельгорский пишет мне, что не видит и надежды на получение каких-либо денег, так как министр финансов ему прямо заявил, что в стране нет средств на такие цели.

Я не принимаю участия в работе правительства, не знаю обстановку на родине, не владею вопросами финансов герцогства и не могу судить, может оно или не может выделить деньги на нужды армии. За три месяца мы ни гроша не получили от нашего министерства финансов. Деньги, которые нам достались, пришли из Франции. И я не верю, что за это время в государственную казну герцогства не поступило никаких средств. Если да, а так скорее всего оно и есть, то почему при распределении средств обошли вниманием армию. И обошли именно тогда, когда армия испытывает столько лишений, когда офицер оказывается порой в более жалком положении, чем солдат. Неужели могут быть более важные и нуждающиеся получатели казенных средств, чем люди, которые жертвуют собой во имя безопасности родины?

Не стану скрывать, от таких истин и реалий военнослужащие начинают чувствовать себя одинокими и забытыми. Гражданские власти герцогства вольно или невольно укрепляют в пятом корпусе это чувство. Оно уже оказывает свое тлетворное воздействие на состояние боевого духа и армейской дисциплины, поддерживать которые так важно в нынешних обстоятельствах.

Будучи в полном убеждении, что только благодаря Вашему Величеству солдат найдет правду и справедливость, осмелюсь умолять его справиться о финансовых возможностях герцогства и отдать строгие распоряжения выплатить положенные для армии деньги соразмерно с количеством поступивших в казну средств.

Командующий пятым корпусом.

Подпись: князь Понятовский.

Связной офицер Понятовского привез из Дрездена сообщение о блестящем участии польских войск пятого корпуса в боевой операции, в результате которой 18 августа пал Смоленск. Содержание этого материала предлагаю вниманию читателя.

Семнадцатая дивизия генерала Домбровского была откомандирована из пятого корпуса для поддержания порядка в окрестностях Бобруйска. Оставшаяся часть корпуса отправилась из Могилева в многодневный поход и, пройдя через Шклов и Романово, 16 августа прибыла к Смоленской крепости. Его Величество император, совершив осмотр польских подразделений, оставался вполне удовлетворен.

Ранним утром 17 августа бригада генерала Сулковского, состоящая из пятого корпуса, тринадцатого полка легкой кавалерии и батареи конной артиллерии, великолепно справилась с заданием и отбросила вражеские кавалерийские разъезды. Два батальона вольтижеров восьмого пехотного полка пошли на предместье Молохово, двенадцатый и двадцать первый батальоны третьего полка штурмом взяли Молоховские ворота, пятнадцатый полк захватил Никольские ворота, и второй полк вышел в Рачевку на берегу Днепра.

Несмотря на сложный рельеф местности и сопротивление неприятеля польские войска очень успешно провели эти операции. Отважный генерал Михал Грабовский и командир батальона Гавар были убиты в авангарде второго полка.

Шестнадцатый пехотный полк, сформированный уже после кампании 1809 года и поддерживавший действия второго полка, проявил подлинное бесстрашие.

Офицеры инженерных войск под началом полковника Миллера хладнокровно и со знанием дела провели рекогносцировку. Польская артиллерия под командованием генерала Пеллетье достойно сражалась с русскими артиллеристами, а в бою на мосту через Днепр обнаружила высокую доблесть, стойкость и находчивость.

Князь Понятовский воздал должное всем генералам, офицерам и солдатам, особо отметив генералов Зайончека, Фишера и Княжевича.

По предложению князя Понятовского Его Величество пожаловал кресты, а также золотые и серебряные знаки отличия для награждения лучших воинов. Генерал Зайончек и полковник второго полка Круковецкий были ранены.

Кроме бригадного генерала Грабовского и командира батальона Гавара в тот день мы потеряли полковника

Закжевского из третьего полка и командира эскадрона Потканского, адъютанта князя Понятовского, пятьсот человек (среди них восемнадцать офицеров). Было ранено чуть более семисот человек, в том числе сорок девять офицеров.

Рапорт генерала Понятовского

начальнику штаба

Поле битвы, 7 сентября 1812 года
10 часов вечера

Ваше Высочество! Имею честь доложить о событиях прошедшего дня.

В пять часов утра пятый корпус двинулся в обход леса, и мы вышли на старую Смоленскую дорогу. Мы проследовали по этой дороге и на выходе из леса у деревни Пассарево обнаружили хорошо вооруженную колонну пехоты. На левом выступе дороги я установил батарею шести– и двенадцатифунтовых пушек и в течение некоторого времени обстреливал колонну. Затем моя пехота совершила быстрый марш-бросок к деревне Пассарево и захватила ее. После этого мы вновь пошли в атаку и заняли небольшой лесной массив за деревней. От окраины деревни до высокого выступа вся местность была покрыта густым кустарником, где русские пешие егеря заняли сильную оборонительную позицию. Я направил туда три батальона стрелков. Началась интенсивная перестрелка. Подключилась артиллерия. Канонада продолжалась до полудня. Я приказал штурмовать выступ. С огромным трудом некоторым нашим подразделениям это удалось, однако удержать высоту мы не смогли из-за явного преимущества сил противника. Русские выбили наших с выступа, и согласно приказу Его Величества польские войска сосредоточились в лесосеке, откуда наша артиллерия продолжала обстреливать вражеские позиции. Тем временем неприятель установил на выступе двенадцать крупнокалиберных орудий.

В такой позиции мы находились до двух часов дня. Перегруппировав войска в центре, где у нас наметился перевес, я отдал приказ вновь атаковать выступ. В атаку пошли пехотинцы, а также подоспевшие с другой стороны выступа кавалеристы, и мы вторично овладели высотой. Наша пехота, кавалерия и конная артиллерия не только отбили атаки противника, но и отогнали

его более чем на одно лье. Многочисленные атаки кавалеристов нанесли огромные потери русской пехоте. Пленных было мало, потому что кавалеристы рубили всех, кто попадался под руку. Среди трофеев – один ящик боеприпасов для двенадцатифунтовой пушки и некоторое количество снарядов. Военнопленные завтра утром будут отправлены в штаб-квартиру. Имею честь доставить Вашему Высочеству офицера, который оставил ряды русских и как настоящий поляк пожелал служить своей родине. В данный момент он дает весьма полезные сведения. Из его показаний следует, что сегодня пятому корпусу противостояли войска Тучкова, состоящие из второй гвардейской гренадерской дивизии Строганова, дивизии Коновницина, двух резервных гренадерских батальонов, двух полков ополчения, уланского и гусарского полков.

Остается только порадоваться нашему успеху в сегодняшнем бою, достигнутому благодаря отваге и усердию генералов, офицеров и солдат. Перед тем, как назвать имена самых лучших воинов, хотел бы обратить внимание Вашего Высочества на генерала Себастьяни, чьи разумные советы при расстановке войск и четкое исполнение команд оказали мне существенную помощь.

Завтра буду иметь честь передать Вашему Высочеству донесение о потерях пятого корпуса. Что касается вражеских потерь, то они по свидетельству очевидцев и вышеупомянутого офицера очень значительные.

В ожидании дальнейших приказаний Вашего Высочества честь имею и т. д.

Командующий пятым корпусом.

Подпись: князь Понятовский.

Отчет пятого корпуса

Вороново, 3 октября 1812 года

29 сентября в 10 часов утра пятый корпус под командованием Его Высочества князя Понятовского получил от Неапольского короля приказ об отступлении в село Чириково, расположенное по дороге Москва – Калуга. В 11 часов наш авангард из кавалерии и шести единиц конной артиллерии двинулся в путь. Следом шла пехота.

Через четыре версты мы вышли на лесную дорогу и обнаружили сотню казаков. Сорок гусар из тринадцатого полка разогнали казаков и стали преследовать их. Когда мы

приблизились к равнине у села Чириково, за которым виднелся лес, внезапно появилась вражеская кавалерия. Ее численность значительно превосходила наши силы. Русские конники явно намеревались дать бой нашему авангарду. Кавалерия под командованием генерала Лефевра-Денуэтт молниеносно сгруппировалась в две линии и приготовилась к бою. Как только наша конная артиллерия перешла на галоп, неприятель пошел в атаку на нашу кавалерию. Однако двенадцатый полк улан и эскадрон егерей из пятого полка отважно выдержали огонь русской артиллерии и в несколько приемов отбросили противника. Напрасно пытались русские выбить наш авангард с занятых позиций и вынудить его отступить в лес.

Когда наша пехота начала выходить из леса, враг развернул новые силы и прислал подкрепление пехоте, чтобы удержаться на позициях вдоль дороги Москва – Калуга. Обнаружив, что село Чириково на правом вражеском крыле и впереди стоящий небольшой лес слева были самыми важными участками неприятельских позиций, князь Понятовский немедленно дал команду батальону захватить село. Покидая деревню, русские жгли дома. Второй батальон устремился в лесок, а в большой лес князь отправил пехоту. В центре наших позиций по приказу командующего установили несколько орудий. Сразу же после того, как наши овладели селом Чириково и выбили противника из небольшого леса, три русских кавалерийских полка пошли в атаку на нашу артиллерию, стоявшую между маленьким лесом и селом.

Выполняя приказ князя Понятовского, князь Сулковский во главе трех эскадронов очень удачно атаковал вражескую кавалерию. Неприятель не только отступил, но и понес огромные потери. Особенно это касается Коннопольского полка. И только в этот момент русские развернули все свои силы, чтобы удержаться и выбить нас с завоеванных позиций. Не раз и не два они атаковали село Чириково, всякий раз подключая свежие силы. Но наши выстояли и не сдали село.

Неприятель направил многочисленные колонны на небольшой лес. Численное превосходство русских росло и росло. Кроме того, впереди и на флангах у них находилось огромное количество егерей. Их войска заполнили всю равнину. И тогда князь Понятовский отдал приказ пехоте и трем эскадронам кавалерии идти в штыковую атаку. Завязалась кровавая битва, которая продолжалась до восьми часов вечера. Враг потерпел поражение. Наши отстояли свои позиции на опушке леса. Погибло около пятисот человек. Все это происходило на нашем левом крыле. Одновременно три тысячи русских при поддержке

десяти орудий атаковали правое крыло, пытаясь закрепиться на нашем фланге. Доблестная бригада Тышкевича раз двадцать отбивала яростные атаки врага в центре, на фланге и даже с тыла, не уступив ни пяди земли. Ночная тьма и проливной дождь остановили эту шестичасовую бойню. Наши войска сохранили все свои позиции, в том числе и в селе Чириково. Потери противника достигли нескольких тысяч человек. Из пятисот военнопленных в ту же ночь и на следующий день триста скончались от тяжелых ранений. Наши потери: убито сто шестьдесят солдат и три младших офицера, ранено триста человек.

Фрагмент письма из Свислочи (под Бобруйском)

от 3 октября 1812 года

Дивизия генерала Домбровского, получив указание о блокировании Бобруйска, оставила пятый корпус и прибыла в Могилев. Домбровский сразу же распорядился, чтобы генерал Дзевановский выступил со своей бригадой против русского генерала Запольского, который уже начал ретироваться от Могилева в сторону Мозыря.

Генерал Дзевановский вместе с седьмым кавалерийским полком присоединился к дивизии, оставив в тылу полковника Горновского, командовавшего семнадцатым пехотным и пятнадцатым кавалерийским полками, для слежения за движением и действиями войск генерала Запольского.

Тем временем дивизия Домбровского из Свислочи отправилась в Бобруйск. В пути эпизодически возникали стычки с русскими, которые всегда завершались в нашу пользу. После нашего прибытия в Волчин к нам присоединились французский маршевый полк и батальон тридцать третьего полка легкой пехоты. Генерал Домбровский пошел на Киселевичи, чтобы лишить русского генерала Эртеля всякой связи с крепостью. В это же время две русские колонны из восьми батальонов под командованием полковников Дрейера и Баранова пытались продвинуться от Чернигова к Бобруйску.

Между тем полковник Горновский отправил в разведку капитана Бромирского, который вместе с небольшим отрядом кавалеристов обнаружил в Рогачеве подразделение противника. Разведчики разбили русских наголову и взяли в плен шестьдесят человек.

Когда генерал Домбровский узнал, что русский генерал

Эртель со всем своим войском идет на нашу дивизию, он отправил храброго полковника Малаховского с первым пехотным полком к полковнику Горновскому с требованием остановить продвижение вражеских сил.

Полковник Малаховский, имея под своим началом первый и семнадцатый пехотные, а также пятнадцатый кавалерийский полки, рассеял и уничтожил под Казимировкой колонну полковника Дрейера, который был смертельно ранен. Затем Малаховский поручил полковнику Горновскому, имевшему в распоряжении восемь рот, и лейтенанту Фонтана с двумя ротами прикрыть его продвижение и напал на колонну полковника Баранова. Поляки захватили все русские обозы, огромные запасы медикаментов, взяли в плен триста человек и много людей сбросили в воду, где они и утонули. Наш капитан Вэнзык получил ранение. Настоящее мужество и личную отвагу проявили в этих боях лейтенанты Фонтана и Лещинский. Остатки неприятельских колонн преследовал генерал Дзевановский. Все, кому удалось выжить, были пленены. Русский генерал Эртель отступил в Глуск.

Вскоре, однако, генерал Домбровский получил донесение о том, что генерал Эртель стремится приблизиться к Бобруйску. Домбровский приказал майору Эрсану, командиру французского маршевого полка численностью в три тысячи человек, остановить русского генерала Эртеля. Французы атаковали неприятеля в двух милях от Волчина. Упорный бой продолжался с трех часов дня до десяти вечера. При поддержке трехсот поляков под командованием капитана Бородовского из полка Малаховского французский маршевый полк вынудил противника отступить в Глуск. На поле брани осталось много убитых русских. Около восьмисот раненых успели вывезти в Глуск.

Генерал Домбровский, полагая, что генерал Эртель, которому так и не удалось пробиться в Бобруйск, отступил и теперь скорее всего направится к Минску, приказал полковнику Горновскому оставаться в тылу и постоянно вести наблюдения за действиями неприятеля со стороны Могилева. В поддержку Горновскому был прислан полковник Малаховский. Под Свислочью Домбровский создал мощную боевую позицию, откуда каждый день в разные стороны разъезжались отряды кавалеристов и вольтижеров, возвращаясь с захваченными военнопленными, оружием и лошадьми.

22 сентября мы узнали о взятии Москвы. Эту новость нам сообщил генерал Пакош. На следующий день под грохот артиллерийских залпов на торжественной мессе пели христианский гимн «Тебя, Бога, хвалим».

После этого ничего особенного не произошло, если не

считать случая, когда командир эскадрона Псярский из пятнадцатого кавалерийского полка взял в плен русского капитана полиции и трех асессоров, посланных из Бобруйска на заготовку продовольствия и товаров для пополнения складов в крепости. Допросив пленников о положении дел в Бобруйске, командующий вручил им пропуска и предупредил, что если еще раз увидит их за пределами цитадели, они будут расстреляны. Коменданту крепости генералу Игнатьеву командующий написал, что можно быть отважным, но не жестоким, как генерал Эртель с его бесчеловечным отношением к военнопленным.

Капитан кавалерии Радушковский из седьмого кавалерийского полка так стремительно гнал казаков по болоту, что многие из них утонули, а остальные были убиты либо взяты в плен. Подполковник Люкс из семнадцатого пехотного полка таким же образом разобрался еще с одним отрядом казаков. Два подразделения второго кавалерийского полка под командованием лейтенантов Косинского и Добинского в деревне Бжоза столкнулись с двумя сотнями казаков. Часть из них зарубили саблями, часть взяли в плен. И только несколько человек успели укрыться на болоте. При переходе через горы под названием Швайденберге был убит знаменитый казацкий партизан капитан Чаркосулов. На нем и на трупах его товарищей нашли ордена и медали. Со страхом и болью восприняли казаки гибель этого капитана.

После взятия Смоленска для польских войск Наполеон выдал восемьдесят девять орденов Почетного легиона. Этой награды удостоились дивизионный генерал Фишер, начальник штаба пятого корпуса, бригадные генералы Тышкевич и Сулковский, полковник Круковецкий. Рыцарским крестом были награждены полковник Константин Чарторыйский, второй сын маршалка Генерального совета конфедерации, майор Максимилиан Фредро, полковник Габриэль Жищевский и другие поляки, отличившиеся в военных операциях.

Приведу еще некоторые выдержки из бюллетеней того времени.

В славных боях нашей армии в Витебске и Полоцке был тяжело ранен бригадный генерал Немоевский. Полковники Доминик Радзивилл и Уминский, а также командиры подразделений Оборский и Осиповский получили легкие ранения. Император Наполеон присвоил звание бригадного генерала князю Михалу Радзивиллу и наградил его крестом ордена Почетного легиона.

Дивизионный генерал Домбровский атаковал неприятеля на подступах к Бобруйской крепости. Поляки сломили

сопротивление русских и обратили их в бегство. Высокое мужество и необыкновенную сноровку при этом проявили командир батальона Малиновский и капитан Ледуховский из четырнадцатого пехотного полка, а также капитан инженерных войск Празынский. Многие польские военные, получившие ранения при взятии Смоленска, пошли на поправку. Среди них дивизионный генерал Зайончек, полковники Круковецкий и Мясковский.

3, 4 и 5 ноября 1812 года между отрядами дивизии генерала Косинского и войсками русской армии прошли важные бои в ряде мест вдоль берега реки Буг и за рекой в районе населенных пунктов Дубенка и Влодзимеж. Несмотря на заметный перевес в живой силе и артиллерии противник потерял ранеными и убитыми по меньшей мере четыреста человек. В плен попали пятьсот человек. У русских отняли обозы, лошадей, оружие, патроны, вещевые мешки, стада крупного рогатого и мелкого скота. Наши потери: убиты один офицер и пятьдесят младших офицеров и солдат; ранены один офицер и тридцать солдат. Наша артиллерия произвела двести двадцать залпов, а русская – не менее тысячи. Одним словом, наш талантливый и бесстрашный полководец, командовавший нашими войсками в этих боях, покрыл себя славой, равно как и все офицеры и солдаты.

В те дни произошло еще одно примечательное событие, которое также делает честь нашей армии. Сто человек роты краковской гвардии, ранее попавшие в плен к русским в Крылове, под охраной ста двадцати конвоиров следовала из Влодзимежа во внутренние районы страны. Внезапно раздались залпы канонады. Польские военнопленные дружно восприняли это как сигнал для бунта. Они набросились на конвоиров, примерно половину из них уничтожили, разогнали остальных и скрылись в Галиции, где их прекрасно приняли. Около семидесяти бывших военнопленных уже присоединились к дивизии. Ожидается, что очень скоро вся рота будет в полном составе[137].

Мобильные отряды под командованием бригадного генерала Кропинского получили сведения о том, что генерал Ренье разбил русскую дивизию, руководимую генералом Сакеном, который через Ровно отступил на Волынь. Отряды Кропинского перешли Буг в районе Бреста и Влодава и стали преследовать разрозненные группы разбитой русской дивизии. Они взяли в плен более пятисот человек и без всяких потерь вернулись в герцогство.

Из бюллетеней и рапортов, имеющихся у меня под рукой, следует, что в числе генералов и офицеров, получивших самые

почетные награды, чаще всего фигурируют Домбровский, Хлопицкий, Сокольницкий, Круковецкий, Пашковский, Малаховский, Серавский и многие другие.

А теперь еще одна официальная статья о мерах, предпринятых в Варшавском герцогстве по укреплению армии и организации призыва в ополчение.

Варшава, 20 декабря 1812 года.

В течение нескольких месяцев разрабатывался широкий комплекс мер по повышению обороноспособности страны. Эти меры вместе с поступившими дополнениями и уточнениями должны неукоснительно выполняться.

Помимо двадцати пяти тысяч новобранцев для подготовки в войсковых учебных подразделениях в стране объявлено о дополнительном призыве тридцати тысяч гвардейцев. К настоящему времени десять тысяч воинов уже пополнили ряды армии. От каждого повета армия получит по десять бойцов. А это означает, что от ста поветов мы вправе ожидать тысячу вооруженных кавалеристов с лошадьми.

Постановление совета министров от двадцатого числа сего месяца предусматривает поставку одного кавалериста с обмундированием и лошадью от пятидесяти дворов. Таким образом, легкая кавалерия, которая во многом схожа с казаками, уже через месяц будет в состоянии прикрывать места дислокации наших войск и границы герцогства от вражеских посягательств. По предварительным расчетам данный призыв на военную службу обеспечит повышение численного состава нашей армии на двенадцать-пятнадцать тысяч человек. В успехе призывной кампании сомневаться не приходится, так как страна располагает достаточным количеством лошадей, экипировки и боевого снаряжения.

Эти меры, продиктованные благоразумием и самоотверженностью правительства Варшавского герцогства, не в полном мере отражают наши чувства любви к родине и ненависти к врагам Польши.

Конфедерация пошла навстречу воле народа, интересы которого она представляет, и обратилась к дворянству с призывом взять в руки оружие. Текст соответствующей прокламации публикуется ниже. Во главе дворянства стоят люди, пользующиеся полным доверием народа, так как они избраны среди тех, кто всю свою жизнь посвятил высоким интересам отчизны.

Фридрих Август.

Принимая во внимание возможность нового вторжения на территорию герцогства со стороны России и считая, что неотложные обстоятельства требуют применения эффективных и чрезвычайных мер по повышению обороноспособности страны для борьбы с нависшей угрозой, совет министров, используя полномочия, предоставленные декретом от 22 мая 1812 года, постановляет:

I. От пятидесяти дворов каждого повета должен быть поставлен один кавалерист с обмундированием, оружием и здоровой сильной лошадью. Не позднее 10 января 1813 года кавалерист обязан явиться на сборный пункт своего департамента и поступить в распоряжение представителя армии, назначенного военным министром.

II. У кавалериста и лошади должны быть в наличии: сабля, окованная железом пика длиной в пять локтей с привязным ремнем, пистолет, шинель, короткие суконные мужские штаны, овчинный тулуп или шуба, пара сапог, две рубашки, шапка, лядунка, военное или обычное седло, конская сбруя из темной или некрашеной кожи, поводья, уздечка, кнут, два ремня, полотняный мешок для овса, веревка.

III. Расходы на приобретение боевого снаряжения и одежды кавалеристов и покупку лошадей распределяются среди жителей повета с учетом их возможностей.

IV. Кроме боевого снаряжения и одежды поветы передают коменданту департамента по 13 флоринов за каждого кавалериста.

V. Кавалеристы выбираются из холостых мужчин, не имеющих постоянных служебных должностей, в возрасте от восемнадцати до сорока лет по жребию в руководстве повета.

VI. Приняв в свое распоряжение кавалеристов, коменданты департаментов выдают руководителям соответствующих поветов завизированные квитанции на получение компенсации в размере двухсот пятидесяти флоринов за затраты на приобретение лошади, одежды и боевого снаряжения. Данная сумма будет выплачена позже из государственной казны.

VII. Кавалерист, поступивший в распоряжение коменданта департамента, приобретает право на получение продовольствия и фуража в соответствии с нормами, принятыми в войсках.

VIII. Кавалеристы, прибывшие на сборные пункты в департаменты, формируются в полки, эскадроны и роты. Учебные занятия с ними проводят офицеры, назначаемые военным министром.

IX. За безупречную службу и примерное поведение кавалеристы будут получать поощрения и награды.

Получат благорасположение правительства и будут доведены до сведения общественности департаменты, уезды и поветы, в кратчайшие сроки поставившие наибольшее количество кавалеристов, а также лица, способствовавшие этому.

Исполнение данного постановления возложено на министра внутренних дел и военного министра.

Совершено на заседании 20 декабря 1812 года.

Подписи: Станислав Потоцкий, председатель, Станислав Батовский, секретарь.

Копия верна, секретарь совета министров граф Станислав Грабовский.

Прокламация

Генеральная конфедерация Польского Королевства.

Поляки! Когда-то мы настойчиво призывали вас идти на жертвы, которые другим показались бы немыслимыми и невозможными. Сегодня этих жертв уже мало. Но вы, давшие клятву умереть или восстановить отнятое у вас жестокой силой и воинствующей тиранией королевство, чувствуете, что пока в наших жилах течет хоть капля польской крови, мы обязаны сделать все для спасения для родины. Непредвиденный поворот событий требует от нас новых усилий. Об этом взывают наша отчизна, оказавшаяся в смертельной опасности, наша национальная гордость, наш патриотический долг и наши клятвы. К оружию, граждане! Это зов нашей Польши. И нет ничего дороже родины, которую хотят отнять у ныне живущих поляков и грядущих поколений сыновей и дочерей Польши. И пусть отвага, дарованная каждому поляку самой природой, поможет сегодня уберечь наши границы от посягательств необузданного агрессора! Пусть ваша доблесть соединится с мужеством наших бесстрашных воинов! Пусть ваша стойкость приблизит то время, когда среди нас вновь появится освободитель Польши! И пусть он во главе победоносной армии вернет завоеванные позиции, которые, несмотря на всю его предусмотрительность, у него отняло суровое время!

К оружию, граждане! Ведь вам так знаком этот клич. Ваши предки слышали его столько раз. А сколько раз во имя родины они жертвовали своим счастьем, своей кровью, своей жизнью!.. Следуя самым древним обычаям, самым образцовым конституциям, самым святым законам вы сотворили этот

священный очаг, который всех нас объединяет. Настало время оплатить предписанный законом долг.

Славные потомки тысяч и тысяч героев! Будьте достойными ваших предков! Докажите всему миру, что, унаследовав героизм соотечественников былых поколений, вы и сами стали героями.

Вставайте, благородные потомки Чарнецкого, и добейтесь того, чтобы созданный нами очаг для защиты нашей веры, нашего монарха, наших прав, стал, как когда-то Тышовце, спасением Польши! Вставайте, герои Ланцкороны и Ченстоховы! Напомните нам те времена, когда не отборные, хорошо обученные воинские части, а группы пламенных патриотов-дворян без всякой специальной подготовки успешно восполняли отсутствие знаний по военному искусству, тактике и маневрам железной дисциплиной, осторожностью, благоразумием и отвагой. Напомните нам те времена, когда дворянство, впервые взяв в руки оружие, с честью выходило из боя, в том числе и с тем самым противником, который сегодня угрожает нашим границам. Вашим главнокомандующим мы назначаем князя Понятовского. Одно имя этого генерала пробуждает в нашей памяти воспоминания о подвигах героев, прославивших Польшу. На этого военачальника возлагаем мы все наши надежды. И как когда-то, в самых критических обстоятельствах, наша родина доверяла свою судьбу самым доблестным и мужественным своим гражданам, сегодня защиту наших границ, безопасность наших людей и их собственности мы вверяем генералу Понятовскому, его патриотизму, смелости и таланту. Действительно, разве найдется другой человек, у кого будет больше прав возглавить польское дворянство, чем у князя Понятовского, который вернул нашему народу былую славу и покрыл ею себя сам? В качестве заместителя главнокомандующего мы видим князя Евстахия Сангушко, блестяще проявившего себя в ходе трех военных кампаний. Этот бесстрашный многократно доказавший свою преданность родине генерал, пользуется всеобщим уважением и доверием.

Вставайте, объединяйтесь под маршальскими знаменами в департаментах и уездах! И пусть в ваших рядах царят порядок и дисциплина! Выполняйте все предписания, которые мы обнародовали сегодня. Ваш труд на благо отчизны приблизит вас к славе. А она полякам дороже сокровищ. За ваши старания вы получите вознаграждение. Вас ждут самые почетные награды. Благодарная родина осыплет вас почестями и подарками. К лету вы все вернетесь в ваши семьи и займетесь спокойными мирными делами. Мы обещаем вам это от имени родины. От ее же имени мы обращаемся к вам сегодня с просьбой о помощи. Спешите

занять свое место под знаменами родины! И пусть вам сопутствуют смелость, дисциплина и патриотический порыв! Докажите изумленной Европе, что люди, пролившие за Польшу столько крови, не пожалеют ее и для освобождения всего континента.

Организация призыва в ополчение

Генеральная конфедерация Королевства Польского, получив предупреждение совета министров об опасностях, угрожающих родине, и пользуясь властью, предоставленной актом указанной конфедерации (статьи 2 и 10) повелевает провести призыв в ополчение следующим образом:

1. Каждый дворянин, располагающий владениями в любом уезде, и внесенный в список граждан, вместе с лошадью подлежит призыву либо предоставляет себе замену.

2. Каждый житель, располагающий недвижимым имуществом, но не являющийся дворянином, а также каждый временный владелец либо фермер, на законных основаниях арендующий или взявший в залог дворянские земли либо государственное имущество, подпадают под действие первой статьи настоящего постановления.

3. Освобождаются от призыва в ополчение только лица, состоящие на действительной военной службе. Все остальные, независимо от их возраста и вида деятельности, не подлежат освобождению от призыва.

4. Лица, прибывшие самостоятельно под знамена родины, не обязаны иметь военную форму, оружие и лошадь, как того требует воинский устав. Таким лицам разрешается быть в повседневной одежде, какую им позволяют иметь обстоятельства. Что касается оружия, то необходимо, однако, иметь хотя бы пику.

5. Граждане, направляющие на службу вместо себя других людей, обязаны обеспечить их сильными здоровыми лошадьми, оружием, как об этом указано в предыдущей статье, а также теплой одеждой в зимний период времени.

6. По обычаю наших предков мы назначаем главнокомандующим ополчения князя Юзефа Понятовского, военного министра Варшавского герцогства, командующего польскими войсками и т. д. Это свидетельство благодарности, которую он заслужил в самых критических ситуациях. Это и высокая награда от всего нашего народа, которую мы хотим продемонстрировать всей Европе, чтобы еще раз подтвердить

наше безграничное доверие к генералу Понятовскому, и нашу веру в его талант, доблесть и патриотизм. Принимая во внимание многочисленные и трудоемкие задачи, которые он должен решать, мы назначаем заместителем главнокомандующего ополчения князя Евстахия Сангушко.

7. Главнокомандующий ополчения будет иметь те же полномочия над всеми ополченческими формированиями, которыми он располагает в линейных войсках. Генерал Евстахий Сангушко будет заменять главнокомандующего повсюду, где он не сможет присутствовать лично. Оба руководителя будут согласовывать с Генеральной конфедерацией все вопросы, связанные с организацией ополчения и его участием в боевых операциях.

8. В ополчении, создаваемом по указанию и под покровительством Генеральной конфедерации, мы назначаем маршалками нижеперечисленных граждан, с полным правом заслуживших как наше, так и всенародное доверие:

Варшавский департамент – господин Антон Грабенский, председатель гражданского трибунала первой инстанции данного департамента.

Краковский департамент – господин Александр Валевский, нунций данного департамента.

Познанский департамент – господин Виктор Шольдрский, судья апелляционного суда Варшавского герцогства.

Калишский департамент – генерал Павел Скожевский.

Радомский департамент – господин Онуфрий Попел, нунций данного департамента.

Бромбергский департамент – господин Августин Слубицкий, советник счетной палаты Варшавского герцогства.

Люблинский департамент – господин Радзиминский, советник префектуры данного департамента.

Плоцкий департамент – господин Николай Глинка, бывший камергер Плоцкого воеводства.

Ломжинский департамент – господин Томаш Орсетти.

Седлецкий департамент – господин Ян Немира, нунций данного уезда.

9. В целях ускорения формирования подразделений ополчения главнокомандующий назначает командиров эскадронов и других офицеров, численность которых определяется конкретными обстоятельствами. О работе по организации ополчения маршалки постоянно информируют главнокомандующего.

10. Маршалки подчиняются непосредственно главнокомандующему.

11. По первому требованию главнокомандующего маршалки обязаны явиться на основные сборные пункты ополченцев своих департаментов. Маршалки направляют командиров эскадронов или других офицеров на призывные пункты, куда сами по каким-то причинам не могут прибыть лично.

12. Все вопросы, связанные с призывом в ополчение, маршалки, командиры эскадронов и офицеры должны согласовывать с местными властями и требовать от них оказания содействия и помощи, не вторгаясь при этом в компетенции этих властей.

13. По требованию главнокомандующего все местные власти обязаны предоставить казармы и продовольствие для ополченцев, а также во всем оказывать содействие маршалкам, командирам эскадронов и офицерам.

14. На время исполнения своих обязанностей маршалки получают звание бригадных генералов, командиры эскадронов – командиров линейных войск, а их заместители – капитанов. Все обязаны носить знаки отличия воинских званий, утвержденных главнокомандующим. Эти воинские звания, однако, не дают права командовать линейными войсками, где все управление и руководство осуществляют только офицеры регулярных войск.

15. Хотя по древним польским законам и обычаям в ополчении могли служить исключительно дворяне либо люди, заменяющие их, отныне маршалкам разрешается принимать в ряды ополченцев граждан недворянского происхождения, если они предлагают свои услуги добровольно и имеют оружие и лошадей. Кроме благодарности от родины, которую мы торжественно гарантируем, эти добровольцы получат право на награды и вознаграждения, предусмотренные только для дворянства, при условии, что на момент отставки из ополчения они смогут предоставить документальные свидетельства и подтверждения командиров о своей отваге и примерном поведении.

16. Генеральная конфедерация учредит специальную почетную награду для ополченцев. Каждый гражданин, отслуживший в ополчении определенный срок и добросовестно исполнявший свои обязанности, имеет право на получение этой награды. Любой гнусный и подлый поступок ополченца перечеркнет такую возможность. В положении об этой награде будет дано ее описание и конкретизированы условия ее присуждения.

17. Совет Генеральной конфедерации потребовал от правительства основать государственный земельный фонд для поощрения самых отважных ополченцев после завершения

службы, а также вдов и сирот народных бойцов, павших на полях сражений. Эти вознаграждения будут осуществляться Генеральной конфедерацией с учетом рекомендаций главнокомандующего.

18. Кроме того, совет Генеральной конфедерации берет на себя обязательство приобрести у правительства земельный участок стоимостью десять тысяч флоринов для маршалка, который первым поставит главнокомандующему тысячу лошадей в ополчение.

19. На ополчение распространяется вся строгость наказаний, предусмотренных воинскими уставами. И всякий, кто без согласования с главнокомандующим или маршалком позволит себе предоставить ополченцам частичное, а не полное вооружение, будет рассматриваться как нарушитель воинских уставов и подлежит суду по всей строгости закона.

20. Призыв в ополчение преследует единственную цель – обеспечить защиту наших границ. Как только территориальной целостности нашего государства ничто не будет угрожать, призыв в ополчение будет прекращен. Тем не менее никто не имеет права оставить службу без особого разрешения главнокомандующего. В противном случае нарушитель будет подвергнут наказанию по законам военного времени. Дата начала призыва в ополчение будет объявлена в приказе, который маршалки получат от главнокомандующего.

21. В случае, если гражданин, отслуживший в ополчении срок, указанный в предыдущей статье, пожелает продолжить службу в линейных войсках, ему присваивается воинское звание, аналогичное тому, которое он получил в ополчении.

22. Поскольку из-за призыва в ополчение многие граждане не смогут участвовать в уже начатых судебных процессах, совет Генеральной конфедерации договорится с соответствующими властями о приостановлении судебных дел на весь срок ополчения. Особые распоряжения на этот счет будут даны дополнительно.

23. Маршалкам следует обратить внимание на то, чтобы призыв в ополчение не создавал никаких препятствий для набора рекрутов в подразделения пешей и конной гвардии, а также легкой кавалерии.

24. В дополнение к настоящему постановлению разрабатываются специальные распоряжения главнокомандующего, которые безотлагательно будут доведены до сведения общественности.

Все военные и гражданские, церковные и светские должностные лица и служащие обязаны предавать гласности

настоящее постановление и использовать все свои средства и возможности для его скорейшего и полного выполнения.

Совершено в Варшаве на заседании совета Генеральной конфедерации Королевства Польского 20 сентября 1812 года.

Подписи: граф Станислав Замойский, заместитель маршалка сейма и Генеральной конфедерации Королевства Польского,

Каэтан Козьмян, секретарь Генеральной конфедерации.

И, наконец, прокламация, адресованная офицерам и солдатам польской армии, возвращающимся в герцогство после кампании 1812 года.

Обращение Генеральной конфедерации Королевства Польского к армии

«Герои! Вы возвращаетесь на родные просторы, ставшие частью вашей родины, и как награду за все ваши страдания и лишения несете своим соотечественникам незапятнанную репутацию и уважение великого восстановителя нашего государства. Вы напоминаете нам столь дорогие нашим сердцам достоинства. И пусть на этот раз общая цель всех наших жертвоприношений не достигнута, вы, поляки, достойно сражались за нее.

Мы с болью предчувствовали, что ваше бесстрашие повлечет за собой мучительные потери и смерть многих храбрецов, которых оплакивает родина. В начале кампании мы видели, с каким энтузиазмом вы вступали в ряды великой армии, и слезы радости наполняли наши глаза. То было предвестием горьких слез, которые мы проливаем ныне над вашими могилами.

«Добро пожаловать!» – Говорим мы вам, не знавшим горечи поражений, но испытавшим радость побед. Мы приветствуем вас, прошедших через горнило суровых испытаний. Добро пожаловать, любимые дети родины! Вы – наши защитники, лучшая часть нашего народа. Спешите в объятия ваших растроганных отцов и матерей! Залечивайте ваши раны, полученные в честной борьбе за благородное дело!

Восполняйте ваши иссякшие силы! Вы были нашей поддержкой, а теперь наши соотечественники, которые сегодня берут в руки оружие, будут охранять ваш покой.

Все, чем мы располагаем, без колебаний будет отдано в жертву родине, и очень скоро появится новая возможность проявить себя всем, кто охвачен страстью борьбы за свободу

отчизны.

Мы будем внимательно слушать ваши рассказы о кровавых сражениях и неслыханных препятствиях, которые вы сумели преодолеть. И ведь вы сами скажете, что все это делалось во имя родины, и вам снова захочется в бой.

Было бы совершенно бесполезно пытаться внушать вам мысли о стойкости, потому что вот уже двадцать лет вы сами демонстрируете это качество удивленной Европе. Действительно, борьба продолжается уже двадцать лет. Ради Польши вы проливали собственную кровь. Вы оросили ею далекие острова. Острием своих сабель ваши генералы выгравировали слово «Польша» на твердых гранитных глыбах в Каире в ту пору, когда на родине это слово боялись произносить. Ради Польши вы водрузили победные знамена на берегах Тахо и Эбро. Ради Польши вы обагрили вашей кровью заснеженные бескрайние поля. Ради Польши вы будете сражаться до того момента, пока враги не признают правоту нашего дела, которую уже никто в мире не оспаривает.

Вы хорошо помните, как гостеприимная Франция приняла вас, беженцев без имени, без родины, и вы томились в сомнениях, верили и не верили в надежду… Могли ли вы тогда предположить, что придет время, когда герой мира поведет вас на триумфальные сражения в далекие чужеземные страны, а затем соберет вас под знамена отцов на вашей родине? Вы терпеливо ждали, когда наступит этот час. Из его рук вы получили эти ордена и этих орлов. Это заслуженная награда за вашу отвагу. Это он вернул вас к жизни. Это он дал вам вашего короля и ваши законы. Это благодаря ему на ваших знаменах сияет всадник с мечом (герб Литвы). Полки отважных литвинов разделяют ваши тяготы, вашу славу и ваши чаяния. Только так, идя на беспредельные жертвы и проявляя непоколебимую стойкость, вы с достоинством исполните свое предназначение.

Герои! Историческое место рядом с бессмертными воинами Македонского и героями Древнего Рима заслужат не те, кому судьба не чинит никаких преград и во всем благоволит. Это место принадлежит тем, кто не боится трудностей и препятствий, кто мужественно противостоит всем невзгодам и тяжелым испытаниям, кто своей настойчивостью и постоянством способен одержать победу над непостоянством судьбы. Препятствия и горе помогают людям и народам приобретать опыт. Беда и невзгоды позволяют увидеть величие души и глубже раскрыть внутреннюю сущность человека.

Герои! Ваши молодые товарищи по оружию восхищаются вами. Станьте для них примером для подражания в этой новой

кампании. На театре военных действий вы повторяли те же клятвы, которые давали и мы перед алтарем отечества. Своей отвагой и стойкостью вы увенчаете себя новыми лаврами, и мы доведем правое дело наших потомков до желанной цели своими деяниями, жертвуя всем, что у нас есть, если это востребует голос родины.

Совершено в Варшаве на заседании совета Генеральной конфедерации Королевства Польского 8 января 1813 года.

Подпись: Станислав Замойский за маршалка конфедерации».

В середине января 1813 года Его Величество король предоставил господину князю Юзефу Понятовскому, военному министру, командующему армией герцогства самые широкие полномочия при решении таких вопросов, как организация армии, комплектование офицерского и рядового составов, обеспечение войск оружием и продовольствием[138].

7 февраля 1813 года вся польская армия покинула Варшаву и направилась в Краков, где находилась до начала мая. Там был сформирован полк кракусов под командованием полковника Оборского. На момент прибытия польской армии в Краков в распоряжении князя Юзефа Понятовского было не более трех тысяч штыков. Однако к маю личный состав войска достиг двенадцати тысяч человек. Артиллерия была не многочисленна, зато в кавалерии насчитывалось пять тысяч хорошо вооруженных бойцов. Это войско получило разрешение перейти через австрийские земли и 10 июня 1813 года прибыло в Циттау. 15 октября Наполеон присвоил князю Понятовскому звание маршала Империи.

Глава II

Я закончил писать десятую книгу в дни, когда Александр отъезжал из Петербурга в Вильну, то есть 7(19) декабря 1812 года. Хочу коротко напомнить об основных событиях, предшествовавших этому отъезду.

9(21) октября Александр отправил из Петербурга князю маршалу Кутузову следующее письмо:

«Князь Михаил Илларионович, из донесения Вашего, с князем Волконским полученного, известился я о бывшем свидании Вашем с французским генерал-адъютантом Лористоном. При самом отправлении Вашем к вверенным Вам армиям, из личных моих с Вами объяснений, известно Вам было твердое и настоятельное желание мое устраняться от всяких переговоров и клонящихся к миру сношений с неприятелем.

Ныне же, после сего происшествия должен с такой же решимостью повторить Вам: дабы сие принятое мной правило было строго и непоколебимо Вами соблюдаемо во всей своей широте и самым строгим и непоколебимым образом.

К моему глубокому недовольству мне стало также известно о встрече генерала Беннигсена с королем Неаполя, и сие без какой-либо основательной причины, побуждавшей к ее проведению.

После того, как Вы дадите почувствовать ему всю неуместность сего поступка, я требую от Вас строгого и действенного контроля, дабы другие генералы не позволяли себе встреч с врагом и, более того, подобных свиданий, которые следует избегать с особой тщательностью.

Все сведения, от меня к Вам доходящие, и все предначертания мои в указах на имя Ваше изъясняемые, одним словом все убеждает Вас в твердой моей решимости, что в настоящее время никакие предложения неприятеля не побудят меня прервать брань и тем ослабить священную обязанность: отомстить за оскорбленное отечество.

Пребываю навсегда, и т. д.

Александр».

Едва Лористон вернулся из главной квартиры Кутузова, как Наполеон стал готовиться к отступлению. 3(15) октября были эвакуированы больные и раненые, вывезены захваченные в Кремле трофеи. 7(19) октября из Москвы двинулась вся французская армия кроме корпуса маршал Мортье, который получил приказ взорвать Кремль, что было частично выполнено

9(21) октября.

Будучи проинформированным еще до получения вышеуказанного письма о твердой решимости Александра не идти на какие-либо компромиссы, и имея положительный приказ о возобновлении военных действий, как только он сочтет свои силы достаточными для проявления инициативы, Кутузов разделил свою армию на пять колонн. Во главе первой колонны был поставлен генерал-адъютант граф Орлов-Денисов, вторую возглавил генерал Багговут, третью – граф Остерман, четвертую – генерал Докторов и пятую – генерал Раевский.

Первые три колонны, которые находились под непосредственным командованием генерала Беннигсена, перешли 5 октября реку Нару и продолжили движение в предписанном направлении. После жаркого кавалерийского боя, который оказался не в пользу короля Неаполя, Наполеон 7(19) октября оставил Москву и с главными силами армии вышел на Старую Калужскую дорогу, чтобы соединиться с авангардом короля Неаполя. 12(24) октября произошла тяжелая и кровопролитная с обеих сторон битва под Малоярославцем.

Наполеон был вынужден отказаться от плана отступления по Калужской дороге и повернул свои войска на Смоленскую. 17(29) октября уже все корпуса французской армии, теснимые разными русскими частями, двигались к Смоленску.

После состоявшихся в ходе отступления нескольких баталий, среди которых следует особо отметить сражение под Вязьмой, Наполеон 28 октября (9 ноября) вошел со своей гвардией в Смоленск. От голода, холода и непрерывных боев французская армия успела потерять много людей. После 26 октября (7 ноября) на смену достаточно теплой осени пришли первые морозы со снегом. Покрывшиеся льдом дороги стали почти непроходимы для тех немногих остававшихся у французов лошадей, но у отступавших не было ни времени, ни средств, чтобы перековать их на зиму. Для изнуренных походом и лишенных подходящей для сезона одежды людей ночные бивуаки означали почти верную смерть. Возникли большие трудности в снабжении продовольствием. «После этого начались ужасные сцены, которые ставят французское отступление в ряд самых впечатляющих бедствий, которые когда-либо постигали человечество. От голода и холода люди стали гибнуть сотнями. Вся дорога была устлана трупами и имела вид ужасного и бесконечного поля боя»[139].

Тем временем, предприняв форсированный марш, князь Кутузов прибыл в Красное. Ему удалось опередить французов, которые, покинув Смоленск 2 (14) ноября, были вынуждены пробивать себе дорогу к отступлению с оружием в руках. 5(17)

ноября состоялась битва под Красным. В результате сражения французская армия значительно поредела за счет убитых, раненых и взятых в плен и, непрерывно преследуемая русскими войсками и неся постоянные ежедневные потери в людях, лошадях, пушках и повозках, была вынуждена отступать к Березине.

Несмотря на все предпринятые русскими усилия, чтобы остановить Наполеона с остатками армии при переходе через Березину, ему удалось возвести мост и прорваться сквозь все преграды и опасности.

«Переправа через Березину длилась два дня, 15(27) и 16(28) ноября. С самого начала она проходила в беспорядке, потому как каждому хотелось быть в числе первых, дабы сохранить не только жизнь и свободу, но и вывезенную из Москвы добычу и деньги. Неразбериха увеличилась еще больше, когда русские отбросили корпуса Виктора и Домбровского. Вся армия устремилась к мосту, и ужас достиг своего пика. Артиллерия и обозы, остатки кавалерии и пехоты – все бросились к мосту. Сильные опрокидывали слабых и сталкивали их в воду, солдаты не подчинялись офицерам, командиры не щадили подчиненных, многие несчастные были раздавлены орудиями. Некоторые бросались в воду, надеясь вплавь добраться до того берега, но были скованы жгучим холодом. Другие пытались перейти реку по образовавшейся в разных местах свежей корке льда, но проваливались и уходили в ледяную воду. Везде слышались крики и стоны, и, несмотря на то, что находились и те, кто протягивал руку помощи несчастным, во время переправы погибло семь тысяч человек»[140].

Подробно описав события этих двух дней, полковник Бутурлин, добавляет: «Из всего здесь описанного видно, что неприятель хотя и с честью произвел переправу через Березину, однако очень дорого заплатил за оную. На сей переправе он потерял 25 пушек, более 16 000 пленных и более 12 000 погибших, включая утонувших в реке». Далее на с. 404 он говорит: «Беспристрастие, свято соблюдаемое нами в сем сочинении, не позволяет скрыть, что император французов в сем важном обстоятельстве действовал выше всякой похвалы. Великая опасность, ему угрожавшая, еще раз возбудила его полководческий гений… Окруженный со всех сторон, Наполеон не потерял присутствие духа: искусными ложными движениями он обманывает противостоящих ему генералов и, так сказать, проскользнув между готовых напасть на него армиями, производит переправу в хорошо выбранном месте, где все выгоды местоположения находятся на его стороне. Худое состояние

мостов, улучшение постройки коих не от него зависело, было единственной причиной, которая замедлив действие, сделали оное столь опасным»[141].

Продолжая марш через Плещеницы и Стайки, Наполеон 21 ноября (3 декабря) прибыл в Молодечно[142]. Именно здесь он подписал свой двадцать девятый бюллетень. 25 ноября (5 декабря) он прибыл в Сморгонь, собрал в главной квартире находившихся там основных генералов и объявил, что в его отсутствие командование армией поручается королю Неаполя, а сам он в сопровождении нескольких генералов отбывает в Париж. Он не стал заезжать в Вильну и остановился в полусожженном доме пригорода только для того, чтобы поменять лошадей и провести почти одночасовое свидание с встретившим его в Медниках герцогом Бассано.

28 ноября (10 декабря) Наполеон прибыл в Варшаву. Вот как г-н Прадт описывает его пребывание в городе и разговор с министрами герцогства Варшавского, которых Наполеон принял в аудиенции.

«Я – пишет Прадт[143], обрисовал ему картину текущего состояния герцогства, которое не было блестящим. Утром того же дня мною было получено сообщение о кавалерийском бое на Буге, неподалеку от Крислова, в котором два батальона новобранцев побросали оружие уже при второй атаке, а также о том, что из одной тысячи двухсот лошадей того же войскового подразделения, восемьсот вышли из строя из-за отсутствия ухода со стороны новых солдат; что более пяти тысяч русских с пушками подходят к Замосци. Я говорил и настаивал на необходимости эвакуации посольства и совета до прибытия противника, о неудобствах пребывания дипломатического корпуса в Варшаве. Я также обрисовал бедственное состояние герцогства и поляков. Он не соглашался, резко спросив: *Кто же разорил их?*

Все то, что происходило с ними на протяжении шести лет – ответил я, неурожай прошлого года и континентальная блокада, которая уничтожила их торговлю. При этих словах его глаза загорелись: *Где же русские?* Я ответил где, и он не знал этого. *А австрийцы?* Я сказал ему. *Уже две недели, как я о них ничего не слышал. А генерал Ренье?* – то же самое. Я описал ему, что было сделано герцогством для обеспечения потребностей армии. Он и об этом ничего не знал. Когда речь зашла о польской армии, он возразил: *Я никого не видел во время кампании*. Я объяснил, почему рассредоточение польских войск сделало почти невидимой армию в восемьдесят тысяч человек. *Чего хотят поляки?* – Стать пруссаками, если им более не суждено быть

поляками. *А почему не русскими?* – раздраженно спросил он. Я разъяснил причины привязанности поляков к прусскому режиму; он и не подозревал об этом. Мне же хорошо были известны эти причины еще и потому, что накануне несколько министров герцогства, оставшись у меня после обеда, договорились держаться за прусское правительство, как утопающий за доску. *Необходимо набрать десять тысяч польских казаков: достаточно будет пики и коня, и мы с этим остановим русских.* Я оспорил эту идею, которая казалась мне более чем сомнительной. Он настаивал. Пришлось отстаивать свою точку зрения, доказывая, что пользу могут принести лишь хорошо организованные, хорошо оплачиваемые и всем обеспеченные армии, и т. д.

Вскоре после этого он отпустил меня, попросив привести к нему после обеда графа Станислава Потоцкого и министра финансов, которых я назвал как двух наиболее уважаемых членов совета.

Мы встретились у него около трех часов, когда он уже выходил из-за стола. «*Сколько времени я нахожусь в Варшаве?..* Неделю… *Ну, нет, всего два часа,* – смеясь возразил он, приступая к делу без всякой подготовки. *От великого до смешного один шаг. Как Вы поживаете, господин Станислав, и Вы, господин министр финансов?* На неоднократные заявления этих господ, что они счастливы видеть его здоровым и невредимым после стольких опасностей, он возразил: *Опасностей! Ни малейших! Я живу в постоянном движении. Чем больше у меня забот, тем дороже я стою. Это только бездельники короли толстеют в своих дворцах. Я же сажусь на коня – и в поле … Вижу, что вы слишком встревожены здесь.* Это потому, что нам известно лишь то, что доносит общественная молва. *Ба! Армия превосходна. У меня сто двадцать тысяч человек, и я всегда бил русских. Они не смогут устоять против нас. Это уже не те солдаты, что воевали с нами у Фридланда и Прейсиш-Эйлау. Мы удержим Вильну. Я приведу триста тысяч человек. Успех придал русским смелости. Я дам им два или три сражения на Одере, и через полгода снова буду на Немане. Я значу гораздо больше на троне, чем во главе армии. Разумеется, я с сожалением покидаю ее, но мне необходимо удержать Австрию и Пруссию, и на престоле я могу сделать больше, чем во главе армии. Все, что произошло – ничего не значит. Это беда, влияние климата. Противник здесь не при чем. Я бил его всюду… Они хотели остановить меня на Березине…* У меня было замечательное войско и артиллерия, превосходная позиция. 1500 туазов топких болот, река, *такое повторялось дважды.* Он говорил о закаленных и слабых душах, обо всем, что можно найти в двадцать девятом бюллетене. Продолжая, он заметил: я и не

такое видывал! В Маренго мне пришлось сражаться до шести вечера, а на следующий день я был хозяином Италии. В Эсслинге я был хозяином Австрии. Эрцгерцог думал остановить меня, он что-то там опубликовал, но моя армия уже продвинулась вперед на полтора лье, и я не позволил ему диктовать мне условия. Все знают, что это такое, когда я на месте. Не в моих силах помешать Дунаю подняться на шестнадцать футов в одну ночь. Увы! Без этого австрийской монархии наступил бы конец, но написано было на небесах, что я должен был жениться на эрцгерцогине. Сказано это было веселым тоном. Точно так же в России я не мог остановить морозы. По утрам мне докладывали, что за ночь мы потеряли десять тысяч лошадей! Ну что ж, быть тому! *Это повторялось пять или шесть раз*. Наши нормандские лошади менее выносливы по сравнению с русскими; они не переносят морозов ниже девяти градусов. То же можно сказать о людях. Посмотрите на баварцев: из них никто не уцелел. Наверно, вы скажете, что я засиделся в Москве. Возможно, это так, но погода была прекрасная. Осень наступила раньше обычного; я ждал там мира. 5 октября я отправил к ним на переговоры Лористона. Я думал идти на Петербург, у меня было достаточно времени и в южных губерниях России, хотел провести зиму в Смоленске. Мы удержим Вильну. Я там оставил короля Неаполя. Ах! Все это огромная политическая сцена; кто не рискует, тот не побеждает. От великого до смешного только один шаг. Русские проявили себя. Все поддерживают императора Александра; у них полчища казаков. Это своеобразный народ. Государственные крестьяне любят свое правительство. Все дворяне ездят верхом. Мне предложили освободить крепостных. Я не захотел; они бы все уничтожили; это было бы ужасно. С императором Александром я вел регулярную войну, но кто бы подумал, что можно нанести такой удар, как пожар Москвы? Теперь они приписывают это нам, но это их рук дело. Это достойно Рима. Со мною было много французов. О! Они хорошие подданные и скоро снова узнают меня». После этих слов он принялся разглагольствовать о наборе казачьего корпуса, который сможет остановить русскую армию, хотя перед ней не смогли устоять триста тысяч французов. Министры напрасно пытались привлечь его внимание к состоянию своей страны: он не уступал. Я предоставил им полную свободу и позволял себе вмешиваться в разговор лишь тогда, когда было необходимо разжалобить его бедственным положением герцогства. Он дал согласие на выделение кредита в размере до трех миллионов пьемонтских биллонов, которые уже три месяца находились в Варшаве, и до четырех миллионов денежными купюрами, поступившими по контрибуции из

Курляндии. Я тут же подготовил приказ министру казначейства. Наполеон объявил о скором прибытии дипломатического корпуса. «Это шпионы, – сказал он. Они не нужны мне в главной квартире. Их вызвали. Все они шпионы, занятые лишь сбором сведений для своих дворов». Разговор продолжался в таком духе в течение почти трех часов. Огонь в камине погас, и нас всех охватил холод. Согреваясь своими речами, император ничего не замечал. На предложение продолжить свое путешествие через Силезию он воскликнул: Ах! Пруссия… Наконец, снова повторив два или три раза *от великого до смешного только один шаг*, и спросив, узнаваем ли он, и тут же ответив, что это ему все равно, он заверил министров в своем покровительстве, пожелал им не падать духом и стал прощаться. Я вновь повторил ему, что работа посольских служб четко организована и не вызывает вопросов. Министры в самых сердечных выражениях пожелали ему прекрасного самочувствия и счастливого пути. «Мое самочувствие всегда улучшается, когда возникает угроза». То были его последние слова… Он сразу же забрался в свои скромные сани, которые быстро исчезли из виду».

Когда в 1815 году мне довелось встретиться с председателем совета министров графом Станиславом Потоцким и министром финансов Матушевичем и спросить их о беседе с Наполеоном во время его проезда через Варшаву, они почти слово в слово повторили все то, что я процитировал выше в извлечении из сочинения де Прадта.

Глава III

Все, кто был свидетелем отступления французской армии, не могут вспоминать те события без ужаса и содрогания. Не было преувеличений и в опубликованных позднее сочинениях, описавших эту драму. В начале 1814 года у меня была возможность самому убедиться в этом на основании всего того, что я увидел и услышал во время своей поездки по Литве. Край, по которому я ехал, являл собой печальную картину безжизненной пустыни. *Брошенные* и *сожженные деревни*, разграбленные и разрушенные дома помещиков, многочисленные *человеческие останки*, разбросанные в зарослях кустарника, кучи пепла от сожженных вдоль дороги тел, заполненные трупами и присыпанные землей глубокие рвы – все здесь хранило следы того несчастного отступления, в котором, по общему мнению, войска союзников потеряли на пути от Москвы до Вильны более трехсот тысяч убитыми и умершими, сто тысяч пленными, тысячу артиллерийских орудий и сто пятьдесят тысяч лошадей.

Рассказы, которые мне довелось услышать в своем имении в Молодечно, относительно плачевного состояния остатков французской армии во время остановки здесь Наполеона, могли бы разжалобить самое суровое и бесчувственное сердце. В одном только этом городке погибло от мороза самым жутким образом несколько тысяч солдат, хотя, чтобы как-то согреться, они разобрали и сожгли более половины бревенчатых домов Молодечно. А что говорить о Вильне, где после возвращения русских за пределами городских стен были сожжены и похоронены более тридцати тысяч трупов военных различных званий и национальностей!

Основываясь на свидетельствах очевидцев и одинаковых по содержанию подробностях тех событий, я не сомневался в правдивости описаний, которые позднее нашел в разных книгах[144]. Вот одно из них, представленное в повествовании майора Пфуля. «Около сорока тысяч человек с достаточно мощной артиллерией переправились через Березину. Но что за ужасное зрелище представляло собой это войско! Внезапно нагрянувшая стужа уничтожила его. Большинство этих бедолаг побросало оружие. Несчастные солдаты не имели ни сапог, ни башмаков; их ноги были обмотаны тряпками, обрывками вещевых мешков или старым войлоком. Они укрывали голову всем, что попадало, а для укутывания им служили одеяла, старые мешки, соломенные циновки, недавно содранные шкуры животных. Повезло тем, кому удалось раздобыть плохонькую шубенку!

Скрестив руки на груди и погрузившись в мрачное молчание, офицеры и солдаты шли вперемешку; гвардейцы ничем не отличались от простых солдат: они тоже были безоружны и, прикрывшись лохмотьями, шагали в полном изнурении. Отбрасывалась любая мысль о сопротивлении, и лишь тревожные крики о приближении казаков заставляли всю колонну французов ускорять шаг. Дорога, по которой двигалась армия, была устлана трупами, и каждый бивак на следующий день напоминал поле сражения. Стоило кому-нибудь из этих замученных усталостью бедняг свалиться, как, не дожидаясь его последнего вздоха, на него набрасывались товарищи, чтобы сорвать с несчастного жалкие одежды и закутаться в его тряпки. Все встречавшиеся на их пути дома и амбары были сожжены. Солдаты подползали к огню и не чувствовали, что он обжигает их; у них уже не было сил, чтобы высвободиться, и на следующий день все костры были покрыты наполовину обгорелыми трупами. На ведущей вглубь России дороге было много пленных, за которыми уже никто не присматривал и не конвоировал. Здесь происходили ужасные сцены, от которых мог содрогнуться род человеческий: несчастные солдаты с почерневшими от дыма лицами как призраки бродили среди тел своих товарищей, пока сами не падали от изнеможения, чтобы уже не подняться. Находясь почти в бессознательном состоянии, они еле волочили свои тронутые гангреной босые ноги. Некоторые из них уже не могли говорить, многие были в состоянии ненормального отупения, доходившего до того, что они жарили и ели трупы. Иные грызли собственные руки. Другие, не имея никаких сил, чтобы найти дрова для поддержания огня, располагались у тлеющего костра прямо на трупах товарищей. Когда горящие угли гасли, люди больше не вставали. Были те кто, потеряв всякое ощущение реальности, забирались прямо в огонь, чтобы найти там свою смерть. Их жалобные стоны нисколько не мешали другим следовать их примеру и тоже лезть в огонь, и т. д.»

Отъезд Наполеона привел к окончательному упадку духа в отступавшей армии. Принявший главное командование Мюрат, не имея возможности исправить взвалившиеся на нее трудности и несчастья и не будучи в состоянии восстановить дисциплину в дезорганизованной солдатской среде, думавшей лишь о собственном спасении, оставил 24 ноября (6 декабря) Сморгонь и, постоянно преследуемый корпусами русской армии, продолжил свое отступление к Вильне.

Бедственное состояние французской армии при вступлении в Вильну, опасность, которой она подвергала себя в случае продления своего здесь пребывания, давая русским время и

возможность для окружения города и отрезания путей отступления французов к Ковно и Трокам, вынудили короля Неаполя к незамедлительному продолжению марша.

В ночь с 27 на 28 ноября (9 и 10 декабря) он оставил Вильну. 28 ноября в город вошли русские и обнаружили здесь огромные запасы продовольствия и военного имущества. Скорость, с которой французы покинули литовскую столицу, сделала Вильну единственным невредимым городом на пути отступления французов от Москвы.

1 (13) декабря французская армия численностью около двадцати тысяч человек перешла Неман[145].

Довольно трудно точно определить количество войск, которое следовало за Наполеоном в его российском походе, потому что данные французских военных, приведенные в ряде широко известных работ, не совпадают по численности. Думается, что наибольшего доверия заслуживает описание военных сил Наполеона, которое граф Растопчин нашел среди бумаг маршала Бертье по возвращении в Москву после ухода французов. В этом описании численность французских войск, пехоты и кавалерии, оценивается в 575 000 тысяч человек при 1094 орудиях.

В очень интересной книге, посвященной Рейнскому союзу[146], можно найти следующие заметки: «Из почти 30 000 человек баварцев, которые в июне месяце отправились к берегам Немана, вернулось лишь 7000 человек, из которых 4000 стояли гарнизоном в Торне, а 3000 воротились в Саксонию. Из 14 000 вюртембуржцев осталась всего одна тысяча. Из 20 000 призывников для кавалерии и пехоты в провинциях, подчиненных королевству Вестфалия, едва две тысячи человек вместе с королем Жеромом смогли вернуться в свои дома. Из всех войск, предоставленных великими герцогами Гессен-Дармштадта, Бадена и другими менее значимыми правителями Германии, лишь около 1500 человек вернулись на Эльбу и поступили в распоряжение вице-короля Италии. И, наконец, около 15 000 человек потерял король Саксонии».

Вот сведения, основанные на достоверных государственных данных о состоянии французской армии после ее возвращения из России на 1 января 1813 года[147]. Отдельно приводятся данные по французской армии и союзникам.

I. Французы.

Пешие гвардейцы	800 чел.
Французы, итальянцы и неаполитанцы в составе трех корпусов; первые два проходили через Познань, третий – из полутора тысяч человек, через Конитц, Флатов, Шнайдемюль и Дрезден	9000
Дивизия *Гранжана*, прибывшая 13 января 1813 года в Данциг, численностью	5000
	14 800
Кроме того	14 800 чел.
Дивизия *Дюрутта* седьмого корпуса после сражения под Калишем 13 февраля 1813 года	3000
Бригада барона *Франциско*	1000
Всего французов, вернувшихся из России	18 800 чел.

II. Союзники

Остатки саксонских войск независимо от стоявших гарнизоном в некоторых польских городах	6000 чел.
Остатки баварцев, в том числе 4000 стоявших в Торне	7000
Остатки вестфальцев (с 584 лошадьми)	1900
Остатки вюртембержцев	1000
Остатки баденцев и гессенцев	1500
Остатки поляков без гарнизонов Модлина и Замостья	6000
Всего союзников, вернувшихся из России	23 400 чел.
Общий итог	42 200 чел.

В эти данные не вошли вспомогательные австрийские, прусские и саксонские корпуса, а также корпус маршала

Макдональда, который блокировал Ригу. Речь идет лишь об армии, отступавшей из Москвы. В критическом обзоре книги графа де Сегюра, сделанном генералом Гурго, мы находим следующий расчет на странице 494:

Войска, переправившиеся через Неман у Ковно.	36 000 чел.
Десятый корпус	30 000
Польский корпус князя Понятовского[148]	20 000
Седьмой саксонско-французский корпус Ренье	15 000
Австрийский корпус	26 000
Всего	127 000 чел.

Не стану описывать путешествие Наполеона из Варшавы в Дрезден, где он остановился на несколько часов, его поспешный отъезд в Париж, куда он прибыл 18 декабря через два дня после публикации написанного в Молодечно двадцать девятого бюллетеня, который вызвал здесь растерянность и траур. Я также не стану описывать отступление через Пруссию остатков армии Мюрата, которую неотступно преследовали русские части. Достаточно сказать, что 15 декабря русский авангард под командованием генерала Витгенштейна пересек Неман и вступил в Пруссию, что корпус генерала князя Шварценберга отступил к Пултуску, а корпус маршала Макдональда, полностью изолированный в окрестностях Риги после внезапного и быстрого отступления Наполеона, получил 18 декабря приказ отойти от Двины к Мемелю.

Я буду касаться военных операций в ходе различных кампаний вплоть до 1815 года лишь только тогда, когда это будет связано с необходимостью отображения последовательности событий и главными баталиями, состоявшимися до подписания окончательного мира в Париже. Остановлюсь более подробно на различных переговорах, которые постепенно оторвали от Наполеона его союзников, создании против него грозного союза, свергшего его господство и лишившего его трона, поскольку эти соглашения и договоры между различными дворами полностью разрушили существовавшую ранее политическую систему в Европе и внесли в нее изменения, одним из результатов которых, по всей вероятности, должно было стать восстановление Польши.

Покинув Петербург в первые дни декабря, император Александр 10(22) декабря прибыл в Вильну и поспешил засвидетельствовать свое удовлетворение действиями Кутузова,

удостоив его самых лестных наград. Еще до отъезда из Петербурга он пожаловал ему титул *светлейшего князя Смоленского* в честь битвы под Красным и освобождения Смоленска. 12(24) декабря, в день рождения Александра, маршал был награжден орденом Святого Георгия 1 степени, наградой тем более блестящей, поскольку все, кто получил этот орден в эпоху императрицы Екатерины, уже умерли, а со времени вступления на престол Павла I им никто не награждался.

В тот же день, император объявил общую амнистию жителям присоединенных к России бывших польских провинций, которые были обмануты ложными обещаниями Наполеона и скомпрометировали себя по отношению к российской власти.

Одной из первых забот императора по прибытии в Вильну, стали самые строгие распоряжения по очистке улиц и домов города, общественных больниц от разного рода нечистот, которые накопились здесь в результате пребывания огромного количества больных и раненых французской армии, оказанию последним медицинской помощи врачами и хирургами города. Он приказал вывезти из города всех околевших лошадей, а также похоронить в специально отведенном месте за городской оградой около тридцати тысяч солдат разных национальностей, брошенных в разных местах, которых не успели убрать и похоронить из-за отсутствия времени, рук и сильных морозов (от – 25 до – 30°), не позволявших вырыть могилы. В городе и окрестностях стоял смрадный запах, и могли произойти самые фатальные последствия, если бы не участливое внимание императора и его точные приказы, исполнение которых было поручено, главным образом, профессору медицины Виленского университета Бекю. Последний с точностью и большим усердием справился с порученным делом.

Во время своего пребывания в Вильне император Александр выглядел таким, каким мы видели его несколько месяцев назад до начала кампании 1812 года, то есть, добрым, приветливым и внимательным. Он с обычной доброжелательностью принимал всех, кто был представлен ему.

Именно в Вильне император получил известие о событии, которое по ожидаемым последствиям имело крайне важное значение. Находящийся на русской службе генерал-майор Дибич заключил соглашение с прусским генерал-лейтенантом Йорком, согласно которому прусский корпус, находившийся под командованием последнего, отделился от французской армии. Это соглашение было подписано 18(30) декабря 1812 года на Пошерунской мельнице близ местечка Тауроген[149].

На следующий день генерал Массенбах, предупрежденный,

что может присоединиться к соглашению с командующим русским авангардом генералом Дибичем, без всяких колебаний принял решение об отделении от корпуса маршала Макдональда и присоединении к частям генерала Дибича, который по его предложению подошел к Тильзиту. Измена пруссаков сильно ослабила корпус маршала Макдональда. Так и не дождавшись колонны Йорка, он оставил, в конце концов, Тильзит и с семью тысячами пехоты при двадцати орудиях двинулся по дороге на Кенигсберг. Его неотступно преследовал авангард генерала Витгенштейна, который двигался двумя дивизиями: одна в направлении на Берлин через Кенигсберг, вторая – на Эльбинг через Фридланд. Везде пруссаки встречали русских как спасителей.

Не имея возможности дальше оставаться в Пруссии, Мюрат отступил к Познани, где 15 января 1813 года передал командование войсками вице-королю Италии принцу Евгению.

Генерал Тормасов командовал четвертой колонной Главной российской армии, при которой находились император и маршал Кутузов. Колонна направилась из Вильны в Плоцк, куда подошла 5 февраля. Оттуда император вместе с маршалом Кутузовым и Главной армией отправился в Калиш, куда он прибыл 24 февраля и оставался здесь несколько недель.

Различные отдельные корпуса в составе пятой колонны медленно преследовали отходившие к Висле корпуса Шварценберга, Ренье и Понятовского. Численность всех пяти колонн российской армии составляла 111 000 человек.

После того как 7 февраля 1815 года австрийцы сдали русским Варшаву, принц Евгений, который принял командование французской армии после Мюрата, вынужден был оставить Познань и двинуться на Берлин, куда он прибыл 22 февраля. Далее, преследуемый авангардом генерала Витгенштейна, переправившимся 2 марта через Одер, он продолжил свое отступление к Эльбе, где и остановился 10 марта 1813 года.

Как только корпус князя Понятовского отошел от Варшавы, чтобы направиться вместе с армией князя Шварценберга в сторону Кракова, законные власти герцогства приостановили исполнение своих полномочий. Совет министров под председательством графа Станислава Потоцкого, в составе министра юстиции графа Феликса Лубенского, министра финансов графа Тадеуша Матушевича, министра внутренних дел графа Тадеуша Мостовского, министра полиции графа Игнатия Соболевского переехал поначалу в Петркув, а затем в Ченстохову. После этого, не будучи официально распущенными, члены совета в ожидании продолжения событий, разъехались по разным

местам, выбранным по своему усмотрению.

После того, как русские оккупировали Варшаву, был учрежден временный Верховный совет Великого герцогства, председателем которого стал нынешний тайный советник и сенатор Ланской, заместителем председателя – Новосильцев, членами – Томаш Вавжецкий, руководивший министерством юстиции и обороны, князь Ксаверий Любецкий – министерством внутренних дел, и Коломб – министерством финансов. Генеральным секретарем был назначен Дембинский, и к каждому префекту и подпрефекту прикрепили российских чиновников. Общее руководство варшавской полицией было поручено генералу Свечину.

Король Пруссии, которого из-за продолжающихся отношений с Наполеоном действия генерала Йорка на какое-то время ввели в замешательство, сделал, наконец, решительный шаг, который от него требовали обстоятельства. Переехав из Потсдама в Бреслау, он в новом убежище принялся за подготовку плана по спасению своей монархии. Едва король обратился с призывом к молодежи страны, как толпы добровольцев разных сословий явились на призывные пункты, чтобы принять участие в обороне страны.

В конце февраля 1813 года он заключил договор о союзе с императором Александром. Переговоры по договору провели князь Кутузов-Смоленский и барон Гарденберг. Первый подписал договор в Калише 16(28) февраля, другой – в Бреслау. Заключенный союз носил одновременно наступательный и оборонительный характер на время происходящей войны. Его ближайшая цель – вновь устроить Пруссию в таких границах, которые обеспечивали бы спокойствие обоих государств и служили бы ему гарантиями, Ст. II. – Его Величество император всероссийский обязался выставить в поле 150 тыс. человек, и Его Величество король прусский не менее 80 тыс. чел., не считая крепостных гарнизонов, Ст. III. – Его Величество король прусский и Его Величество император всероссийский обещали приложить все свои старания к тому, чтобы склонить венский двор присоединиться как можно скорее к их делу, а двор Лондона – обеспечить Пруссию оружием, военными припасами и денежным вспоможением, ст. VII и VIII[150].

После Калишского договора было подписано несколько дополнительных соглашений. Так, 19 марта в Бреслау граф Нессельроде и барон Штейн от имени России и барон Гарденберг и генерал Шарнхорст от имени Пруссии подписали соглашение с целью определения политических принципов для провозглашения во время оккупации государств Рейнского Союза и провинций северной Германии, присоединенных к французской империи[151].

Роспуск Рейнского Союза был объявлен в декларации маршала Кутузова, подписанной в Калише 23 марта по новому стилю.

15 марта император Александр отправился к Фридриху Вильгельму в Бреслау, где были скреплены узы дружбы и союз двух правителей. На следующий день, 16 марта, канцлер государства барон Гарденберг объявил посланнику Наполеона в Берлине о решении, принятом королем, а нота, врученная 27 марта генералом Круземарком в Париже, объясняла причины разрыва. Приказ по армии от 11 марта снимал с генерала Йорка все обвинения. В обращении короля к народу от 17 марта было объявлено о начале войны с Францией, и в тот же день появился манифест о внеочередном рекрутском наборе и наборе ополчения.

3 мая 1813 года был подписал Стокгольмский договор между Великобританией и Швецией, по которому король Швеции обязался выставить корпус численностью не менее тридцати тысяч человек для участия в непосредственных военных операциях против общего врага. Эта армия должна была действовать совместно с российскими частями под командованием крон-принца Швеции, ст. I. – Великобритания обещала и обязалась присоединиться к существующим соглашениям между Россией и Швецией, чтобы не только не чинить препятствий вечному объединению Норвегии и Швеции, но также облегчить виды Швеции в этом отношении, как через свои добрые услуги, так и, при необходимости, путем содействия на море по соглашению со шведскими и российскими военно-морскими силами. Вместе с тем, стороны отказались от применения силы для воссоединения Швеции и Норвегии, если король Дании не откажется присоединиться к Северному альянсу на условиях, определенных действующими договорами между дворами Стокгольма и Санкт-Петербурга, ст. II. – Великобритания обещала выделить для обеспечения компании 1813 года, а также для снаряжения, транспортировки и обслуживания шведских войск один миллион фунтов стерлингов с помесячной выплатой, ст. III. – Великобритания уступила Швеции владение Гваделупа, ст. V – и т. д.[152]

Данный договор был подписан генералом Александром Хоупом и Эдвардом Торнтоном от имени принца-регента Великобритании и графом Энгстремом и бароном Веттерстедтом от Швеции.

15 апреля Наполеон покинул Сен-Клу, назначив императрицу Марию-Луизу на время своего отсутствия регентшей. 25 апреля он прибыл в Эрфурт и принял командование армией. 30 апреля

его войска переправились через Залу с намерением занять Лейпциг. 2 мая генерал Витгенштейн[153] дал Наполеону сражение у Гросс-Гершена.

Я не стану рассказывать о результатах этого сражения, а также о сражениях у Кенигсварта и Вейсига 17 мая, об ожесточенной битве под Баутценом[154], продолжавшейся два дня 20 и 21 мая, и кавалерийском бое под Гайнау, дабы не касаться военных деталей, которые можно найти во многих книгах, а также поскольку это не входит в план моего сочинения.

Глава IV

Утром 18 мая на русских аванпостах появился французский парламентер с письмом от генерала Коленкура. Генерал просил встречи с императором Александром, дабы выполнить поручение своего повелителя. Спустя два дня, 20 мая, император передал полученное письмо участникам совещания, на котором присутствовали король Пруссии, посланники России и Пруссии, английский посланник лорд Каткарт, посланники Австрии и Швеции граф Штадион и граф Левенхельм. Было решено, что император Александр даст ответ с согласием принять де Коленкура в присутствии представителей союзников: Австрии, Пруссии, Великобритании и Швеции. Ответ уже был готов к отправке в штаб-квартиру Наполеона, когда пришло известие о том, что французы предприняли атаку на позиции союзников у Баутцена, после чего завязалось крупное сражение. Поначалу было решено не продолжать переговоры, однако, поскольку отступление союзников не дало Наполеону никаких преимуществ, кроме ненадежной оккупации части Силезии, и, учитывая понесенные им значительные потери в предыдущих боях, члены коалиции сочли момент благоприятным, чтобы отправить письмо. Ответ пришел незамедлительно: в нем Наполеон предлагал перемирие.

Поскольку местечко Плейсвиц, в округе Стригау было объявлено нейтральной зоной, туда 27 мая для переговоров с герцогом Виченцским отправились адъютант императора Александра граф Шувалов и прусский генерал Клейст. Коленкур предложил заключить перемирие на условиях принципа *uti possidetis* (сохранения существующего положения вещей), однако полномочные представители союзных держав потребовали, чтобы французы отошли за Эльбу. Позднее они ослабили свои требования, ограничившись лишь освобождением Силезии. В результате переговоры были прерваны. Союзники продолжили отступление, а французы заняли Лигниц и Бреслау. Наконец, 4 июня в деревне Пойшвиц, недалеко от Яуэра, полномочные представители подписали перемирие, которому суждено было продлиться до 20 июля и еще шесть дней после предупреждения о его денонсации.

Среди многих причин, побудивших обе стороны заключить перемирие, наиболее естественными кажутся следующие. Австрии, которая дала уже положительное обещание войти в коалицию, требовались эти шесть недель, чтобы завершить пополнение и довооружение своих войск и развернуть их против

Наполеона, если тот откажется от мира. Российский император и король Пруссии также хотели воспользоваться этим перерывом в войне: первый, чтобы подтянуть свои оперативные резервы, второй – для завершения общего вооружения *ландвера*. Наполеон, со своей стороны, тоже нуждался в передышке. Сопротивление, с которым он столкнулся в сражениях 2 и 20 мая, понесенные им огромные потери, угрожавшая опасность с севера в связи с высадкой шведов и с юга от вероятного разрыва с Австрией – все это требовало перемирия, во время которого он мог бы укрепить свои армии, и, возможно, предотвратить посредством фиктивных мирных переговоров угрожавшую ему беду.

За четыре дня до заключения перемирия император Австрии покинул Вену и направился в богемский город Гичин, чтобы быть ближе к театру военных действий и переговорам. До этого австрийский монарх сделал несколько неудачных попыток предложить Наполеону свое посредничество. Так, по его поручению граф Бубна прибыл 11 июня в Дрезден, чтобы сообщить Наполеону, что Россия и Пруссия приняли посредничество Австрии, и что последняя намерена сосредоточить свои усилия на урегулировании европейских споров, если не удастся достичь всеобщего мира. После длительных рассуждений и аргументаций австрийский император послал в Дрезден графа Меттерниха, где 30 июня 1813 года было заключено соглашение из пяти следующих статей:

Ст. I. Его Величество император австрийский предлагает свое посредничество для установления общего или континентального мира.

Ст. II. Его Величество император французов принимает указанное посредничество.

Ст. III. Полномочные представители Франции, России и Пруссии встретятся до 5 июля в городе Прага.

Ст. IV. Учитывая недостаток времени, оставшегося до 20 июля – срока истечения действия подписанного 4 июня в Пойшвице соглашения, Его Величество император французов берет на себя обязательство не денонсировать перемирия до 10 августа, а Его Величество император австрийский берет на себя обязательство заручиться таким же согласием со стороны России и Пруссии.

Ст. V. Данное соглашение не подлежит огласке.

Соглашение от 30 июня было ратифицировано австрийским императором, но открытие Пражского конгресса было перенесено на 12 июля, поскольку его проведение требовало подготовки. По

предложению Австрии перемирие было продлено до 10 августа соглашением, которое 26 июля 1813 года в Неймарке подписали соответствующие уполномоченные: де Флао и дю Мустье от Франции, Шувалов от России и Круземарк от Пруссии. В нем оговаривалось, что если в указанный срок одна из стран решит денонсировать соглашение о перемирии, она должна будет сообщить об этом в штаб-квартиру другой страны за шесть дней до его расторжения, таким образом, чтобы военные действия могли начаться лишь через шесть дней после взаимной денонсации соглашения[155].

Для участия в Пражском конгрессе были назначены уполномоченные: от России – барон Анштетт; от Пруссии – барон Вильгельм фон Гумбольдт, от Франции – герцог Виченцский де Коленкур и Нарбонн. Последний прибыл в Прагу вовремя, но прибытие Коленкура задерживалось вплоть до 28 июля. Уже на следующий день граф Меттерних в качестве представителя двора-посредника предложил посланникам изложить свои позиции по переговорам. По этому поводу состоялся обмен нотами, после чего 11 августа посланники России и Пруссии объявили графу Меттерниху о прекращении их полномочий в связи с истечением 10 августа конечного срока посредничества и начатых в Праге переговоров. 12 августа 1813 года Австрия объявила войну Наполеону.

После этого три монархи встретились в Праге и договорились, что в течение всей кампании будут находиться при Главной армии, чтобы своим присутствием не только воодушевлять войска, но и сглаживать возможные трудности между войсками различных стран. В распоряжение коалиции австрийский император предоставил 260 000 человек.

В ходе перемирия состоялись важные переговоры, и 14 июня в Райхенбахе был заключен субсидный договор между Великобританией и Пруссией, 15 июня был подписан договор между Великобританией и Россией, и 6 июля в Петерсвальде был заключен дополнительный договор между этими двумя державами и Россией[156].

Помимо усилий по посредничеству в установлении мира на континенте, Австрия подписала эвентуальный союз с Россией и Пруссией. 9 сентября 1813 года в Теплице он был оформлен как окончательный. В тот же день были заключены еще три договора: между Россией и Австрией, подписанный графами Меттернихом и Нессельроде, между Австрией и Пруссией, подписанный графом Меттернихом и бароном Гарденбергом, и между Россией и Пруссией, подписанный графом Нессельроде и бароном Гарденбергом.

Первый из трех договоров содержал двенадцать статей, в которых были изложены следующие условия. Статья I установила между договаривающимися сторонами союз и искреннюю и постоянную дружбу. Державы взаимно гарантировали друг другу государственную целостность и нерушимость границ. Ст. II. – Стороны обязались принимать согласованные меры для поддержания мира в Европе и оказывать друг другу эффективную поддержку в случае нападения третьей державы. Ст. III – В помощь подвергшемуся нападению союзнику каждая из договаривающихся сторон должна была выставить 60-тысячный корпус. Ст. IV, и т. д.[157]

3 октября в Теплице графом Меттернихом и лордом Эбердином был подписан договор между Австрией и Великобританией. Австрийский император брал на себя обязательство использовать все свои силы против общего врага, Ст. II. – Великобритания обязалась поддерживать усилия Австрии всеми имеющимися у нее средствами, Ст. III. – Между двумя дворами устанавливались принципы полного согласия; они обязались не вступать в соглашения с общим врагом иначе, как с общего согласия. Ст. IV[158].

Так был оформлен великий союз главных европейских держав для совместных действий против Наполеона. При возобновлении военных действий он состоял из России, Пруссии, Швеции, Австрии, Великобритании и герцогов Меклембургских – единственных немецких князей, официально вышедших из Рейнского союза. Этому объединению предстояло вступить в противоборство со всеми силами Франции, по-прежнему невредимой в пределах расширенных при Наполеоне границ: всей Италии, большей части Германии, объединенного с ней Рейнского союза, и, наконец, Дании. На юге Европы удачные военные действия против французских войск вели при поддержке Великобритании мужественный испанской народ и Португалия, что тоже способствовало успеху северных союзников.

В июле в силезском городе Трахенберг собрались император России, король Пруссии, кронпринц Швеции и полномочные представители Австрии и Англии, чтобы скоординировать план совместных действий на случай, если Пражский конгресс не принесет, в чем мало кто сомневался, никаких результатов. 12 июля 1813 года план был принят. Численность союзных войск составила более 800 000 человек, из которых более 711 000 составили семь армий, в том числе[159]: 1. Богемскую армию под командованием фельдмаршала князя Шварценберга, в которую вошли австрийские, русские и прусские корпуса. Ее численность составила 237 700 человек при 698 орудиях. 2. Северную армию

под командованием шведского кронпринца, составленную из шведской армии графа Стединга, российского корпуса барона Винцингероде, двух прусских корпусов Бюлова и Тауенцина и отдельного корпуса графа Вальмодена. Ее численность составила 154 000 человек при 387 орудиях. 3. Силезскую армию под командованием генерала Блюхера насчитывавшую 95 000 человек при 356 орудиях и состоявшую из трех российских корпусов графа Ланжерона, барона Сакена и графа Сен-Приеста, а также прусского корпуса Клейста. 4. Австрийскую армию под командованием князя Рейса фон Плауэна, расположенную на границе с Баварией, численностью 24 750 человек при 42 орудиях. 5. Австрийскую армию, дислоцированную в Италии, под командованием барона Гиллера, численностью 50 000 человек при 120 орудиях. 6. Австрийскую резервную армию под командованием герцога Фердинанда Вюртембергского, которая проходила формирование между Веной и Братиславой и насчитывала около 60 000 человек. 7. Русскую резервную армию под командованием барона Беннигсена, дислоцированную в Польше, которая насчитывала 57 329 человек при 198 орудиях. Здесь не учитывается вторая русская армия, которая оставалась в Польше. Из всей массы в 711 383 человека, 192 200 человек были задействованы в осадных действиях и блокадных операциях.

Этим силам Наполеон противопоставил 500 000 человек, в том числе итальянскую армию в 40 000 человек и двадцать один корпус общей численностью 462 000 человек, включая сорокатысячную гвардию под командованием маршала Мортье. Численность восьмого корпуса, которым командовал князь Понятовский, составляла 13 000 человек.

Именно с такими грозными силами с обеих сторон 14 августа 1813 года возобновились военные действия. Сражения, которые Блюхер дал 26 августа на Кацбахе, 6 сентября при Денневице и 16 сентября при Герде, несмотря на всю их важность и кровопролитность, стали лишь прелюдией к кровавой и решающей битве под Лейпцигом, которая состоялась 18 и 19 октября. Полная и блестящая победа, одержанная союзниками и стоившая большой крови с обеих сторон, решила судьбу Германии и стала предвестником многих знаменательных событий.

Приходится сожалеть, что в битве под Лейпцигом поляки потеряли несколько тысяч храбрых воинов и в их числе своего полководца князя Юзефа Понятовского, который прикрывал отход французской армии. Будучи тяжело ранен, он пытался найти путь для отступления, но утонул во время переправы через болотистую реку Эльстер, оставив своим соотечественникам пример

достойного человека, выдающегося военачальника и до конца преданного своей родине гражданина.

8 октября 1813 года, за несколько дней до битвы под Лейпцигом, в Ридском замке был подписан предварительный договор о мире, дружбе и союзе между Австрией и Баварией. После этого договора, освобождавшего от обязательств перед Наполеоном одного из сильнейших членов Рейнского союза, появился манифест от 14 октября, в котором излагались претензии, послужившие причиной для короля Баварии, чтобы пойти на такой шаг. В соответствии с Ридским договором генерал Вреде 15 октября 1813 года принял командование частями баварско-австрийской армии, подчиненной главнокомандующему князю Шварценбергу, и двинулся к Ханау, чтобы отрезать путь к отступлению Наполеона. Два сражения, 30 и 31 октября, были очень упорными. Генерал Вреде был тяжело ранен. Наполеон переправил свою армию на левый берег Рейна и направился к Парижу, чтобы организовать свежие силы и получить возможность начать новую кампанию.

«Только что мы потеряли Германию; остается лишь спасти Францию или погибнуть вместе с ней». 9 ноября 1813 года Наполеон возвращается в Париж. Здесь он разворачивает активную деятельность, чтобы воспользоваться оставшимися ресурсами. Его первые слова в Сенате таковы: «*За год перед сим вся Европа шла с нами; теперь вся Европа идет против нас*». Сенат незамедлительно дал согласие на набор трехсот тысяч человек[160].

Между тем по-прежнему стоял вопрос о съезде в Мангейме, и в этой связи велась переписка между герцогом Бассано и князем Меттернихом, когда 1 декабря 1813 года союзники опубликовали Франкфуртскую декларацию, текст которой приводится ниже:

«Французское правительство приняло решение о новом призыве трехсот тысяч новобранцев: причины сенатусконсульта содержат в себе провокацию по отношению к союзным державам. Они вынуждены снова обнародовать перед всем миром свое видение, которым руководствуются в нынешней войне, и принципы, составляющие основу их поведения, желаний и решимости.

Союзные державы ведут войну не против Франции, а против того высоко заявленного господства, которое император Наполеон к несчастью Европы и Франции слишком долго чинит за пределами своей империи.

На берега Рейна армии союзников привела победа. И первое, что они сделали, воспользовавшись ею, предложили Его

Величеству императору французов мир. Их позиция, усиленная присоединением к союзу всех монархов и князей Германии, не повлияла на условия мира. Эти условия основаны на независимости других европейских государств. Как цель такое видение союзных держав представляется справедливым, благородным и либеральным в части применения, внушающим всем доверие и достойное уважение.

Союзные государи желают видеть Францию большой, сильной и процветающей, поскольку большая и сильная страна – одна из фундаментальных основ социального строя. Они хотят процветания Франции, чтобы возродилась торговля, расцвели искусства – эти блага мира, потому как великий народ не будет спокоен до тех пор, пока не станет счастливым. Союзные державы подтверждают французской империи границы ее территории, которой она никогда не имела при королях, потому как доблестная нация не утрачивает своего величия и после того, как испытала неудачу в упорной и кровавой борьбе, кою вела со своим привычным мужеством.

Вместе с тем союзные державы тоже хотят процветания и покоя. Они желают мира, который мудрым распределением сил и справедливым равновесием защитил бы в будущем их народы от бесконечных бедствий войны, преследовавших Европу на протяжении двадцати лет.

Союзные державы не сложат оружия до тех пор, пока не достигнут этого великого и благотворного результата, этой благородной цели своих усилий. Они не сложат оружие до тех пор, пока снова не укрепится политическое положение в Европе, а неизменные принципы не обретут свои права на тщетные протесты, пока, наконец, святость договоров не обеспечит Европе подлинный мир».

В Голландии произошла революция. 18 ноября 1813 года генерал-губернатор Лебрен, герцог Пьяченцский и несколько других сановников спешно покинули Амстердам и направились в Париж. Благородные жители Амстердама отправили депутацию в Англию, чтобы пригласить принца Оранского, сына последнего штатгальтера, вернуться на родину. 30 ноября генерал Бюлов вошел в Голландию. Сформированное в Гааге временное правительство опубликовало 21 ноября от имени облеченного верховной властью принца Оранского воззвание, в котором все кто поддерживал связь с французским правительством, объявлялся предателем отечества. 30 ноября принц высадился на берег в Схевенингене. 1 декабря он был провозглашен суверенным правителем Нидерландов под именем Виллем I. На

следующий день была объявлена полная амнистия. 2 декабря он торжественно въехал в Амстердам и принял в соответствии с волей народа верховную власть, ограниченную, тем не менее, конституцией, защищавшей общественные свободы. 6 декабря Виллем опубликовал новое воззвание, в котором призвал голландцев к оружию[161].

8 ноября 1813 года в городе Фульда был подписан договор о мире и союзе между Австрией и королевством Вюртемберг. Актом, подписанным 21 ноября во Франкфурте, к нему формально присоединилась Пруссия. 6 ноября 1813 года король Вюртембергский издал манифест, объявив об изменении политической системы. Он обвинил Наполеона в нарушении Рейнского союза, обязывавшего того защищать королевство, отведении войск, что позволило армиям союзников вторгнуться на территорию его страны[162].

По договорам от 30 ноября и 2 декабря 1813 года, подписанным во Франкфурте, несколько германских князей присоединились к великому союзу и, таким образом, все князья, которые до того входили в Рейнский союз, за исключением короля Саксонии, великого герцога Франкфуртского и князей Изенбурга и Лейена, вошли в великий союз, направленный против Наполеона.

Король Дании, опасаясь потерять Норвегию, которая должна была быть присоединена к Швеции, и напуганный присутствием английского флота, появившегося на рейде Копенгагена 31 мая 1813 года, предпринял в начале июня через своего посланника Каасе переговоры, и 10 июля того же года заключил договор с Наполеоном. Копенгагенский договор о союзе подписали министр иностранных дел короля Дании Розенкранц и посланник Наполеона Алкье. 3 сентября этого года Дания объявила войну Швеции, и сразу же после заключения Копенгагенского договора принц Фредерик Гессенский принял в Гольштейне командование датской армией численностью 12 000 человек, которая была присоединена к корпусу маршала Даву.

После того, как 24 ноября кронпринц Швеции во главе шестидесятитысячной армии перешел возле Бойценбурга Эльбу, а 2 декабря маршал Даву отступил к Гамбургу, датчане, чья численность составляла от десяти до двенадцати тысяч человек, отделились от французской армии. Оказавшись в заблокированном положении, они смогли 15 декабря договориться о двухнедельном перемирии. В Киле начались консультации относительно мирного договора. Поскольку уступка Норвегии была одним из главных условий мира, переговоры затянулись. Поначалу перемирие было продлено до 6

января 1814 года, но по истечению этого срока военные действия были возобновлены. 14 января 1814 года в Киле был заключен мир. Его подписали барон Веттерстед от Швеции, камергер Эдвард Берк от Дании и сэр Эдвард Торнтон от Великобритании. Уже 8 февраля 1814 года в Ганновере мир между Россией и Данией подписали Эдвард Берк и барон Сухтелен, и лишь спустя шесть месяцев, то есть 25 августа того же года, в Берлине был заключен мир между Данией и Пруссией, который подписали князь Гарденберг, государственный канцлер и уполномоченный прусского короля, и сын канцлера граф Гарденберг-Ревентлов, уполномоченный короля Дании. Военные действия между двумя странами прекратились 14 января, а 2 июня в Париже между ними было заключено временное соглашение, которое не было предано огласке.

Тем не менее отсутствие ощутимых успехов в переписке, начатой после того как 1 декабря 1813 года союзники опубликовали Франкфуртскую декларацию, и уверенность, что Наполеон сумеет-таки собрать новые силы, дабы начать новую кампанию, вынудили союзных монархов ввести свои войска в пределы старой Франции. Было решено, что Большая Богемская армия под командованием князя Шварценберга войдет в Швейцарию, затем захватит Франш-Конте и Эльзас и, убедившись в преимуществе позиций Лангра, двинется на Париж. Она должна была также перерезать коммуникации между Францией и Италией. Армия насчитывала 261 600 человек.

Силезская армия фельдмаршала Блюхера получила приказ форсировать Рейн выше и ниже Майнца и, беря в окружение на своем пути оборонительные укрепления, также направиться маршем к столице. Численность этой армии составляла 137 000 человек.

Северная армия численностью 174 000 человек была дислоцирована в разных местах и находилась под командованием разных генералов.

Помимо этих трех армий, союзники располагали резервами численностью 235 000 человек и австрийской армией в 80 000 человек под командованием фельдмаршала графа Бельгарда, предназначенной для операций на территории Италии. Таким образом, людская масса из 887 000 австрийцев, русских, пруссаков, немцев, голландцев и англичан готовилась вступить во Францию.

Чтобы не дать Наполеону времени на сосредоточение своих разбросанных в разных местах полков, союзные войска 9 декабря 1813 года начали движение, и в ночь на 20 декабря австрийцы перешли Рейн в районе Базеля, Лауфенбурга и Шаффхаузена. За

ними, пересекая Рейн в различных местах, почти сразу двинулись другие корпусы.

27 января в качестве королевского наместника и с полномочиями от короля Франции на берег Голландии высадился брат Людовика XVIII. Он направился в штаб-квартиру союзных государей. Его старший сын герцог Ангулемский воевал в то время в составе армии Веллингтона.

Всем известны военные события, которые произошли после вступления союзных армий во Францию, вплоть до оккупации Парижа. Я не стану вдаваться в подробности относительно сражений при Бриенне 19 января 1814 года, Ла-Ротьере, которое французы называют сражением при Бриенне, 1 февраля, при Шампобере 10 февраля, Монмирале и Шато-Тьерри 11 и 12 февраля, Этоже – 14 февраля, Мормане и Монтро 17 и 18 февраля, Бар-сюр-Об 26 февраля, Лабресселе 3 марта, Краоне 7 марта, Лаоне 9 и 10 марта, Реймсе 13 марта и Арси-сюр-Об 20 марта.

В то время как союзные армии продвигались по Франции, встречая повсюду упорное сопротивление, подкрепленное хорошо известной отвагой французских солдат и мастерством их полководца, часто приводившего их к победам, в Шатийон-сюр-Сен продолжались переговоры. Здесь с 3 февраля по 15 марта проходил конгресс, который следует рассматривать как продолжение переговоров, начатых в ноябре 1813 году во Франкфурте и прерванных союзниками с тем, чтоб перенести их во Францию, не прекращая при этом военных действий против Наполеона.

В Шатийоне герцог Виченцский Коленкур ждал ответа на свое последнее письмо, направленное по распоряжению Наполеона князю Меттерниху. Сюда, чтобы возглавить переговоры со стороны Великобритании, прибыл лорд Каслри. Здесь уже находились посланники этой страны лорды Катхарт и Абердин. Граф Разумовский, граф Штадион и барон Гумбольдт представляли соответственно Россию, Австрию и Пруссию.

Конгресс был прерван, так и не принеся никаких результатов. 1 марта 1814 года в Шомоне был заключен четырехсторонний союзный договор между Австрией, Великобританией, Пруссией и Россией. Он был подписан князем Меттернихом, лордом Каслри, князем Гарденбергом и графом Нессельроде[163]. Шомонский договор был направлен на создание наступательного и оборонительного союза. Цель этого альянса определена в преамбуле к договору. Это, прежде всего, решительное ведение войны против Наполеона, если тот откажется принять условия предложенного мира, а также поддержание порядка вещей,

который будет установлен в будущем. Договаривающиеся стороны согласились продлить действие договора на 20 лет.

24 марта 1814 года на военном совете, состоявшемся на главной дороге у Витри, император России, король Пруссии, князь Шварценберг и маршал Барклай де Толли решили двинуть союзные армии форсированным маршем на Париж, одновременно поручив кавалерийскому корпусу генерала Винцингероде численностью в 20 000 человек при 46 орудиях летучей артиллерии преследовать Наполеона на пути из Витри в Сен-Дизье, дабы заставить его поверить, что в этом направлении движется и главная армия.

Когда император Александр решился на такой план действий, ему уже было известно о капитуляции Лиона, продвижении наступавшего с юга Веллингтона и поспешности, с которой Бордо, один из крупнейших городов Франции, признал законного короля.

25 марта состоялось сражение при Фер-Шампенуазе, а 28 марта произошли кавалерийские бои при Кле и Вильпаризи. 29 марта главная квартира монархов и князя Шварценберга уже находилась в Клиши, а Блюхера – в Вилльпенте. Вечером в Париж через Нанжи вошли корпуса Мармона и Мортье и заняли высоты Монмартра и Бельвиля. В тот же день регентша со своим сыном покинула Париж и направилась по дороге, ведущей в Тур. 30 марта главная армия получила приказ атаковать высоты Бельвиля, а Силезская – укрепленные позиции Монмартра. Французы не ждали атаки. Бой был долгим и упорным. Занятые французскими войсками позиции позволяли им успешно отбиваться от превосходящих сил союзников. Французы сражались с мужеством и стойкостью, удивлявшей неприятеля. Они оказывали упорное сопротивление на всех атакованных позициях. Но в конце концов, маршал Мармон, понимая, что не сможет удержаться в Бельвиле, а вынужденное отступление через город будет иметь самые бедственные последствия для столицы, предложил перемирие, во время которого высоты Бельвиля и Монмартра были бы сданы. Было решено завершить боевые действия в три часа, но Силезская армия еще не получившая распоряжение на этот счет, продолжала выполнять задачу и штурмом овладела Монмартром. В шесть вечера граф Нессельроде, граф Орлов и граф Паар отправились в Париж, чтобы обсудить условия капитуляции.

31 марта 1814 года в два часа утра Париж капитулировал. В тот же день в 11 часов утра император Александр и король Пруссии во главе своих армий вступили в Париж, а в 3 часа император Александр от имени союзников опубликовал

следующую декларацию:

«Войска союзных держав заняли столицу Франции. Союзные державы, исполняя желание французской нации, объявляют:

Что мирные условия долженствовавшие заключать в себе самые прочные ручательства, пока шло дело об ограничении властолюбия Бонапарта, могут быть более умерены, когда Франция под мудрым правлением явит удостоверение общего спокойствия.

Вследствие чего союзные государи возвещают, что они не станут вести переговоров ни с Наполеоном Бонапартом, ни с кем-либо из членов его семьи;

Что признавая неприкосновенность Франции в тех пределах, какие она имела при законных государях, они готовы сделать еще более, руководствуясь принципом, что для счастья Европы Франция должна быть велика и могущественна;

Что они признают и утвердят своим ручательством конституцию, которую даст себе Франция, а посему приглашают сенат немедленно избрать временное правительство для заведования делами управления и для составления конституции, сообразной с желаниями французского народа.

Союзные державы изъявили согласие на все выраженные Мною намерения.

Париж, 31 марта 1814, три часа пополудни.

Подписано Александр.

От Его императорского величества, госсекретарь

Граф Нессельроде»

Между тем Наполеон с остатками армии отошел через Витри к местечку Сен-Дизье, где, закрывшись в своем кабинете, провел над картами ночь с 27 на 28 марта[164]. В надежде успеть защитить Париж, он 29 марта форсированным маршем вошел в Труа. Нисколько не сомневаясь, что дорога на Париж еще не занята врагом, он поутру 30 марта на почтовой карете мчится в столицу. Меняя лошадей на станциях, он узнает, что императрица с сыном покинула Париж, что враг уже у ворот столицы и там идут бои. Около десяти часов вечера он уже в пяти лье от Парижа, но во время замены лошадей в Фроманто узнает, что все же опоздал на несколько часов.

Узнав обо всех бедствиях, которые он до того считал возможным предотвратить, Наполеон посылает в Париж герцога Виченцского, чтобы выяснить возможность вмешаться в переговоры. Он предоставляет ему все полномочия, а сам проводит остаток ночи в ожидании новостей, расположившись с

двумя почтовыми каретами и несколькими слугами на близком расстоянии от неприятельских застав, от которых его отделяет лишь река. В четыре утра он узнает от верхового курьера, посланного герцогом Виченцским, что все уже свершилось, что ночью подписана капитуляция и утром союзники должны вступить в Париж. Не теряя времени, Наполеон направляется в Фонтенбло.

31 марта в шесть утра Наполеон прибывает в Фонтенбло. Численность собранных здесь различных частей французской армии составляет около 50 000 человек. В ночь со 2 на 3 апреля герцог Виченцский сообщает Наполеону, что ему удалось встретиться с союзными монархами и отстоять интересы наследника при регентстве матери. Но необходимо срочное решение Наполеона об отречении от престола. После долгих колебаний, сомнений и нерешительности Наполеон собственноручно составляет следующий акт:

«Так как союзные державы провозгласили, что император Наполеон есть единственное препятствие к восстановлению мира в Европе, то император Наполеон, верный своей присяге, объявляет, что он готов уйти с престола, покинув Францию и даже жизнь для блага отечества, блага, неразрывно связанного с правами его сына, правами регентства императрицы и законами империи.

Дворец Фонтенбло, 4 апреля 1814 года

Подписано Наполеон»

Поскольку этот акт, врученный союзникам тремя представителями Наполеона, прибывшими в Париж вечером 4 апреля, показался недостаточным, герцог Виченцский прибыл в Фонтенбло за новыми полномочиями. Наполеон составил второй вариант требуемого от него отречения:

«Так как союзные державы провозгласили, что император Наполеон есть единственное препятствие к восстановлению мира в Европе, то император Наполеон, верный своей присяге, объявляет, что он отказывается за себя и за своих наследников от трона Франции и от трона Италии, потому что нет той личной жертвы, даже жертвы жизнью, которую он не был бы готов принести в интересах Франции»[165].

10 апреля 1814 года Наполеон подписал отречение, после чего 11 апреля в Париже был заключен договор, который от имени Австрии, России и Пруссии подписали князь Меттерних,

граф Нессельроде и князь Гарденберг, а от имени Наполеона – маршалы Ней, Макдональд и герцог Виченцский. Вот основные статьи договора[166]:

«– Наполеон Бонапарт отказывается за себя и своих наследников и нисходящих потомков, равно как и за каждого из членов своей семьи, от всякого права на верховную власть и господство как над Французской империей и Итальянским королевством, так и над всякой другой страной. Ст. I.

– Их величества император Наполеон и императрица Мария-Луиза сохранят эти свои титулы и звания и будут ими пользоваться пожизненно. Члены его семьи, равным образом сохранят свои титулы. Ст. II[167].

– Он будет владеть в течение жизни на правах полной верховной собственности островом Эльба. Ему будет предоставлен, кроме того, в полную собственность ежегодный доход в два миллиона франков в виде ренты, записанной в государственную долговую книгу Франции, из которых один миллион перейдет к императрице. Ст. III.

– Герцогства Парма, Пьяченца и Гуасталла отдаются в полную собственность и верховное владение императрице Марии-Луизе и после нее – ее сыну и его в прямой линии потомству. Ст. V, и т. д., и т. д.»

Наполеон ратифицировал этот договор 12 апреля 1814 года, а 27 апреля к нему присоединилась Великобритания с оговорками по острову Эльба и герцогствам Парма, Пьяченца и Гуасталла[168].

В статье XIX, было предусмотрено, что польские войска всех родов оружия, состоящие на службе Франции, вольны будут возвратиться домой, сохранив оружие и обоз, в знак отличных заслуг. Офицеры, унтер-офицеры и солдаты сохранят пожалованные им ордена и причитающиеся им пенсионные права[169].

Я останавливаюсь на времени поражения Наполеона и его отъезда на остров Эльба, не затрагивая всех произошедших в Европе изменений, восстановления во Франции династии Бурбонов, возвращения в свои страны суверенных князей, объединения Германии и общей реформы политической системы Европы. Я не стану также говорить о заключенных в Париже и Лондоне договорах, где обсуждались важнейшие вопросы по обеспечению мира и спокойствия на континенте, поскольку во всех этих переговорах еще не шла речь о *Польше*.

Я позволил себе кратко остановиться на событиях, которые произошли после битвы под Лейпцигом до оккупации Парижа,

хотя они тоже не касались Польши. Но я не мог обойти молчанием то, что подготовило катастрофу Наполеона и развязку политической обстановки в Европе, одним из результатов который был вывод польских войск с французской территории и их возвращение на родину.

Императору Александру было суждено решить судьбу Польши. К сожалению, ее пределы он определял, когда уже не стоял во главе своей победоносной армии… Александр мог бы установить их по своему усмотрению, когда он был, так сказать, хозяином судеб Европы и его воля не встречала препятствий. Отвращение к продолжению войны, любой идее вторжения, его естественная сдержанность, бескорыстие и деликатность заставили его открыть переговоры на Венском конгрессе, где, встретив сопротивление своим проектам, касающимся Польши, он вынужден был уступить значительную часть этой страны, чтобы удовлетворить все договаривающиеся стороны и не затягивать восстановление всеобщего мира.

Так поляки, которые начали гордиться тем, что имеют такого сильного покровителя в лице императора Александра, и считавшие, что они почти уже достигли цели своих желаний, вынуждены были отказаться от надежды объединиться под его скипетром, ибо лишь он один мог смягчить их участь и принести утешение от потери независимого существования, вернуть которое было не в их власти.

книга двенадцатая

Глава I

Когда в первые месяцы 1813 года театр военных действий, все больше и больше удаляясь от границ России, переместился в Германию и частые новости свидетельствовали об успехах и предвещали преследование армий Наполеона в самой Франции, поляки, проживавшие в герцогстве Варшавском, и те, кто вновь вернулся под господство России, поливали свою несчастную землю горькими слезами… Все здесь говорило о нищете, горе и страданиях людей.

Вот картина положения герцогства Варшавского в том виде, как ее представил г-н Прадт в свою бытность послом в Варшаве.

«Формирование и содержание такой большой армии[170] истощили герцогство. Его доходы составляли сорок миллионов франков, а расходы превышали сто миллионов. Дефицит 1811 года и первых месяцев 1812 года составил двадцать один миллион.

Излишки урожая на протяжении 5–6 лет сменились страшным неурожаем и голодом. В этом году от этого пострадала вся Европа. Все доходы Польша имеет от продажи зерна. На севере его сбыт осуществляется через Данциг и балтийские порты, на юге – через Одессу. Континентальная блокада закрыла первый рынок, война с Турцией – второй.

Финансы герцогства лишь частично покрывали военные расходы. Денежное содержание перестало поступать с 1 июля 1812 года и более не возобновлялось. Жалование за июнь было выплачено благодаря авансу, предоставленному Наполеоном по просьбе министров, приехавших к нему в Познань. За несколько лет до этого в Париже был сделан заем от имени короля Саксонии как великого князя Варшавского, и в качестве залога по займу были использованы соляные копи Величка. Франция предоставила гарантии… Расчеты по установленным военным поставкам между Францией и герцогством приносили последнему семь миллионов франков. И здесь постоянно возникали ссоры из-за задержки или уклонения от платежа.

В депеше моего предшественника от 4 октября 1811 года говорится о необходимости сокращения армии наполовину, а от 7 ноября 1811 года о том, что большой парад, намеченный на 1 ноября, не состоялся из-за того, что у солдат не было обуви[171].

Не получали зарплату ни гражданские, ни церковные служащие… Исчезли поставщики, и службы снабжались из рук вон плохо… Города и деревни каждый день требовали новых поставок. В два раза повысили цены, но ничто не помогало:

напрасно было ждать что-либо еще от изнуренной тяжелыми поборами страны. Войска пересекали герцогство во всех направлениях, требуя еду, разоряя, уводя крестьян, лошадей. Налоги не собирались. На восточных границах исчезли таможни, иссякли поступления в казну, в то же время потребности росли с каждым днем. Личную бедность можно было сравнить с государственной: одна вытекала из другой».

В другом месте той же книги (с. 183), г-н Прадт добавляет: «Шесть недель дождя поставили под угрозу урожай, переполнили реки и вызвали губительные разрушения. Несколько принадлежащих герцогству и полезных для армии мануфактур пришли в негодность. Налоги иссякли, а потребности возрастали. Чем больше проходило войск, тем губительнее были последствия. Армия требовала содержания и лечения, снаряжения, полного обеспечения. Варшава представляла собой провиантский магазин и огромный госпиталь, настоящий польский плацдарм…. Когда дивизия генерала Дюрутта вошла в Варшаву, ежедневные распределения возросли с 25 000 до 46 000 рационов. Здесь никогда не распределялось менее пяти тысяч рационов кормов, хотя в самом городе насчитывалось не более ста лошадей, настолько велико и трудно управляемо было расточительство в рядах войск десяти различных народов, которые просили, требовали, отбирали!

Продолжалось опустошение, чиненное военными. Мы были на краю терпения и ресурсов; исчезли деньги. Как всегда бывает в таких случаях, из-за нищеты налогоплательщики перестали платить налоги. Мы рассчитывали собрать налогов в виде продуктов на двадцать один миллион по задолженности за 1810 и 1811 годы и т. д., и т. д.»

Несмотря на то, что до самого начала 1812 года присоединенные к России польские провинции не находились в столь бедственном состоянии и пострадали гораздо меньше по сравнению с герцогством, им тем не менее тоже хватало причин для жалоб.

Постоянные прошения, которые доходили до меня в Петербург от жителей Виленской, Минской, Витебской и Могилевской губерний, помещики которых наиболее пострадали от прохождения войск, а многие из них были полностью разорены, вынудили меня поначалу сделать представления по этому вопросу в различные министерства, главным образом в министерство финансов. Поскольку до возвращения императора там не могли предпринять что-либо самостоятельно, на все я получал один ответ, что никто не может быть свободен от неизбежных последствий войны, что жители Смоленской и

Московской губерний пострадали гораздо больше по сравнению с губерниями, жалобы которых я предъявлял, что мы все должны быть бесконечно рады спасению России и победам русской армии, что всей императорской казны никак не хватит на то, чтобы возместить потери и ущерб, понесенные поданными, и т. д., и т. д.

Все эти аргументы не могли высушить слез бедных собственников, которых без конца грабили с самого начала войны, которым сожгли дома, амбары, конюшни и целые деревни; уничтожили посевы, и, наконец, отняли лошадей, крупный рогатый скот и все, что можно было увезти… В конце концов, я был вынужден написать самому императору.

Вот письмо, написанное ему 10 августа 1813 года и врученное мною военному генерал-губернатору Петербурга Вязмитинову, который дважды в неделю отправлял свою почту с докладами в штаб-квартиру Его Величества.

«Всемилостивейший Государь, когда Провидение защищает и благословляет намерения Вашего императорского величества, когда его победоносные войска продвигаются вперед, дабы решить судьбы многих народов и исполнить грандиозные планы, направленные на Общее Благо, Ваше всегда доброе и чувствительное сердце, уверен, не забывает о настоятельной необходимости врачевания глубоких ран, нанесенных нашей стране войной, оказания помощи землевладельцам, ставшим ее жертвой.

Никто не знает, сколько раз глаза Вашего императорского величества, мокрые от слез при виде этих разрушенных огнем и мечом провинций, выражали глубокую боль, сколько раз, Государь, Вы искренне печалились при виде своих несчастных подданных! Никто не сомневается в живой заинтересованности Вашего императорского величества в участи этих страдальцев, в пожертвованиях, которые вы готовы сделать, дабы облегчить их муки; но, Государь, Ваше отсутствие, столь необходимое для восстановления мира в Европе, сдерживает выражение Вашей справедливой воли и милости к подданным провинций империи, которые были театром военных действий.

Я могу и должен говорить здесь лишь от имени тех провинций, где проживают мои соотечественники, и откуда, помимо ужасающей картины перенесенных бедствий, я получаю жалобы, кои приношу к подножию трона Вашего Величества и покорнейше прошу поддержки и помощи.

Во время войны Виленская, Минская, Витебская и Могилевская губернии вообще сильно пострадали, но те из помещиков, чьи хозяйства находились поблизости от дорог, по

которым двигались войска, были полностью разорены. Если правительство не окажет им срочную помощь, то они уже никогда не смогут самостоятельно восстановиться.

Речь идет не просто об акте милосердия по отношению к ним, но об отнесении поддержки этим людям к числу наиболее актуальных государственных задач, потому как, если помещик не имеет возможности прокормить своих крестьян, то неизбежным последствием этого станут болезни и смертность в среде сельскохозяйственного сословия, и население, уже значительно сократившееся из-за бедствий войны, будет и впредь уменьшаться с каждым днем. Добавлю также, что если помещик не может найти лошадей и скота для себя и крестьян, он не сможет обработать свои земли и воспользоваться ими и, следовательно, не будет в состоянии заплатить налоги и поставить государству то, что правительство будет требовать от него.

Если взглянуть на огромные потери, понесенные государством в связи с уменьшением населения, и представляемые землевладельцами ресурсы, чье богатство у нас основано исключительно на обильных урожаях в провинциях, можно заметить, что ресурсы сии могут превысить в сто раз сумму авансов, с помощью коих можно было бы преодолеть трудности и предотвратить вытекающие из них бедствия. Сии потери, распределенные в настоящее время между отдельными землевладельцами, сильнее проявятся в будущем и будут ощущаться со всей силой правительством, в то время как своевременная помощь станет всего лишь авансом, который будет возмещен с лихвой и предотвратит нанесение ущерба земельной ренте и фондам и даже банкротства менее богатых землевладельцев.

Полагаю, Ваше Величество, было бы справедливо принять общие меры, дабы пойти навстречу просьбам наиболее пострадавших ваших подданных или, по меньшей мере, предоставить им отсрочку или мораторий в оплате долгов, кои защитят помещиков от преследования владельцев капитала – единственного сословия, избежавшего пагубных последствий войны и которое в довершение ко всему отбирает последние ресурсы у землевладельцев. Но, поскольку дела исключительной важности удерживают Ваше императорское величество вдали от столицы, то я не смею вести здесь речь о проектах по этому вопросу, теряя надежду, что о них заговорят в ближайшее время. Такова причина, которая подвигла меня написать сие письмо.

Вашего Величества всепреданнейший и проч.»

Через четыре недели я получил из Теплица ответ Его

Величества, датированный 8 сентября 1815 года, в котором он приказывал мне при участии кого-либо из моих соотечественников подготовить и представить ему проект, предполагающий быстрые и действенные меры помощи тем, кто наиболее пострадал от войны. Император велел прислать проект ему лично, а копию за моей подписью направить министру финансов. Все это было проделано очень быстро, но с того времени сей вопрос в Петербурге больше не подымался.

Нет сомнений в том, что Смоленская и Московская губернии сильно пострадали во время нашествия, что пожар Москвы нанес неисчислимый ущерб богатым собственникам этого города, что предание огню Смоленска, а также других менее значительных городов и целых деревень принесло разорение многим семьям, и огромные жертвы, понесенные жителями всех сословий этих двух губерний, заставили их почувствовать всю тяжесть войны. Но если учесть, что на протяжении двух столетий старые границы Российской империи оставались нерушимы, а Литва, равно как и Польша, на протяжении многих десятилетий, в основном с начала восемнадцатого века, постоянно подвергались всем видам зла и бедствий, если также учесть, что государи России с отеческой заботой постоянно стремились обеспечить благосостояние своих подданных и процветание своей империи, а российские чиновники в завоеванных провинциях, находясь вдалеке от столицы, прославились в своем большинстве лишь злоупотреблением полномочиями, а не планами по улучшению управления этими провинциями и облегчению участи населения, то мы легко убедимся, что Белая Русь и Литва пострадали относительно больше, чем Смоленская и Московская губернии[172].

Многим знатным семьям пришлось отказаться от своих сожженных усадеб и от возделывания из-за нехватки рук превратившихся в настоящую пустыню полей. Они были вынуждены искать прибежища у своих друзей. Многие из них были разорены до такой степени, что так и не смогли выйти из состояния бедности, а богатые помещики потеряли более половины своего состояния.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как император покинул Петербург, оставив литвинов в состоянии озабоченности своим будущим. Одна лишь надежда на изменение положения вносила облегчение в их страдания. Во время своего пребывания в Вильне император вспоминал обо мне по разным поводам. Он утверждал, что вызовет меня к себе, как только французские войска отойдут за Вислу. Поэтому мы не сомневались, что скоро увидим последствия этих заявлений, а я не сегодня-завтра отправлюсь из

Петербурга в его штаб-квартиру.

Однако, по мере того как российские войска одерживали победы и двигались вперед, положение поляков – российских подданных, день ото дня становилось все критичней. Разоренные всеми невзгодами войны, они ждали утешения и помощи лишь от императора, но, к сожалению, возможность обратиться к нему с просьбами становилась маловероятной по мере его удаления от границ и нереальности предвидеть конец войне и время его возвращения в столицу. То была главная причина желания отправить в штаб-квартиру депутацию. Мне предложили возглавить ее, либо, если я того пожелаю, справиться с этим в одиночку.

Эта депутация была необходима и по некоторым другим соображениям. Мы продолжали надеяться, что император восстановит Польшу, поскольку он всегда открыто проявлял к этому готовность. Мы тешили себя надеждой, что он согласится на присоединение к герцогству Варшавскому бывших польские провинций, вошедших в состав России, чтобы создать королевство Польши со своим королем и конституцией. Все знали, что на протяжении 1811 года и частично в 1812 году я отстаивал права своих соотечественников, что мне часто приходилось вести разговоры с императором о восстановлении Польши, что он поручал мне подготовку проекта конституции для восьми губерний империи, населенных поляками, с целью образования Литовского княжества или королевства. Эту работу намечалось завершить до начала кампании 1812 года. Было также известно, что этот проект рассматривался как предварительный для будущей организации, когда то позволят обстоятельства, королевства Польши. Все надеялись, что если император согласится принять депутацию и позволит мне представлять ее в штаб-квартире, то мне будет легко поддержать добрые намерения Его Величества по отношению к моим соотечественникам и напомнить ему про обещания, коим мы придавали столь важное значение.

Помимо этих причин, было еще много других, и мои соотечественники хотели иметь при императоре своего представителя, который имел бы возможность говорить с ним в их защиту. Несмотря на акт об амнистии, который был опубликован примерно за год до того, как я пишу эти заметки, по-прежнему продолжались преследования людей в российских провинциях бывшей Польши, и особенно в тех, которые стали театром военных действий. Акт об амнистии получил ложное трактование. Некоторые чиновники рассматривали этот благотворительный акт императора как выгодную для себя

свободу действий. Под арестом оставалось много людей. Не был снят секвестр с имущества ряда помещиков, причастных к последним событиям. Новые власти косо смотрели на тех, кто не выехал из имений при подходе армий Наполеона. Говорить о восстановлении Польши и конституции считалось преступлением.

6(18) декабря 1813 года я получил письмо от предводителя дворянства Виленской губернии князя Гедройца, который не только описал мне самую плачевную картину страданий и опустошения литовской провинции, но и прислал просьбу, подписанную всеми уездными маршалками, отправиться в качестве их депутата в штаб-квартиру императора, чтобы изложить перед ним плачевное состояние Литвы и просьбы ее жителей.

Я был заметно тронут не только горестным положением моих соотечественников, но и доверием, с которым они обратились ко мне, используя обороты речи, дабы я не отказался от испрашиваемой от меня услуги. Однако в своем ответе я вынужден был отметить, что ни одна депутация не может быть отправлена к императору без его одобрения, когда он во главе армии находится за пределами империи. Я также дал им понять, что разрешение для отправки депутатов можно получить через генерал-губернатора Вильны и что я не могу быть членом депутации без назначения самим императором, поскольку как сенатор я не имею права покидать столицу без разрешения Его Величества.

Тем не менее я решил сам написать императору и 12(24) декабря 1813 года отправил ему перевод только что полученного послания. Ответ обер-гофмаршала графа Толстого от имени императора гласил: «Его Величество с удовольствием выслушал бы выражение настроений жителей Литвы, но он сможет принять предполагаемую депутацию лишь после своего возвращения в Санкт-Петербург как по причине почти постоянных переходов, так и в связи с занятостью военными операциями и политическими делами Европы, что не оставляет ему свободного времени, необходимого для решения вопросов внутренней администрации».

Это письмо, датированное 10(22) февраля 1814 года, было отправлено из императорской штаб-квартиры без указания места ее дислокации и получено мной в Петербурге лишь в середине марта.

Глава II

После того как в Петербург дошли вести, что войска союзников заняли Париж, людей охватила крайняя радость, которая к тому же подпитывалась надеждой скорого возвращения в столицу императора. Стало известно, что покинув Париж, Александр 4 июня прибыл в Булонь, где к нему присоединился прусский король. Отсюда 6 июня оба монарха отплыли в Кале, куда прибыли на следующий день, и уже на королевских яхтах Его британского Величества направились в Дувр. Высадившись здесь 7 июня, они вечером инкогнито выехали в Лондон. После нескончаемых великолепных приемов и блестящих празднеств оба монарха в сопровождении сестры императора Александра герцогини Ольденбургской и двух сыновей короля Пруссии взошли 27 июня на борт корабля в Дувре. Высадившись в Роттердаме, Александр проехал с небольшой остановкой через Голландию и оттуда направился в Карлсруэ, где в окружении своей семьи его ждала императрица Елизавета. Словом, возвращение императора в Петербург ожидалось не только с видимым удовольствием, но и с беспокойством и нетерпением.

Однако, если почти все жители столицы и предавались радости из-за окончания войны, скорого возвращения на родину победоносной армии, возможности оказать своему августейшему монарху достойные почести с выражением восхищения и признательности, то на фоне общего воодушевления раздавались и жалобы на длительное отсутствие императора, медленное производство дел, недостаточную расторопность чиновников и их беспечность в отношении управления департаментами, не связанными с военным ведомством. Прибытие Александра должно было развеять эти недовольства.

Сенат Санкт-Петербурга принял решение преподнести Александру титул *Благословенный*. В середине мая три сенатора в качестве депутатов отправились с этой вестью к императору в Веймар. Однако Александр решительно отказался от титула, заявив депутатам: «Я всегда старался показывать народу пример простоты и скромности, поэтому не смогу принять предложенный мне титул, не попирая своих принципов, и т. д.»

Руководствуясь теми же чувствами, он направил губернатору Петербурга следующий рескрипт:

«Дошло до моего сведения, что делаются разные приготовления к моей встрече. Ненавидя оные всегда, почитаю их еще менее приличными ныне. Един Всевышний причиной знаменитых происшествий, довершивших кровопролитную брань

в Европе. Перед Ним все должны мы смиряться. Объявите повсюду мою непременную волю, дабы никаких встреч и приемов для меня не делать».

Возвратившись в столицу, Александр к этим замечательным доказательствам скромности добавил признаки искренней набожности. Первым делом он отправился в Казанский собор, где был отслужен благодарственный молебен. Только после этого он направился в свою летнюю резиденцию на Каменном острове. На всем пути следования народ встречал его возгласами радости и ликования.

По возвращении императора в Петербург произошли некоторые изменения в правительстве. В министерстве иностранных дел граф Нессельроде сменил имперского канцлера графа Романцова, отставка которого была принята. Некоторое время спустя император направил синоду, государственному совету и правительствующему сенату следующий указ.

«Направленное мне святым синодом, государственным советом и правительствующим сенатом прошение относительно воздвижения памятника моей персоне в столице и принятия титула *Благословенный*, доставило мне много удовольствия, поскольку я вижу в оном благословение заботящегося о нас Господа, также как выражение искренних чувств представителей государственной власти. Все мои усилия и горячие молитвы направлены на то, дабы продлилась милость Божья как ко мне, так и к моему верному народу, преданным и любимым подданным и всему роду человеческому. Таково мое самое страстное желание и великое счастье. Но, несмотря на все мои труды на сем пути, я как человек не могу быть столь самонадеянным, дабы принять сей титул, полагая, что я его действительно заслуживаю. Сие, ко всему, несовместимо с моими принципами, следуя коим я во все времена и во всех обстоятельствах призывал своих верных подданных к скромности и смирению. Я не могу показать пример, который противоречит моим истинным чувствам. Таким родом, выражая настоящим свою полную благодарность, я прошу органы верховной власти империи отказаться от сих проектов.

Да соорудится мне памятник в чувствах ваших, как оный сооружен в чувствах моих к вам! Да благословляет меня в сердцах своих народ мой, как я в сердце моем благословляю оный! Да благоденствует Россия, и да будет надо мной и над ней благословение Божие!».

Через какое-то время после возвращения императора было объявлено, что он примет депутатов Киевской, Подольской, Волынской, Могилевской, Витебской, Минской, Виленской,

Гродненской губерний, а также Белостокского округа. Различные депутации прибыли в Петербург не только с разрешения правительства, но и согласно специальному распоряжению Его Величества. Своих депутатов прислала и Курляндия. Весь город пытался угадать причины такого созыва и предавался самым разным предположениям по этому поводу. Польские депутаты названных мною губерний не скрывали своих надежд. Все с удивлением смотрели на депутатов от Курляндии, ранее входившей в состав Польши на правах вассала. Мы были рады видеть представителей Киевской, Могилевской и Витебской губерний, которые раньше других были отделены от Польши и присоединены к России. Наконец, все догадки исчезли в день, назначенный императором для приема депутатов, в числе которых находился и я как представитель от Виленской губернии.

Торжественности и блеска этой аудиенции было придано больше чем обычно. Обер-камергер провел нас в зал приемов, и почти тотчас же в нем появился император с таким суровым выражением лица, какого я у него никогда не видывал. Мои коллеги испытали удивление, смущение и робость. Что касается меня, достаточно хорошо знавшего Александра, то я нисколько не сомневался, что под этим величественным внешним видом по-прежнему скрываются все те же чувства, проявляемые по разным поводам. После общего приветствия, Александр произнес звучным и суровым голосом: «Господа! С удовольствием приветствую собравшихся вокруг меня депутатов губерний, которые кампания 1812 года отдалила от меня на некоторое время. Я доволен большей частью ваших соотечественников, сохранивших мне верность и преданность, хотя знаю, что некоторые, к сожалению, увлеклись иноземными обольщеньями и ложными надеждами. Но я отомстил им лишь актом об амнистии, по которому они могут судить о моем образе мыслей. Скажите вашим доверителям, что все забыто и прощено и чтобы они не сомневались ни в моем искреннем участии в их судьбе, ни в моем желании видеть их счастливыми и довольными».

Тем не менее это произнесенное подчеркнуто строгим тоном короткое обращение успокоило присутствующих и задело их. Поскольку все выстроились согласно времени присоединения провинции к империи, Александр подошел вначале к депутатам от Могилева, Витебска и Киева и обменялся с ними незначительными фразами. Приблизившись ко мне, император остановился на какое-то время в некотором замешательстве, о причинах которого я скажу ниже. Затем с доброжелательным тоном, который он всегда проявлял в обращении со мной, сказал: «Весьма рад снова видеть вас представителем от ваших литовских

земляков. Искренно сожалею, что не смог на сей раз заехать в Вильну. Этот город оставил во мне много хороших воспоминаний. Передайте жителям Вильны, что я никогда не забуду их усердия и преданности, выказанных мне во время моего пребывания в их городе перед началом кампании 1812 года, и что я всегда охотно буду принимать участие в их судьбе».

Я ответил, что жители Виленской губернии не смогут забыть пребывания императора в их столице, что они преисполнены благодарности к нему за все, что он сделал для них, и в особенности в 1810 и 1811 годах и что они всегда будут стараться заслужить его расположение и покровительство. Увидев, что императора задели мои чистосердечные слова, я добавил, что уверен в том, что ни в одной губернии, чьих депутатов он видит перед собой и чьи жители ему искренне преданы, его так не любят и не доверяют как в Виленской губернии. Императора явно тронули мои слова и, обойдя поочередно депутатов от Гродненской, Минской, Волынской, Подольской губерний, Белостока и Курляндии, он еще раз подошел ко мне и, чуть помолчав, сказал с важным видом: «*Господа, еще немного терпения и вы будете довольны мной*». После этих слов император тотчас же расстался с нами.

Поскольку последние его слова услышали лишь стоявшие рядом со мной, а до остальных – их было более двадцати человек – они не дошли, то на выходе из зала меня со всех сторон обступили те, кто присутствовал на приеме, с просьбой повторить слово в слово то, что сказал император. Можно представить себе, как только потом не толковались эти слова Его Величества!.. Что до меня, не раз слышавшего от него и более утешительные слова, никогда не сомневавшегося в добрых намерениях Александра, но ставшего сомневаться в возможности реализации его обещаний, то я принял все как есть, понимая, что император желает добра и улучшения участи своих польских подданных, но при этом он, несмотря на успехи, еще слишком зависим от политических обстоятельств и недостаточно тверд в принятии решений, чтобы высказаться о том, что он намерен сделать.

Внешний вид императора, когда он вошел в зал аудиенций, не должен никого удивлять, так как, несмотря на свою чрезвычайную доброту, он позволил другим настроить себя против многих людей, принимавших участие в кампании 1812 года. И все, кто не любил поляков, старались представить их императору в самом неблагоприятном свете. К тому же всем было известно, что после возвращения из заграничного похода у Александра сильно изменились привычки и манеры, однако было напрасно полагать, что это могло сколь-нибудь значимо изменить

его сердце, по-прежнему доброе и чувствительное.

Лишь те, кто близко не знал императора, могли предположить, что он мог возгордиться от своих успехов, и этим объясняли его строгое и величественное поведение на публике, принимая во внимание, что до кампании 1812 года ничего подобного за ним не наблюдалось. Увы, победы своей армии и все события, сделавшие его правление столь славным в описываемую мной эпоху, Александр всегда приписывал не себе, а Провидению.

Он был слишком набожным и скромным, чтобы присвоить себе одному славу, которую ему преподнесло стечение весьма необычных обстоятельств. Накопленный за три последних года опыт, глубокое знание людей, приобретенное за время нахождения во главе почти всей вовлеченной в войну против Наполеона Европы, когда, можно сказать, он в одиночку удерживал в своих руках среди самых затруднительных обстоятельств казавшееся весьма проблематичным политическое равновесие, его анализ обстановки, как во время военных действий, так и во время задуманных им и осуществленных дипломатических переговоров, и, наконец, полученные им в результате настойчивых усилий и работы положительные результаты – все это способствовало развитию и проявлению его лучших качеств, которыми Александр был наделен природой и которые получили развитие благодаря тщательному воспитанию с раннего детства. Он стал больше верить в себя, почувствовал свою силу и мощь, к которой прибегал лишь для обеспечения мира и спокойствия в Европе, защиты благополучия своих подданных.

Именно с такими чувствами император вернулся в столицу. Все взгляды были устремлены к нему, когда окруженный многолюдной толпой на площади, предназначенной для строевых занятий, он самолично командовал войсками, выстраивая их вокруг возведенного в центре алтаря, у подножия которого духовенство со всей своей пышностью и блеском совершало торжественное богослужение по случаю победы, избавившей Россию от врага, и воинских успехов, покрывших славой армию и ее августейшего предводителя. Верхом на великолепном коне и со шпагой в руке император олицетворял собой воина-победителя. Это был уже не тот доброжелательный, мягкосердечный и миролюбивый Александр, которого за несколько лет до этого видели на Дворцовой площади, принимающего парад своих войск. На его лице лежала печать правителя, который определил судьбу всей Европы. Однако не требовалось много времени, чтобы признать в нем все того же Александра, набожного во время молитвы, уважительного и

послушного в присутствии своей августейшей матери. Его видели стоящим с непокрытой головой во время богослужения и затем у кареты вдовствующей императрицы, когда, отдавая воинские почести августейшей государыне, мимо церемониальным маршем проходили руководимые им полки.

На всех общественных праздниках и в придворных кругах император оставался замкнутым и сохранял величественный вид. Он мало с кем разговаривал, отдавая предпочтение военным. Однако, несмотря на замеченные в его настроении и поведении перемены, никто не мог пожаловаться на то, что он пренебрегал делами, требовавшими от него доброжелательного покровительства. Оставаясь, как и прежде, добрым и милосердным, он утирал слезы несчастных и заставлял проливать слезы благодарных.

Я уже писал, что во время аудиенции с депутатами император, подойдя ко мне, проявил в какой-то миг замешательство. Вот что, на мой взгляд, могло стать тому причиной. Все, кто знает о его необычайной доброте и деликатности, могут оценить это. Когда в начале декабря 1812 года император уезжал из Петербурга, его последними сказанными мне словами, как я это писал в конце десятой книги, были: «Я уезжаю из Петербурга, но мы скоро увидимся… Бог благословил наше оружие… Я еду к армии. Вы можете представить себе, что сейчас я не могу думать ни о чем другом, кроме того, как правильно воспользоваться нашими успехами. Как только наши войска займут герцогство Варшавское и мы не будем опасаться возвращения Наполеона, я сдержу свое обещание и буду думать о том, как восстановить Польшу. Вам известны мои намерения по этому вопросу… В ближайшее время я намерен призвать вас к себе … А пока прошу довериться мне и потерпеть».

Однако прошел весь 1813 и часть 1814 года, а император так и не вызвал меня… До нас доходили вести об успехах русской армии, но при этом не поступило ни одной утешительный новости о намерениях императора по отношению к его польским подданным. Их надеждам не суждено было исполниться, и они снова оказались в плачевном состоянии, поскольку пострадали не только от вторжения армий Наполеона, но и от прохождения преследовавших неприятеля русских войск.

Знавший все это император, который, быть может, несмотря на свои лучшие намерения, не имел возможности исправить беду и заниматься нами до своего возвращения, не мог не испытывать некоторое стеснение, впервые увидев меня после своего отъезда из Петербурга в конце 1812 года. Присущая ему крайняя порядочность ставила его в положение, еще больше огорчавшее

его по причине того, что он еще не готов был сказать что-то утешительное относительно нашей предстоящей участи.

На протяжении нескольких дней у меня не было возможности встретиться с ним, пока, наконец, на праздничном балу, данном в Павловске императрицей-матерью по случаю возвращения сына и победоносной русской армии, император не подошел ко мне и не сказал с любезным видом несколько фраз, что тотчас же было отмечено присутствующими, поскольку мало кто из гражданских чиновников удостаивался в те дни столь высокой чести. Однако фразы эти были малозначащие по существу, и, желая как-то утешить меня, он во время танца с моей женой сказал ей: *как только закончится война и исчезнут препятствия для исполнения его проектов, он займется Польшей и что он навсегда сохранит доброжелательное отношение к полякам*. Он несколько раз повторил то, что обычно часто говорил нам: *терпение и доверие*.

Меня не удивило, что император использовал подобный прием, чтобы оживить мои слабеющие с каждым днем надежды, поскольку похожие заявления он делал и г-же Пшездецкой, когда та явилась в главную квартиру с просьбой о помиловании раненого мужа, взятого в плен под Лейпцигом, и моей племяннице г-же Огинской в Париже, когда та ходатайствовала за мужа, на земли которого был наложен временный секвестр, и г-же Софье Тизенгауз (позднее графиня де Шуазель), и многим другим дамам в Варшаве и Вильне. Было похоже, что император не хотел бросать тень на свое имя прямыми заверениями о своих намерениях, дабы не вдаваться в подробности и объяснения. И в то же время он хотел, чтобы о них знали, ибо не требовал от этих дам хранить в тайне услышанное от него.

Впрочем, со времени его возвращения в Париж, когда он принял окончательное решение о восстановлении Польши и провозглашении себя ее королем, не определив при этом границы будущего королевства, император стал более открытым в разговорах о своих польских планах, и многие из поляков, которых он удостаивал своим доверием, слышали от него самого о принятом им решении относительно их родины.

Я часто виделся с императором на званых обедах, балах, в придворных кругах, и во время этих собраний он всегда общался со мной. Но прошло уже несколько недель, и мне так и не представилась возможность встретиться с ним наедине. Наконец, накануне своего отъезда из Петербурга он пригласил меня в кабинет и без всяких предисловий сказал, что уезжает в Варшаву, что он меня вызовет и будет рад видеть там, что он отдал распоряжения, чтобы были решены претензии жителей, особо пострадавших от присутствия русских воинских частей во время

кампании 1812 года. «Я слишком занят государственными делами, – *сказал он*, накопившимися за время моего долгого отсутствия, и у меня сейчас нет свободного времени… Я буду работать для Польши… Прошу от вас только терпения и доверия».

После этого у меня больше не было личных аудиенций с императором, кроме той, что состоялась в Варшаве в ноябре 1815 года, о которой я расскажу в конце этой книги.

Глава III

После прискорбной потери князя Юзефа Понятовского во время переправы через реку Эльстер я больше не вспоминал об остатках польской армии, сопровождавшей Наполеона во Францию, поскольку не располагал данными об их участии в военных сражениях, ставшими лишним свидетельством их мужества и смелости. До меня дошла только сводка о боевых действиях, текст которой я привожу ниже.

«Со времени начала военных действий в августе 1813 года вплоть до переправы через Рейн в ноябре того же года в ходе военных операций, осуществленных седьмой польской дивизией легкой кавалерии в составе четвертого резервного кавалерийского корпуса под командованием дивизионного генерала Сокольницкого, особо отличились следующие офицеры:

Командир эскадрона Старженский, командир эскадрона егерей Мадалинский, командир уланского эскадрона Барский, лейтенант улан Обревский, командир эскадрона, адъютант дивизионного генерала Рожинский, гусарский полковник Сокольницкий, командир эскадрона Корн, командир эскадрона Ягмин, капитан егерей Езерский, полковник Оборский, капитан Щумлянский, майор вольтижеров Яблковский, капитан Левинский, полковники Суходревский и Потоцкий, майор гренадеров Коссецкий, бригадный генерал Серавский, майор Болеста, капитан Довятт.»

10 октября граф Вальми, будучи не в состоянии выполнять свои обязанности по причине тяжелой болезни, передал командование четвертым кавалерийским корпусом дивизионному генералу Сокольницкому. В сводке также упоминается, что полковник Курнатовский и генералы Толинский и Круковецкий отличились в боях не менее, чем многие из их соратников.

26 октября 1813 года, за четыре дня до начала сражения при Ханау, окруженный польскими офицерами на пригорке в стороне от дороги, Наполеон обратился к ним с речью, из которой запомнились следующие отрывки:

«Мне доложили о ваших намерениях. Как император и генерал я могу только похвалить ваши действия. Мне не в чем упрекнуть вас. По отношению ко мне вы повели себя честно и не пожелали оставить меня, не предупредив об этом. Вы даже пообещали сопровождать меня до Рейна… Сегодня я хочу дать вам добрый совет. Скажите мне, куда вы собираетесь возвращаться? К вашему королю, который сам, возможно, лишен

убежища?.. Вы вольны вернуться к себе, если того желаете. Больше или меньше на две или три тысячи человек, даже таких храбрых как вы, ничего не изменит в моих делах. Однако бойтесь, чтобы ваши братья и будущее поколение не упрекнули вас в том, что Польша больше не существует… Если вы оставите меня, у меня не будет права говорить от вашего имени. Полагаю, что, невзирая на все неудачи, я по-прежнему остаюсь самым сильным монархом Европы. Все еще может перемениться… К тому же, ваше политическое существование не прекращается, так как вы существуете согласно договорам до тех пор, пока не будет подписан новый договор. Даже если мне придется пожертвовать вами, про вас не забудут в будущем мирном договоре. Словом, вы можете спокойно возвращаться домой».

Убежденные, что честь и долг не позволяют им оставить Наполеона, поляки без колебания пошли за ним во Францию. В книге судеб было сказано, что их судьба изменится и определится стечением обстоятельств, которые позволили императору Александру осуществить свои благодетельные намерения по отношению к польской нации.

После взятия Парижа Костюшко еще до того, как предстать перед пожелавшим встретиться с ним Александром, принявшим его с большой любезностью и почестями, написал из Бервиля императору следующее письмо, датированное 9 апреля 1814 года.

«Государь! Я осмеливаюсь обратиться из моего скромного убежища с просьбою к великому монарху, великому полководцу и в особенности к защитнику всего человечества, качество, единственное в своем роде, ибо мне известно все величие его души. Да, Государь, мне хорошо знакома ваша доброта, ваша щедрость и великодушие. Я прошу у вас трех милостей, первую: даровать полякам всеобщую амнистию, безо всяких ограничений, так чтобы крестьяне, рассеянные за границей, считались свободными, если они возвратятся к своим очагам. Вторую: чтобы Ваше Величество провозгласили себя королем польским со свободной конституцией, близкой к английской; учредили бы в Польше народную школу для крестьян, где воспитанники содержались бы на счет правительства, и уничтожили бы по прошествии десяти лет крепостное право, с наделом крестьян землею. Если мои просьбы будут уважены, то, не смотря на свою болезнь, я отправлюсь лично с тем, чтобы повергнуться к стопам Вашего Величества, поблагодарить Вас и чтобы первому воздать Вам должный почет, как моему монарху. Если бы мои ничтожные способности могли еще принести малейшую пользу, то я не медля

отправился бы отсюда с тем, чтобы присоединиться к моим соотечественникам и с честью и преданностью служить моей родине и моему монарху.

Третья просьба моя, Государь, хотя имеет вполне частный характер, но тем не менее весьма живо интересует меня. Вот уже 14 лет, как я живу в почтенном доме г-на Зельтнера, швейцарца по происхождению, бывшего некогда швейцарским послом во Франции. Я многим обязан ему, но мы оба бедны, а он обременен многочисленной семьей. Поэтому я убедительно прошу дать ему приличное место при новом французском правительстве или в Польше. Он человек образованный, и я ручаюсь за его неподкупную честность.

С глубочайшим уважением имею честь быть и т. д.

Подписано Костюшко».

Ответ Его Величества императора Всероссийского Александра

Париж, 3 мая 1814 года.

«С особым удовольствием, генерал, отвечаю на ваше письмо. Самые дорогие желания ваши исполнятся. С помощью Всевышнего я надеюсь осуществить возрождение храброй и почтенной нации, к которой вы принадлежите.

Я дал в этом торжественную клятву, и благосостояние польского народа всегда было предметом моих забот. Одни лишь политические обстоятельства послужили преградой к осуществлению моих намерений. Ныне препятствия эти уже не существуют, они устранены страшной, но в то же время и славной двухлетней войной. Пройдет еще несколько времени, и при мудром управлении поляки будут снова иметь отечество и имя, и мне будет отрадно доказать им, что человек, которого они считают своим врагом, забыв прошедшее, осуществит все их желания. Как отрадно будет мне, генерал, иметь вас помощником при этих благотворных трудах! Ваше имя, ваш характер, ваши способности будут мне лучшей поддержкой.

Подписано Александр».

После подписания договора в Фонтенбло генерал Домбровский, запросивший у императора Александра разрешения на возвращение в Польшу, получил указание на то, что войска герцогства Варшавского смогут отправиться на родину одновременно с отводом русских войск и, возвратившись к себе, поляки смогут по своему желанию уволиться из армии, либо

продолжить службу.

Главнокомандующим польской армией был назначен великий князь Константин. В Сен-Дени он присоединился к командирам корпусов для представления Его Величеству императору Александру.

Депутаты от имени двенадцати генералов и шестисот офицеров, что оставались от сорока полков герцогства Варшавского, подали письменное прошение с просьбой:

1. Объединить все остатки корпусов в единый корпус под названием армия герцогства Варшавского. – (Принято.)

2. Сохранить за польскими полками их названия и форму одежды. – (Принято.) При условии возможного уменьшения числа полков в зависимости от доходов и состояния герцогства Варшавского.

3. Сохранить воинские звания. – (Принято.)

4. Разрешить увольнение всем тем, кто решил покинуть службу. – (Принято.)

5. Гарантировать жалованье из бюджета герцогства даже для тех, кто покинет службу, чтобы вернуться … (Статья требует доработки.)

6. Потребовать от правительства Франции задержанное жалованье, поскольку лишенная всяческих ресурсов польская армия не может воспользоваться благорасположением российского императора. (Обещано поддержать данную просьбу).

7. Оказать помощь армии, испытывающей особую потребность в обмундировании и потерявшей во время кампании все свои повозки. (Направлено в администрацию графа Нессельроде.)

8. Получать фураж для лошадей на равных условиях с русской кавалерией. – (Принято.)

В Париже был назначен комитет в составе генералов Домбровского, Зайончека, князя Сулковского, Вельгорского, Сераковского и князя Гедройца, которому была поручена реорганизация польской армии. Генерал Круковецкий был отправлен в Лондон, генерал Пащковский – в Венгрию и еще один генерал – в Берлин, дабы ускорить возвращение польских военнопленных из этих стран.

Российский император приказал вернуть генералу Несиловскому, князю Михаилу Радзивиллу и еще шести литвинам, которые находились на французской службе, их имения, на которые был наложен секвестр.

7 июня 1814 года дивизионный генерал Домбровский прибыл в Варшаву. Тотчас во все департаменты герцогства им были разосланы офицеры с целью переписи находящихся там польских

военных всех родов войск. В его обращении по этому поводу в частности говорилось:

«Великодушный император Александр оставил оружие частям нашей армии и позволил мне вернуться вместе с ними на родину. Его Величество пошел еще дальше: он признал необходимым увеличить военную мощь нашей страны и приказал, чтобы все поляки, принимавшие участие в последней войне, а также те, кто находился в плену, содействовали этому благу».

9 июня 1814 года из Дании в Познань прибыли остатки седьмого, восьмого, семнадцатого и девятнадцатого кавалерийских полков, которыми командовал генерал Пиотровский.

Остатки польских войск, которые находились во Франции под командованием генерал-лейтенанта Красинского, вернулись в Познань 25 августа 1814 года. Эти покрывшие себя славой войсковые части, несмотря на длительный марш, отличались хорошей выправкой и воинственным видом. Храбрых воинов встретил префект и другие представители власти. Он обратился к ним с речью и выразил от имени родины удовлетворение по поводу их возвращения.

Вот что в ответной речи сказал их командир:

«Счастье вновь увидеть землю наших отцов тем более дорого для нас, когда мы знаем, что поляки во все времена сражались из любви к своей родине и ее признания. Свободные от упреков в глазах Европы, достойные быть вашими соотечественниками, мы сделали все для нашей любимой родины и возвращаемся к ней с надеждой. Польский солдат всегда оставался гражданином. Он легко забывает все жертвы, невзгоды и тяготы, если взамен получает уважение своего народа.

Орлы, которые развеваются над нашими головами, и блестящее в наших руках оружие есть доказательство доверия великодушного монарха и его высокого покровительства. Весь мир воздает ему должное, но лишь будущее сможет отблагодарить его за все это, поставив в ряд тех героев, восхищение которыми современники передают следующим поколениям.

Верные своему долгу, мы покинули шатающийся трон лишь после того, как он был оставлен тем, кто воздвиг его. Это с его разрешения мы обратились к императору Александру, чья благородная душа пообещала нам благорасположение и покровительство. Я счастлив, что имею возможность от имени мужественных остатков польской армии приветствовать своих сограждан и свидетельствовать им свою признательность.

А вы, матери, встречайте своих сыновей. Они всегда были достойны вас и не боялись пролить благородную кровь, что вы давали им каждый раз, когда речь шла о славе и чести».

Среди вернувшихся на родину основных генералов и старших офицеров можно назвать имена Домбровского, Княжевича, Вышинского, Сокольницкого, Хлопицкого, Вельгорского, Каменецкого, Пашковского, Круковецкого, Уминского. Винцента и Исидора Красинских, Фальковского, Курнатовского, Ределя, Малецкого. Толинского, Раутенштрауха, Серавского, Казимира и Станислава Малаховских[173].

Дивизионный генерал Домбровский объявил войскам, что временно и до получения последующих распоряжений главнокомандующего польской армии Его императорского высочества великого князя Константина генералу Василевскому поручено заведование военной администрацией, а полковник Косиновский назначается инспектором по проведению парадов.

Вот приказ, объявляющий войскам о прибытии Его императорского высочества великого князя Константина.

Приказ по польской армии

«Офицеры и солдаты, вы получите награду за ваши заслуги и примерное поведение, проявленное после возвращения в Польшу. Уверен, что вы испытаете истинное удовлетворение, когда услышите обращение Его Величества императора Александра. «В славе польской армии, венчающей ее собственное достоинство, узнаю я ту образцовую дисциплину, кою она соблюдала с начала установления мира. Тому отдают справедливость провинции, где ей пришлось проходить. Выражаю свое удовлетворение польской армией и, желая процветания Польше, намерен сделать ее сильнее и многочисленнее. Мой брат скоро присоединится к вам и отблагодарит заслуги достойными наградами».

Г-дам командирам бригад и г-дам полковникам принять надлежащие меры, дабы придать параду войск достойный блеск. Воспользоваться оставшимися до парада днями для совершенствования выполнения различных приемов перестроений, с тем, дабы Его императорское высочество великий князь Константин остался доволен маневрами.

Подписано граф Красинский, генерал-комендант».

Приказ по польской армии

Варшава, 11 декабря 1814 года.

«Его Величество император Александр, Ваш могущественный покровитель, призывает вас. Объединитесь под его знаменами. Пусть рука ваша возьмется за оружие на защиту отчизны и … вашего политического существования. В то время, когда этот августейший монарх готовит счастливое будущее для вашей страны, проявите готовность поддержать его благородные усилия ценой вашей крови. Те самые командиры, что на протяжении двадцати лет вели вас по полю чести, снова укажут вам путь. Император умеет ценить вашу храбрость. Среди ужасов зловещей войны он увидел, как ваша честь пережила события, зависящие не только от вас. Вы ознаменовали себя великими подвигами в борьбе нередко вам чуждой. Теперь, когда вы обратите все свои усилия к защите отечества, вы будете непобедимы. Беспредельная преданность императору, который желает одно благо вашего отечества, любовь к его августейшей особе, повиновение, дисциплина, согласие – вот средства, могущие обеспечить благоденствие вашей страны, состоящей под мощной защитой императора. Таким путем вы достигнете той счастливой доли, которую другие могут вам обещать, но которую лишь он один может вам доставить. Его могущество и его добродетели в том ручаются.

Подписано Константин».

Глава IV

Лишь 28 мая 1815 года саксонский король подписал акт отречения от прав на герцогство Варшавское[174].

Судьба Польши была решена на Венском конгрессе вместе с судьбой Саксонии на следующих принципах:

1. Герцогство Варшавское присоединяется к Российской империи. Однако,

2. Часть этого края с населением в 810 000 душ будет отделена и передана во владение прусскому королю;

3. Часть восточной Галиции, которая в 1809 году была уступлена России, а также земли г. Величка переходят во владение Австрии.

4. Город Краков не будет принадлежать ни Австрии, которая уступила его в 1809 году, ни России. Он будет представлять собой свободную и независимую республику.

Эти принципы легли в основу и были развиты в трех трактатах, подписанных 21 апреля (3 мая) между Австрией и Россией, Россией и Пруссией и третий дополнительный между этими тремя державами.

Мне хотелось бы поначалу изложить основные положения первого трактата, который начинается со следующей преамбулы:

«Его Величество император Всероссийский, Его Величество император Австрийский и Его Величество король Прусский, имея взаимное и искреннее намерение дружественно между собою объясниться о вернейших средствах утвердить благосостояние поляков в новом их положении, произведенном воспоследовавшими в участи Герцогства Варшавского переменами, и желая притом распространить действие сих великодушных намерений на все области и округа, составлявшие прежнее Королевство Польское, посредством распоряжений, сколь возможно по обстоятельствам благоприятствующих свободе и сообразных с пользами взаимной торговли жителей, положили составить два особых трактата, кои долженствуют быть заключены: один между Россией и Австрией, а другой – между оною первою державой и Пруссией, и внести в сии трактаты, как постановления о главных обязанностях, общих всем трем державам, так и особенные между ними условия и пр. и пр.[175]

Россия возвращает Австрии часть Восточной Галиции, которая была отделена от нее в 1809 году[176]. Ст. 1.

Австрия будет иметь в полном державном владении и собственности Величковские солекопи, равно и все земли к оным

принадлежащие. Ст. 2. Согласно Шенбруннскому мирному договору эти солекопи были объявлены общим владением Австрии и Герцогства Варшавского[177].

1. Стержень (тальвег) реки Вислы будет отделять Галицию от области вольного города Кракова. Оный же будет служить границей между Галицией и той частью бывшего Герцогства Варшавского, которая присоединяется к российским владениям до окрестностей города Завихоста. Отсюда до Буга сухопутная граница останется на черте, означенной в 1809 году, ст. 3. Таким образом, Австрия не вступала в пределы Западной Галиции, ни в округ Замосць в Восточной Галиции, которую она уступила в 1809 году Герцогству Варшавскому[178].

Город Краков объявляется вольным и независимым вместе с областью, означенной в дополнительном трактате. Ст. 4.

Герцогство Варшавское навсегда присоединяется к Российской империи, с которой она будет в неразрывной связи в силу своей конституции. Император будет носить титул царя (короля) польского и предполагает даровать сему государству, по своему благоусмотрению, *внутреннее распространение*, имеющему состоять под особенным управлением. Это предполагало, что Польша будет представлять собой отдельное государство с одним с Россией монархом и что император обязуется расширить ее пределы за счет присоединения некоторых провинций, которые в результате разделов Польши были присоединены к России.

В этой же статье говорится: *Поляки как российские подданные, равно как австрийские и прусские, будут иметь народных представителей и национальные государственные учреждения, согласно с тем образом политического существования, который каждым из вышепоименованных правительств будет признан за полезнейший и приличнейший, в кругу его владений*[179].

В ст. 6–23 содержатся распоряжения относительно жителей, которые захотят покинуть страну в промежутке шести лет. Они предполагают полную амнистию и определяют права подданных обоих государств (обоюдных подданных).

Устанавливается свободное судоходство по всем рекам и каналам в пределах всего прежнего Королевства Польского (по состоянию до 1772 года) от вершины до устья сих рек и обратно. Ст. 24–26.

С обеих сторон будут назначены комиссары для разработки норм и правил судоходства; они завершат поручаемое им дело не позднее шести месяцев со дня ратификации сего акта. Ст. 27.

Высокие договаривающиеся стороны согласились предоставить неограниченную свободу провоза товаров по всем местам, кои принадлежали прежнему Королевству Польскому, и

назначат комиссаров для рассмотрения действующих правил и тарифов. Ст. 28–29.

Согласно конвенции, подписанной 26 января 1797 года в Санкт-Петербурге, Австрия обязалась взять на себя пятую часть долгов короля и две пятнадцатых части долгов Речи Посполитой Польши.

Венский Двор выпустил для своей части долгов облигации, известные под названием облигаций Общей Кассы государственных долгов (*Universal-staats schulden cassa obligationen*). Поскольку в результате Шенбруннского мирного договора она потеряла часть Галиции с населением в полтора миллиона человек, из которой ей была возвращена лишь Величковская территория, было бы справедливо освободить ее от части этого долга. В этой связи в ст. 30 определено, что правительство Варшавы будет обязано заплатить Двору Венскому сумму в 4 млн польских злотых (флоринов), которые будут выплачены в соответствии со ст. 32 в восемь лет равными частями. Первый срок платежа был назначен на 24 июня 1816 года.

Венский Двор обязался принять на себя девятую часть новых долгов, сделанных Герцогством Варшавским со времени его учреждения. Он будет соответственно иметь право на такую же долю в суммах, кои могут достаться на часть правительства.

Ст. 34 и 35 предусмотрели создание особой комиссии для приведения к исполнению взаимных расчетов, а ст. 38 – образование еще одной комиссии для точного нанесения на карту новой границы.

Контракт, заключенный для покупки 500 000 центнеров соли, будет оставаться в своей силе в течение пяти лет, по истечению которых он может быть возобновлен на оговоренных условиях. Ст. 34.

Подписано в Вене 21 апреля (3 мая) 1815 года.

Граф Разумовский.

Князь Меттерних.

Трактат между Россией и Пруссией

Статья 1 трактата, подписанного между Россией и Пруссией, определяет часть территории герцогства Варшавского, поступающую в полное державное владение и собственность короля Пруссии и его наследников под названием Герцогства Познанского. Она определена в следующих пределах:

1. Часть Западной Пруссии, которую она потеряла в

результате Тильзитского мирного договора: округа Михелау, Бромберг, Иноврoцлав и Кульм, где она сохранила Грауденц с несколькими деревнями, большую часть округа Камин и часть округа Кроне (двести сорок три тысячи квадратных миль и тридцать две тысячи жителей).

2. Город Торн с частью бывшей провинции, которая до 1807 года называлась *Новая Восточная Пруссия*.

3. Часть бывшей Южной Пруссии, а именно: 1. часть Познанского департамента, включающего округа Познань, Гнезно, Бомст, Фрауштадт, Костен, Вонгровец, Кребен; часть округов Подевиц, Кротошин и Месериц, часть округа Пейзерн; 2. Часть Калишского департамента, а именно: округа Адельнау и Шильдберг.

Статьи 2–24 слово в слово повторяют статьи 4–24 трактата между Австрией и Пруссией.

Статья 25 отменила всякие дополнительные пошлины за временное складирование, разгрузку, перегрузку товаров и прочее, которые могли до сего времени препятствовать свободному судоходству по рекам.

Смешанная комиссия рассмотрит права и привилегии некоторых городов и их портов, которые могут быть противны правам собственности и, следовательно, взаимно принятым правилам. Ей будет поручено решить вопрос об отмене означенных привилегий. Эта работа будет завершена не позднее шести месяцев.

Обе стороны согласились разрешить впредь и навсегда свободное и неограниченное между всеми польскими областями (начиная с 1772 года) обращение сельскохозяйственной и промышленной продукции, произведенной в этих провинциях. Комиссарам, назначенным для исполнения постановлений статьи 26, поручено будет также разработать в шестимесячный срок положение о тарифах, согласно которому будет производиться оплата пошлины за ввоз и вывоз всякой сельскохозяйственной и промышленной продукции. Сия пошлина не должна превышать десяти процентов от стоимости товара в месте отправления.

Транзитная торговля будет совершенно свободной во всех частях прежней Польши. Ст. 24.

Сей трактат подписан в Вене 21 апреля (3 мая) 1815 года.

Князем Гарденбергом
и графом Разумовским.

Третий дополнительный трактат между Австрией, Пруссией и Россией относительно Кракова был также подписан в Вене 21 апреля (3 мая) 1815 года.

Город Краков на протяжении четырнадцати лет с 1795 по 1809 год принадлежал Австрии. Согласно Шенбруннскому мирному договору он был присоединен к Герцогству Варшавскому и отделен от него настоящим договором в целях образования вольного, независимого и совершенно нейтрального города под покровительством трех высоких договаривающихся сторон. Ст. 1.

Поскольку население города едва составляло двадцать шесть тысяч жителей, было решено присоединить к нему основную часть Краковского округа. Его границы определены в ст. 2. Таким образом, эта республика стала обладать территорией площадью девятнадцать с половиной квадратных миль и населением в шестьдесят одну тысячу человек.

В ст. 3 австрийский император даровал навсегда прибрежному к Висле городу Подгоже права вольного торгового города, подобные тем, которыми пользуется город Броды, а также дозволил городу Кракову примыкать свои мосты к правому берегу Вислы. Ст. 4.

Смешанной комиссии поручено провести порубежную черту. Ст. 5.

Договаривающиеся стороны обязались уважать во всякое время и требовать от всех, чтобы был уважаем нейтралитет вольного города Кракова и его земель. Никакая военная сила никогда, ни под каким предлогом не может быть введена на его территорию. Со своей стороны город Краков обязан не предоставлять на своей территории убежища беглецам, дезертирам и людям, преследуемым законом. Ст. 6.

Прилагаемая к договору конституция города Кракова гарантируется тремя договаривающимися сторонами и будет приведена в действие под наблюдением комиссаров от каждой стороны. Ст. 7.

Конституция вольного города Кракова не позволяет учреждать на его территории таможни. Ст. 8.

Вольному городу Кракову оставляется право почт, но каждый из трех дворов сможет иметь здесь собственную почтовую контору. Ст. 12.

Доходы от бывшей собственности Герцогства Варшавского будут направлены на содержание академии и на совершенствование народного образования. Доходы от застав и мостов будут направлены на содержание мостов и больших дорог. Ст. 13.

Республика не обязана участвовать в платеже долгов Герцогства Варшавского и не будет иметь права на суммы, кои могут поступать в казну сего государства.

Положение академии и епископства определено ст. 15 и 16.

Его Величество император Всероссийский сделает первое назначение епископа по своему произволу, но впоследствии капитул и сенат будут иметь право представлять каждый со своей стороны по два кандидата. Ст. 17.

Список вышеизложенных статей вместе с определяющим их Конституционным актом будет торжественно положен созданной согласно ст. 7 смешанной комиссией в архив вольного города Кракова как несомненное доказательство великодушных чувств и правил, коими Высокие договаривающиеся Дворы руководствовались для блага вольного города Кракова и области его. Ст. 18.

Подписано князь Меттерних.

князь Гарденберг.

граф Разумовский.

Вот конституция вольного города Кракова, которая была одобрена и гарантирована последним договором. Она не оставит равнодушными всех тех, кто пожелает обратить внимание на заботу, с которой три монарха, имевших наибольшее влияние на ход Венского конгресса, думали о свободном и независимом управлении города Кракова – древней польской столицы и резиденции многих королей, где находятся могилы многих из них и покоится прах самых известных воинов страны, оставивших свой яркий след в последние годы, и в их числе Костюшко, Понятовского и др.

КОНСТИТУЦИЯ

Вольного города Кракова

Ст. I.

Римско-католическая апостольская вера объявляется господствующим вероисповеданием области.

Ст. II.

Все прочие христианские исповедания будут свободны, и не будет никакого различия в гражданских правах, основанных на

различии вер.

Ст. III.

Права, коими ныне пользуются земледельцы, будут обеспечены. Все граждане равны перед законом, и все оным равномерно защищены. Закон покровительствует также и всем терпимым Богослужениям.

Ст. IV.

Правительственная власть вольного города Кракова и области его вверяется Сенату, составленному из Председателя и двенадцати членов, именуемых сенаторами.

Ст. V.

Девять сенаторов, в том числе председатель, будут избираемы собранием представителей. Прочие должны быть избираемы капитулом и академией; эти учреждения имеют право назначать каждое по два из своих членов для заседания в сенате.

Ст. VI.

Шесть сенаторов будут избраны пожизненно. Председатель сената остается в должности три года, но может быть переизбран. Из прочих сенаторов половина выбывает каждый год из сената, уступая место вновь избираемым. Члены, долженствующие оставить свои места в исходе первого года, определятся по возрасту: трое младших выйдут из сената. Из четырех сенаторов, назначаемых капитулом и академией, двое остаются в должности на всю жизнь, а другие два будут в конце каждого года сменяемы новыми.

Ст. VII.

Члены белого духовенства и университета, владельцы земель, домов, и люди, имеющие какую-либо собственность и платящие до пятидесяти польских злотых подати с имения, владельцы фабрик и мануфактур, купцы, производящие оптовую торговлю, и

все те, кто записан в качестве биржевых членов, художники, отличившиеся в изящных искусствах и профессора государственных учебных заведений будут по достижении совершеннолетия иметь политическое право избирать. Они также могут быть избранными, если имеют и прочие качества, законом для того требуемые.

Ст. VIII.

Сенат определяет к должностям по части правительственной и отрешает по произволу чиновников, им определенных. Он также назначает на церковные должности, коих выделение предоставлено Правительству; из сего исключаются четыре места в капитуле, кои должны принадлежать докторам факультетов, исправляющих должность преподавателей, и на кои будет определять академия.

Ст. IX.

Город Краков с областью его будет разделен на городские и сельские общины. В первых должно быть, если только дозволят местные обстоятельства, не менее как по две тысячи, а в последних – не менее, как по три тысячи пятисот душ. В каждой из сих общин будет свободно избираем Голова (Maire), на коего будет возложено исполнение повелений правительства. В сельских общинах могут быть сверх того, если обстоятельства потребуют, избираемы еще несколько человек в помощники Головы.

Ст. X.

Каждый год в декабре месяце будет происходить собрание представителей, заседания которого должны продолжаться не дольше четырех недель. Сие собрание будет пользоваться всеми правами законодательной власти, рассматривать ежегодные счеты всех правительственных мест и на каждый год составлять смету приходам и расходам (Budjet). Оно будет избирать членов сената в соответствии с постановлением соответствующей статьи Конституционного Акта. Оно также избирает и судей. Сие собрание будет иметь право (по большинству двух третей голосов) предавать суду всякого из отправляющих должности

чиновников, кто бы он ни был, уличаемого в расхищении казны, лихоимстве, или ином злоупотреблении вверенной ему власти, и таким образом обвиняемых отсылать для ответа пред верховным судом.

Ст. XI.

Собрание представителей будет состоять:

1. Из депутатов городских и сельских общин; каждая община избирает по одному депутату;
2. Из трех членов, отряжаемых сенатом;
3. Из трех прелатов отряжаемых капитулом;
4. Из трех докторов факультетов, отряжаемых университетом;
5. Из шести мировых судей, состоящих в должности и назначаемых по очереди.

Председателем сего собрания будет избран один из членов, отряжаемых сенатом. Никакой проект закона, направленный на введение какой– либо перемены в существующих порядках или уставах, не может быть предложен на обсуждение собрания представителей, если оный не был предварительно сообщен сенату и не одобрен к предложению большинством сенаторов.

Ст. XII.

Собрание представителей займется разработкой уложений гражданского и уголовного кодекса и устава судопроизводства. Оно немедленно назначит комитет, коему будет поручена подготовка проектов сих кодексов. При написании оных должны быть приняты во внимание, как местные обстоятельства края, так и степень просвещения, и навыки жителей. Сверх избранных собранием членов в сем комитете будут заседать два члена от сената.

Ст. XIII.

Если в собрании представителей закон не одобрен большинством семи восьмых частей голосов против одной восьмой, а в Сенате девять членов признают, что по важным для общественной пользы причинам нужно, чтоб сей закон был снова рассмотрен законодательным собранием, то оный объявляется неутвержденным до решения о том представителей в следующем

году. Если положения оного касаются финансов, то в таком случае постановлениям истекшего перед тем года возвращается сила закона на срок до принятия нового.

Ст. XIV.

Во всяком округе с населением не менее шести тысяч душ будет мировой судья, назначаемый собранием представителей. Он остается в сем месте три года. Кроме должности примирителя, он по званию своему будет иметь смотрение за делами несовершеннолетних и за тяжбами, касающимися фондов и вообще имущества, принадлежащего правительству, или общественным заведениям. В сем двояком звании он будет иметь отношения с младшим из сенаторов, на коего именно возлагается попечение о несовершеннолетних и о делах, касающихся собственности правительства.

Ст. XV.

В области будет два суда: первой инстанции и апелляционный. В первом суде три члена, а в апелляционном четыре, включая в то число и председателей, назначаются на должность пожизненно. Другие помощники судей в каждом из сих судов, в необходимом в зависимости от местных условий числе, будут зависеть от свободного выбора общин, и отправлять свою должность только в течение срока, определяемого органическими законами. Сии два суда будут решать всякие тяжебные дела без различия рода оных, или звания тяжущихся. Когда приговоры обеих инстанций согласны во всех пунктах, то уже не может быть никакой апелляции. Если же их решения в существе своем расходятся или академия по рассмотрении тяжебных актов признает, что есть причина к подаче жалобы о нарушении закона или важных форм судопроизводства, а в делах уголовных, когда обвиняемый приговорен к смерти или бесчестию, то дело еще раз вносится в апелляционный суд, и в сем случае, к числу обычных судей присоединяются все городские мировые судьи и четыре особы, коих половину каждая из главных спорящих сторон может по своему произволу выбрать из граждан краковских. Присутствие трех судей необходимо для принятия решения в первой, присутствие пяти во второй и семи в последней инстанции.

Ст. XVI.

Верховный суд на случаи, означенные в ст. 10, будет состоять:

1. Из пяти представителей, определяемых по жребию;
2. Из трех членов сената, избираемых оным;
3. Из председателей обоих судов: первой инстанции и апелляционного;
4. Из четырех мировых судей, назначаемых по очереди;
5. Из трех граждан, избираемых чиновником, который предан суду.

Для принятия решения необходимо присутствие не менее девяти членов.

Ст. XVII.

Все дела гражданские и уголовные будут судимы публично. В производство судных дел вообще (начиная с уголовных), будет вводиться установление присяжных, применяя оное к местным обстоятельствам края, степени просвещения и свойствам жителей.

Ст. XVIII.

Судебная часть независима.

Ст. XIX.

В исходе шестого года, начиная со дня обнародования сего конституционного Устава, чтобы стать сенатором по выбору представителей необходимо:

1) Иметь возраст не менее тридцати пяти лет;
2) Пройти полный курс наук в одной из академий, расположенных на территории прежнего Королевства Польского;
3) Исполнять на протяжении двух лет должность головы городской или сельской общины, в течение двух лет должность судьи и быть представителем собрания во время двух сессий;
4) Иметь недвижимость, облагаемую налогом, в размере не менее ста пятидесяти польских злотых, приобретенную не менее чем за год до выборов.

Для того чтобы стать судьей необходимо:

1) Иметь возраст не менее тридцати лет;

2) Пройти полный курс наук в одной из академий, расположенных на территории прежнего Королевства Польского, и иметь степень доктора наук;

3) Проработать в течение одного года помощником секретаря суда, а также пройти годичную адвокатскую практику.

4) Иметь недвижимость стоимостью не менее восьми тысяч польских злотых, приобретенную не менее чем за год до выборов.

Чтобы стать судьей второй инстанции или председателем того или иного суда, кроме всего вышеозначенного, необходимо также, чтобы избираемый проработал не менее двух лет в должности судьи первой инстанции, либо мирового судьи и избирался представителем.

Чтобы быть избранным представителем городской или сельской общины, необходимо:

1. Иметь возраст не менее двадцати шести лет;

2. Пройти полный курс наук в Краковской академии;

3. Иметь недвижимую собственность, облагаемую налогом в размере не менее девяноста польских злотых, приобретенную не менее чем за год до выборов.

Все означенные в сей статье условия не касаются тех, кто во времена существования Герцогства Варшавского исполнял должности, зависящие от назначения Короля, или от выбора Сеймиков, а также тех, коим оные вверены теперь договаривающимися Государями; они будут иметь полное право быть избранными или назначенными на разные должности.

Ст. XX.

Все бумаги законодательного собрания, правительственных и судебных мест будут произведены на польском языке.

Ст. XXI.

Доходы и расходы академии должны быть вносимы в общую смету доходов и расходов вольного города Кракова и области его.

Ст. XXII.

Охрана внутренней безопасности и порядка будет поручена отряду городской милиции. Сей отряд будет по очереди

сменяться и состоять под командою офицера, который прошел службу в армии, имеет награды и согласен принять сию должность вместо отставки.

Для безопасности дорог и селений будет вооружено и снабжено лошадьми достаточное число жандармов.

Подписано Граф Разумовский.

Князь Меттерних.

Князь Гарденберг.

ПРИЛОЖЕНИЯ К ГЛАВЕ IV

Нота г-на князя Талейрана, полномочного представителя Франции, г-ну князю Меттерниху, полномочному представителю Австрии, относительно будущего Саксонии и Польши (февраль 1815 года)

«Я поторопился ответить относительно замыслов Его императорского величества, изложенных в письме, которое Ваше Высочество имело честь направить мне. Я довел до сведения короля ноту, направленную вами Его Высочеству государственному канцлеру князю Гарденбергу 10-го дня сего месяца, копию которой вы мне официально передали.

Чтобы показать какое удовлетворение от резолюций, содержащихся в данной ноте, получил король, мне достаточно сравнить их с распоряжениями, которые Его Величество отдал своему посланнику на конгрессе.

В своих представленных конгрессу подходах Франция не руководствовалась амбициями и собственными интересами. Вернувшись в рамки прежних границ, она больше не помышляла об их расширении и напоминала море, которое выходит из берегов лишь во время бури. Ее покрытые воинской доблестью армии не жаждали новых завоеваний. Франция, освободившаяся от ига, в котором она была скорее жертвой, нежели инструментом, счастливая тем, что вновь обрела своих законных правителей, а вместе с ними спокойствие, которое, казалось ей, она потеряла навсегда, ничего не требовала и ни на что не претендовала. Вместе с тем, Франции хотелось, чтобы дело ее восстановления не ограничивалось лишь ее рамками, а распространилось на всю Европу, чтобы повсюду и навсегда исчез революционный дух, чтобы были увековечены законные права, чтобы любые амбиции или амбициозные затеи получили осуждение и постоянный запрет в декларации и определенную гарантию принципов, которые революция предала длительному и злополучному забвению.

Желания Франции должны совпадать с желаниями тех европейских государств, которые сами не заблуждаются. Без такого подхода ни одно из них не сможет быть сколько-нибудь уверенным в своем будущем.

Никогда еще перед монархами Европы не стояла столь благородная цель; никогда еще не было такой острой потребности в результате ее реализации, и никогда еще не

связывалось столько надежд со временем, когда впервые весь христианский мир был созван на конгресс.

Намерения эти уже были бы достигнуты, если бы, как на то надеялся король, конгресс с самого начала сумел, установив принципы, определить цель и наметить единственный путь ее достижения. Тогда, безусловно, не нашлось бы страны, которая выдвигала бы причины, чтобы разрушать то, что в соответствии с целью требовало сохранения.

Разумеется, когда трактатом от 30 мая было определено, что важным результатом работы конгресса должно стать необходимое равновесие и единая масса, подлежащая впоследствии соответствующему разделению, имелось в виду, что каждая законная династия будет сохранена или восстановлена, что всякое законное право будет уважаемо, что территории, не управляемые сувереном, будут разделены согласно принципам политического равновесия, или, что то же самое, согласно принципам сохранения общего спокойствия и прав отдельной личности. Было бы ошибкой рассматривать в качестве единственного элемента равновесия соотношение данных, предоставленных политической арифметикой. Как говорил Монтескье, в период своего позорного рабства Афины обладали теми же силами, что и во времена своего славного господства. Там было двадцать тысяч граждан, когда они защищали греков от персов, боролись за господство со Спартой и шли походом на Сицилию; там было двадцать тысяч граждан и тогда, когда Деметрий Фалернский пересчитал их поголовно. То есть, равновесие останется пустым по смыслу словом, если не абстрагироваться от этих недолговечных и призрачных сил, что разжигают страсти, и принимать в расчет лишь настоящие моральные силы, коим присуща добродетель. Словом, в отношениях одного народа с другим первой добродетелью является справедливость.

Руководствуясь этими принципами, король предписал своим посланникам в качестве незыблемого правила отстаивать, прежде всего, справедливость и законное право и, независимо от выдвигаемых соображений, никак не уступать в этих вопросах, ничего не подписывать, не соглашаться ни с чем, что могло бы противодействовать этому, и среди различных законных комбинаций останавливаться на тех, что могут эффективно способствовать установлению и сохранению настоящего равновесия.

Среди всех вопросов, которые должны быть обсуждены на конгрессе, король выделил польский вопрос в качестве первого и самого важного, исключительно европейского, с которым не

могут равняться никакие другие проблемы. И он хотел бы надеяться и желать, чтобы этот многострадальный народ, достойный уважения своей древностью, доблестью, заслугами перед Европой, вновь обрел свою былую и полную независимость.

Раздел этой страны, лишивший ее государственности, стал началом волнений во всей Европе. Но когда сила обстоятельств, подчинив себе самые благородные и великодушные намерения монархов, во владении которых находились бывшие польские провинции, свела вопрос о судьбе Польши к простому переделу и пересмотру границ между тремя заинтересованными державами, Франция согласно старым договорам к этому не имела никакого отношения. Поэтому при сложившихся обстоятельствах ей не оставалось ничего другого, как поддержать самые правильные из предложенных намерений, которые удовлетворяли как Польшу, так и саму Францию.

Письмо генерала Костюшко императору Александру

Вена, 10 июня 1815 года.

«Государь, князь Чарторыйский сообщил мне о всех благодеяниях, которые Ваше императорское и королевское величество приготовляете для польского народа. Никакие слова не могут выразить моей благодарности и удивления; одна лишь забота тревожит меня еще, отравляя мою радость: я уроженец Литвы, Государь, и мне остается жить не долго, а между тем будущее моей родины и многих частей моего отечества покрыто еще мраком неизвестности. Я не забыл тех великодушных обещаний, которые Ваше императорское и королевское величество соблаговолили лично высказать по этому поводу мне и некоторым из моих соотечественников, и я никогда не осмелюсь усомниться в действительности этих священных слов, но мысль, напуганная столь продолжительными несчастьями, жаждет постоянно быть вновь успокоенной.

Повинуясь моему личному чувству, я готов посвятить остаток дней моих службе Вашего императорского и королевского величества. Однако, государь, будьте моим руководителем в этом решительном для меня шаге и соблаговолите своим благосклонным ответом известить меня, одобряете ли Вы мое решение; это слово с Вашей стороны осуществит единственное теперь желание мое, и я могу тогда сойти в могилу с утешительным убеждением, что все Ваши польские подданные будут пользоваться Вашими благодеяниями. Подобная

уверенность, сознаюсь, чрезвычайно увеличила бы мои силы и мою энергию к делу. Я не осмелюсь никогда, Государь, торопить выполнение Ваших великих предначертаний. Я свято буду хранить эти мысли в тайне и лишь с именного разрешения Вашего Величества воспользуюсь этой священной тайной.

Тут я буду ожидать Ваших повелений в ответ на мою покорнейшую просьбу; она будет вместе с тем единственной и последней просьбою, которую я осмеливаюсь еще повергнуть к стопам Вашего Императорского и Королевского Величества с таким непоколебимым доверием, которое может сравняться лишь с великодушием и несравненной добротой Вашего Величества.

Подписано Костюшко».

Письмо генерала Костюшко князю Адаму Чарторыйскому

Вена, 13 июня, 1815 года.

«Мой любезный князь. Я очень ценю вашу дружбу, потому что ваш образ мыслей во многом сходен с моим. Вы, без сомнения, не сомневаетесь, что моя первая забота состоит в дельном служении отечеству. Неполучение ответа императора на мое последнее письмо из Вены, препятствует мне быть полезным отечеству. Я не намерен действовать, оставаясь в неизвестности относительно страны и руководствуясь только надеждами. Интересы отечества я соединил с царскими; разделять их я не вижу смысла. Будучи ограниченным в своих возможностях, я посвятил свою жизнь службе отечеству не для того, чтобы увидеть его низведенным до той малой части территории, которую высокопарно назвали Царством Польским.

Воздадим благодарность и сохраним нашу признательность императору за воскресение уже потерянного польского имени; однако не только имя составляет народ, но территория с народонаселением. Чем я еще могу аргументировать, кроме наших желаний и гарантированных обещаний, данных императором мне и многим другим относительно возвращения нашего отечества до Двины и Днепра, что, восстановив определенное соотношение сил и числа, могло бы способствовать установлению между нами и русскими взаимного уважения и постоянной дружбы. Пользуясь либеральной и совершенно отдельной конституцией, как мы о том часто мечтали, поляки были бы счастливы находиться с русскими под скипетром такого великого монарха.

Однако, судя по ходу дел, с самого начала дела развиваются

несколько иначе: русские занимают вместе с нами первые государственные должности; не подлежит сомнению, что это не может возбудить среди поляков большого доверия; напротив того каждый со страхом придет к тому заключению, что со временем польское имя подвергнется презрению и что русские будут обращаться с нами как с покоренным народом, потому что такая незначительная горсть народонаселения никогда не в состоянии защитить себя от перевеса и насилия русских интриг.

Следует ли нам молчать об остальных наших братьях, находящихся под русской властью. Сердце наше страдает и печалится, что они не соединены с прочими. Где же находятся те 11 или 10 миллионов людей, которые, согласно священным словам самого императора, должны составлять Царство Польское, и которое, подобно Венгерскому королевству, при отдельной конституции и с собственными законами, должны были соединиться с империей под одним скипетром.

Здесь я отделяю чувствительное сердце, полное человеколюбия, и душу, преисполненную великодушия, готовую на добро, ни с кем несравнимого великого Александра, от политики его кабинета. Я лично буду ему по гроб благодарен за воскресение польского имени, хотя и в столь стесненных границах. Пусть Провидение направляет вас, я же еду в Швейцарию, не имея возможности с успехом служить моему отечеству. Вы знаете, что душою и сердцем я желал содействовать общему благу.

Обнимаю вас, дорогой князь, с искреннею дружбою и неизменною привязанностью.

Костюшко».

Глава V

30 апреля 1815 года император Александр направил председателю польского сената графу Островскому, письмо следующего содержания:

«Господин председатель сената граф Островский,

Сообщаю вам с чувством особого удовлетворения, что судьба вашего отечества определилась, наконец, по общему согласию всех собравшихся на конгрессе держав. Принимая титул короля польского, я хотел исполнить желание польской нации. Польское королевство будет присоединено к Российской империи статьями собственной конституции, на которой, я надеюсь, будет основываться счастье вашей страны. Если интересы общего умиротворения Европы не позволили объединить всех поляков под властью одного скипетра, я стремился, по крайней мере, смягчить, насколько это было возможно, тягость их разделения и добиться для них возможности пользоваться их национальными правами.

Прежде чем формальности позволят подробно опубликовать все пункты, касающиеся окончательного устройства дел в Польше, я хотел, чтобы вы первый были об этом осведомлены по существу, и я разрешаю вам сообщить вашим соотечественникам содержание настоящего письма.

Примите уверение в моем искреннем уважении.

Вена, 18(30) апреля 1815 года.

Александр».

13(25) мая Александр подписал манифест:

«Мы, Александр I, и т. д., император и самодержец всея Руси, король польский.

Затеянная с намерением покорить весь мир война пришла на нашу землю. Однако она объединила Россию и Европу, и вместе мы изгнали врага до стен Парижа. После этого у нас появилась надежда, что нации вновь обретут свою независимость, построенную на справедливости, воздержанности и либеральных идеях, давно вычеркнутых военным деспотизмом из сводов гражданских и политических прав.

Венский конгресс был призван принести благо продолжительного мира Европе, раздавленной бедствиями войны, однако, чтобы достичь столь желанной цели, необходимо было, чтобы каждый, отказавшись от личных интересов, думал об интересах общих и согласился на требуемые обстоятельствами

уступки и пожертвования. Именно на таких условиях была решена участь Польши. Главное было ввести эту страну в круг наций, которые взаимно дополняют и подкрепляют друг друга своими экономиками и преимуществами цивилизации.

Однако, работая над восстановлением нового звена в цепи европейских интересов, мы не могли руководствоваться лишь польскими нуждами. Забота о благополучии других государств и необходимость гарантии всеобщего спокойствия не позволили урегулировать отдельные детали, связанные с локальными интересами Польши, которые вступали в противоречие с всеобщей потребностью обеспечения общего баланса безопасности в Европе.

Здравая политика, опыт прошлого и сама религия, которая требует проявления чуткости к этой уважаемой многострадальной нации, заставили нас не считаться с жертвами во имя всеобщего спокойствия и защиты Европы от новых бед.

Поляки, мы умеем ценить величие души, чувствительность и твердость – черты вашего национального характера, которые с блеском проявились в ваших усилиях по восстановлению политического существования горячо любимой родины.

Бурное проявление желаний порой сбивало вас с правильного пути к столь желанной цели, когда вы выбирали прямо противоположное направление. Эти ошибки, равно как и сопровождающие их беды, позади.

Что касается нас, то мы всегда руководствовались чувствами снисхождения к виновным, любви и великодушия к нации, желанием предать полному забвению прошлое и устранить следы бедствий, давая вашей стране все, что может сделать ее по-настоящему благополучной.

Подписанные нами венские трактаты ознакомят вас с политическими разграничениями Польши и с привилегиями, которыми будут наделены земли, переходящие под наше управление.

Поляки, новые узы объединят вас с великим народом, который с учетом прежних отношений и присущего ему благородства, достойного вашего, а также общего имени славянских наций готов принять вас в братское сообщество, должное стать близким и полезным для обоих народов. Мудрая конституция и нерушимый союз свяжут вас с судьбой великой монархии, чьи грандиозные размеры не нуждаются в увеличении, а политика правления строится на беспристрастной справедливости и благородных идеях.

Отныне ваш освещенный опытом патриотизм, направляемый чувством признательности, найдет во всех национальных

учреждениях причину и цель, способные занять его целиком.

Соответствующая местным требованиям и вашему характеру конституция, использование вашего языка во всех государственных делах, замещение государственных должностей исключительно поляками, свобода торговли и судоходства, легкость коммуникаций с бывшими частями Польши, остающимися под чужим управлением, ваша армия, гарантированные возможности для совершенствования законов, свободное распространение знаний – таковы преимущества, получаемые вами при нашем правлении и правлении наших преемников, и которые вы передадите вместе с вашим патриотизмом своим наследникам.

Это новое государство становится королевством (царством) Польским, столь живо желанным и востребованным нацией на протяжении многих лет, и приобретенном, наконец, ценою стольких жертв и пролитой крови.

Чтобы сгладить трудности, возникшие по поводу города Кракова, мы договорились сделать его нейтральным и вольным. Этот край, который будет находиться под протекторатом трех дружественных держав-победительниц, воспользуется благополучием и спокойствием, занявшись науками, искусствами, торговлей и промышленным производством. Он станет памятником великодушной политике, благодаря которой свобода была установлена в том месте (в Кракове), где покоится прах ваших лучших королей и все связано с высокими воспоминаниями о польском отечестве.

Наконец, чтобы завершить дело, которое долгие годы сдерживалось из-за невзгод времени, было единогласно решено, что в частях Польши, находящихся под властью австрийской и польской корон, управление будет передано собственным выборным магистратам.

Поляки, невозможно было по-другому решить вашу участь и все, что связано с вашим национальным благополучием; необходимо было сохранить для вас часть, чтобы это не вызвало зависти или беспокойства со стороны ваших соседей и не стало бы поводом для новой войны в Европе. Таковы были желания друзей человечества и таковой должна быть цель просвещенной политики.

С общего согласия участников собравшегося в Вене европейского конгресса и в результате уступки Его Величества короля Саксонии мы вступаем в вечное владение герцогством Варшавским, которое досталось нам по праву договоров, и назначаем временное правительство из лиц, облеченных нами всеми полномочиями, чтобы без всякого промедления народ мог

бы пользоваться конституционным режимом, основы которого подготовлены сообразно общего желания и подкреплены согласием граждан.

Представители власти ознакомят вас с гарантиями, предоставленными Венским конгрессом. Вам также сообщат о гарантиях, которые вытекают из конституционного объединения вашего края и нашей империи, из союза, который должен определить ваши права, обязанности и судьбы.

В этой связи мы призываем все гражданские сословия, армию, магистраты принести присягу на верность подданства, которая станет гарантией ваших ко мне обязанностей и сыновьего повиновения, а также моего к вам отцовского покровительства и забот ради вашего счастья.

Первой из обязанностей, которую мы хотели бы выполнить для вас, это освобождение в ближайшее время от тяжелого бремени поставок, которые из-за длительного военного положения истощили страну. Нам известна их чрезмерность, и мы очень огорчены, что до сих пор не смогли облегчить их объемы.

Поляки, пусть же эта памятная эпоха, которая меняет и определяет вашу будущую судьбу, исполнит все ваши желания, удовлетворит остававшиеся долгое время обманутыми надежды и объединит все чувства в единой любви к родине и вашему монарху!

Способствуя величию и процветанию нашей империи, полностью доверяя нашей справедливости и желанию сделать вас счастливыми, будьте достойны благ вашего политического существования и улучшений, связанных с новыми условиями бытия!

Вена, 13(25) мая 1815 года.

Подписано АЛЕКСАНДР».

На рассвете 20 июня 1815 года артиллерийские залпы объявили Варшаве торжество восстановления королевства Польского. К восьми утра представители власти собрались в королевском дворце. В девять часов процессия направилась в кафедральный собор, где после богослужения были зачитаны акт отречения короля саксонского от великогерцогской короны, манифест Его Величества императора Всероссийского и царя Польского, а также основы будущей польской конституции, построенной на принципах конституции 3 мая 1791 года. Тут же была принесена инаугурационная присяга царю и конституции со стороны Государственного совета, Сената, представителей гражданской и судебной власти, жителей. Одновременно с этим

на зданиях всех государственных учреждений были вывешены польские флаги и белые орлы. Во всех церквях под звуки колокольного звона и пушечной пальбы был отслужен благодарственный молебен с включением молитв Te Deum (Тебя, Бога, хвалим) и Salvum fac imperatorem et regem (Боже, храни императора и короля). Затем все высшие сановники отправились с парадным визитом к цесаревичу Константину. Утром на равнине у предместья Воля, где был воздвигнут огромный алтарь, польские генералы, офицеры и войска в составе батальонов в присутствии епископа и цесаревича Константина принесли присягу царю Польскому. Эта церемония закончилась артиллерийским и ружейным салютом. Со всех сторон доносились радостные крики «*Да здравствует наш король Александр!*»

В ноябре в состав членов верховного совета был дополнительно введен князь Адам Чарторыйский. Генеральным секретарем совета вместо Демчинского был назначен г-н Иосиф Калясанты Шанявский. Созданная комиссия временного правительства занималась всеми вопросами управления вплоть до декабря, когда была обнародована конституция Царства Польского.

Еще до этого император назначил конституционный комитет во главе с графом Островским, председателем Сената, в который вошли граф Матушевич, сенатор граф Замойский, государственные советники Линовский и Грабовский, а также несколько судей, представлявших суды различных инстанций.

Члены польской депутации, отправленной в Париж к Его Величеству императору Всероссийскому и царю Польскому, по своему возвращению в Варшаву в октябре 1815 года представили председателю польского Сената графу Островскому отчет о выполнении миссии. После речи сенатора и воеводы графа Замойского, обращенной к императору, Его Величество сказал:

«Я живо тронут чувствами, которые через вас мне выражает польский народ. Заверьте же его с моей стороны, что во всех к нему своих действиях я руководствовался лишь одним принципом: вернуть полякам утраченную национальность. Присоединяя их к народу, имеющему одинаковые с ними славянские корни, я укрепляю их благополучие и спокойствие. Самой большой наградой для меня будет видеть их счастливыми».

Во время встречи депутация имела честь передать императору золотую медаль, отчеканенную в Варшаве в ознаменование восстановления Царства Польского. На лицевой стороне медали был помещен портрет монарха, на оборотной –

надпись *Unis nobis restituit rem*. Во время аудиенции император был в польском мундире с единственной наградой – польским орденом Белого Орла.

Когда в ноябре месяце император прибыл в Варшаву, и сенатор и воевода граф Малаховский произнес речь от имени польской депутации, Его Величество ответил:

«Мне известно, что ваша родина сильно пострадала. Чтобы принести ей быстрое облегчение, я приказал в этой связи вывести из Царства Польского русские войска. Во всем остальном я стремлюсь крепить благосостояние страны и благополучие ее населения. Я всегда готов внимательно выслушать ваши просьбы и идти навстречу вашим желаниям насколько это позволяют обстоятельства».

Вот имена тех, кто после публикации конституции был призван Его императорским величеством, чтобы сформировать правительственный совет Царства Польского.

В него вошли: граф Станислав Потоцкий, бывший председатель государственного совета герцогства Варшавского, – министр народного просвещения и культов; г-н Варжецкий – министр юстиции; граф Мостовский – министр внутренних дел; генерал Йозеф Вельгорский – министр обороны; граф Игнатий Соболевский – министр и статс-секретарь.

В придворное ведомство короны вошли:

Граф Александр Потоцкий, обер-шталмейстер; г-н Батовский – обер-егермейстер; г-н Адам Бронец – маршалок двора.

Глава VI

Жители Виленской губернии, будучи осведомленными о том, что император приказал мне явиться в Варшаву в дни его там пребывания, не уточнив при этом времени, захотели воспользоваться этими обстоятельствами и предложили мне еще раз стать их представителем перед Его Величеством. Я принял их предложение и написал князю Адаму Чарторыйскому[180], который находился в то время на Венском конгрессе, попросив его предупредить Его Величество и назначить день, когда мне будет позволено явиться в Варшаву. Князь ответил, что приезжать следует не ранее возвращения императора с Венского конгресса, то есть в начале ноября месяца.

Помимо Виленской губернии направить свои депутации к императору в Варшаву получили разрешение дворяне Гродно и Минска, в то время как другие населенные поляками губернии и, в частности, Волынская, которая успела избрать своих представителей, такой привилегии были лишены.

В Варшаву я прибыл 8 (н. с.) ноября 1815 года. Я попросил генерал-адъютанта и начальника Главного штаба Его императорского величества князя Волконского предупредить Его Величество о моем приезде и просить его дальнейших приказаний.

Император назначил мне личную аудиенцию на полдень 12 ноября. Поскольку это был праздничный день, во дворце собрался весь двор. После богослужения меня провели сквозь многочисленную толпу поляков, собравшихся в залах дворца.

Оглядевшись вокруг, я пришел в сильное волнение. Снова я в родных местах[181], среди старых знакомых. Я вновь видел сенаторов, министров и польских сановников, которых так долго была лишена страна. Среди них несколько уважаемых ветеранов, переживших все невзгоды Польши, сохранивших при этом чистоту своей души, добродетельное сердце и возвышенные чувства. Я не сводил глаз с отважных военачальников, которые после восстания 1794 года покинули свои дома, отправившись навстречу опасности в сражениях за дело своей отчизны. Испытав на себе все превратности судьбы, пожертвовав всем, кроме своей чести, они вернулись на родину, доверившись обещаниям Александра, принеся с собой любовь к своим согражданам, восхищение всей Европы, уважение со стороны врагов и сладкое чувство исполненного долга.

Я ступал по паркету, по которому когда-то направлялся в залы заседания сейма и покои последнего короля!..

Национальные символы на форменных сюртуках гражданских чиновников, покрой военной формы, так мало отличавшийся от прежнего, живые лица тех, кто был обязан императору Александру возрождением своей родины, – все это было для меня не только неожиданной, но и крайне приятной картиной.

Обернувшийся ко мне император показался мне более суровым и более величественным по сравнению с тем, каким я видел его в Петербурге в 1814 году. Тогда в нем заметны были лишь черты победителя и триумфатора над своими врагами, сейчас же, после окончания венских переговоров, в нем сочеталась важность миротворца Европы и воинственный вид воина, причем я сразу же обратил внимание на контраст между Александром, которого я знал до начала кампании 1812 года, и стоящим передо мной, и, признаюсь, это наблюдение поразило меня.

Направляясь ко мне и принимая менее суровый, но по-прежнему серьезный вид, император протянул мне руку и, пожав мою, сказал:

«Очень рад видеть вас… Сколько всего произошло после моего отъезда из Петербурга в 1812 году! И даже такое, чего мы не ожидали, и что немыслимо было даже представить себе… Особенно перипетии последней кампании после неожиданного возвращения Наполеона с острова Эльбы. Все произошло так внезапно… Вся Франция снова оказалась под ружьем, однако уже через неделю гидра была поражена. Я вновь вступил в Париж, потеряв в моей армии не более пятидесяти человек. Такие чрезвычайные явления не повторяются веками. Свершились и другие события, которые были предусмотрены и осуществлены, потому что я того хотел и обещал выполнить. Я держу свое слово и выполняю все обязательства как честный человек, для которого обещание стоит клятвы. Я требовал от жителей этой страны терпения и доверия. В проезд мой через Пулавы я видел многих из тех, кто оказал мне доверие. Они не обманули меня, и у меня есть основание быть почти всеми довольным. Я тоже не обманул их. Своим доверием они уполномочили меня работать для них. Я сделал все, что было возможно. Адам скажет вам, чего мне это стоило, и какие препятствия я должен был преодолеть в Вене. Я создал это королевство и на весьма прочных основаниях, потому что принудил европейские державы обеспечить его существование договорами. Сделаю и все остальное, как было обещано; но это не может быть исполнено разом. Необходимо доверие. Я имею право на него после всего, что сделал, а мои решения неизменны».

Император обычно говорил гладко и очень быстро. На сей раз, хотя он вел свою речь не останавливаясь и сопровождал ее оживленными жестами, изъяснялся он не так быстро и следил за своими выражениями. Когда же он остановился на какое-то время, чтобы дать мне возможность обратиться к нему, я промолвил: «Государь, мне кажется, не от меня следует требовать доверия к Вам, поскольку у меня его всегда хватало. Я имел счастье находиться рядом с Вашим императорским величеством на протяжении двух лет и за это время узнал Вас. Я убедился в Вашем доброжелательном отношении к моим соотечественникам и никогда ни на миг не сомневался в том, что Вы обязательно исполните все, что обещали им. Жители Литвы разделяли мое мнение до того времени, пока Ваше императорское величество не покинули нас. С тех пор в их сердца вкралось беспокойство, что их надеждам не суждено быть сбыться по причине изменившегося к ним отношения.

Знаете ли Вы, Государь, что в Вильне не разрешается упоминать о Царстве Польском и дарованной ему конституции? Редактор «Литовского Вестника» получил строгий выговор за то, что посмел опубликовать варшавскую статью. В обществе не осмеливаются вести разговоров о Польше и поляках. Там совсем мало знают о новом царстве, словно находятся за тысячу лье от Варшавы».

«Я об этом ничего не знал, – *живо возразил император*. – Однако достаточно одного росчерка пера, чтобы изменить такое отношение со стороны правительства. Я напишу Корсакову. Он славный человек и желает добра вашему народу. Он поймет, насколько я удивлен тем, что в Вильне делают тайну из существования Царства Польского, которое признано всей Европой. Однако, – добавил император, – разве вы не делегат от Литвы? – Да, Государь, – ответил я, – меня избрали жители Вильны, и я хотел просить Ваше императорское величество соизволить принять нашу делегацию. – Почему бы нет, – *живо ответил император*. Только не затрагивайте нежной струны, которая поставила бы меня в неловкое положение. Я не могу допустить, чтобы вы просили о присоединении ваших областей к Польше, так как не следует подавать повода к мысли, что о том просите меня вы. Необходимо, чтобы все были убеждены в том, что я сделаю это по собственному почину, ибо того желаю. Мне известно, что вы не можете признать удовлетворительными отношения, которые существовали до сих пор между вашими областями и Россией. Каждый рассудительный человек убежден в

этом. Никто не может допустить того, что я намерен отделить эти области от России. Напротив, я хочу упрочить связь этих областей с моей империей, заботясь о том, чтобы мои польские подданные не имели бы причин жаловаться. Вы недовольны в Литве и будете недовольны, пока не объединитесь с вашими соотечественниками и не воспользуетесь благами конституции; только тогда ваше объединение с Россией может установить доверие и полное согласие между обеими нациями. Мои убеждения в пользе выполнения этого плана еще больше утвердятся, когда в будущем, как и сегодня, у меня будет повод быть довольным армией и гражданской частью королевства. До этого времени я могу только похвалить их. Когда я буду в состоянии указать на это правительство, как на образцовое, и все убедятся, что его существование не может нанести вреда империи, тогда мне будет легко выполнить и все остальное. Еще раз доверие, и не ставьте меня в затруднительное положение».

Я спросил, в одно ли время будут приняты депутаты от Вильны, Гродно и Минска. – Все вместе, – *ответил император*. Главное, чтобы вы соблюдали то, о чем я просил вас… Я назначу день, когда смогу принять вас, и вы будете говорить от имени всех». После того, как я передал императору список депутатов, он расстался со мной.

Список депутатов от Виленской, Гродненской и Минской губерний

Виленская губерния

Сенатор и тайный советник граф Михаил Огинский
Тайный советник Томаш Вавжецкий
Граф Александр Поцей
Граф Людовик Платер

Гродненская губерния

Князь Ксаверий Любецкий, губернский маршалок
Государственный советник Станислав Немцевич
Генерал граф Людвиг Пац
Государственный советник Альберт Пословский

Председатель первого департамента Суходольский

Минская губерния

Полковник Игнатий Лахницкий
Князь Людвиг Радзивилл
Г-н Щитт
Князь Карл Любецкий

22 ноября князь Волконский предупредил меня от имени императора, что прием депутатов назначен на 26 ноября. 25 ноября, ближе к полуночи я написал записку императору и отправил ему копию речи, которую собирался произнести на следующий день. 26 ноября, после богослужения в придворной церкви, Его Превосходительство действительный тайный советник и сенатор Ланской провел нас в тронный зал. Я выступал от имени всех депутатов. Вот текст речи, произнесенной на французском языке, и напечатанной в переводе на польский в варшавских газетах.

«Государь, жители Литвы, подданные Вашего императорского величества, лишенные на протяжении длительного времени Вашего присутствия, вероятно, еще более прочувствовали бы это печальное положение, если бы не были убеждены, что само Провидение послало последние события, вынудившие Ваше Величество покинуть на время страну, чтобы дать окончательное подтверждение своей славы и навсегда обеспечить спокойствие и благополучие своего народа. Наши глаза и сердца были прикованы к Вам, Государь, когда на Венском конгрессе Вы закладывали основы общего мира, жертвуя выгодами положения победителя ради славы примирителя народов и миротворца Европы. Наши благие желания всегда сопровождали вас, когда Вы во главе вашей доблестной армии с быстротой молнии перенеслись на берега Сены, чтобы потушить угрожавший континенту новый пожар и завершить самую удивительную из кампаний за те несколько дней, необходимых лишь для того, чтобы разработать план действий.

Это ваятелям истории предстоит передать будущим поколениям картину событий, прославляющих правление Вашего императорского величества, примера которому не может предложить даже история античного мира.

Что до нас, Государь, то мы оставили в своих семейных

архивах памятные свидетельства Вашей благожелательности, которые увековечат Ваше августейшее имя памятью признательности точно так же, как ваши подвиги войдут в историю.

Государь, жители Литвы и, в частности, жители Виленской губернии, которых я здесь представляю, никогда не забудут того, что Ваше императорское величество сделало для них.

Получив все, что просили на протяжении 1810 и 1811 годов, они убедились, что их страдания прекращались после того, как Ваше Величество узнавало о них.

Акт об амнистии 1812 года, который сам по себе заслуживает того, чтобы обессмертить ваше имя, вызвал во всем крае слезы благодарности, которые пришли на смену тревогам, связанным со страхом и беспокойством.

Манифест 1814 года, проникнутый милосердием, справедливостью и великодушием Вашего Величества, позволил нам отчасти забыть о бедствиях предпоследней кампании, а возвращение мира, надежда на возрождение торговли и присоединение к скипетру Вашего императорского величества страны, где каждый из нас найдет брата, друга ли соотечественника, еще больше увеличивает нашу признательность.

Да будет мне позволено от имени жителей Литвы засвидетельствовать Вашему императорскому величеству самое глубокое почтение и передать ему изложенные письменно скромные просьбы относительно разных предметов, особо занимающих наших доверителей.

Государь, доверие, которое мы к Вам питаем, не позволяет нам высказать иных пожеланий кроме тех, что могут продлить Ваши ценные дни, от коих зависят наши судьбы и счастье».

Император, похоже, остался очень доволен депутацией и сказал, что «он с большим удовлетворением принимает знаки почтения от жителей Литвы, а также выраженное через меня свидетельство их чувств. – Скажите вашим доверителям, – *добавил император*, что их благополучие остается предметом моих постоянных попечений и забот. Уверьте их, что я не забывал о них даже среди военных трудов и что я всегда думал о средствах для улучшения их положения и обеспечения спокойствия и счастья. – Передайте мне их письменные просьбы, и я, не откладывая, с удовольствием ознакомлюсь с ними и обещаю дать по возможности положительный ответ».

После этого император попросил меня представить ему

поочередно депутатов, и для каждого у него нашлись весьма любезные слова.

Когда мы покинули зал приемов, император, оставшись наедине с действительным статским советником Ланским, окинув последнего внимательным взглядом, словно пытаясь угадать его мнение и душевное состояние, спросил его с любезной улыбкой:

«Ну, так что вы думаете об этой депутации и услышанной речи?

– Думаю, что Ваше Величество должно быть довольно, поскольку оно только что получило новое свидетельство преданности со стороны своих подданных.

– Да, – *ответил император*, – я вполне удовлетворен чувствами, выраженными жителями Литвы, но вы не заметили чего-нибудь еще в этой речи?

– Государь, видно, что жители этих губерний питают огромное доверие к доброте и вниманию, которые вы проявляли по отношению к ним, и связывают свои надежды с благосклонным покровительством Вашего императорского величества.

– Они не ошибаются, – *сказал император*, они правы, что доверяют мне, и я сделаю для них даже больше того, на что они могут надеяться сегодня».

Несколько часов спустя эти слова императора г-н Ланской передал Ваврецкому. Он также доверительно добавил, что у императора, вероятно, есть намерение присоединить Литву к царству Польскому, как только исчезнут препятствия для выполнения этого проекта, которому император, по всей видимости, придает большое значение.

Через несколько дней я покинул Варшаву, чтобы опередить приезд императора в Вильну, где по дороге в Петербург он собирался остановиться на сутки. Его Величество удостоило своим присутствием бал, который дали дворяне в честь его приезда в столицу Литвы. Весь город стихийно осветился иллюминацией. Мой дом отличался от других вывешенным транспарантом с надписью: *Признательность и доверие*. Заметив его, император сказал мне:

«Полагаю, я вдохновил вас и жителей Литвы на доверие. Хочу верить, что смогу приобрести право на вашу признательность и надеюсь заслужить ее как можно скорее».

1 декабря император подписал в Варшаве конституцию Царства Польского. Наместником император назначил генерала Зайончека с титулом Высочества.

Я выполнил свою задачу, завершая описание всего, что имело отношение к Польше и полякам концом 1815 года. Словом, я заканчиваю свои Воспоминания порой, когда мой возраст и

болезни вынуждают меня отойти от дел, чтобы найти в уединении радость отдыха и покоя после бурной жизни, о которой у меня остались бы лишь грустные воспоминания, если бы порой мной не овладевали обманчивые надежды и я не утешал себя тем, что приношу пользу своей стране и своим соотечественникам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛАГАЕМЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Конституционная Хартия Царства Польского
2. Речь Его Величества императора Всероссийского и царя Польского Александра на открытии сейма Царства Польского 15(27) марта 1818 года в Варшаве.
3. Речь графа Мостовского, министра внутренних дел и полиции Царства Польского на открытии заседания Сейма в Варшаве 15 марта 1818 года.
4. Манифест Николая I, императора и царя
5. Адрес Сената Царства Польского Его Величеству императору и царю Николаю.
6. Ответ императора Николая.
7. Письмо министра статс-секретаря графа Стефана Грабовского князю Зайончеку, наместнику Царства Польского.

КОНСТИТУЦИОННАЯ ХАРТИЯ Царства Польского

Титул I.

Государственные отношения Царства.

Статья I

Царство Польское навсегда присоединено к Российской Империи.

Ст. II

Гражданские и государственные отношения, в которые Мы его ставим, равно как узы, должные укрепить это присоединение, определяются настоящей Нами ему даруемой Хартией.

Ст. III

Корона Царства Польского наследственна в лице Нашем и Наших потомков, наследников и преемников в порядке престолонаследия, установленного для Императорского Российского престола.

Ст. IV

Конституционная хартия определяет порядок и принципы исполнения верховной власти.

Ст. V

Царь, в случае своего отсутствия, назначает Наместника, который должен пребывать в Царстве. Наместник по желанию может быть отозван.

Ст. VI

Если Царь не назначит своим Наместником Великого Князя Российской Империи, выбор может пасть только на местного уроженца или на лицо, которому Царь предоставит права гражданства, согласно порядку, установленному в ст. XXXIII.

Ст. VII

Назначение наместника совершается посредством акта, подлежащего опубликованию. Означенный акт точно определяет суть и пределы власти, предоставленной наместнику.

Ст. VIII

Внешние политические отношения Империи Нашей распространяются на Царство Польское.

Ст. IX

Государю одному принадлежит право определять участие Царства Польского в войнах, каковые будет вести Россия, а равно в мирных или торговых трактатах, каковые могла бы заключить

сия держава.

Ст. X

Во всех случаях введения Российских войск в Польшу или Польских войск в Россию или в случаях прохода означенных войск через какую-либо область двух означенных государств, их содержание и расходы по их передвижению относятся в полном размере на счет того края, которому они принадлежат. Польская армия не будет никогда употребляться вне Европы.

Титул II.

Общие гарантии.

Ст. XI

Римско-католическая религия, исповедываемая большею частью жителей Царства Польского, будет предметом особенного попечения правительства, без какого-либо нарушения свободы других вероисповеданий, каковые все без изъятия могут быть отправляемы в полной мере и публично и будут пользоваться защитой правительства. Различие христианских вероисповеданий не устанавливает никакого различия в пользовании гражданскими и политическими правами.

Ст. XII

Духовенство всех вероисповеданий находится под покровительством и надзором законов и правительства.

Ст. XIII

Имущества, коими ныне владеет духовенство римско-католическое и духовенство греко-униатское, а равно те, каковые Мы предоставим им особым распоряжением, будут объявлены неотчуждаемой и общей собственностью всей церковной иерархии, когда правительство укажет и наделит

вышеозначенные духовенства государственными землями, каковые составят их обеспечение.

Ст. XIV

В сенате Царства Польского будет заседать столько епископов римско-католического вероисповедания, сколько закон установит воеводств. Кроме того будет заседать один греко-униатский епископ.

Ст. XV

Духовенство лютеранского и евангелическо-реформатского вероисповедания будет пользоваться ежегодной субсидией, каковую Мы ему предоставим.

Ст. XVI

Свобода печати гарантируется. Меры к ограничению злоупотреблений ею будут определены законом.

Ст. XVII

Закон покровительствует в равной мере всем гражданам без различия их сословия и звания.

Ст. XVIII

Древний основной закон neminem captivari permittemus nisi jure victum будет применяться к жителям всех сословий на нижеследующих основаниях.

Ст. XIX

Никто не может быть взят под стражу иначе, как с соблюдением форм и в случаях, предусмотренных законом.

Ст. XX

Причины задержания должны быть объявлены взятому под стражу немедленно письменно.

Ст. XXI

Всякое взятое под стражу лицо должно быть доставлено не позднее трех суток в надлежащее судебное место для допроса или разбора дела в установленном порядке. Лицо, признанное невиновным после первого дознания, немедленно отпускается на свободу.

Ст. XXII

В случаях, предусмотренных законом, лицо, представившее поручительство, временно отпускается на свободу.

Ст. XXIII

Никто не может подлежать наказанию иначе, как на основании действующих законов и решения соответствующего установления.

Ст. XXIV

Каждый поляк имеет свободу передвижения и перемещения своего имущества с соблюдением порядка, определенного законом.

Ст. XXV

Каждый осужденный отбывает свое наказание в пределах Царства; никто не может быть выслан из края за исключением случаев изгнания, предусмотренных законом.

Ст. XXVI

Всякая собственность без различия наименования и рода, находится ли она на поверхности земли, или в ее недрах и кому бы она ни принадлежала, объявляется священною и

неприкосновенной. Никакая власть не может посягнуть на нее под каким бы то ни было предлогом. Всякий, посягающий на чужую собственность, почитается нарушителем общественной безопасности и, как таковой, наказывается.

Ст. XXVII

Правительство, тем не менее, имеет право требовать от частного лица уступки его собственности в видах общественной пользы за справедливое и предварительное вознаграждение. Закон определит порядок и случаи, в которых может применяться вышеизложенное правило.

Ст. XXVIII

Все государственные дела по администрации, судебной и военной части без всяких изъятий производятся на польском языке.

Ст. XXIX

Государственные должности гражданские и военные могут замещаться исключительно поляками. Должности председателей судов первой инстанции, воеводских комиссий и апелляционных палат, членов воеводских советов, звание послов и депутатов сейма, а равно должности сенаторов могут быть предоставлены исключительно землевладельцам.

Ст. XXX

Все государственные чиновники по ведомству администрации могут быть смещаемы по усмотрению власти, назначившей их. Все они без исключения ответственны за свою служебную деятельность.

Ст. XXXI

Польский народ будет иметь на вечные времена народное представительство. Оно заключается в сейме, состоящем из Царя и из двух палат. Первая образуется из сената, вторая из послов и

депутатов от гмин.

Ст. XXXII

Каждый иностранец, по установлении своей личности, будет пользоваться наравне с другими жителями защитой закона и преимуществами, гарантированными им. Наравне с местными жителями, он может оставаться в крае, оставить его, соблюдая правила, которые будут установлены, возвратиться, приобретать земельную собственность и заявить о желании принять местное гражданство.

Ст. XXXIII

Каждый иностранец, сделавшийся собственником, получивший право гражданства и изучивший польский язык, может быть допущен к отправлению государственных должностей после пятилетнего пребывания в крае при беспорочном поведении.

Ст. XXXIV

Тем не менее Царь может по непосредственному усмотрению или по представлению государственного совета допускать иностранцев, отличающимися своими талантами, на государственные должности, кроме означенных в ст. XC.

Титул III.

О правительстве.

ГЛАВА I.

О Царе.

Ст. XXXV

Правительство зиждется в Особе Царя. Он отправляет во всей полноте функции исполнительной власти. Всякая исполнительная и административная власть исходит токмо от Него.

Ст. XXXVI

Особа Царя священна и неприкосновенна.

Ст. XXXVII

Все государственные акты судов, палат и каких бы то ни было присутственных мест издаются от имени Царя. Монеты и гербовые знаки носят изображение, им определенное.

Ст. XXXVIII

Заведывание военной силой как в мирное, так и в военное время, а равно назначение командующих и офицеров принадлежат исключительно Царю.

Ст. XXXIX

Царь распоряжается доходами Государства согласно составленному бюджету, одобренному Им.

Ст. XL

Право объявления войны и заключение договоров и трактатов всякого рода принадлежит Царю.

Ст. XLI

Царь назначает сенаторов, министров, членов государственного совета, референдариев, председателей воеводских комиссий, председателей и судей различных судебных установлений, назначение коих принадлежит Ему,

дипломатических и торговых агентов, а равно всех остальных должностных лиц по администрации или непосредственно своею властью, или при посредстве властей, Им на то уполномоченных.

Ст. XLII

Царь назначает архиепископов и епископов разных вероисповеданий, суфраганов, прелатов и каноников.

Ст. XLIII

Право помилования принадлежит исключительно Царю. Он может отменить или смягчить наказание.

Ст. XLIV

Учреждение, статуты и пожалование гражданских и военных орденов принадлежит Государю.

Ст. XLV

Все Наши наследники по престолу Царства Польского обязаны короноваться Царями Польскими в столице согласно обряду, который будет Нами установлен, и приносит следующую клятву: «Обещаюсь и клянусь пред Богом и Евангелием, что буду сохранять и требовать соблюдений Конституционной Хартии всею Моею властью».

Ст. XLVI

Царю принадлежит право возведения в дворянское достоинство, предоставление прав гражданства и почетных званий.

Ст. XLVII

Все повеления и указы Царя контрассигнуются министром-начальником департамента, который ответствен за все, что сии повеления и указы могли бы заключать в себе противного

конституции и законам.

ГЛАВА II.

О регентстве.

Ст. XLVIII

Случаи регентства, которые установлены или будут установлены в России, равно как власть и полномочия регента, будут общи Царству Польскому и определяются теми же правилами.

Ст. XLIX

В случае регентства, министр статс-секретарь обязан под личную свою ответственность донести наместнику об учреждении в России регентства.

Ст. L

Наместник по получении сообщения о регентстве в России и донесения министра статс-секретаря созывает сенат для избрания членов регентства Царства.

Ст. LI

Регентство Царства образуется из регента России, четырех членов, избранных сенатом, и министра статс-секретаря. Оно заседает в столице Российской Империи. Регент председательствует.

Ст. LII

Власть регентства Царства равна власти Царя, с теми изъятиями, что оно не может назначать сенаторов, что все его назначения должны быть представлены на одобрение Царя,

который, приняв бразды правления, может их отменить, и что указы регентства издаются от имени Царя.

Ст. LIII

Во время управления регентства назначение и отозвание наместника зависит от него.

Ст. LIV

Царь, приняв бразды правления, повелевает регентству представить отчет о его действиях.

Ст. LV

Члены регентства Царства ответственны лично и имущественно за все, совершенное вопреки конституции и законам.

Ст. LVI

В случае смерти одного из членов регентства сенат, созванный наместником, принимает меры для его замещения. Регентство назначает министра статс-секретаря.

Ст. LVII

Члены регентства раньше отправления в столицу Российской империи приносят присягу в присутствии сената и обещают соблюдать верность конституции и законам.

Ст. LVIII

Регент России приносит такую же присягу в присутствии членов регентства Царства.

Ст. LIX

Министр статс-секретарь обязан принести такую же присягу.

Ст. LX

Акт принесения присяги регентом препровождается в польский сенат.

Ст. LXI

Акт принесения присяги министром статс-секретарем препровождается равным образом в польский сенат.

Ст. LXII

Акт принесения присяги членами регентства препровождается польским сенатом регенту России.

ГЛАВА III.

О наместнике и государственном совете.

Ст. LXIII

Государственный совет под председательством Царя или Его наместника состоит из министров, членов государственного совета, референдариев, а равно из лиц, которых Царю угодно будет призвать туда особо.

Ст. LXIV

В отсутствии Царя, наместник и государственный совет управляют от Его имени государственными делами Царства.

Ст. LXV

Государственный совет разделяется на совет управления и общее собрание.

Ст. LXVI

Совет управления составляется из наместника, министров-начальников пяти департаментов управления и других лиц, особо призванных Царем.

Ст. LXVII

Члены совета управления имеют совещательный голос. Решает единственно мнение наместника. Он принимает свои решения в совете, согласно Конституционной Хартии, законам и полномочиям, предоставленным ему Царем.

Ст. LXVIII

Всякий указ наместника, для получения обязательной силы, должен быть объявлен в совете управления и контрасигнован министром-начальником департамента.

Ст. LXIX

Наместник представляет, для назначения Царем согласно положениям особого регламента, двух кандидатов на каждое вакантное место архиепископа, епископа, сенатора, министра, высшего судьи, члена государственного совета и референдария.

Ст. LXX

Наместник приносит пред лицом Царя, в присутствии сената следующую присягу: «Клянусь всемогущим Богом управлять делами Польши именем Царя, согласно конституционному акту, законам и полномочию Царя, и возвратить Царю власть, вверенную Им мне, как только это будет угодно Его Величеству». В случае отсутствия Царя в царстве акт принесения наместником присяги пред лицом Царя доставляется сенату министром статс-секретарем.

Ст. LXXI

В присутствии Царя власть наместника приостанавливается. В таком случае от усмотрения Царя зависит заниматься с отдельными министрами или созывать совет управления.

Ст. LXXII

В случае смерти наместника или если Царь не признает нужным назначить такого, Царь заменяет его ad interim назначением президента.

Ст. LXXIII

Общее собрание государственного совета составляется из всех членов, указанных в ст. LXIII. В общем собрании председательствует Царь или наместник, а в случае их отсутствия, первый из членов совета в порядке, указанном в ст. LXIII и LXVI. Предметы ведения собрания суть:

1) Обсуждение и составление проектов законов и учреждений, касающихся общего управления краем.

2) Постановления о предании суду всех правительственных чиновников, назначенных Царем, по обвинению в преступлениях по должности, за исключением подлежащих Верховному Государственному Суду.

3) Разрешение пререканий о пределах ведомства и власти.

4) Рассмотрение ежегодно отчетов, представляемых каждою из главных частей управления.

5) Замечания относительно злоупотреблений и всего, что могло бы нарушить Конституционную Хартию, и составление на этом основании общего отчета, представляемого Государю, который определяет предметы, по их существу подлежащие направлению, по Его повелениям, в сенат или в сейм.

Ст. LXXIV

Общее собрание государственного совета заседает по повелению Царя, наместника или по предложению начальника департамента согласно органическим законам.

Ст. LXXV

Постановления общего собрания государственного совета представляются на утверждение Царя или наместника. Постановления же, касающиеся предания суду должностных лиц и пререканий о подсудности, немедленно приводятся в исполнение.

ГЛАВА IV.

Об отдельных частях управления.

Ст. LXXVI

Исполнение законов вверяется нижеследующим отдельным частям государственного управления, каковы суть:

1. Комиссия вероисповедания и народного просвещения.
2. Комиссия юстиции, избранная из членов Высшего Суда.
3. Комиссия внутренних дел и полиции.
4. Комиссия военная.
5. Комиссия финансов и казначейства.

Эти различные комиссии находятся под председательством и управлением назначенного на тот предмет министра.

Ст. LXXVII

Учреждается должность министра статс-секретаря, который находится постоянно при особе Царя.

Ст. LXXVIII

Учреждается контрольная палата для окончательной проверки счетов и расчетов с представляющими отчеты. Палата будет зависеть от одного только Царя.

Ст. LXXIX

Органический статус определит состав и компетенцию комиссии народного просвещения, а равно и судебного порядка.

Ст. LXXX

Комиссии внутренних дел, военная и финансов состоят из министра и государственных советников главных директоров, согласно определению органических статутов.

Ст. LXXXI

Министр статс-секретарь представляет Царю дела, которые будут ему переданы наместником, и отправляет наместнику указы Царя. Внешние сношения, поскольку они касаются Царства Польского, вверяются ему.

Ст. LXXXII

Министры-начальники департаментов и члены правительственных комиссий ответственны и подлежат Верховному суду за всякое нарушение конституционного акта, законов и указов Царя, в коем они окажутся виновными.

ГЛАВА V.

О воеводских управлениях.

Ст. LXXXIII

В каждом воеводстве учреждается воеводская комиссия, состоящая из президента и комиссаров для исполнения распоряжений правительственных комиссий согласно особому регламенту.

Ст. LXXXIV

В городах учреждаются должности городского управления. В каждой гмине исполнение распоряжений правительства возлагается на войта, представляющего собой последнее звено административной службы.

Титул IV.

О народном представительстве.

Ст. LXXXV

Народное представительство образуется в порядке, изъясненном в ст. XXXI.

Ст. LXXXVI

Законодательная власть пребывает в Особе Царя и в двух палатах сейма согласно указаниям той же ст. XXXI.

Ст. LXXXVII

Очередной сейм собирается каждые два года в Варшаве в срок, указанный в акте созыва, исходящем от Царя. Сессия продолжается тридцать дней. Один Царь может продолжить, отсрочить и распустить его.

Ст. LXXXVIII

Царь созывает чрезвычайный сейм, когда Он признает это нужным.

Ст. LXXXIX

Член сейма не может быть взят под стражу, пока сейм продолжается, ни судим уголовным судом, иначе как с согласия палаты, членом которой он состоит.

Ст. XC

Сейм обсуждает все проекты законов гражданских, уголовных и административных, которые будут ему переданы от имени Царя государственным советом. Он обсуждает все, переданные ему от Царя проекты изменения или замены предметов ведения

конституционных установлений и властей, как-то: сейма, государственного совета, суда и правительственных комиссий.

Ст. XCI

Сейм обсуждает, по предложению Государя, вопросы об увеличении или уменьшении податей, налогов, пошлин и государственных повинностей, а равно о желательных изменениях таковых, о лучшем и наиболее справедливом их распределении, о составлении бюджета доходов и расходов, урегулировании монетной системы, наборе новобранцев, а равно другие предметы, которые будут ему переданы Государем.

Ст. XCII

Сейм обсуждает также сообщения, которые будут ему сделаны со стороны Царя вследствие общего отчета, составление которого возложено на общее собрание государственного совета по ст. LXXIII. Наконец сейм, по разрешении всех сих предметов, принимает сообщения, заявления, представления и запросы послов и депутатов о благе и пользах их доверителей. Он препровождает их государственному совету, который подносит их Государю. В случае, когда таковые будут переданы Царем сейму через посредство государственного совета, сейм обсуждает проекты законов, составленные вследствие таковых заявлений.

Ст. XCIII

В случае непринятия сеймом нового бюджета, прежний сохраняет силу закона до ближайшей сессии. Тем не менее, бюджет теряет силу по прошествии четырех лет, если в течение этого промежутка времени сейм не будет созван.

Ст. XCIV

Сейм не может заниматься ничем другим, кроме вопросов, входящих в круг его ведения, или указанных в акте его созыва.

Ст. XCV

Обе палаты совещаются публично. Они могут, однако, собираться на закрытых заседаниях по заявлению одной десятой части присутствующих членов.

Ст. XCVI

Проекты законов, составленные государственным советом, вносятся в сейм, по повелению Царя, членами названного совета.

Ст. XCVII

По усмотрению Царя проекты вносятся или в палату сенаторов, или в палату послов. Из сего исключаются проекты финансовых законов, которые предварительно должны быть вносимы в палату послов.

Ст. XCVIII

Для обсуждения проектов каждая палата избирает закрытой баллотировкой три комиссии. Они состоят в палате сенаторов из трех, в палате послов из пяти членов, а именно: финансовая комиссия, комиссия гражданского и уголовного законодательства, комиссия органического и административного законодательства. Каждая палата извещает государственный совет об избрании означенных комиссий. Комиссии сносятся с государственным советом.

Ст. XCIX

Проекты, вносимые по повелению Царя, не могут изменяться иначе, как государственным советом вследствие замечаний, представленных соответствующими комиссиями сейма.

Ст. C

Члены государственного совета в обеих палатах и члены комиссий в соответствующих палатах одни только имеют право произносить написанные речи. Другие члены могут говорить не иначе, как по памяти.

Ст. CI

Члены государственного совета имеют право заседать и участвовать в прениях в обеих палатах при обсуждении правительственных проектов. Они не участвуют в подаче голосов, если не состоят сенаторами, послами или депутатами.

Ст. CII

Проекты решаются большинством голосов. Голоса подаются вслух. Проект закона, таким образом, принятый большинством голосов одной палатой, передается в другую, которая обсуждает его и постановляет тем же способом. При равенстве голосов проект считается принятым.

Ст. CIII

Проект, принятый одной палатой, не может быть изменен другой; он должен быть или принят, или отвергнут.

Ст. CVI

Проект, принятый обеими палатами, выносится на утверждение Царя.

Ст. CV

Если Царь утверждает, проект становится законом. Царь повелевает обнародовать его в установленной форме. Если Царь откажет в утверждении, проект считается отклоненным.

Ст. CVI

Общий отчет о положении края, составленный государственным советом и отправленный в сенат, прочитывается в соединенном заседании обеих палат.

Ст. CVII

Каждая палата поручает рассмотреть означенный отчет соответствующим комиссиям и представляет о нем свое заключение Царю. Означенный отчет может быть напечатан.

ГЛАВА II.

О сенате.

Ст. CVIII

Сенат состоит:
из принцев Императорской и Царской крови,
из епископов,
из воевод,
из кастеллянов.

Ст. CIX

Число сенаторов не может превышать половины числа послов и депутатов.

Ст. CX

Царь назначает сенаторов. Их должности пожизненны. Сенат представляет Царю, при посредстве наместника, двух кандидатов на каждую открывшуюся должность: сенатора, воеводы или кастелляна.

Ст. CXI

Чтобы иметь право быть избранным в кандидаты в сенаторы, воеводы или кастелляны, необходимо иметь возраст не менее полных 35 лет, уплачивать 2000 флоринов польских годового налога и удовлетворять условиям, требуемым органическими законами.

Ст. CXII

Принцы крови имеют право заседать и подавать голос в сенате по достижении восемнадцати лет.

Ст. CXIII

В сенате председательствует первый из его членов в порядке, который будет определен особым указом.

Ст. CXIV

Кроме законодательных, сенат отправляет и другие функции, особо указанные.

Ст. CXV

Для отправления законодательных функций сенат собирается не иначе, как по созыву Царя, во время сейма. Для исполнения прочих своих обязанностей сенат созывается председателем.

Ст. CXVI

Сенат постановляет относительно предания суду: сенаторов, министров-начальников департаментов, государственных советников и референдариев за преступления по службе, по предложению Царя или наместника и по обвинению их палатой послов.

Ст. CXVII

Сенат решает окончательно вопросы относительно действительности сеймиков, гминных собраний, выборов, а равно составления списков избирателей как на сеймики, так и на гминные собрания.

ГЛАВА III.

О палате послов.

Ст. CXVIII

Палата послов состоит:

1. Из семидесяти семи послов, избранных сеймиками, то есть собраниями дворянства, считая по одному на повет.

2. Из пятидесяти одного депутата, избираемых гминами.

В палате председательствует маршалок, назначаемый Царем из числа его членов.

Ст. CXIX

Вся территория Царства Польского для народного представительства и выборов разделяется на семьдесят семь поветов и пятьдесят один гминный округ, из коих восемь полагается для города Варшавы и сорок три для остального края.

Ст. CXX

Члены палаты послов исполняют свои функции в течение шести лет. Каждые два года выбывает третья часть членов. Вследствие сего и на первый только раз одна треть членов палаты послов будет исполнять свои функции только в течение двух лет, а другая треть в течение четырех лет. Список членов, выбывающих по истечении указанных выше сроков, определяется жребием. Выбывающие члены могут быть избираемы вновь без ограничения.

Ст. CXXI

Чтобы иметь право быть избранным в члены палаты послов необходимо иметь возраст не менее тридцати лет, пользоваться своими гражданскими правами и уплачивать налог сто флоринов польских.

Ст. CXXII

В члены палаты послов не может быть избран чиновник, состоящий на государственной службе как гражданской, так и военной, без предварительного согласия начальства, от коего он зависит.

Ст. CXXIII

Если посол или депутат, не занимавший до своего избрания никакой должности, соединенной с получением жалования из государственного казначейства, примет таковую должность после своего избрания, то созывается новый сеймик или гминное собрание для нового выбора посла или депутата.

Ст. CXXIV

Царь имеет право распустить палату послов. Если он воспользуется этим правом, палата расходится, и Царь повелевает произвести новые выборы послов и депутатов в течение двух месяцев.

ГЛАВА IV.

О сеймиках.

Ст. CXXV

Дворяне собственники каждого повета, собравшись на сеймики, избирают одного посла, двух членов совета воеводства и составляют список кандидатов на административные должности.

Ст. CXXVI

Сеймики не могут собираться иначе, как по созыву Царя, который назначает день, продолжительность и предметы занятий собрания.

Ст. CXXVII

Ни один дворянин не может быть допущен к голосованию на сеймиках, если он не внесен в дворянскую книгу повета, если он не пользуется своими гражданскими правами, если он не имеет полных двадцати одного года и если он не владеет недвижимою собственностью.

Ст. CXXVIII

Дворянская книга повета составляется воеводским советом и утверждается сенатом.

Ст. CXXIX

На сеймиках председательствует маршалок, назначаемый Царем.

ГЛАВА V.

О гминных собраниях.

Ст. CXXX

В каждом гминном округе созывается гминное собрание; оно избирает одного депутата на сейм, одного члена совета воеводства и составляет список кандидатов на административные должности.

Ст. CXXXI

В гминных собраниях участвуют:

1. Каждый гражданин собственник не дворянин, уплачивающий по своему недвижимому имуществу какой бы то ни было налог.
2. Каждый фабрикант и хозяин мастерской, каждый торговец, владеющий лавкою или магазином стоимостью на сумму не менее десяти тысяч флоринов польских.
3. Все настоятели и викарии.
4. Профессора, учителя и лица, на которых возложено народное просвещение.
5. Всякий художник, отличенный своими талантами, знаниями или заслугами по торговле или искусствам.

Ст. CXXXII

Никто не может подавать голоса на гминном собрании, если он не внесен в книгу граждан гмины, если не пользуется своими гражданскими правами и если не достиг полных двадцати одного года.

Ст. CXXXIII

Список собственников, имеющих право подавать голос, составляется советом воеводства. Список фабрикантов, купцов и граждан, отличенных своими талантами и заслугами, составляется комиссией внутренних дел. Список настоятелей и викариев, а равно чинов народного просвещения составляется комиссией вероисповеданий и народного просвещения.

Ст. CXXXIV

На гминных собраниях председательствует маршалок, назначаемый Царем.

ГЛАВА VI.

О совете воеводства.

Ст. CXXXV

В каждом воеводстве учреждается совет воеводства, состоящий из советников, избираемых сеймиками и гминными собраниями.

Ст. CXXXVI

В совете воеводства председательствует советник старший по возрасту.

Ст. CXXXVII

Главные предметы ведомства совета воеводства суть:

1. Избрание судей двух первых инстанций.

2. Содействие в составлении и исправлении списка кандидатов на административные должности.

3. Заботы об интересах воеводства.

Все производится на основании особого регламента.

Титул V.

О судебной власти.

Ст. CXXXIII

Судебная власть конституционно независима.

Ст. CXXXIX

Под независимостью судьи понимается присвоенная ему свобода высказывать свое мнение при разборе дел, не подчиняясь влиянию ни высшей власти, ни власти министров или каким бы то ни было другим соображениям. Всякое другое определение или толкование независимости судьи почитается противным закону.

Ст. CXL

Суды составляются из судей, назначаемых Царем, и судей, избираемых на основании органического статута.

Ст. CXLI

Судьи, назначаемые Царем, несменяемы пожизненно. Судьи выборные точно также несменяемы на время срока их службы.

Ст. CXLII

Ни один судья не может быть устранен от должности иначе, как на основании постановления подлежащего судебного места,

вследствие доказанного преступления по должности или другого доказанного преступления.

Ст. CXLIII

Дисциплинарный надзор над судебными чинами, как по назначению, так и по выборам, равно как взыскания за уклонение от точного исполнения служебных обязанностей, которые они могли бы совершить, принадлежать ведению высшего суда.

Ст. CXLIV

Мировые судьи

Учреждаются мировые судьи для всех классов населения. Их обязанности примирительные.

Ст. CXLV

Ни одно дело не может поступить в гражданский суд первой инстанции, не будучи предварительно обращено к соответственному мировому судье, за исключением дел, не оканчивающихся по закону примирением.

Ст. CXLVI

Суды первой инстанции

Для дел на сумму не свыше пятисот флоринов польских учреждаются в каждой гмине и в каждом городе суды гражданские и полицейские.

Ст. CXLVII

Для рассмотрения дел на сумму свыше пятисот флоринов, учреждаются в каждом воеводстве несколько судов первой инстанции (sądy Ziemskie) и суды съездовые (sądy Ziazdowie).

Ст. CXLVIII

Будут учреждены также коммерческие суды.

Ст. CXLIX

Для дел уголовных и полиции исправительной учреждаются в каждом воеводстве несколько уголовных судов (sądy Grodzkie).

Ст. CL

Апелляционные палаты

В Царстве будут учреждены не менее двух апелляционных палат. Они будут разрешать во второй инстанции дела, разрешенные судами первой инстанции гражданскими, уголовными и коммерческими.

Ст. CLI

Высший суд

В Варшаве учреждается высший суд для всего Царства, который будет рассматривать в последней инстанции все гражданские и уголовные дела, за исключением дел о государственных преступлениях. Он составляется частью из сенаторов, поочередно заседающих в нем, частью из судей, назначаемых Царем пожизненно.

Ст. CLII

Верховный государственный суд

Верховный Государственный суд рассматривает дела о государственных преступлениях и о преступных деяниях, совершенных высшими чинами Царства, которые будут преданы суду сенатом, согласно ст. CXVI. Верховный суд составляется из всех членов сената.

Титул VI.

О вооруженных силах.

Ст. CLIII

Вооруженные силы состоят из действительной армии, пользующейся постоянным содержанием, и милиции, готовой в случае надобности подкрепить ее.

Ст. CLIV

Размер армии, содержимой на средства края, определяется Государем сообразно потребности в соответствии с доходами, внесенными в бюджет.

Ст. CLV

Размещение войск должно быть сообразовано с общими удобствами жителей, военной системы и администрации.

Ст. CLVI

Армия сохраняет цвета своего обмундирования, свою особую форму одежды и все, что касается ее национальных символов.

Титул VII.

Общие положения.

Ст. CLVII

Имущества и доходы царской короны состоят:

1. Из имуществ короны, которые будут иметь отдельное

управление за счет Царя при посредстве палаты или чиновников, лично Им избираемых.

2. Из Царского дворца в Варшаве и Саксонского дворца.

Ст. CLVIII

Государственный долг гарантируется.

Ст. CLIX

Наказание конфискацией имущества отменяется и ни в каком случае не может быть восстановлено.

Ст. CLX

Польские гражданские и военные ордена, а именно: Белого Орла, св. Станислава и Военного Креста сохраняются.

Ст. CLXI

Настоящая Конституционная Хартия будет развита органическими статутами. Те из них, которые не будут установлены непосредственно по опубликовании Конституционной Хартии, должны обсуждаться предварительно в государственном совете.

Ст. CLXII

Первый бюджет доходов и расходов будет определен Царем по выслушании мнения государственного совета. Этот бюджет будет действовать, пока не будет видоизменен или заменен Государем и двумя палатами.

Ст. CLXIII

Все, что не является предметом органического статута или уложения, и все, что не должно быть передано в сейм, согласно его функциям, должно быть определяемо указами Царя или распоряжениями правительства. Органические статуты и

уложения не могут быть изменяемы или заменяемы иначе как Царем и двумя палатами сейма.

Ст. CLXIV

Законы, указы и повеления Царя печатаются в Дневнике Законов. Порядок опубликования определяется указом Царя.

Ст. CLXV

Все прежние законы и учреждения, противоречащие настоящей Хартии, отменяются.

Признав в Нашей совести, что настоящая Конституционная Хартия отвечает Нашим отеческим видам, направленным к сохранению во всех классах Наших поданных Царства Польского мира, согласия и единения, столь необходимого для их благосостояния, и к укреплению счастья, которое Мы желаем им предоставить: Мы даровали и даруем им настоящую Конституционную Хартию, которую Мы признаем за Себя и за Наших наследников. Повелеваем всем государственным властям содействовать ее исполнению.

Дана в Нашем Царском дворце в Варшаве 15(27) ноября 1815 года.

(Подписано) Александр.

РЕЧЬ *Его Величества императора Всероссийского и царя Польского* **Александра** *на открытии сейма Царства Польского 15(27) марта 1818 года в Варшаве.*

Представители Царства Польского!

Надежды Ваши и мои желания исполняются. – Народ, который вы представлять призваны, наслаждается, наконец, собственным бытием, обеспеченным созревшими уже и временем освященными установлениями.

Одно забвение прошедшего могло произвести ваше возрождение. Оно непреложно постановлено было в мыслях моих с того времени, когда я мог надеяться на средства приведения оного в исполнение. Ревнуя к славе моего отечества, я хотел, чтобы оно приобрело еще новую. И действительно, Россия, после бедственной войны, воздав по правилам христианской

нравственности добро за зло, простерла к вам братские объятия, и из всех преимуществ, даруемых ей победою, предпочла единственно честь – восстановить храбрый и достойный народ.

Содействуя сему подвигу, я повиновался внутреннему убеждению, коему сильно вспомоществовали события. Я исполнил долг, начертанный сим одним внушением – тем драгоценнейший моему сердцу.

Образование, существовавшее в вашем крае, дозволяло мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно свободных учреждений, которых благотворное влияние, надеюсь я, при помощи Божией, распространить и на все страны, которые промыслом даны мне в управление.

Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости.

Поляки! Освободясь от гибельных предубеждений, причинивших вам многочисленные бедствия, от вас ныне самих зависит дать прочное основание вашему возрождению.

Существование ваше неразрывно соединено со жребием России: к укреплению сего спасительного и покровительствующего вас союза должны стремиться все ваши усилия. Восстановление ваше определено торжественными договорами. Оно освящено законоположительной хартией. Ненарушимость сих внешних обязательств и сего коренного закона назначают отныне Польше достойное место между народами Европы. Благо драгоценное, которого она долгое время столько искала среди самых жестоких испытаний.

Поприще трудов ваших открывается. Министр внутренних дел предложит вам нынешнее управление Царства. Вы увидите проекты законов, долженствующие быть предметом ваших обсуждений. Они имеют целью постепенное усовершенствование. Учреждения финансов Государства требуют еще сведений, которые время и точное измерение ваших средств могут только правительству доставить. Судная часть образуется. Проекты гражданского и уголовного законодательства будут вам предложены. Я утешаюсь уверением, что вы рассмотрите их со всевозможным вниманием, предуспеете постановить законы, которые будут служить к ограждению драгоценнейших благ: безопасности лиц ваших, собственности и свободы мнений.

Не имея возможности среди вас всегда находиться, я оставил вам Брата – искреннего моего друга – неразлучного сотрудника от самой моей юности. Я поручил ему ваше войско. Зная мои

намерения и разделяя мои о вас попечения, он возлюбил плоды собственных трудов своих. Его стараниями сие войско, уже столь богатое славными воспоминаниями и воинскими доблестями, обогатилось с тех пор, как он им предводительствует, тем навыком к порядку и устройству, который только в мирное время приобретается и готовит воина к истинному его назначению.

Один из достойнейших полководцев ваших представляет лицо мое среди вас. Поседевший под знаменами вашими, разделяя постоянно счастливую и злополучную участь вашу, он не преставал доказывать свою преданность к Отечеству вашему. Опыт оправдал в полной мере выбор мой.

Не взирая на усилия мои, быть может, что следы бедствий, угнетавших вас, не все еще заглажены. Таков закон природы. Благо творится медленно; совершенство же недоступно слабости человеческой.

Представители Царства Польского!

Постарайтесь достигнуть высот вашего предназначения. Вы призваны дать великий пример Европе, устремляющей на вас свои взоры.

Докажите вашим современникам, что законно свободные постановления, коих священные начала смешивают с разрушительным учением, угрожавшим в наше время бедственным падением общественному устройству, не суть мечта опасная, но что напротив, таковые постановления, когда приводятся в исполнение по правоте сердца и направляются с чистым намерением к достижению полезной и спасительной для человечества цели, то совершенно согласуются с порядком и общим содействием, утверждают истинное благосостояние народов.

Вам предлежит ныне явить на опыте сию великую и спасительную истину. Да будет взаимное согласие душою вашего собрания, а достоинство, хладнокровие и умеренность, да охарактеризуют ваши прения.

Руководствуясь единственно любовью к отечеству, очищайте мнения ваши от всех предубеждений, освобождайте их от зависимости частных или исключительных выгод, и, выражая их с простотою и прямодушием, отвергайте обманчивую прелесть, столь часто заражающую дар слова.

Наконец, да не покинет вас никогда чувство братской любви, нам всем предписанной Божественным Законодателем.

Таким образом, ваше собрание приобретает одобрение и признательность Отечества и то общее уважение, которое подобное сословие заставляет к себе ощущать, когда представители свободного народа не обезображивают священного

звания на них возложенного.

Первейшие чиновники Государства, сенаторы, послы, депутаты! Я изъяснил вам свою мысль. Я показал вам ваши обязанности.

Последствия ваших трудов в сем первом собрании покажут мне, чего Отечество должно впредь ожидать от вашей преданности к нему и привязанности вашей ко мне, покажут мне, могу ли я, не изменяя своим намерениям, распространить то, что уже мною для вас совершено.

Вознесем благодарение Тому, который Единый просвещает царей, связует народы братскими узами и ниспосылает на них дары любви и мира.

Призовем Его: да благословит Он и да усовершенствует начинание наше.

РЕЧЬ
г-на графа Мостовского, министра внутренних дел и полиции Царства Польского на открытии заседания Сейма в Варшаве 15 марта 1818 года.

Всеобщий мир пришел на смену длительным и пагубным волнениям. Его продолжительность гарантирована заинтересованностью и союзом заключивших мир всемогущих монархов и, главным образом, характером того, кого нам послала уставшая преследовать наш народ судьба. Если до сих пор еще и сохранились неудовлетворенные амбиции, утомленные и напуганные памятными бедствиями, то им приходится скрываться от зорких глаз и признавать всю опасность безрассудных желаний.

Повсюду правители и народы предаются поиску улучшений, которые принесли бы людям, объединенным в сообщества, наибольшую пользу от мира и возможное счастье. Хочется надеяться, что поиски эти, осуществляемые с разумным рвением, не останутся бесплодными.

Но чем можем отблагодарить Провидение мы, брошенные в бурю лишь со своим мужеством и слабостью, ставшие первыми жертвами неравной борьбы, когда пробил час нашего разъединения, когда ожидая мести и оскорблений, мы неожиданно нашли своего покровителя и поддержку в победоносном государе и, благодаря его милостям и постоянным усилиям, вновь обрели свое отечество, законы и независимость.

Прошлое состояние

По причине вынужденного удаления своего центрального правительства герцогство Варшавское оказалось в состоянии безнадзорности и бедствия. По мере приближения русских войск положение это усугублялись тревогой со стороны населения, объяснявшейся состоянием войны против Российской империи. И тогда Его Величество проявил заботу, чтобы успокоить население и вселить в него доверие обращением к маршалу князю Кутузову от 8 января 1813 года, которым жителям герцогства и государственным служащим была гарантирована сохранность собственности и безопасность личности. Последним было предписано продолжить выполнение своих обязанностей, а командирам русских армий приказано оказывать местным властям уважение и, в случае необходимости, необходимую поддержку. Таким образом, порядок пришел в департаменты, и жители без опасения могли наблюдать за выказываемым им и их чиновникам бережным отношением. Была также проявлена тактичность в части положения, в котором поляки находились в отношении Его Величества Короля Саксонии, приняты меры предосторожности, чтобы русские войска не задерживались в стране и как можно меньше проходили через столицу, наиболее пострадавшую от последних событий. С самого первого вступления в Варшаву отмечено образцовое поведение и строгая дисциплина в войсках.

Тем не менее в департаментских администрациях, хотя и возобновивших свою работу, отсутствовало единство действий по причине обращения в бегство центрального правительства. Был создан временный Верховный Совет, к работе которого были привлечены поляки, известные своим патриотизмом и преданностью родине. Полученные Советом инструкции служили первыми гарантиями продиктованных намерений. Воззвания Совета от 13 и 15 апреля 1813 года дали понять жителям герцогства, что, не желая нарушать сложившие в стране институты, законы и установленные порядки, равно как смещать местных чиновников и замещать их иностранцами, новая власть намерена сохранить все ранее существовавшее. При своих должностях могли оставаться не только те чиновники, что были найдены на местах, но также те, кто успел уехать, покинув должность. Им было разрешено вернуться и занять свои места. При этом все они освобождались от всякого преследования и насилия, произвола и судебного следствия. И все эти обещания были выполнены.

Было бы бесполезно и больно напоминать здесь о состоянии истощения ресурсов, нищеты и депопуляции населения, в котором тогда находилась наша страна, в результате

вынужденных усилий по обеспечению далеких и разорительных войн, снабжения многочисленных войск на ее территории, поддержания режима военного положения, не соответствующего ее возможностям. Сюда следует добавить также смертность в городах и селах от инфекций и болезней, распространенных размещенными здесь или эвакуированными госпиталями. Чтобы как-то смягчить бедственное положение, Временный совет создал своим распоряжением центральный комитет из числа членов генеральных советов всех департаментов, призванных довести до центральной власти наиболее тяжкие проблемы и чаяния народа. На основе их запросов в стране появилась соль: был разрешен импорт зарубежных товаров и оживлена внешняя торговля; прекратились поставки мяса и вина для армии; резервная армия была переведена на снабжение за счет провианта, ввезенного из России; интендантам было запрещено производить в департаментах реквизиции, как натурой, так и деньгами; выполнение контрибуций, отсроченных до 1 июня 1813 года, было приостановлено. Некоторое время спустя императорский указ от 1 февраля 1814 года, подписанный в Труа, отменил в деревнях подати чоповые и за патенты, а также персональные контрибуции, какие составляли по исчислению Совета более 8 000 000 злотых в год. Вскоре Его Величество, во время своего проезда через Балаври, соизволил возвратить жителям герцогства удвоенный налог на печные трубы. Желая также восстановить сельское хозяйство, уничтоженное поставками тяглового скота для обозов и перевозки военных грузов, он приказал распределить между нашими земледельцами около трех тысяч лошадей, которые остались в русской армии после демобилизации ополченцев.

В плачевном состоянии находилась и армия герцогства Варшавского. Ее наиболее храбрые воины оказались в плену. Им была предоставлена специальная защита: все получили свободу и возможность вернуться в свои дома. В то время как судьба полностью отвернулась от польской армии, внимание, проявленное к ее остаткам, стало свидетельством уважения к мужеству этих несчастных людей. И еще до того как была решена судьба герцогства Варшавского, в армии было сохранено жалование, звания и знаки отличия: она стала предметом особой заботы Его Величества и его августейшего брата.

На протяжении всех переговоров на Венском конгрессе, ставших не только продолжительными, но и сложными ввиду важности и разнообразия интересов, требовавших согласования и решения, польская проблема постоянно находились в поле зрения переговорщиков. Это благодаря настойчивости Его Величества и

его благожелательному к нам отношению, мы сумели в итоге обрести все положительное, чего изначально и не надеялись получить.

Когда Европа взялась за оружие для борьбы, в которой трудно было ожидать скорой победы, Его Величество, пошел в своих ответственных решениях еще дальше, освободив нашу страну и ее армию от участия в продолжении войны.

Первой заботой Его Величества по вступлении на польский престол стало создание временного правительства из числа его ближайших помощников. С таким же благосклонным вниманием он отнесся к отбору членов верховного совета и членов временного правительства.

Были призваны на службу почти все бывшие чиновники, включая тех, кто не успел воспользоваться предоставленной им отсрочкой для вступления в должность. Были сохранены все старые учреждения, и еще до провозглашения новой конституции, которая должна была еще больше расширить национальные правомочия, были очерчены ее основания. Последние свидетельствовали о высоком уровне терпимости, которая допускалась при защите нашего будущего, и была предоставлена правительству в качестве непременного правила исполнения доверенной ему власти.

Настоящее состояние

Устранив таким образом многие беды и вселив в нас надежды, Его Величество соблаговолил лично предстать в столице перед благодарной нацией и предоставить ей 15 ноября 1815 года конституционную хартию Царства Польского, которая с той поры должна была управлять нашими судьбами. Она заметно превосходила конституционный статус герцогства Варшавского в части принципа гражданства, общих гарантий в отношении свободы личности, совести и выражения мнений, защиты собственности, а также особого попечительства, предоставленного католической церкви, без какого-либо нарушения свободы других вероисповеданий. Эти преимущества касались в равной степени и привилегий народного представительства и полномочий, делегированных сейму, а также судов, члены которых частично назначались пожизненно, а частично избирались и были в части своих мнений и действий независимы от любого влияния правительства.

Некоторые упомянутые детали этой хартии доказывают, насколько она помогла заполнить пробелы, допущенные в статусе

герцогства Варшавского по небрежности или преднамеренно. Хартия сделала само существование Царства Польского более надежным и мирным за счет присоединения его к великой империи. Она устанавливает и тем самым предписывает порядок и принципы суверенности, гарантирует свободу прессы, а также личности, предоставляет каждому поляку свободу передвижения и перемещения своего имущества. Всякая собственность без различия от ее формы и типа объявляется священной и неприкосновенной: ни один орган власти не имеет права посягать на нее под любым предлогом. Никакая власть не может посягнуть на нее под каким бы то ни было предлогом. Всякий, посягающий на чужую собственность, почитается нарушителем общественной безопасности и, как таковой, наказывается. Должности председателей судов первой инстанции, воеводских комиссий и апелляционных палат, членов воеводских советов, звания послов и депутатов сейма, а равно должности сенаторов могут быть предоставлены исключительно землевладельцам. Каждый иностранец, по установлении своей личности, имеет право пользоваться наравне с другими жителями защитою закона и преимуществами, гарантированными им. Он может оставаться в крае, оставить его, возвратиться, приобретать земельную собственность. Все наследники по престолу Царства Польского обязаны короноваться Царями Польскими в столице и приносить клятву сохранять и требовать соблюдений Конституционной Хартии. Все повеления и указы Царя контрассигнуются министром-начальником департамента, который ответствен за все, что сии повеления и указы могли бы заключать в себе противного конституции и законам. Порядок относительно регентства предполагает участие поляков в избрании членов регентства Царства, которые ответственны лично и имущественно за все, совершенное вопреки конституции и законам. Постановления общего собрания государственного совета, касающиеся предания суду должностных лиц и пререканий о подсудности, немедленно приводятся в исполнение без представления на утверждение Царя или наместника. Сессия Сейма продолжается тридцать дней: по статусу герцогства Варшавского она длилась пятнадцать дней. Сейм обсуждает все проекты административных законов, проекты изменения или замены предметов ведения конституционных установлений и властей; он принимает сообщения, заявления, представления и запросы послов и депутатов общин. Он препровождает их государственному совету, который подносит их Государю, обсуждает проекты законов, составленные вследствие таковых заявлений. Сейм имеет комиссию органического и

административного законодательства, которая отсутствовала при предыдущей власти. Члены сейма могут выступать и вносить запросы от своего имени и от имени своих избирателей. Члены государственного совета не участвуют в подаче голосов, если не состоят сенаторами, послами или депутатами. Палата послов имеет право обвинять министров, государственных советников, докладчиков в Государственном совете за преступления по службе, а сенат выносить постановление об их предании суду. В случае непринятия сеймом нового бюджета, прежний сохраняет силу закона до ближайшей сессии. Тем не менее, бюджет теряет силу по прошествии четырех лет, если в течение этого промежутка времени сейм не будет созван. Сенат представляет Царю, при посредстве наместника, двух кандидатов на каждую открывшуюся должность сенатора. Чтобы иметь право быть избранным в кандидаты, в сенаторы или послы, необходимо соответствовать возрастному цензу и выплатить обозначенный взнос. Если Царь распускает сейм, он повелевает произвести новые выборы послов и депутатов в течение двух лет. Сеймики и гминные собрания избирают членов советов воеводств без согласования с Царем и составляют список кандидатов для занятия административных должностей. Полномочия советов достаточно широки в том, что касается избрания судей двух первых инстанций и содействия в составлении и исправлении списка кандидатов на административные должности. Увеличилось число апелляционных палат и судов первой инстанции. Высший суд составляется частью из сенаторов. Все члены сената входят в Верховный Государственный суд, который рассматривает дела о государственных преступлениях и о преступных деяниях, совершенных высшими чинами Царства. Размер армии, которая содержится на средства страны, определяется Государем сообразно потребности в соответствии с доходами, внесенными в бюджет. Имущество и доходы царской короны ограничиваются царскими владениями, включая Царский дворец в Варшаве и Саксонский дворец. По конституционному статусу герцогства Варшавского монарху, кроме всего, ежегодно выплачивалось из казны три с половиной миллиона злотых серебром. Навсегда отменено наказание конфискацией имущества. Органические статуты и уложения не могут быть изменяемы или заменяемы иначе как Царем и двумя палатами сейма.

Поэтому, когда страны-победительницы последней европейской битвы вместе со своими лидерами еще искали систему управления и наиболее подходящие их интересам конституционные основы, Провидение пожелало, чтобы, несмотря

на нашу слабость и положение завоеванной страны, мы получили чуть ли не первыми хартию, которой мы пользуемся уже в течение двух лет, и которая содержит в себе, насколько это позволяет наше положение, самые либеральные заповеди, построенные на основе вековой человеческой мудрости. Если эта хартия, окруженная нашей постоянной любовью и нашим уважением, будет исполняться точно так же, как того желает ее творец, если мы передадим ее незапятнанной и ненарушенной нашим потомкам, никакое царство не будет защищено лучше нас от анархии и самоуправства, никакой народ не будет иметь большего права на свое счастье. Таково желание и воля того, кто дал нам наш основной закон.

Этот великий пример, показанный одним из самых великих правителей, неопровержимо доказывает, что победа, не освободив от наказания, действительно уничтожила тиранию, и что сама по себе просвещенная власть может создать или вернуть управление, основанное на разуме, законе и свободе.

Да, свободе, имя которой так часто звучало под сводами этого дворца; свободе, которую слишком часто путают с вольностью, почти раздавленной ударами анархии и тяжестью заговоров. Сегодня свобода, отягощенная опытом и несчастьями, обретшая твердые основы порядка и справедливости, возвращается к нам, благодаря все тому же победителю, против которого мы пытались повернуть наше введенное в заблуждение беспомощное мужество. Мы сумеем оценить эти благодеяния и проявить свою благодарность, а первые обсуждения в сенате нашей признательной родины станут доказательством для монархов, что формы представительной власти могут стать надежным гарантом их могущества, равно как формы правления, предписанные нашей хартией и подзаконными актами, которые являются развитием законодательных положений, принесут для народов прочный общественный порядок, повиновение без унижения и свободу без излишеств.

Краткий обзор будущего.

С какими обоснованными надеждами мы связываем свое будущее? Добрососедские отношения с соседними государствами, узы особой дружбы, связывающие Его Величество с другими державами, его фанатичное уважение и верность договорам, характер лишенной амбициозности политики, направленной лишь на сохранение существующего порядка вещей, который строится на принципах христианской морали и справедливости, и

вытекающего из этого порядка общего ощущения благосостояния и достоинства – все это гарантирует нам при сохранении длительного и прочного мира пользование правами, обещанными нашей стране актами, касающимися ее существования. Позволю себе добавить, что доброжелательное к нам отношение Его Величества и удовлетворение, которое ему приносит уверенность в нашей к нему любви и доверии, питают в нем желание увидеть либеральные институты, введенные в нашей стране, успешными и процветающими, дабы могли они послужить моделью для других провинций империи и дать подтвержденные опытом основания для расширения сего спасительного образа правления. Это для достижения сей благородной цели его августейший брат соизволил внести вклад своим постоянным пребыванием в столице царства, чтобы упрочить связи, объединяющие поляков с семьей их государя, и придал новый блеск национальным институтам, добровольно отказавшись на какое-то время от места в сенате, принадлежащего ему по праву, чтобы принять место депутата от жителей столицы, бывшей в прошлом главным полем сражения двух народов, театром печальных страстей и человеческих страданий. Это для того, чтобы еще глубже проникнуться духом наших институтов, изучить их влияние на ход государственного управления, сегодня младший из наших князей присутствует на первой национальной ассамблее и выполняет на ней предписанные хартией обязанности.

Заботы правительства, которое живет не только делами настоящими, но и думает о будущем, направлены на поддержку надежд и ускорение времени получения результатов. Правительство может объявить, что время испытаний позади, и что на смену ему приходит время утешений. Оно не станет возбуждать слабые надежды, обещая, что на ближайшем заседании сейма будет представлена картина, способная удовлетворить все ожидания и умножить признательность народа.

Польский народ умеет живо чувствовать и ценить благодеяния. Часто беспокойная ревность к собственной свободе возбуждала в его среде бурные волнения, однако анналы его благородства остались чистыми, а нравы мягкими. Страстный энтузиазм всегда служил ему стимулом и руководством: не зная расчетливости, он проявлял осторожность, но в пору невзгод не колебался пожертвовать настоящим ради будущего. Поэтому со своими блестящими качествами и сопровождающей их непредусмотрительностью он был обречен на неудачу. Однако среди всех политических бурь и гражданских войн почитание и верность своим королям никогда не покидали его: он уважал их

всех и обожал добрых. Вам, Ваше Величество, не придется сомневаться в его к Вам любви и преданности! Поскольку, находясь под сенью Вашей мощной протекции, мы после стольких несчастий можем надеяться на уверенное и спокойное продвижение вперед по неизвестным дорогам темного будущего. Поскольку, отказываясь от закоренелой национальной вражды, которой пугают толпу, ваша возвышенная душа, предоставив нам либеральные институты и собрав разбитые остатки нашей армии, установила и закрепила чудесным образом союз и братство между двумя так долго разделенными между собой народами, оказала нам уважительное доверие, которое после всех бедствий поддержало нас в пору тревог, связанных с долгим ожиданием. И сегодня это доверие становится для нас еще большим стимулом, поскольку тем, кто уже пользуется предоставленными Вами благами, Вы обещаете и требуете ожидать новых. Когда окруженный славой монарх помимо своих блестящих качеств обладает свойствами характера, которые притягивают и увлекают за собой, любовь к нему становится потребностью, привычкой и наградой для всего народа, а сильные души опасаются лишь того, чтобы их признательность не была обезображена незаметно прокравшейся лестью.

Надеемся, что Вы, Государь, оттолкнете вульгарный ладан и, дабы избежать неуместного излишества, мы должны поставить запрет чрезмерным восхвалениям. Пусть же последующие поколения исполнят и провозгласят желания наших сердец! Пусть они, поставив Вас в число благодетельных правителей, скажут, что проявив благосклонность к нашей новой судьбе, небо позволило нам увидеть под Вашим отеческим правлением и доброту Траяна и счастье Августа: SIS Melior Trajano Аугусто Jelicior.

МАНИФЕСТ НИКОЛАЯ I, ИМПЕРАТОРА И ЦАРЯ

Мы Божьей Милостью Николай 1, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский и проч. и проч… повелеваем всем и каждому, кого это касается:

В соответствии со Ст. 1 и Ст. 5 конституционной хартии, согласно коим царство Польское навсегда присоединено к Российской империи, мы объявляем, что Манифест, объявленный нашим подданным 12(24) декабря, распространяется в равной степени на царство Польское. Мы повелеваем посему, чтобы с сим манифестом в царстве ознакомлены были и выполнены предписания в нем содержащиеся относительно нашего

восшествия на престол, и чтобы была принесена присяга на верность подданства.

Поляки, мы уже заявили свое непоколебимое желание продолжить в своем правлении путь, избранный светлой памяти императором и царем Александром 1, и мы объявляем через сие, что все институты вам от него данные будут сохранены. Через сие я обещаю и клянусь перед Богом, что буду соблюдать конституционную хартию и приложу все свои усилия для ее сбережения.

Дано в Санкт-Петербурге, в 13(25) день месяца декабря 1825 лета от Рождества Христова, Царствования же Нашего в первое.

Николай, император и царь».

АДРЕС
Сената царства Польского Его Величеству императору и царю Николаю.

«Государь, человечество понесло неоценимую утрату, и всеобщая скорбь и печаль охватили людей от столицы Петра Великого до самых удаленных границ цивилизованного мира. Правители, чье могущество гармонично сочетается с их просвещенностью и достоинствами, не принадлежат только одной нации: их жизнь является всеобщим достоянием, а смерть – общим горем. Память о них и их пример – наследие для всех поколений.

Таковы, Государь, трогательные помыслы, вызванные добровольным трауром всей Европы, и которые сенат Вашего царства Польского предлагает стопам Вашим. Они помогут смягчить боль Вашей утраты, а также воскресить у Вас чувство веры в народы, находящиеся под Вашим владычеством.

Что могли бы еще добавить к сему, чтобы живо описать горечь своей скорби и подавленность в связи с крушением надежд те, кого долгая немилость Божья стерла из списка наций, кто получил новое существование лишь благодаря неустанной воле и великому гению своего возродителя, кто ищет залог сего дальнейшего существования лишь в возвышенных чувствах, которые он завещал Вам и которыми Вы не только овладели с достоинством, но и выразили с высоким благородством!

Да, Государь, первые и незабываемые слова Ваши, которыми Вы нас уверили в поддержке всех установлений Вашего великого предшественника, проникли в сердца всех поляков, погасили чувство отчаяния и оставили лишь чувства любви и признательности.

Сии чувства, слившиеся с чувством долга нашего, непременно

сопутствовали присяге на верность, которую наши граждане поспешили дать Вашему Императорскому Величеству. Однако сенат царства Вашего, который представляет их интересы, желает увековечить память их чувств публичным памятником, возведенном в честь любимого монарха, чью память мы оплакиваем.

Мы отдаем себе отчет в том, что наши слабые усилия никогда не смогут подняться до высоты, достойной высшей цели, которую мы перед собой ставим. Но даже самая жалкая вдова оставляет свой след на будущие века, а Бог Всевышний, восседая на святом престоле Своем, принимает вместе с богатыми приношениями и самые незначительные дары признательности и глубокого уважения народов.

Мы просим посему у Вашего Императорского и Царского Величества дозволения представить сие предложение ближайшему сейму, который поспешит дать ему силу закона и выделит необходимые средства для возведения нашему царю и благодетелю от признательной нации памятника, образ и форму которого Ваше Величество соизволят определить самолично.

Варшава, 17 января 1826 года.

Граф Станислав Замойский, председатель Сената».

ОТВЕТ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ

«Господин председатель Сената граф Замойский, я с живым интересом прочел адрес, представленный вами от имени Сената Царства Польского. Меня глубоко тронула дань памяти, которую вы отдаете нашему несравненному благодетелю. В ней я вижу доказательство нерушимой верности, коей отличается руководимая вами ассамблея. Прошлое – верная гарантия успешного движения к будущему, и я принимаю не только с большим удовлетворением, но и доверием выражение ваших чувств. Я поручаю вам передать мою искреннюю признательность членам высшей государственной магистратуры.

От всего сердца я одобряю желание Сената воздвигнуть национальный памятник в знак признательности поляков к бессмертному восстановителю их отечества и охотно подписываюсь под предлагаемым вами образом его исполнения. Объединившись в своей любви к любимому монарху, по потере которого скорбят верные подданные Царства Польского, все должны внести свой вклад в увековечивание памяти скорби и глубокого почитания. В этой связи, я разрешил моему наместнику в Царстве Польском созвать Государственный совет и согласовать

с ним предложение по данному вопросу, которое будет вынесено на ближайшее заседание сейма.

Примите, господин председатель Сената, граф Замойский, заверение в моей искренней привязанности и совершенном моем уважении.

Петербург, 2(14) февраля 1826 года.

Николай»

В соответствии с данным письмом правительственной канцелярии, князь, наместник Царства Польского получил от министра статс-секретаря, согласно распоряжению Его Величества императора, письмо следующего содержания:

«Я передал лично в руки Его Величества Императора Всероссийского и Царя Польского адрес Сената, который Ваше Высочество прислали мне 14(26) января. Его Величество был весьма тронут проявленными в этом послании чувствами и не преминул подписать просьбу Сената. Его Величество самолично соблаговолил объявить об этом Сенату письмом правительственной канцелярии, направленным в адрес г-на графа Замойского, и которое я переправляю с просьбой передать по назначению. Его Величество поручил Вашему Высочеству созвать Государственный совет, чтобы обсудить с ним порядок сооружения памятника и просил Ваше Высочество сообщить ему результаты этого обсуждения.

Его Величество в доказательство своей особой благодарности соблаговолил передать Сенату как ценный памятный дар мундир генерала польских войск, который покойный император обычно надевал на заседания Сейма, чтобы мундир этот всегда напоминал о великодушном восстановителе страны.

Прошу Ваше Высочество соизволить передать этот мундир Сенату для сохранения.

При этом имею честь, и т. д., и т. д.

Граф Стефан Грабовский».

Конец второго тома

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Глава I

Отъезд из Парижа. – Все свидетельствует о скором разрыве с Россией. – Проведение Наполеона по отношению к князю Куракину, послу Петербургского двора. – Дрезден. – Особенности, связанные с моим пребыванием в этом городе. – Коллонтай. – Феликс Потоцкий. – Г-н Бургуэн. – Проезд по территории герцогства Варшавского. – Мое прибытие в Вильну. – Некоторые заметки о близком разрыве между Россией и Францией. – Предположения о последствиях войны. – Мое мнение об императоре Александре. – Волнение перед отъездом в Петербург. – Некоторый анализ моего поведения до этого времени.

Глава II

Прибытие в Петербург. – Представление императору. – Частная аудиенция. – Изложение причин, заставивших меня ускорить возвращение в Петербург. – Подробности продолжительной беседы с императором. – Обсуждение текущего положения в Европе и вероятности войны между Россией и Францией. – Проект восстановления Польши и в качестве временной меры – организация Российской Польши. – Доказательство доверия императора. – Его отношение ко мне. – Князь Ксаверий Любецкий. – Князь Казимир Любомирский. – Настроение в петербургском обществе. – Отношение царского двора к герцогу Виченцскому, послу Франции.

Глава III

Памятная записка, представленная императору 15 мая 1811 года, с изложением текущего положения в Европе и необходимостью восстановления Польши. – Чтение записки в кабинете императора.

Глава IV

Мои наблюдения за императором во время чтения записки. – Он выглядит довольным ее содержанием. – Он заказывает копию. – Прибытие в Санкт-Петербург генерала Лористона на

замену герцогу Виченцскому на посту посла Франции. – Император меняет свое отношение ко мне. – Я узнаю о причинах этих перемен от самого императора. – Он возобновляет наши прежние отношения. – Я беру отпуск на нескольких недель. – Наш разговор с императором перед моим отъездом. – Мое письмо Его Величеству после моего возвращения в Санкт-Петербург. – Проект, приложенный к письму.

Глава V

Обращение маршалка Виленской губернии от имени жителей Литвы – Я представляю обращение императору. – Собственноручная записка Его Величества – Письмо императора, приложенное к записке. – Подготовка конституции Литвы поручается генералу Армфельду и барону Розенкампфу. – Граф Витте и принц Казимир Любомирский получают приказ разработать план организации армии Литвы. – Письмо императору, к которому прилагается памятная записка. – Собственноручная записка императора. – Приказ Кутузову о завершении мирных переговоров с турками. – События, которые предшествовали мирным переговорам.

Глава VI

Памятная записка, представленная императору 1 декабря 1811 года.

Глава VII

Эффект, произведенный памятной запиской. – Император предлагает назначить комитет из поляков для организации польских провинций, присоединенных к России. – Он просит меня назвать имена соотечественников, которых можно было бы привлечь для этой работы. – План конституции, представленный Армфельдом и Розенкампфом, не устраивает императора. – Он поручает это дело мне. – Император советует обратить особое внимание на класс земледельцев. – Письмо князя Любецкого. – Император выезжает из Петербурга в Вильну. – Я получаю приказ следовать за ним; – Я не могу отправиться в Вильну из-за болезни.

Глава VIII

События, которые предшествовали кампании 1812 года. – Новые французские владения с 1810 года. – Договор между Францией и Пруссией. – Договор между Францией и Австрией. – Отъезд Наполеона из Сен-Клу в Дрезден. – Император Александр в Вильне. – Миссия г-на де Нарбонна. – Наполеон покидает

Дрезден и отправляется к армии.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Глава I

Я отправляюсь к императору в Вильну. – Присутствие армии неприятеля на другой стороне Немана. – Бал в Закрете. – Приглашение в кабинет императора. – Длительная беседа. – Я узнаю от императора, что французы перешли Неман. – Я прошу разрешения остаться на какое-то время в Литве. – Император покидает Вильну. – Обстановка в городе после его отъезда. – Приказ Наполеона перед переходом через Неман. – Впечатление, произведенное приказом на жителей Литвы. – Быстрое продвижение французских армий. – Минск. – Маршал Даву. – Князь Багратион. – Письмо императору. – Я получаю приказ остановиться в Витебске. – Мое пребывание в Витебске. – Прибытие в город главной русской армии под командованием Барклая. – Движение французских армий. – Бои 25 и 26 июля.

Глава II

Отъезд из Витебска в Петербург. – Особенности путешествия. – Я приезжаю в Петербург в один день с императором, вернувшимся из Москвы. – Изменение настроений в петербургском обществе. – Оккупация Смоленска французами. – Отступление Барклая в сторону Москвы. – Мнения и различные домыслы о перемещениях двух армий. – Подписание договора между Англией и Швецией. – Договор между Англией и Россией. – Порты империи открыты для торговли с Англией. – Великолукский договор. – Встреча Александра с наследным принцем Швеции. – Кутузов возвращается в Петербург после заключения мира с турками. – Назначение Кутузова главнокомандующим русской армии. – Его отъезд в главную квартиру.

Глава III

Эффект от назначения Кутузова главнокомандующим. – Бородинское сражение. – Кутузов отказывается от сражения на подступах к Москве. – Оккупация Москвы французами. – Пожар в Москве. – Впечатление, произведенное пожаром Москвы на петербургское общество. – Успехи генерала Витгенштейна на Двине. – Адмирал Чичагов. – Положение французских войск в Москве. – Тарутинский лагерь. – Лористон в штабе Кутузова. –

Результаты встречи.

Глава IV

Сведения, доходившие в Петербург о событиях предшествовавших переходу Немана. – Собрание сейма в Варшаве. – Депутация к королю Саксонии. – Депутация к Наполеону. – Ответ Наполеона. – Впечатление, произведенное ответом Наполеона на поляков. – Первые действия Наполеона после перехода армии через Неман. – Приказы Наполеона по прибытии в Вильну. – Административная организация Литвы во время пребывания французов.

Глава V

Император поручает мне подготовить проект обращения к полякам. – Он заверяет меня в своем непреклонном желании восстановить Польшу как только это позволят обстоятельства. – Письмо, направленное императору 7(19) октября. – Проект письма к князю маршалу Кутузову. – Проект обращения к польской нации.

Глава VI

Письмо, направленное императору 18(30) октября. – Я получаю приказ явиться к Его Величеству. – Аудиенция, продолжавшаяся более двух часов. – Император входит во многие детали кампании. – Он вскрывает совершенные ошибки. – Он объясняет причины, препятствующие ему провозгласить себя королем Польши до того, как французы покинут границ его империи. – Он подтверждает свою готовность восстановить Польшу после разгрома Наполеона. – Французы покидают Москву. – Прибытие некоторых государственных заключенных из Витебска. – Я обращаюсь по данному вопросу с письмом к императору.

Глава VII

Я получаю приказ явиться к государственному секретарю Шишкову, чтобы ознакомиться с актом об амнистии. – Мнение г-на Шишкова. – Мои замечания. – Объяснения, оправдывающие действия и поступки моих соотечественников. – Письмо на ту же тему императору. – Вторая встреча с г-ном Шишковым. – Он показывает мне акт амнистии, подписанный императором. – Приглашение к императору накануне его отъезда в Вильну. – Последние его слова ко мне перед отъездом из столицы.

Примечания к десятой книге

1. Заметки о Литве и литвинах.

2. Отрывок из книги «l'Histoire de Napoleon», написанной графом де Сегюром.

3. План операционных действий для резервных русских армий

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

Глава I

Состояние армии Герцогства Варшавского, которая участвовала в походе Наполеона на Россию. – Свидетельства иностранца на военной службе об основных сражениях, в которых отличились поляки во время кампании1812 года. – Распределение польских полков во время кампании. – Рапорты командира пятого корпуса князя Понятовского королю Саксонии и начальнику генерального штаба Бертье. – Рапорты других командиров отдельных корпусов польской армии. – Выдержки из различных бюллетеней. – Провозглашение в Герцогстве Варшавском Генеральной Конфедерации Королевства Польского. – Организация призыва ополченцев. – Воззвание Генеральной Конфедерации к армии.

Глава II

Письмо императора Александра князю Кутузову. – Начало отступления из Москвы. – Направления движения русской армии. – Сражение под Малоярославцем. – Битва под Вязьмой. – Битва под Красным. – Переправа через Березину. – Наполеон передает командование армией Мюрату. – Его проезд через Варшаву.

Глава III

Отступление французской армии. – Французы в Вильне. – Переправа через Неман. – Состояние армии на 1 января 1813 года. – Возвращение наполеона в Париж. – Прибытие императора Александра в Вильну. – Соглашение между генералами Дибичем и Йорком. – Мюрат оставляет армию князю Евгению. – Вступление русской армии в Варшаву. – Организация Верховного Совета Герцогства Варшавского. – Союзный договор между Россией и Пруссией. – Встреча двух монархов в Бреслау. – Стокгольмский договор. – Наполеон покидает Париж. – Направления движения армий с обеих сторон.

Глава IV

Соглашение о перемирии. – Подписание перемирия в деревне Плесвиц. – Соглашение от 30 июня. – Встреча императора России, императора Австрии и короля Пруссии в Праге. – Рейхенбахский договор. – Договор в Петерсвальдау. – Теплицкий договор. – Возобновление военных действий – Битва под Лейпцигом. – Битва при Ханау. – Франкфуртская декларация. – Союзные армии переходят Рейн. – Шатийонские переговоры. – Четырехстороннее соглашение. – Союзники идут на Париж. – Капитуляция Парижа. – Декларация императора Александра от имени союзников. – Поведение Наполеона. – Он отказывается за себя и за своих наследников от трона Франции. – Соглашение от 11 апреля 1814 года. – Наполеон направляется на остров Эльбу.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

Глава I

Состояние Герцогства Варшавского. – Плачевное состояние присоединенных к России польских провинций. – Требования жителей. – Письмо по этому поводу Его Императорскому Величеству. – Его ответ из г. Теплице. – План по отправке депутации в главную квартиру. – Письмо императору. – Ответ графа Толстого.

Глава II

Возвращение императора в Петербург. – События после приезда императора. – Указ Синоду, Государственному совету и правительственному сенату. – Император назначает аудиенцию для депутатов от бывших польских провинций. – Он обращается к ним с любезными и утешительными словами. – Подробности о пребывании императора в Петербурге. – Отъезд императора на Венский конгресс.

Глава III

Польские военные под командованием Сокольницкого, отличившиеся в боях. – Письмо Костюшко императору Александру. – Собственноручный ответ Александра. – Прошение императору со стороны польских генералов и офицеров после подписания договора в Фонтенбло. – Великий князь Константин – главнокомандующий польской армией. – Комитет по реорганизации армии. – Возвращение польской армии в Польшу. – Распоряжения. – Воззвания. – Приказы.

Глава IV

Письмо Костюшко – Венский Конгресс. – Трактат между Россией и Австрией. – Трактат между Россией и Пруссией. – Дополнительный трактат относительно Кракова. – Конституция вольного города Кракова, одобренная и гарантированная последним трактатом.

Дополнения к главе IV

Нота князя Талейрана. – Письмо Костюшко императору Александру. – Письмо Костюшко князю Адаму Чарторыйскому.

Глава V

Письмо императора Александра председателю варшавского Сената. – Воззвание императора к полякам. – Торжества по случаю восстановления Королевства Польского. Министерство королевства, назначенное императором.

Глава VI

Я еду в Варшаву как депутат от Виленской губернии. – Личная аудиенция. – Подробности об аудиенции. – Император соглашается на аудиенцию с депутатами Виленской, Гродненской и Минской губерний. – Моя речь от имени депутатов. – Ответ иимператора. – Заключение.

Приложения

Конституционная Хартия Королевства (царства) Польского. – Речь Его Величества Императора Всероссийского и Царя Польского Александра на открытии Сейма Царства Польского в марте 1818 года. – Речь г-на графа Мостовского, министра внутренних дел и полиции Царства Польского на открытии заседания Сейма. – Манифест императора и царя Николая I. – Адрес Сената царства Польского Его Величеству императору и царю Николаю. – Ответ императора Николая. – Письмо г-на графа Этьена Грабовского, министра статс-секретаря, Е.В. князю Зайончеку, наместнику Царства Польского.

notes

Примечания

83

Среди документов Венских переговоров можно найти следующую статью за № XLIV:

Полуофициальная статья, опубликованная лондонскими газетами 12 ноября 1814 года.

Похоже, что проект по присоединению Польши к России, как обособленного королевства под управлением вице-короля, был согласован между Россией и Пруссией во время Парижских переговоров. Проект встретил сильное сопротивление, главным образом, со стороны французской дипломатии. Напрасно Россия и Пруссия ссылались на секретную статью Парижского договора, обязывающую Францию признать раздел, который союзники собирались произвести с завоеванными или уступленными землями. Талейран утверждал, что Франция готова признать лишь решения конгресса, принятые в большинстве, и что под словом «союзники» следует понимать всех без исключения союзников, а не какие-то отдельные государства. Такой подход поддержали Австрия, Испания, Англия, и в результате вопрос о Польше пришлось перенести на новое всеобщее обсуждение. Нежелательные последствия от объединения польского королевства под управлением российского вице-короля, в конце концов, прочувствовали все, даже король Пруссии – личный друг Александра. Он не поверил, что приобретение Саксонии и земель между Маасом и Мозелем сможет уравновесить собой опасность, которой подвергнется его монархия после присоединения Польши к России. Талейран стремился убедить представителей других стран в том, какие отрицательные последствиям могут возникнуть в результате чрезмерного расширения территории России, и, вероятно, предложил передать Варшавское герцогство или, по меньшей мере, часть его земель до Вислы, королю Пруссии. Другим государствам решение показалось разумным, хотя бы на случай, к сожалению, вполне вероятный, когда из опасения нарушить равновесие сил в Европе, не удастся восстановить Польшу.

Если император Александр откажется уступить в этом вопросе общим настояниям других государств, то есть опасения, что конгресс затянется до тех пор, пока не будет достигнут окончательный результат. Но отказав пожеланиям остальных государств, российский император сможет рассчитывать не только на собственную армию, но и на всю Польшу, которая предпочтет стать русской, нежели остаться разделенной. Судьба Саксонии и многих других территорий Германии в полной мере

зависит от решения по Польше, поскольку существует намерение довести численность подданных прусского королевства до двенадцати миллионов человек. Если их не набрать в Польше, то придется искать в Германии.

См. Приложения к главе IV Книги XII, с. 363–364.

85

Коллонтай передал мне тогда через доктора Луста свою недавно опубликованную польскую брошюру под названием «*Заметки о части Польши, называемой после Тильзитского договора герцогством Варшавским*».

86

Когда в кабинете я передал императору письмо и книги, тот задал мне несколько вопросов о де Лагарпе. Он хотел знать, как он себя чувствует, хорошо ли ему в Париже, заходил ли он ко мне. После этого он прочувственно сказал мне … *Я обязан ему всем!*

87

За несколько дней до этого император сказал мне, что шестидесятитысячная армия герцогства Варшавского не может омрачить ему жизнь, поскольку не сумеет противостоять выдвинутой против нее двухсоттысячной российской армии.

Его копия находится в моем Сборнике оригинальных писем, № 2. – Это, безусловно, первый и единственный письменный документ на польском языке, подписанный российским императором.

Новость об этом событии сильно обрадовала французского императора. Поскольку мир между Россией и Османской империей становился, как никогда, все более и более отдаленным, он не видел больше причин, чтобы скрывать свои планы. До этого споры между петербургским и тюильрийским дворами носили секретный характер, что оставляло определенную надежду на сближение и держало умы в напряженном ожидании относительно уровня важности этих разногласий. Наполеон рассеял эту неопределенность, позволив себе 3 августа в Тюильри во время торжественного приема дипломатического корпуса обрушиться на российского посла с едкими упреками и лживыми обвинениями, что открыло всем присутствовавшим при этой сцене иностранным послам тайный смысл разногласий между двумя империями. Вне всякого сомнения, он бы начал военные действия, если бы дело не шло к осени. Опасения привести в негодность свое войско путем изнурительных переходов по осенней распутице заставили его перенести выполнение своих планов до весны. (*См. Boutourlin, Campagne de 1812, tome 1, page 60–61.*)

90

В проекте конституции для Польши, который генерал Армфельдт разрабатывал по приказу императора, предлагалось предоставить польским крестьянам такие же права, как крестьянам *Швеции*.

91

В следующей главе будут описаны события, произошедшие за это время в Европе, и подготовка Наполеона к вторжению в Россию.

92

См. Martens, Recueil, vol. XII, page 235, 353, 356 и Schoel, vol. VIII, page 302.

См. Schoel, vol. IX, page 390.

См. Martens, Recueil, vol. XII, page 344.

См. Martens, Recueil, vol. XII, page 414.

См. Martens, Recueil, vol. XII, page 417.

См. Schoel, Histoire des traités de paix, tome X, page 123.

98

Договор от 14 марта 1812 года с отдельными статьями см. Martens, Recueil, vol. XII, page 427.

См. Schoel, *Recueil de Pieces officielles*, vol. IV, page 370.

100

См. Schoel, Histoire des traités de paix, tome X, page 132.

101

См. Boutourlin, tome 1, page 69 и сл.

102

См. Schoel, Histoire des traités de paix, tome X, page 123 и Boutourlin, tome 1, page 73.

103

Собственное выражение де Нарбонна. См. Pradt, с. 67.

См. Boutourlin, том I, с. 74 и след.

105

Найти достоверное описание состава русской и других армий можно в работе одного из адъютантов короля Пруссии г-на Плото. См. *Plotho, Der Krieg in Deutschland und Frankreich in den Jahren 1813 und 1814.* Berlin, 1817, 3 vol. in-8.

106

См. Boutourlin, *Campagne de 1812*, том I, с. 104.

Сведения, которые получал Наполеон, о том, что происходило в Литве до того, как он перешел Неман, грешили неточностями, о чем можно судить по следующим отрывкам из рукописи барона Фэна, 1812, том I, с. 73 и 74.

«Император Александр прибыл в Вильну 28 апреля… Он устроил самый радушный прием для литовских дворян. Особая щедрость была проявлена по отношению к его новым подданным из Польши. Польские князья Сулискоцкий и Любецкий были награждены орденом Св. Анны. Этого же ордена был удостоен граф Огинский. Стройновский назначен воеводой в Волыни, Огинский – в Минске, Карвицкий – в Подолье, Ваврецкий – в Вильне. Похоже, что яркий луч света, направленный в сторону Варшавы, осветил истинные цвета стягов, под которыми русские готовятся сделать еще один шаг в Европу. Ходят слухи, что император Александр собирается провозгласить себя королем Польши. Наполеон не может больше откладывать отправку своего посла а Варшаву, и т. д.

Император Александр был любезен со знатью Литвы не более чем былые времена, когда он бывал в Вильне. Возможно, он засвидетельствовал ей больше доверия, но он неизменно проявлял свою любезность… Никогда ни в Польше, ни в Литве не существовало князя Сулискоцкого. Маршалок Виленской губернии г-н Сулистровский, о котором я упоминал во втором томе своих мемуаров, с. 370, был награжден орденом Святой Анны первого класса и стал первым литвином, назначенным на должность гражданского губернатора Минска. Однако все эти награждения не совпадают по времени с описанными событиями.

Князь Любецкий, чьи таланты и личные качества были должным образом оценены императором Александром, получил несколько очень высоких наград, но это было намного позже, когда он был назначен членом Временного правительства герцогства Варшавского. Что касается меня, то кроме польских, я не имел никаких других наград, и никогда не стоял вопрос о моем назначении на должность минского воеводы, ни о создании этих трех должностей, поскольку император хорошо понимал, что не милости и личные награды могли бы удовлетворить наши амбиции и осуществить желания поляков… Слухи о том, что император собирается объявить себя королем Польши, могли распространяться; но никаких действий с его стороны на этот счет предпринято не было, и вплоть до своего отъезда из Петербурга в Вильну, он никому, кроме меня, не говорил о своих

благих намерениях в отношении моих соотечественников.»

108

Одна польская миля равна немецкой миле, или двум французским лье, или семи российским верстам.

109

Загородный особняк в полумиле от Вильны, бывшая собственность иезуитов, который принадлежал генералу Беннигсену и позднее выкуплен императором.

110

С обеих сторон с нетерпением ждали сигнала к началу военных действий. Никто не сомневался, что война неизбежна, однако официальных заявлений на этот счет не было. Наконец 10 июня 1812 года Наполеон публикует в своей штаб-квартире в Вилковишках следующее обращение:

«Солдаты! Вторая польская война началась. Первая окончилась при Фридланде и в Тильзите. В Тильзите Россия поклялась быть в вечном союзе с Францией и в войне с Англией. Ныне она нарушает свои клятвы. Она не желает дать никакого объяснения в странных своих поступках, пока французские орлы не отойдут за Рейн и не покинут своих союзников на ее произвол. Россия увлечена роком. Судьбы ее должны свершиться. Не думает ли она, что мы переродились? Или мы более уже не солдаты Аустерлица? Она предлагает нам бесчестье или войну. В выборе не может быть сомнения. Идем же вперед, перейдем Неман, внесем войну в ее пределы. Вторая польская война будет для французского оружия столь же славна, как и первая. Но мир, который мы заключим, принесет с собою и ручательство за себя и положит конец гибельному влиянию России, которое она в течение пятидесяти лет оказывала на дела Европы…»

См. Boutourlin, История кампании 1812 года. Т. 1, с. 158–159.

111

В конце этой книги я разместил заметки гражданина Литвы из Вильны, который в 1812 году, устав от постоянных упреков со стороны французского дипломата по поводу преданности его соотечественников императору Александру и вялого отношения к намерениям Наполеона, решил ответить ему этим беспристрастным письменным посланием, которое содержит достоверные и точные представления о Литве и литвинах. – См. Приложения, № 1.

112

Город Молодечно заслужил упоминание во всех описаниях войны 1812 года и приобрел определенную известность тем, что во время отступления здесь останавливался Наполеон. Он провел в городе восемнадцать часов, разместившись во дворце, в то время как сопровождавшая его гвардия, изнуренная переходами, голодом и холодом, расположилась в городе и его окрестностях и занималась поиском съестного и, чтобы согреться, жгла деревянные дома. Наполеон получил здесь депеши из Парижа и других мест с курьерами, которые прибыли почти все в одно время. В камине своей комнаты он сжег много бумаг, и это занятие заняло у него несколько часов. Здесь он узнал, что в пятнадцати верстах от Молодечно, на большой дороге казаки отбили часть его экипажей. И в этом месте Наполеон продиктовал свой 29-й бюллетень, в котором впервые постарался проанализировать результаты и неудачи своего похода в Россию. Более двух тысяч казаков из авангарда Чичагова находились всего лишь в четверти лье от молодечненского дворца и были отделены от него рекой и вытянутой заводью, окруженной болотами. Они пытались найти проход, опрометчиво бросаясь на своих лошадях через не успевшее замерзнуть болото, и многие из них нашли здесь свою погибель. Сутки спустя двадцатиградусный мороз, сковавший болото, позволил переправиться не только казакам, но и артиллерии, однако Наполеон был уже далеко на дороге в Вильну. Ядра русских пушек, которые были установлены на небольшом расстоянии от жилища Наполеона на противоположной стороне болот, не смогли поразить дворец, защищенный высокими грабовыми деревьями прилегающего сада.

113

См. Martens, *Recueil*, vol. XII, page 431.

См. Schoel, vol. X, page 152.

115

Прибытие генерала Кутузова произвело благотворное действие на дух войск, тем более что непрестанное отступление отчасти уже подорвало их доверие к своим командирам. Теперь одно только его имя представлялось уже верным ручательством победы. Сей славный старик, посвятивший свою жизнь служению отечеству, воистину обладал всеми качествами, которые могли противостоять счастливой звезде Наполеона. Наделенный обширным и проницательным умом, Кутузов соединял в себе знание жизни и опыт великих полководцев прошлого, каковой он изучал с глубоким проникновением и ценил… Новую признательность отечества Кутузов заслужил победами над Оттоманской Портой в 1811 году и куда более выгодным для России, чем выигранные сражения, миром, заключенным 16 мая 1812 года. В армии боготворили его, ибо, никогда не ослабляя узы дисциплины, он заботился о том, чтобы без надобности не утяжелять оные ни излишней строгостью, ни бесполезными лишениями. Его воистину отеческая забота привлекала к нему сердца всех подчиненных. Одним словом, выбор императора нашел отклик всех благомыслящих людей. Неприязнь немногих к сему великому человеку не осмелилась открыто заявить о себе в сей роковой час, когда он вступал на поприще бессмертия, уготованное Провидением для его старости. Задача Кутузова была не из простых. Армия находилась всего в ста семидесяти верстах от Москвы, и на столь близком расстоянии столицу могла спасти только победа, но одержать ее было нелегко. Благодаря колоссальному превосходству сил, все преимущества оказались на стороне неприятеля. Тем не менее баталия была настоятельно необходима. Потеря Смоленска породила ужас внутри Империи, и т. д., и т. д.

См. *Военная история русской кампаний, написанная полковником Бутурлиным*. Т. 1, с. 302 и сл.

116

Из всего большого количества работ, которые пришли мне на память и прошли через мои руки, приведу лишь те, что удалось прочесть, и, в частности: les *Mémoires pour servir a l'Histoire de la Guerre entre la France et la Russie, en 1812*, par M. le général Guillaume de Vaudoncourt. – *L'Histoire militaire de la Campagne de 1812*, par le colonel Boutourlin, aide-de-camp de S. M. l'empereur de Russie. – *Victoires et Conquetes, Désastres, Revers et Guerres civiles des Francais, de 1792 a 1815*. – *L'Histoire de l'Expédition de Russie*, par M. – *La Campagne de Russie en 1812*, par M. Labaume. – *L' Histoire de Napoléon et de la Grande-Armée en Russie, en 1812* par M. le comte de Ségur. – Gourgaud, *Examen critique de l'ouvrage de M. le comte de Ségur*. – *Le Journal des opérations du Corps d'armée prussien sous le commandement du lieutenant-général d'York, pendant la campagne de 1812*, par le général-major de Seydlitz. – *L'Histoire de l'Ambassade en Pologne*, par M. de Pradt. – *Les Mémoires du général comte Rapp*. – *Les Mémoires du calonel Sarazin*. – Fain, *Manuscrit de 1812*. – *Ruckzug der Franzosen von Moskau am ende des Jahres 1812*. – Laugier, *l'Italiani in Russia*, etc, etc.

117

Вот что писал Бутурлин, т. 1, с. 348 и далее:

Ужасную битву при Бородино следует рассматривать как одну из самых кровавых в истории войн. Трудно точно подсчитать потери с обеих сторон, но по приблизительным оценкам, которые мало отличаются от реальных, потери русских составили более пятидесяти тысяч человек выведенных из строя, в том числе пятнадцать тысяч убитыми, более тридцати тысяч ранеными и около двух тысяч пленными. Погибли генерал-майоры граф Кутайсов и Тучков 4-й. Среди раненых были генерал-лейтенанты Тучков 1-й, князь Голицын, князь Горчаков, генерал-майоры Карл Мекленбург, граф Воронцов, граф Сент-Приест, Кретов, Бахметьев 2-й, Ермолов и Лихачев. Последний попал в плен. Но самой чувствительной потерей для русской армии была смерть князя Багратиона. Его рана ноги, поначалу казавшаяся неопасной, день ото дня ухудшалась и вскоре лишила Россию одного из лучших ее полководцев. Багратион умер 12 сентября в своем владимирском имении. Генерал-лейтенант Тучков 1-й тоже скончался от полученных ран. Потери, понесенные противником, оцениваются в шестьдесят тысяч человек выведенных из строя, в том числе около двадцати тысяч убитыми и более тысячи пленными. В сражении погибли генералы Монбрен, Коленкур, Плозонн, Юар, Компер, Марион, Ларабер и граф Лепель. Тридцать генералов получили ранения, в числе которых Груши, Нансути, Латур-Мобур, Рапп, Компан, Моран, Дессе и Лауссе, а весь покрытый ранами генерал Бонами попал в плен к русским. Военные трофеи разделились соответственно победе, и т.д.

118

Стоявшая у ворот Москвы русская армия насчитывала 90 тыс. чел. под ружьем, но из них только 65 тыс. старых солдат регулярных войск и 6 тыс. казаков. В остальном это были рекруты и ратники ополчения, распределенные после Бородинского сражения по разным полкам. Более чем 10 тыс. сих ополченцев вместо ружей имели на вооружении только пики. При таком составе армии противоборство со 120 тыс. французов означало, скорее всего, верное поражение, и Москва в этом случае стала бы могилой русской армии, которая при своем отступлении вынуждена была бы преодолевать лабиринты улиц этого огромного города. См. Бутурлин, с. 360.

119

См. приложения к книге X, №III.

Список членов этих двух депутаций можно найти в продолжении декретов, опубликованных в Вильне в императорской штаб-квартире.

121

См. в приложении к десятой книге, № II.

122

В некоторых опубликованных письмах Наполеона чувствуется его недовольство администрацией Литвы. Вот одно из них, отправленное из Смоленска 21 августа 1812 года начальнику главного штаба.

«Мой брат, ответьте барону Биньону, что в результате всего этого правительство Литвы делает очень мало, организация стоит на месте, управление малоэффективно, и от края мало пользы. Меня смешат все эти распри с губернатором, тогда как он должен помогать ему для пользы дела.

На этом и т. д., и т. д.»

(См. *Manuscrit de 1812*, par le baron Fain, vol. I, page 417.)

123

Запись, добавленная в Петербурге 27 февраля 1813 года.

Политическое положение в Европе полностью изменилось. Вражеская армия разбита. Стяги победоносного войска реют над Одером. Александр стал хозяином герцогства Варшавского, но он по-прежнему хранит молчание относительно будущего Польши.

Полагаю, что убедительные причины, которые можно было привести полтора года назад, дабы доказать необходимость восстановления Польши, больше не существуют… Все, что мне приходится видеть и слышать в Петербурге, вызывает у меня неверие в возможность увидеть восстановленную Польшу… И несмотря на все это, ничто не может стереть сложившееся у меня мнение о силе характера Александра и энергии, с которой он умеет отстаивать и исполнять принятые им решения.

Восстановление Польши необходимо как для покоя в Европе и обеспечения интересов России, так и для успокоения сердца Александра. Такова моя большая мечта, от исполнения которой зависит не только мое счастье, но и моя боль, коли эта мечта будет разбита.

Этот текст был передан французскому дипломату в Вильне в конце августа 1812 года и заставил того насупиться. Тем не менее он произвел сильное впечатление на всех французов, которые прочли его. Он заставил замолчать всех тех, кто смотрел на литвинов как на вырожденных поляков, обвинял их в потере патриотических чувств, тяге к России, преданности императору Александру вплоть до отказа восстановления Польши Наполеоном.

125

См. *Tableau de la Pologne ancienne et moderne*, написанной, главным образом, на основании заметок поляков и авторов из этой страны, Maltebrun, Paris, 1807, с. 187 и далее.

Жемайтией. (Примеч. ред.)

127

См. Dlugosz, Mieghowita, Strykowski, Herberstein, Michaylo, lithuanien; les *Chroniques russes; l'Histoire de Pologne*, par Naruszewicz; son *Histoire de la Tauride*; les *Lettres des Czars au-dela du Wolga*; les *Archives de la Couronne transportées a Pétersbourg; Limites regni Polonioe*; DOGELI, и т. д.

128

Литовское название данное этому озеру. *Toli galas* означает *далекий конец*.

129

Сарницкий утверждает, что во времена Сигизмунда Августа корабли, груженные пшеницей, плыли до Кипра. В договоре, заключенном в 1621 году между Сигизмундом и Османом, четко оговорено, что татарам запрещено проезжать через Очаковские земли. *Tartari nullas excursiones in ditiones polonicas facere proesumant, quin imo a transitu Oczakowiensi per sultanum arceri debent*.

130

Название, данное Великой и Малой Польше.

131

Самые известные роды в Польше происходят преимущественно из Литвы. Чарторыйские, Радзивиллы, Огинские, Сапеги, Тышкевичи, Пацы, Сангушки были литвинами.

132

Он родился 12 февраля 1746 году в имении Сехновичи (Брест-Литовское воеводство) в дворянской семье уроженцев этих мест.

133

Во главе депутации был виленский маршалок Антон Лахницкий. Поскольку он не говорил по-французски, переводил князь Александр Сапега. Наполеон раздраженно спросил, в котором часу Александр покинул Вильну. Затем он поинтересовался, уехал ли вместе с ним сенатор Огинский и есть ли в Вильне предатели.

Замечательный пример в этом деле подают итальянцы, дорожащие своей национальной гордостью. Им больно от того, что во всех бюллетенях, публикуемых во Франции, итальянцам не воздается должное за их мужество, военные подвиги и жертвы, которые они несут в войсках Наполеона. В последнее время в Италии стали появляться работы с описанием многих сражений, где итальянские солдаты и офицеры воюют ничуть не хуже французов, поляков и других союзников Франции. Назову здесь такие труды, как *Gl'Italiani in Russia, Memorie d'un Uficiale italiano per servire alla storia della Russia, della Polonia et dell'Italia nel 1812* в четырех томах; и *la Storia delle campagne e degli assedj degl'Italiani in Jspagna dal 1808 al 1813, preceduta da un saggio di Storia antica e moderna, e di Statistica della Peninsola. Opera dedicate a S. A. I. e R. l'Arciduca Giovanni d'Austria, da Cammillo Vacani.* Граф Цезарь де Ложье, автор первой работы, в настоящее время готовит к изданию новую монографию в четырех томах *Gl'Italiani in Jspagna*, где, как и в первом труде, с почтением повествует о смелости и патриотизме поляков.

135

Господин де Прадт пишет в своей *Histoire de l'Ambassade à Varsovie*, что для населения Варшавского герцогства это была чрезмерно тяжелая задача, и добавляет: «Будучи в Варшаве, император выразил неудовольствие, что не видит поляков в своей армии. Когда я рассказал ему о том, что сделали жители герцогства для французской армии и сколько поляков сражается под знаменами Франции, он лишь удивленно заметил: «Я нигде не видел никаких поляков». Император не стал бы удивляться, если бы соблаговолил вспомнить, что он сам «утопил» в океане французской армии одиннадцать польских пехотных полков, шесть кавалерийских и один артиллерийский полк. В результате собственно польская армия сократилась до шести пехотных полков, пяти кавалерийских полков и одного артиллерийского полка. В состав этой армии также входила дивизия из четырех пехотных полков под командованием генерала Домбровского, которая оставалась под Могилевом. Таким образом, император мог увидеть перед собой польскую армию из шести полков пехоты, пяти полков кавалерии и одного полка артиллерии. Из-за форсированных маршей, боевых действий и необеспеченности в этом войске насчитывалось всего лишь восемь тысяч пехотинцев и две тысячи лошадей». С. 85 и следующие.

136

Немного ранее, 9 июля 1812 года, в связи с аналогичным донесением, адресованным Бертье, Наполеон написал своему начальнику штаба следующее письмо из Вильно: «Мой кузен! Ответьте князю Понятовскому, что вы показали его послание императору, и Его Величество был очень недоволен, что Понятовский пишет о денежном содержании и хлебе, вместо того, чтобы преследовать врага. Передайте, Его Величество был немало удивлен, что князь со своим малочисленным войском – один-единственный, кто ставит такие вопросы, а гвардейцы императора от Парижа до Вильно шли форсированными маршами, и сейчас не получают даже полусуточного рациона продовольствия и фуража. У них тоже нет хлеба, а есть только мясо, но они не ропщут. Напишите, что император был огорчен, когда понял, что поляки довольно плохие солдаты, которым не хватает силы духа, чтобы пережить малейшие лишения. И добавьте, что Его Величество не желает больше обсуждать подобные вопросы и т. д. и т. п.» См. «1812» барона Фена, том 1, с. 237 и следующие.

137

14 декабря 1812 года Наполеон в знак признания заслуг дивизионного генерала Амилькара Косинского пожаловал ему титул командора польского военного ордена.

138

Вот в каком состоянии находились польские крепости в феврале 1813 года. В Модлине дивизионный генерал Дандельс командовал гарнизоном, состоявшим из тысячи саксонцев, тысячи французов и шести тысяч поляков. Эта крепость капитулировала 25 декабря. В Замосце под командованием генерала Гауке стоял гарнизон из четырех тысяч поляков. Форт капитулировал 22 декабря. В Ченстохове гарнизон насчитывал девятьсот поляков.

139

См. Boutourlin.

140

См. Schoell, vol. X, page 173.

141

См. Boutourlin, *Campagne de 1812*, vol. II, page 386.

142

«3 декабря в Молодечно его дожидались двадцать курьеров, которые накопились за последнее время. Они привезли письма, отправленные из Парижа с 1 по 19 ноября. Император заглянул в почту, чувствуя какое-то смутное опасение… Вынашиваемый им замысел ответит на все вопросы. Он вызывает к себе аудитора государственного Совета де Форже, прибывшего из Парижа с портфелем министров, и интересуется безопасностью дорог. Повсюду от Рейна до Одера и от Одера до Немана царит мрачное спокойствие. Правда не может оставаться запертой внутри армии. Ее должны знать все. Император желает лично представить Франции картину всех бед отступления. После Смоленска все бюллетени содержали дозированную информацию. Молодечненский бюллетень отказывается от ограничений: в нем рассказывается все… Но в то время как Наполеон описывает зло, причиненное нам холодами, усилившийся в два раза мороз ставит нас в физическое и моральное положение хуже, чем то, что было описано. Последние войсковые подразделения распущены. Руки примерзают к железу, слезы замерзают на щеках, люди чувствуют скованность мышц, онемение, шатаются. Горе тому, кто упадет!.. (а).» *Manuscrit de 1812*, par le baron Fain, vol. II, page 418–419.

(а) «Мы находились в таком состоянии уныния и оцепенения, что с трудом узнавали друг друга. Мы шли в скорбном молчании… Жизненные органы и мышцы ослабли до такой степени, что было очень трудно придерживаться направления и сохранять равновесие… Смерти предшествовали побледнение лица, своего рода идиотизм, затруднения речи и резкое ухудшение зрения».(*Mémoires du docteur Larrey*, tome IV, page 106, 107 et 127.)

143

Cм. *L'Histoire de l'Ambassade en Pologne*, page 211 et suiv.

144

Вот некоторые отрывки из книги генерала графа де Сегюра, описывающие весь ужас положения французов того времени, т. II, гл. XII, с. 380 и далее.

…На свет этих огней всю ночь подбегали новые призраки, которых отталкивали пришедшие раньше. Эти несчастные переходили от одного костра к другому до тех пор, пока, охваченные холодом и отчаянием, не теряли всякую надежду. Тогда они ложились на снег за цепью их более счастливых товарищей и там умирали. Некоторые, не имея сил повалить высокие лесные ели, напрасно старались поджечь их снизу; но смерть внезапно настигала их около этих деревьев в том положении, которое они принимали за этой работой.

Возле больших амбаров, встречавшихся в некоторых местах дороги, происходило самое ужасное. Солдаты и офицеры – все бросались вовнутрь и битком набивали их. Там, как звери, они лезли друг на друга, теснясь вокруг нескольких горящих костров; живые, не имея возможности оттащить от костра мертвых, садились на них, чтобы самим умереть и послужить смертным ложем для новых жертв! Подходили все новые толпы отставших и, не в силах проникнуть в эти убежища скорби, начинали осаждать их!

Часто случалось, что они разбирали стены из сухих бревен, чтобы устроить себе костер. Иногда, отбитые и обескураженные, они довольствовались тем, что располагались, как на бивуаке. Скоро огонь их костра переходил на эти постройки, и находившиеся внутри солдаты, наполовину мертвые от холода, умирали в огне. Те, кого спасали эти убежища, находили потом своих товарищей замерзшими целыми кучами возле потухших костров. Чтобы выбраться из этих катакомб, надо было приложить невероятные усилия и продраться сквозь тела несчастных, среди которых некоторые еще дышали!

В Жупранах, в том городке, где император всего на час разминулся с русским партизаном Сеславиным, солдаты, чтобы как-то согреться сжигали целые дома. Зарево этих пожаров привлекало несчастных, которых суровый холод и страдания довели до безумия: они сбегались в исступлении и с зубным скрежетом или адским хохотом бросались в эти костры, в которых и погибали в ужасных мучениях. Голодные их товарищи безучастно смотрели на них; были даже такие, которые подтаскивали к себе эти обезображенные и обугленные пламенем тела и (и это правда) решались поднести ко рту эту

отвратительную пищу!

Такова была армия, вышедшая из самой цивилизованной нации Европы, армия, некогда такая блистательная и победоносная, и слава которой до последнего времени еще гремела в стольких завоеванных столицах! Ее самые мужественные воины, которые еще недавно с гордостью выходили с полей сражений, потеряли свой благородный облик: покрытые лохмотьями, с босыми и израненными ногами, опираясь на сосновые палки, тащились они, отдавая последние силы бегству!

В разных источниках эта численность доходит до двадцати пяти и даже тридцати тысяч человек. Генерал Гурго оценивает численность войска, переправившегося 15 декабря через Неман у Ковно, в тридцать шесть тысяч человек.

146

См. *Sulle cause e gli effetti della Confederazione Renana*, v. II, p. 376 и след.

147

Данная таблица взята из книги Plotho.

148

Князь Понятовский прибыл со своим корпусом при тридцати орудиях в Варшаву 25 декабря. (*Manuscrit de 1813*, par le baron Fain, Tome I, 30).

149

См. Martens, Recueil, tome XII, page 556.

См. Schoell, *Hist. des Traités de paix*, vol. X, pag. 193 et suiv.

151

См. Martens, Recueil, tome XII, page 564.

См. Schoell, *Hist. des Traités de paix*, vol. X, pag. 206 et suiv.

153

Генерал Витгенштейн принял командование армией после маршала князя Кутузова, скончавшегося 28 апреля.

Французы называют ее *битвой при Вюршене*.

155

См. Martens, Recueil, vol. XII, page 587.

См. Martens, Recueil, vol. XII, page 573.

157

См. этот договор в Schoell, Recueil de pieces officielles, v. III, p. 123 и в Recueil de Martens, vol. XII, page 573, т. XII, с. 596.

158

См. Martens, Recueil de pieces officielles, v. III, p. 198 и Мартенс, Recueil, v. XII, p. 607.

159

См. подробности в документах второго тома Plotno, Krieg in Deutschland und Frankreich.

См. Fain, Manuscrit de 1814, seconde livraison, p. 1.

161

См. Schoell, Recueil de pieces officielles, vol. IV, p. 266, 270, 272, 274, 276.

162

То же, v. III, p. 424.

163

1. См. Schell, Recueil de Pieces officielles, Vol. II, p. 133, et Martens, Recueil, vol. XII, p. 683.

См. Fain, Manuscrit de 1814, page 203.

165

См. Fain, Manuscrit de 1814, seconde livraison, page 250.

См. Schoell, Hist. des Traités de paix, vol. X, page 435.

167

В протоколе переговоров по этому поводу ссылаются на пример заключения Альтранштадтского мира, когда Августу II был оставлен титул короля без права добавления слова *Польша*. См. Schoell, v. XIII, chap. LVI, section 2.

168

См. Schell, *Recueil de Pieces officielles*, Vol. VII, p. 306, et Martens, Recueil, vol. XII, p. 702.

169

Fain, *Manuscrit de 1814*, seconde livraison, page 278.

170

См. Главу I книги XI этих Мемуаров.

171

См. *Histoire de l'Ambassade en Pologne*, p. 86 *et suiv*.

Хватило лишь нескольких лет, чтобы восстановить Москву и сделать ее более красивой и блестящей, чем когда-либо. Отеческая забота Александра помогла жителям Смоленской и Московской губерний позабыть о пребывании вражеских войск на своей территории. Лишь доведенные до нищеты войной 1812 года жители Белой Руси и Литвы, не имея ни мануфактур, ни торговли, ни денег по-прежнему ждут всего от Провидения и доброжелательности своего монарха.

(*Примечание добавлено в 1819 году*.)

173

Дивизионный генерал Сокольницкий приказал перевезти из Нанси в Познань прах короля Польши Станислава Лещинского. 5 августа часть останков была торжественно выставлена в Познанском кафедральном соборе в присутствии гражданских и воинских властей и большого числа жителей. Другая часть останков была отправлена в Краков для погребения рядом с могилами наших королей. До восхождения на польский престол Станислав Лещинский был познанским воеводой.

Martens, Recueil, tome XIII, page 226; et *Congrés de Vienne; Recueil de Piéces officielles*, vol. VI, page 236.

175

См. *Recueil de Piéces officielles*, vol. VIII, par F. Schoell, page 107.

См. Schoell, vol. IX, pages 284–293.

177

См. Schoell, vol. IX, page 285.

178

Idem.

179

См. Schoell, vol. VIII, pages 110–111.

180

Князь Адам Чарторыйский после кампании 1812 г. приехал к императору Александру в Калич. Он пробыл здесь всего несколько дней и позднее присоединился к императору лишь после окончания перемирия. Он сопровождал его в Париж и оставался с ним в течение всего срока пребывания в этом городе, находился при императоре во время Венского конгресса.

181

Будучи выходцем из семьи литвинов, я родился в Польше, в одной из деревень моих родителей, в семи милях от Варшавы. Я провел в этом городе раннее детство, здесь воспитывался и жил до восемнадцати лет в постоянном окружении семьи и друзей… С этим периодом жизни меня связывали самые нежные и приятные воспоминания! Но сколько после этой счастливой поры произошло ужасных катастроф, которые следовали одна за другой и оставили в моей памяти самые печальные воспоминания о столице.